

№ 2 (72). 2026

# Берега



Калининград

# Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал  
Союза писателей России

## НАШИ НАГРАДЫ



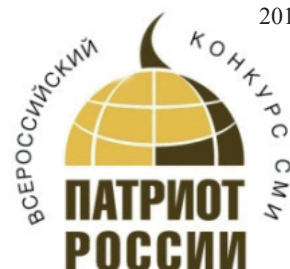
2015 г.



Союзное государство  
Премия «Россия – Беларусь.  
Шаг в будущее» – 2015 г.



2016 г.



2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ  
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"



Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.



Памятная медаль  
«ПОЭТ И ВОИН  
ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ  
(1923–1996)», 2023 г.



Золотой диплом Международного славянского форума  
«Золотой Витязь», 2020 г.



Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.  
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»  
конкурса «Патриот России», 2020 г.



Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Июль 2026 № 2 (72)  
Калининград

**Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,**  
секретарь Союза писателей России  
Телефон: +79118630467  
E-mail: dovidenko\_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

**Редакционный совет:**

**Александр Карлюкевич** – председатель Союза писателей Республики Беларусь  
**Вадим Терёхин** – сопредседатель Союза писателей России  
**Григорий Блехман** – секретарь Союза писателей России  
**Вячеслав Лютыи** – секретарь Союза писателей России  
**Александр Герасимов** – прозаик, публицист, драматург  
**Татьяна Грибанова** – член Союза писателей России  
**Игорь Ерофеев** – член Союза писателей России  
**Василий Киляков** – член Союза писателей России  
**Римма Лютая** – прозаик, публицист, переводчик  
**Александр Орлов** – поэт, прозаик, историк, директор Международного  
Славянского литературного форума «Золотой Витязь»  
**Светлана Савицкая** – член Союза писателей России, учредитель Национальной  
литературной премии «Золотое перо Руси»  
**Геннадий Сазонов** – член Союза писателей России  
**Александр Сидоров** – президент Международной академии русской словесности  
в Австралии (МАРС), председатель Австралийского отделения СПР  
**Наталья Советная** – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси  
**Валерий Старжинский** – доктор философских наук, писатель  
**Сухейль Фарах** – доктор философских наук, писатель  
**Станислав Федотов** – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован  
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,  
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.  
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.  
Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50  
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,  
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.  
Цена свободная  
Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова  
Фото на обложке Валентины Архиповской  
Вёрстка – Елена Балантаева  
Корректурa – Валентина Куртяк

Дата выхода номера в свет: 14 июля 2026. Тираж: 45 экз. Заказ № 1010.  
Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»  
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05.

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,  
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять  
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

**Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград**

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее  
в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New  
Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-  
либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл  
называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и теле-  
фон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё,  
не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

## СОДЕРЖАНИЕ

---

---

### Берега актуальности

<b>Любовь Гордина.</b> О современном понятии ноосфера .....	5
---	---

### Берега прозы

<b>Марианна Озолия.</b> В океане воспоминаний. Записала и обработала Ираида Кельмелене. Литературное оформление – Майя Голубева. <i>Мемуары. Часть 1</i> .....	12
<b>Галина Капецкая.</b> Ненаучная ихтиология. <i>Миниатюры</i> .....	17

### Берега кино

<b>Евгений Чебалин.</b> Драка Радогора. <i>Литературный киносценарий</i> .....	20
--	----

### Берега драматургии

<b>Валерий Иванов-Таганский.</b> Пикник под старой крышей. <i>Пьеса</i> .....	37
<b>Лидия Довыденко.</b> Русский интеллигент и «Гибрид танцора с калькулятором». <i>О пьесе Валерия Иванова-Таганского «Пикник под старой крышей»</i> .....	36

### Берега поэзии

<b>Владимир Скиф.</b> Нам внимают сошедший с креста. <i>Поэма</i> .....	74
<b>Владимир Хохлев.</b> «Иду по улице, держу за руку маму...» <i>Стихи</i> .....	83
<b>Андрей Яковлев.</b> Из африканских тетрадей. <i>Стихи</i> .....	86

### Берега юбилеев

<b>Лидия Довыденко.</b> Диалог не слабость, а сила. <i>К юбилею Сухейля Фараха</i> .....	88
<b>Григорий Блехман.</b> «Крикну я... но разве кто поможет...» <i>К 140-летию Николая Гумилёва</i> .....	97
<b>Елена Канеева.</b> «Я представила жизнь свою вроде балета...» <i>К юбилею</i> .....	113

### Липецкие берега

<b>Андрей Фролов.</b> «Осень нас захватила врасплох...» <i>Стихи</i> .....	117
<b>Ксения Вороткова.</b> Кипрей. <i>Стихи</i> .....	119
<b>Елена Николаенко.</b> Дорожное. <i>Стихи</i> .....	121
<b>Олег Шухарт.</b> Триптих. <i>Стихи</i> .....	123

### Берега истории

<b>Сергей Галани.</b> Лобановы-Ростовские и Крым: Века преемственности в служении Отечеству. <i>Исторический очерк</i> .....	125
---	-----

### Берега Янтарного края

#### К 80-летию Калининградской области

<b>Олег Опекунов.</b> Переселенцы. <i>Часть 2. Завершение. Начало в № 1-2026.</i> .....	129
<b>Ирина Мишина.</b> От первого лица. <i>Стихи</i> .....	146

## Берега искусства и культуры

<b>Мария Афицинская-Львова, Ирина Дин (Хохолева).</b> «Ненужная» коллекция. <i>Беседа с Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским</i> .....	152
<b>Светлана Савицкая.</b> Тема мифологии в музее коневодства. <i>Презентации новых книг</i> .....	154

## Берега Индии

<b>Дипти Гупта.</b> Изгнание Ситы. Между Радждхармой и человеческой Дхармой. <i>Перевод Светланы Савицкой</i> .....	157
--	-----

## Берега Туркменистана

Современные поэты Туркменистана в переводе Андрея Новикова

<b>Сулейман Иламанов.</b> Розы весны. <i>Стихи</i> .....	160
<b>Айгуль Гараева.</b> Не спрашивай. <i>Стихи</i> .....	162
<b>Шагельди Салыхов.</b> Первый дождь осени. <i>Стихи</i> .....	163
<b>Гочмырат Оразбердиев.</b> На остановке. <i>Стихи</i> .....	164

## Берега прочтения

<b>Геннадий Сазонов.</b> Вечером зимним в Ясной Поляне. ....	165
<b>Анатолий Байборodin.</b> Воевода Земли Русской. Памяти преподобного Илии Муромца, Киево-Печерского чудотворца. <i>Отрывок из очерка-исследования</i> .....	171
<b>Елена Крюкова.</b> ...Душу свою за други своя. <i>Об очерке Анатолия Байбородина</i> <i>«Илья Муромец»</i> .....	181
<b>Наталья Дутко.</b> Романс ради жизни – формула выживания. <i>По роману</i> <i>В. А. Иванова-Таганского «Романс олигарха»</i> .....	187
<b>Лидия Довыденко.</b> Духовные интонации журнала. Презентация № 1 (71)-2026 .....	190

## Наши друзья

О приобретении журнала .....	192
------------------------------	-----

# Берега актуальности

## Любовь Гордина

*Любовь Сергеевна Гордина – доктор философии, кандидат технических наук, академик десяти международных и российских академий, президент Ноосферной духовно-экологической Ассамблеи мира, эксперт Высшего экологического Совета комитета по экологии Государственной Думы РФ (с 1998 по 2010 г.). Соавтор и идеолог более 10 концепций законопроектов Государственной Думы РФ; автор идеи и разработчик Ноосферной этико-экологической Конституции человечества.*

*Участник Саммита ООН в Йоханнесбурге в 2002 году РИО+10, всемирной выставки «ЭКСПО-2005» (Нагоя, Япония), ключевой спикер на Рио+20 (2012, Рио-де-Жанейро).*

*Художественный руководитель и основатель Экспериментального концертного театра-лаборатории (ЭКТЛ) «КАНТИЛЕНА». Основной ноосферный проект ЭКТЛ «Исследование гармонизирующего воздействия живого звука на психосоматическое и биоэнергетическое состояние человека и окружающей среды». Лауреат международных вокальных конкурсов и фестивалей. Заслуженный деятель культуры России. «Женщина года – 2004» (Американский биографический институт), диплом и медаль «2000 Выдающихся интеллектуалов 21 века» (Кембридж, МБЦ).*



## О СОВРЕМЕННОМ ПОНЯТИИ НООСФЕРА

Понятие ноосфера давно обсуждается в научных кругах, особенно среди сторонников учения В. И. Вернадского. За несколько десятилетий после введения в оборот этого понятия оно было много раз искажено, неправильно истолковано и даже оболгано борцами «со лженаукой». На наш взгляд, пришло время для того, чтобы сделать попытку приблизиться к истине и сформулировать определение термина, исходя из современных представлений о нём.

Привычная для многих расшифровка понятия ноосфера, введённая в оборот В. И. Вернадским, толкуется следующим образом: ноосфера (греч. – нус, ноос – разум, дух и сфера – шар) – сфера взаимодействия общества и природы, в границах которой разумная человеческая деятельность становится определяющим фактором развития (эта сфера обозначается также терминами «антросфера», «биосфера», «биотехносфера»). Ноосфера, согласно этим представлениям, новая, высшая стадия эволюции биосферы, становление которой связано с развитием общества, оказывающего глубокое воздействие на природные процессы.

Согласно В. И. Вернадскому, «в биосфере существует великая геологическая, быть может, космическая сила, планетное действие которой обычно не принимается во внимание в представлениях о космосе... Эта сила есть разум человека, устремлённая и организованная воля его как существа общественного».

В Ноосферном учении человек предстаёт укоренённым в природу, а «искусственное» рассматривается как органическая часть и один из факторов (усиливающийся во времени) эволюции «естественного».

Обобщая с позиции натуралиста человеческую историю, В. И. Вернадский делает вывод о том, что человечество в ходе своего развития превращается в новую мощную геологическую силу, своей мыслью и трудом преобразующую лик планеты. Соответственно, оно в целях своего сохранения должно будет взять на себя ответственность за развитие Биосферы, превращающейся в Ноосферу, а это потребует от него определённой социальной организации и новой, экологической и одновременно гуманистической этики.

Ноосферу можно охарактеризовать как единство «природы» и «культуры». Сам Вернадский говорил о ней как о реальности будущего, как о действительности наших дней, что неудивительно, поскольку он мыслил масштабами геологического времени.

«Биосфера не раз переходила в новое эволюционное состояние... – отмечает В. И. Вернадский. – Это переживаем мы и сейчас, за последние 10–20 тысяч лет, когда человек, выработав в социальной среде научную мысль, создаёт в биосфере новую геологическую силу, в ней не бывалую. Биосфера перешла или, вернее, переходит в новое эволюционное состояние – в Ноосферу – перерабатывается научной мыслью социального человека» (Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление).

Таким образом, понятие «Ноосфера», по В. И. Вернадскому, предстаёт в двух аспектах:

- Ноосфера в стадии становления, развивающаяся стихийно с момента появления человека;
- Ноосфера развитая, сознательно формируемая совместными усилиями людей в интересах всестороннего развития всего человечества и каждого отдельного человека.

Справедливости ради следует также заметить, что понятие «Ноосфера» было предложено профессором математики Сорбонны Эдуардом Леруа (1870–1954), который трактовал её как «мыслящую» оболочку, формирующуюся человеческим сознанием. Э. Леруа подчёркивал, что пришёл к этой идее совместно со своим другом – крупнейшим геологом, палеонтологом-эволюционистом и католическим философом Пьером Тейяром де Шарденом. При этом Леруа и Шарден основывались на лекциях по геохимии, которые в 1922–1923 годах читал в Сорбонне Владимир Иванович Вернадский (1863–1945).

Наиболее полное воплощение теория Леруа нашла в разработке Тейяра де Шардена, который разделял не только идею абиогенеза (оживления материи), но и идею, что конечным пунктом развития ноосферы будет слияние с Богом. В основе теории ноосферы Леруа лежат представления древнегреческого философа Плотина (205–270) об эманации Единого (непознаваемой Первосущности, отождествляемой с Богом) в Ум и Мировую Душу с последующей трансформацией последних снова в Единое.

Согласно Плотину, сначала Единое выделяет из себя мировой Ум (нус), заключающий в себе мир идей, затем Ум производит из себя Мировую Душу, которая дробится на отдельные души и творит чувственный мир.

Материя возникает как низшая ступень эманации. Достигнув определённой ступени развития, существа чувственного мира начинают осознавать собственную неполноту и стремиться к приобщению, а затем и слиянию с Единым.

Эволюционная модель Леруа и Тейяра де Шардена повторяет основные положения неоплатонизма. Разумеется, возникновение Вселенной, появление и развитие жизни на Земле описывается в терминах современной науки, но принципиальная схема концепции соответствует принципам неоплатоников.

Человек у Плотина стремится выйти за пределы Души (Духа) в сферу Разума, чтобы затем через экстаз приобщиться к Единому. Согласно Тейяру де Шардену, человек также стремится перейти в сферу Разума и раствориться в Боге.

Идеи Плотина были восприняты Леруа в бергсонизмском духе. Влияние Анри Бергсона (1859–1941) на создание теории ноосферы заключалось главным образом в выдвинутом им положении о творческой эволюции (русский перевод: «Творческая эволюция», 1914). Подлинная и первоначальная реальность, по Анри Бергсону, – жизнь как метафизически-космический процесс, творческая эволюция; структура её – длительность, постигаемая только посредством интуиции, различные аспекты длительности – материя, сознание, память, Дух.

Универсум живёт, растёт в процессе творческого сознания и свободно развивается в соответствии с внутренне присущим ему стремлением к жизни – «жизненным порывом».

Если понятие «Живое вещество» и «Биосфера» приняты наукой, то понятие «Ноосфера» вызывает до сих пор споры в научных кругах. Критики учения о ноосфере главным образом указывают на то, что это учение утопично и носит не научный, а религиозно-философский характер. Например, доктор философских наук В. А. Кутырев считает: «Суть обновлённого взгляда на Ноосферу, который мы намерены здесь защищать и который, как кажется, более адекватно отвечает ситуации, такова: это учение с самого начала несло в себе элементы утопии; в нём переплелись аксиологические и онтологические подходы без какого-либо их разграничения... Ноосфера как

гармония – сциентистский аналог социально-политических утопий типа коммунизма и прочих, более ранних мечтаний о рае».

Однако сегодня преобладает совершенно иное видение ноосферы. Понятия биосферы и ноосферы вошли в плоть и кровь современной жизни. С биосферой, при всём разнообразии подходов и обилии дефиниций, более или менее ясно.

**В. И. Вернадский даёт определение биосферы, опираясь на единственно правильный космистский подход, который предусматривает признание существования особой жизненной оболочки – биосферы – в её тесной взаимосвязи с Космосом и его совокупными закономерностями: «По существу, Биосфера может быть рассматриваема как область земной коры, занятая трансформаторами, переводящими космические излучения в действенную земную энергию – электрическую, химическую, механическую, тепловую и т.д. Космические излучения, идущие от всех небесных тел, охватывают Биосферу, проникают всю её и всё в ней».**

Что касается Ноосферы, то здесь разногласия намного больше. Не подлежит сомнению лишь одно: исходя из сути самого понятия, речь идёт о Разуме. Но о каком? Современный российский философ-космист В. Дёмин в своей книге «Тайны Биосферы и Ноосферы» говорит об этом следующее: «Существует узкое и широкое толкование Разумности. В узкой трактовке единственным Ноосферным субъектом и определяющим фактором планетарного развития выступает человек во всём многообразии своего взаимодействия с окружающей действительностью».

В данном смысле ноосфера выступает высшим этапом эволюции биосферы и человечества, когда природа, естественная и искусственная среда становятся управляемыми под воздействием разумных преобразований. Очень многие философы так и представляют: сначала возникла биосфера, затем в результате её эволюции и последовавшего на определённом этапе качественного скачка возникла ноосфера.

Тем самым ноосфера смешивается и отождествляется с антропосферой, связанной исключительно с человеческой деятельностью. Применительно к планете Земля данный вывод вполне понятен, но стоит только его экстраполировать на бесконечную и неисчерпаемую Вселенную, как, казалось бы, совершенно бесспорный тезис начинает пробуксовывать.

Универсум можно правильно понять лишь в его целостности, и проблемы разумной жизни в бесконечной Вселенной отнюдь не ограничиваются её далеко не совершенными проявлениями на Земле – одной из бесчисленного множества небесных тел.

Сам В. И. Вернадский формулировал данную мысль следующим образом: «Научно ПОНЯТЬ – значит установить явление в рамках научной реальности – Космоса».

Вот почему наряду с узким существует иное, широкое, понимание Разумности в целом и ноосферы в частности, когда они выводятся далеко за рамки одного лишь человеческого бытия и многообразной деятельности Homo sapiens.

Если намеренно обострить постановку вопроса, то он прозвучит так: существовала ли ноосфера до человека? Ответ на него возможен только положительный, поскольку в данной интерпретации разумность, сознательность, духовность распространяется и на безграничную Вселенную (Космический Разум), и на отдельные формы движущейся материи – как известные, так и гипотетические: энергоинформационное поле, четвёртое и последующие измерения пространства, физический вакуум, атомные и субатомные структуры. В соответствии с таким подходом вся разумная сторона Мироздания (Космоса) – это и есть ноосфера. При этом неизбежно и вполне естественным образом размываются на первый взгляд, казалось бы, непреодолимые грани между наукой и мистикой, философией и богословием. Сказанное, однако, следует понимать лишь в том смысле, что религиозная и оккультная эзотерика затрагивают те же самые проблемы, из коих сложилась концепция биосферы и ноосферы.

Именно таких взглядов придерживался К. Э. Циолковский. Если перевести его научные открытия – иначе их не назовёшь – на современный био- и ноосферный язык, то получается, что биосфера и ноосфера существовали и будут существовать всегда.

На передний план теоретических, экспериментальных и прикладных наук неумолимо выдвигаются биоэнергоинформационные проблемы. Профессор МГТУ им. Н. Э. Баумана, руководитель лаборатории «Биоэнергоинформатика» и организатор постоянно действующего межвузовского семинара «Сознание и физическая реальность» В. Волченко формулирует основные направления исследований в данной области. Приведём некоторые из этих постулатов:

— Мироздание (Универсум), для её целостного понимания и объяснения, следует рассматривать как живую сложную голографическую систему в единстве вещественных и «тонко»-информационных (духовных) миров.

— В эволюционном отношении Сознание следует считать приоритетным перед Материей. В начале, как сказано в Библии, было Слово-Логос. А мы утверждаем, что в начале была МЫСЛЬ, СОЗНАНИЕ.

— Сознание – это Материя-Энергия в потенциале. В Сознании Мироздания содержится проект и алгоритм развития Вселенных (этот постулат по смыслу аналогичен выводам торсионной теории Г. Шипова – А. Акимова).

— Все живые и неживые системы вещественного и духовного миров обладают Сознанием, но в разной степени.

— Совокупность энергоинформационных характеристик систем, ранжированных по росту значений их витальности (жизнеспособности), образует энергоинформационное пространство Мироздания, или энергоинформационное пространство Мира Сознания.

— Вещественный и Тонкие Миры в энергоинформационном пространстве Сознания Вселенной разделены энергоинформационным барьером. Проникновение Сознания человека в тонкие миры происходит как бы через энергоинформационный барьер по квантовым туннелям, или «трансфизическим воронкам».

— Носителями и хранителями информации в Тонком Мире целесообразно полагать Информационные Поля разного уровня.

— Структура информационных полей Тонкого Мира в первом приближении вполне вписывается в современную теорию Физического Вакуума.

— Безэнергетические поля объясняются наличием пятого фундаментального взаимодействия в виде первичных торсионных полей (полей кручения).

— Торсионные поля обладают свойствами, позволяющими объяснить большинство энергоинформационных феноменов: мгновенность действия, абсолютность проникновения через природные среды, инверсию времени и пространства, голографичность, безэнтропийность, безэнергетичность и т. п.

— Исследуя одни лишь нейроны, синапсы, рефлексy и т. п., мы никогда не поймём СУЩНОСТИ СОЗНАНИЯ. Выйдя же за пределы клеток и мышц, образующих биотические системы, в биосферу, ноосферу и далее – в бесконечный Космос, мы сразу же нащупываем под ногами твёрдую почву и получаем возможность ответить на многие вопросы, которые раньше казались тайной за семью печатями.

— Такой «твёрдью» и ориентиром для научного познания как раз и выступает энергоинформационная реальность. Она – материальна, она – наполнена неисчерпаемым движением и смыслом, она – жива и разумна.

Итак, проанализировав вышеприведённые высказывания учёных, автор пришёл к выводу, что все ранние дефиниции относительно сущности понятия ноосфера имеют серьёзные недочёты. Кроме того, известно, что некоторые современные «критики» ноосферного направления в науке воспринимают понятие Ноосферы как нечто неприличное, что не имеет права на существование в «официальной» науке. Что ж, попробуем убедить читателя, что всё, что не относится к понятию «Ноосфера», вообще не имеет смысла.

Так, в авторской статье «Этико-экологические и конституционно-правовые механизмы ноосферного развития» (Человек и общество: ноосферное развитие. М.: Белгород, 2011. 485 с. (Энциклопедия ноосферных знаний)) мы дали следующее определение ноосферы: «Ноосфера – это Универсальное семантическое поле Сознания».

Для того чтобы смысл этого определения стал более понятен, нужно подробнее рассмотреть вопрос о том, что такое семантические поля.

Как известно, семантика является сферой смысловых значений.

Очень хорошим «входом» в это не самое простое для понимания понятийное пространство является ряд текстов замечательного российского философа, учёного В. В. Налимова. Вот что он пишет в одной из своих работ:

*«Смысл – понятие не логическое, а онтологическое. Это категория сущего. Смыслы, как это мне представляется, существуют изначально, так же как существуют фундаментальные физические константы. Существуют, не будучи созданными.*

*<...> Природа смыслов, – далее продолжает В. В. Налимов, – может быть схвачена только в их динамике. Только через проявление их в Бытии, содержащем сознание. Динамическое раскрытие природы смысла может быть достигнуто только через одновременный анализ семантической триады: смысл, текст, язык. Любой элемент этой триады может быть определён через два других».*

В этой цитате содержится ключ к пониманию того, что такое ноосфера. Если мы придерживаемся представления о том, что смыслы как бы изначально «защиты» в структуру Мироздания, то мы неизбежно придём к выводу, что ноосфера, будучи пространством или сферой смыслов, является одним из базовых аспектов Глобального Макрокосмического Сознания (или мета-сознания, как его называет Налимов).

Что же касается того, каким может быть механизм перехода семантических полей в поля субстанциональные, то есть содержащие микрочастицы вещества, то на этот счёт учёные в последнее время выдвинули целый ряд оригинальных гипотез.

Одной из интересных работ на эту тему является теория функционирования информационного поля Мироздания И. Красникова. Согласно ей, Глобальное Макрокосмическое Сознание порождает информацию, которая существует в виде программ и матриц (матрицы, объединённые одной целью и законами, представляют собой программы). Объединяют программы и матрицы информационные потоки (матрица управляется программой с помощью информационного потока). Функционально информационный поток проявляет свою деятельность через коды действия, которые, в свою очередь, выстроены из определённых элементарных объектов («единичных матриц») под названием кейзоны. Эти информационные безмассовые частицы являются ключиками ко всем процессам в Мироздании. По И. Красникову, форма существования Информационного Поля – кейзонные потоки.

Информационные поля бесконечны в пространстве и во времени. Их потоки сопрягаются в лучи, которые управляют информационными матрицами.

***Таким образом, Глобальное Макрокосмическое Сознание производит информацию, которая через коды действия творит Мироздание.***

Для того чтобы полнее себе представить, что же такое ноосфера, или семантическое поле, мы также должны допустить, что, помимо семантического, Глобальное Макрокосмическое Сознание имеет и иные аспекты, построенные на своих кодовых системах, которые не могут быть адекватно декодированы. Вероятно, именно поэтому В. В. Налимов говорит в своих работах о наличии текстов «с размытыми смыслами, раскрывающимися на глубинных уровнях сознания... Желая серьёзно понять дискретно написанные тексты, мы обращаемся к скрытой размытости. Понимание становится личностным. Более того, оно всегда ситуационно. Вспомним: в течение двух последних тысячелетий религиозная мысль была непрестанно занята реинтерпретацией одних и тех же исходных текстов, придавая им различные смыслы – веса».

К семантическим полям с размытыми, то есть не поддающимися однозначной декодировке текстам, Налимов справедливо относит творчество и его плоды. И действительно, весьма трудно представить полностью вербально интерпретированными, или расшифрованными семантически, такие явления, как музыка, абстрактная живопись или высокая поэзия.

Вероятно, вообще всё, что соотносится с чувственной сферой, не может быть декодировано через семантику. Как нам представляется, адекватной вербализации вполне подвластны лишь формы, связанные с ментальными полями, – то есть сфера чистого разума. Её сокровенная суть может открыться нам, как пишет Налимов, только через динамику познания и анализ семантической триады: смысл, текст и язык.

Следует заметить, что семантические поля, без сомнения, выстроены в соответствии с законом иерархии, и потому семантический аспект Глобального Макрокосмического Сознания является предельным, высшим, глобальным уровнем этой иерархии или Ноосферой Мироздания. В соответствии со структурой Мироздания выстраиваются все его семантические поля: поля Космической, Солнечной, планетных цепей, биосферы планет, семантические поля живых существ и в том числе земного человечества.

В этой связи следует сказать вот о чём. Сегодня понятие «ноосфера» прочно вошло в научный и философский обиход и широко используется многими учёными и философами. Однако при внимательном изучении текстов, связанных с ноосферной тематикой, оказывается, что большинство авторов опираются в своих размышлениях на работы Владимира Ивановича Вернадского – гениального русского учёного, мыслителя с широчайшим диапазоном. Но дело в том, что Вернадский, который ввёл в научный обиход понятие ноосфера («сфера разума»), соотносил его, прежде всего, с семантическими полями планеты Земля и земного человечества. Ни в одной из своих работ он не касался вопроса об иерархии смысловых полей Мироздания. Для его времени даже сама постановка вопроса о существовании «сферы разума» являлась абсолютно революционной, это был прорыв к иному, глобальному, космическому мышлению. Однако время не стоит на месте, и сегодня необходимо расширять, переосмысливать и конкретизировать всё, что связано с понятием ноосфера.

Автор данной работы склонен рассматривать понятие «ноосфера» предельно широко, именно с точки зрения её иерархических ступеней, уходящих вверх и смыкающихся с беспредельностью Глобального Макрокосмического Сознания.

Чрезвычайно важен ряд других сентенций В. В. Налимова о семантических (смысловых) полях, или уровнях ноосферы:

*«Семантика определяется вероятностно задаваемой структурой смыслов. Смыслы – это есть то, что делает знаковую систему текстом.*

*Спрессованность смыслов – это нераспакованный (непроявленный) Мир: семантический вакуум».*

Фактически за этими словами стоит оригинальная космологическая схема, которая в общих чертах перекликается с рядом других таких же глобальных моделей, связанных с Космогенезисом. Собственно, данную цитату Налимова можно рассматривать как творческое расширение и уточнение предельно общей библейской космологической формулы «В начале было Слово, и Слово было у Бога».

С другой стороны, представление о семантическом вакууме как нераспакованном (непроявленном) Мире совпадает с гегелевским Ничто, способным потенциально породить Нечто; это представление совпадает также с индуистским представлением о «ночи Браммы», чреватым его пробуждением и наступлением Дня Браммы – то есть разворачиванием Творения. Просто налимовские формулы больше соответствуют развитой ментальности современного интеллектуального сообщества и потому потенциально дают возможность выстроить систему точных и выстроенных структурно космологических понятий.

Представление В. В. Налимова о семантическом вакууме, на наш взгляд, является весьма важным дополнением к космологической модели А. Акимова и Г. Шипова. Вспомним: в их теории утверждается, что «вакуум нейтрален по отношению к миру физической материи и как бы “не наблюдаем”, так как в первом приближении у него нет способов сообщить нам о своём существовании. Однако внутренние динамические процессы приводят к тому, что в вакууме наблюдается самозарождение вещества. Флюктуационные процессы в вакууме, приводящие к появлению виртуальных электрон-позитронных пар (пары существуют короткий промежуток времени и исчезают в той же точке среды, в которой возникли), являются подтверждением того, что первородная среда существует: она порождает материю.

*Процессы “самозарождения” виртуальных частиц физика объяснить пока не может, но вакуум перестает быть нейтральной средой и может интерпретироваться как праматерия».*

Гипотезы В. Налимова и И. Красникова о семантическом вакууме являются как раз объяснением того, почему и как вакуум перестает быть нейтральной средой и становится праматерией, способной порождать формы. А. Акимов и Г. Шипов интуитивно догадываются о причинах этого процесса, говоря о неких «внутренних динамических процессах в вакууме, приводящих к появлению виртуальных – электронно-позитронных пар».

Однако наиболее конкретно эту тему прорабатывает всё же И. Красников, который говорит о существовании электрических и магнитных кейзонов, взаимодействующих друг с другом напрямую. Имеющие однопольные заряды – отталкиваются, разноимённые – притягиваются.

Учёный делает важный вывод: «Кейзоны имеют возможность обмениваться информацией между собой и одновременно передавать её в пространство; это – своеобразные единичные генераторы информационного поля.

*Глобальное Макрокосмическое Сознание проявляет себя в виде непрерывных волн кавитонов (называемых им также “пси-частицами Духа”), являющихся первичным источником информационных потоков. Эти волны управляются в непрерывном режиме. Размеры такой “пси-частицы” (кавитона) – порядка 10–120 см. Электрические и магнитные кейзоны используются в качестве “контейнеров-транспортёров” для кавитонов, защищающих эти “пси-частицы” от дезинформации, порчи, потери при транспортировке и т. п.».*

Они разнятся знаками и размерами: образно говоря, магнитные кейзоны – мелкие, а электрические кейзоны – крупные (размеры магнитных кейзонов порядка 10–90 см, в то время как размеры электрических кейзонов – порядка 10–50 см).

Кейзоны имеют нулевую массу и спиновый момент, обусловленный их вращением вокруг своей оси.

Как нам представляется, из научных версий, касающихся темы перехода информационных (семантических полей) в субстанциональные, теория И. Красникова является наиболее полной и логичной.

Однако следует заметить, что учёные, хотя и начали употреблять в своих работах никогда ранее не использовавшиеся ими термины «Абсолют», «Дух» и т. п., всё же неохотно решаются говорить об иррациональных, непостижимых механизмах перехода информационных полей в субстанциональные. Всё же физикалистские проекции остаются в их построениях доминирующими. Автор же данной работы считает необходимым совместить оба подхода – рационалистический и иррационалистический, с тем чтобы представление о Первоначалах приобрело некий интегральный объём. Мы предлагаем исходить из того, что изначально существует нераспакованный семантический вакуум, который активизируется и порождает частицы праматерии в соответствии с неким Замыслом. И такой Замысел может принадлежать только Глобальному Макрокосмическому Сознанию.

Мы полагаем, что в приведённой интерпретации представление о ноосфере как Универсальном Семантическом поле Сознания значительно проясняется и уточняется.



# Берега прозы

## Марианна Озолия



Марианна Озолия принадлежит к плеяде тех поэтов, кто маяком для себя считает философское наследие семьи Рерихов, способное пробудить веру в высокие идеалы, стремление наполнить жизнь искренними проявлениями любви, преданности, стойкости духа на пути, устремлённом к Истине и Красоте. Духовные ориентиры её определяются и деятельностью в качестве руководителя Латвийского отделения Международного центра Рерихов.

Почти 40 лет своей жизни отдала службе в церкви Святого Петра в качестве директора этого уникального памятника архитектуры XIII века, разрушенного гитлеровцами. После восстановления церковь стала культурным центром Риги. Автор 14 поэтических сборников, выходящих в разных странах мира. Немало её стихотворений вдохновили читателей на создание музыкальных произведений; сегодня рождаются тематические видеоролики на слова поэта, наполненные силой духа и утверждения жизни. На протяжении многих лет сотрудничает с журналом Международного центра Рерихов «Культура и время», с петербургским научно-просветительским журналом «Педагогика Культуры», а также в последние годы – с журналом «Берега». Долгие годы была членом МАПП. Лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси».

### Записала и обработала воспоминания Ираида Кельмелене



Ираида Кельмелене родилась в Риге. Поэтесса. Автор трёх поэтических сборников. Публиковалась в газете «Latvijas dzelzceļnieks»; альбоме «Жизнь и творчество В. Пикуля»; в книге «Поэтическое слово В. Пикуля и стихи о нём»; в журналах «Берега» (Россия), «Настоящее время» и «Корни» (Латвия); в международных альманахах «Laisves aleja» и «Ступени» (Литва). Лауреат журнала «Берега» (2021). Лауреат Международного фестиваля-конкурса «Балтийский Гамаюн – 2022». Лауреат национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2024). Обладатель приза зрительских симпатий фестиваля-конкурса «Балтийский Гамаюн – 2025». Член общества Кр. Барона (Латвия), член МАПП, координатор Творческого объединения «Созвездие» (Рига).

Литературное оформление – Майя Голубева

## В ОКЕАНЕ ВОСПОМИНАНИЙ

Мемуары

Книга 1 (24.09.2025). Часть 1

Память – писарь нашей души.

Аристотель

Запись воспоминаний никогда не входила в мои планы. Однако сейчас, когда ощущение времени, в котором живу, чувствуется очень остро, поняла, что пришло время рассказать о своей жизни.

Мысленно оглянулась на пройденный путь. Он оказался длинным, наполненным годами красивыми и счастливыми, горестными и напряжёнными. События тех лет давно канули в Лету, однако время от времени они всплывают в памяти, заставляя задуматься, случайными ли они были в моей жизни, или следовали какому-то предназначенному мне судьбоносному плану.

### Начало пути... Как это было...

1939 год входил в жизнь праздником Рождества Христова 7 января. В Москве стояли страшные, почти сибирские морозы, 41 градус по Цельсию. Птицы падали на лету. Православный народ тихонечко, по своим квартирам, отмечал праздник. Молились и зажигали свечи так, чтобы не увидели соседи. Рождество Христово не считалось государственным праздником, посещение церкви возбранялось и даже было наказуемо. Но кто верит Богу, никогда не предаст священные традиции.

В такой великий православный праздник в центре Москвы, в родильном доме имени Лепёхина, родился человек, девочка. Ребёнок родился на месяц раньше положенного срока. У мамы случились преждевременные роды из-за отравления американскими консервами. Роды были очень тяжёлыми, ребёночек повернулся к выходу не головкой, а спиной. Врачи никак не могли помочь ему выбраться. Время шло, надо было что-то делать, ребёнок мог задохнуться. Мама очень страдала, и врачи буквально сражались за жизнь обоих. Конечно, такие сложные роды стоили ей здоровья. Наконец, девочку, уже начавшую покрываться фиолетовой дымкой из-за кислородной недостаточности, извлекли на свет божий. Но борьба за эту хрупкую жизнь продолжилась. В течение семи дней врачи делали всё возможное, чтобы слабый огонёк жизни не погас. Мама плакала каждый день горькими слезами и на нервной почве потеряла грудное молоко. Женщинам, лежавшим с ней в одной палате, ежедневно приносили малышей на кормление. Мама спрашивала: «Почему мне не приносите мою девочку, жива она или нет?» Ей отвечали, что ребёнок жив, просто надо подождать.

Прошло семь дней, и наконец 14 января принесли крошечный свёрток. Мама откинула простынку, посмотрела на малюсенькое сморщенное личико с фиолетовым оттенком (последствие тяжёлых родов) и горько заплакала. Сердце малышки слабо стучало, глаза смотрели в разные стороны, а рот оказался на боку. Мама ожидала увидеть красавицу, маленькую фею, а увидела недоношенного ребёнка, не вполне физически сформированного. Но зато на голове малышки были густые волосы – единственное достоинство. Этим ребёнком была я.

Проходили дни, борьба за выживание продолжалась. У мамы молоко так и не появилось. Ни одной капли материнского молока я не попробовала, но зато меня кормили из бутылочки воистину народным молоком. Рядом были молодые мамочки, у которых хватало грудного молока и на их малышей, и на меня.

Прошло ещё семь дней... Нас стали готовить к выписке. Накануне мой дедушка, доктор Александр Иванович Синёв, не пошёл к маме в палату, а через медсестру переслал записку, в которой было написано следующее: «Поздравляю тебя с дочерью, а себя с внучкой Марианной». Такова была его воля.

Дед дал мне библейское имя, которое напоминает о двух удивительных, божественных женщинах: Пресвятой Богородице Марии – матери Иисуса Христа, и Анне – матери самой Марии. Почему он так решил назвать? Потому что доктор Марианна Ивановна Томашевич, его коллега, днями и ночами, без отдыха, делала всё, чтобы отвоевать у смерти маленькую девчущку, весившую 2 кг 500 граммов. Она сумела это сделать, и в благодарность мой дед назвал меня именем этой женщины.

Теперь, размышляя над своей жизнью, я понимаю, что это имя стало знаковым в судьбе: меня ожидало служение людям, предстояло приходить на помощь и поддерживать тех, кто в этом нуждался, как это делала Марианна Ивановна Томашевич. Вероятно, я впитала своё предназначение вместе с молоком других матерей, добротой своей поддерживавших мою жизнь. Я просто должна была стать хорошим человеком среди людей. Таково было поручение Вселенной. Но как же нелегко далось его выполнение! Только об этом позже.

Через неделю нас выписали домой. Мы жили тогда в Малом Казённом переулке, дом 7, вместе с дедушкой Александром Ивановичем. Однажды случилось непредвиденное: лопнул отопительный котёл, а на улице минус 41 градус мороза. Снова борьба за выживание, только уже дома. Мастера спешили что-то сделать скорей, чтобы люди не страдали, но быстро не получалось. Маленький ребёнок мог погибнуть, теперь уже от холода. И тогда дедушка смастерил барокамеру из круглых отопительных приборов, которые в народе называли солнышками. Об этих серебристых тарелках со спиралью посередине знала вся Москва, да и вся Россия. И пока мастера исправляли котёл, меня поместили в эту тёплую барокамеру.

Жизнь продолжалась. В женской консультации мне покупали молоко. Его приносили в бутылочке. Молоко от разных мамочек, неизвестных женщин. Так я продолжала питаться народным

молоком. И несмотря на то что была худеньким, слабеньким, едва дышащим ребёнком, уже начала проявлять свой характер. Мама кормила меня по часам и по положенной норме, установленной детским врачом Иваном Андреевичем. Однажды дедушка услышал, что я громко и требовательно плачу. Он спросил маму о причине моего плача. На что мама ответила, что я требую ещё молока. Дед сказал: «Так в чём дело, дай ей молока!» – «Так ведь нельзя, она уже свою норму съела!» – возмутилась мама. – «Значит, Иван Андреевич врач, а я кто?» – «А ты дед».

Дедушка в сердцах махнул рукой и вышел, а потом вернулся со словами: «Вот что, нет пророка в своём отечестве... Нельзя одним гребешком всех людей причесать. У каждого свои запросы, одному хватает, а другому мало. Этому ребёнку надо больше, чем другим. Не надо следовать общим инструкциям. Дай ей столько, чтобы она не плакала». Таким образом я отвоевала свою дополнительную порцию молока. Так сложилось и в дальнейшей жизни: я всегда имела отличный аппетит, который, думаю я уже сегодня, не мешало бы несколько уменьшить.

К сожалению, наш дедушка, который спасал нашу семью везде и всегда, в последний месяц 1939 года скончался от сердечной недостаточности. Дальше жизнь нашей семьи продолжалась без него.

\* \* \*

Расскажу немного о своих родителях. Моя мама, Нина Александровна Синёва, по мужу Озолина, на момент моего рождения работала на киностудии «Мосфильм» директором съёмочной группы. По образованию она актриса. Окончила московскую музыкальную школу им. Чайковского, в которой был актёрский факультет. Папа, латыш Озолиньш Рудольф Бертольдвич, тоже работал на «Мосфильме» директором другой съёмочной группы. До 37 лет был холостяком, но когда он увидел мою маму, славянскую красавицу, не удержался и сделал ей предложение стать его женой. Это же надо! В России столько русских мужчин, но она встретила в Москве латыша, полюбила и вышла за него замуж. Когда началась война, папа добровольцем ушёл на фронт уже на третий день, хотя он был освобождён от призыва по состоянию здоровья – у него была язва желудка. Он даже маме не сказал, что уходит, только оставил на столе записку, в которой было написано: «Ушёл защищать Родину». Он считал Россию своей Родиной, так как его ещё 12-летним подростком вывезли из Латвии в Россию беженцы-латыши, спасавшиеся от ужасов Первой мировой войны. В России он прожил долгие годы.

Мама прочитала записку и побежала в военкомат. А там уже заканчивалась погрузка в грузовики. Она только успела помахать ему рукой и крикнуть, чтобы писал с фронта. Он тоже кричал, чтобы писали. А куда писать, на какой фронт? Отец поступил, как и должен был поступить латыш. Он думал, что мама начнёт его отговаривать, и поэтому не стал с ней советоваться. Он принял решение – и ушёл. Вот таким был мой папа. А мама осталась со мной и няней Софьей Александровной, которую мы звали Софоклой, так как она много философствовала, вместо того чтобы делать дело.

Через два дня после отъезда папы мы стали собираться в эвакуацию. Было распоряжение спасать генофонд, особенно детишек и женщин. Часто днём или ночью по Москве гудела сирена воздушной тревоги, и все жители бежали в метро. Оно служило лучшим бомбоубежищем. Наш сосед Владимир Прокопьевич хватал свою дочку Ларису, мою подружку и меня и бежал одним из первых до метро, за ним – мама и няня Софокла с горшками и подстилками. Никто не мог знать, сколько придётся пробыть в метро, спали на полу.

Два дня ушли на сборы, а потом нас погрузили в товарные вагоны. Дети, женщины, старики – полный вагон. Лежали на полу, каждый на своих подстилках и одеялах. Везли нас на Урал. Прибыли мы в Башкирскую республику в посёлок Стерлитамак. Разместили всех в колхозе по избам, по хозяйствам. Женщины были в основном мамиными коллегами по киностудии «Мосфильм». Никто, в силу своей профессии, не был знаком с сельскими работами. А тут – колхоз, председателем которого была заправская командирша Христина, поскольку все мужчины ушли на фронт. Глядя на женщин, она заявила: «Пойдёте все в поле, будете вырабатывать трудодни, а детей отдадим в детсад». Христина оказалась странного нрава. У неё было предубеждение против москвичек, которые не умеют ни картошку убирать, ни вообще какую-нибудь сельскую работу делать. Ей очень хотелось заставить их трудиться именно в поле. Желая показать свою власть, она жёстко сказала: «Если не будете вырабатывать трудодни, вашим детям не дадим молока!»

Моя мама, решительная по характеру женщина, не могла стерпеть такого отношения. Снимаясь в кино, она овладела многими специальностями и приобрела разные полезные навыки. Это было необходимо для ролей в фильмах. Например, она прошла обучение в воинских частях под Москвой в конной дивизии Будённого и отлично держалась в седле. Одной из первых шести женщин того времени овладела вождением машины. Она была очень активная и, видя несправедливое отношение Христины к московским дамам, понимая, что, обладая властью, та старается их помучить непосильной работой, решила серьёзно поговорить. Да и женщины тоже обратились к маме. Они сказали: «Нина, поговори с ней, тебя она послушает, а нас нет. Хочет наших детей без молока оставить, хотя в колхозе есть коровник, коровы доятся – значит, есть молоко». Вот такие отношения сложились между ними в тылу.

Мама видела, что на полях созрел урожай пшеницы и ржи, а убирать некому. Комбайн стоит, так как последний комбайнёр ушёл на фронт. Вот она и сказала Христине, что умеет водить машину, а значит, попробует завести комбайн. Христина очень обрадовалась. Однако мама ей заявила: «Ты что же детям в молоке отказываешь? Ты хорошо понимаешь, что делаешь? Так вот тебе мой ультиматум, если ты не прекратишь угрожать, води сама комбайн, отдам тебе ключи, и убирай урожай сама, я помогать не буду!» Христина стала горячо уверять, что женщины не так поняли её и что она на всё согласна. Так мама стала главным человеком в колхозе, комбайнёром, поставила на место властную хозяйку колхоза, и угроза о молоке не осуществилась.

Вот такие картинки военного времени всплывают в памяти. Мы жили в посёлке, а теперь это город. Мне рассказывали, что жители гордятся современными, красивыми домами и ухоженными улицами. А тогда это был богом забытый сельский уголок, бездорожье, почва глинистая, по весне ходить по этим дорогам было невозможно, сапоги резиновые застревали в глине. Надо было сначала вытащить ногу из сапога, а потом сам сапог. И так попеременно. Уже никто и не помнит, как мы, москвичи, там жили и что пришлось пережить. Но делать было нечего, шла война, и вся страна неизбежно терпела испытания.

Насколько я понимаю сейчас, мама не хотела работать с Христиной, с этим конфликтным человеком. Урожай был убран, и она вспомнила свою молодость, когда училась в медицинском институте, откуда перевелась на актёрский факультет училища им. Чайковского. Мой дедушка, будучи доктором по призванию, мамин папа, до последних дней не простил ей, что она медицину променяла на актёрскую деятельность. За год обучения в медицинском институте она успела многому научиться, и теперь эти навыки ей могли бы пригодиться.

Мама решила устроиться работать санитаркой в госпиталь, где она хорошо умела делать перевязки голеностопных суставов и много ещё чего, ведь этому её учил мой дедушка. Однако чтобы дойти до госпиталя, надо было одолеть пешком 20 км по глинистой дороге. Но маму это не остановило – у неё ведь муж на фронте. К этому времени мама уже знала, что мой папа служил в полевой разведке и в боях на Курской дуге был ранен (его подстрелил немецкий снайпер) и что лежит он в госпитале в Саратове.

Так мама стала работать санитаркой и помогать раненым. За ней закрепили палату, где лежали 20 раненых молодых парней. У одного ногу отняли, у другого руку. Ранения были разные, были и очень тяжёлые. Мама относилась к работе ответственно, всегда с готовностью выполняла свои святые обязанности. Кроме того, хорошо ладила со всеми. Она была разговорчивая, активная, знала много историй и могла интересно их рассказать. В палате находились парни, как городские, так и деревенские, и все были фронтовиками. В обязанности мамы как санитарки входило мытьё пола в палате, и на первых порах сноровки не хватало. Один раненый парнишка смотрел-смотрел, как она моет, да и говорит: «Эх, Москва, а полы мыть не умеешь и тряпку неправильно отжимаешь». Маманисколько не обиделась и говорит ему: «А ты покажи, как надо». Он показал. Мама потом часто об этом парнишке вспоминала.

Палата была трудная. Пациенты молоденькие, травмированы не только физически, но и психологически. Был в палате один молодой парень, оставшийся без ноги. Его фамилия Мельников. Он находился в глубокой депрессии, и один раз при маме удручённо сказал: «Домой в свою деревню не поеду. Пойду жить в богадельню». А дома у него молодая жена, двое детей. Но он решил, что такой калека им не нужен. В деревне мужик без ноги не работник. И вот мама за него взялась. Она пыталась вызвать парня на разговор, но он упорно не хотел видеть другого выхода. Тогда она по-

шла на хитрость. Она решила привести меня в госпиталь. Мне тогда было три или четыре годика. Летним днём 20 км до госпиталя мама несла меня на закорках. Через главный вход пройти с ребёнком было невозможно. Мама рисковала ради раненого Мельникова и его семьи. Она меня нарядила в красивый жёлтенький костюмчик, причесала кудряшки, собрала детские книжки, в руки дала привезённую из Москвы игрушку – заводного мотоциклиста – и сказала, что мы идём навестить наших мальчиков. Рассказала про дядю Мельникова. Я была ребёнком разговорчивым, активным. Поэтому мама надеялась, что общение со мной поможет молодому человеку справиться с отчаянием и поменять своё решение. Всё продумала и поступила как заправский режиссёр. Она научила меня что сказать, поставила со стороны улицы на подоконник, а сама спряталась.

Неожиданное появление ребёнка на окне произвело огромное впечатление на раненых. Я весело сказала: «Здравствуйте, дяди раненые!» Они ахнули от удивления. Один раненый подошёл к окну, поставил меня на пол и спросил: «Что это у тебя в руках?» Я ответила: «Это мой мотоциклист». Потом завела игрушку и пустила по полу. Что тут началось! Реагировали, словно мальчишки, а лежащие раненые костылями подталкивали движение мотоциклиста. Целый футбол с игрушкой устроили. Я увидела белые плевательницы и спросила: «Дяди – это ваши горшочки?» Все рассмеялись наивному детскому вопросу.

За это время моя мама прошла контрольный пост и пришла в палату. Риск был большой. Если бы в палату в это время вошли врач или медсестра, её могли отдать под трибунал. Мама мне сказала: «Посмотри, у окна лежит дядя, фамилия Мельников. Ты пойди и поговори с ним. Поздоровайся, расскажи что-нибудь хорошее, предложи свою детскую книжку почитать». Мама хотела смягчить его сердце. Я отправилась выполнять задание. Подошла и сказала: «Здравствуй, дядя Мельников, у тебя есть книжки, ты их читаешь?» Он ответил: «Нет, сейчас не читаю». Я ему говорю, что могу прислать котёнка с пятнышком. Он с улыбкой согласился.

На этом дело не закончилось. Пришла пора Мельникову выписываться, а он всё твердит, что домой не поедет. Мама потратила на уговоры много душевных сил, своей сердечной энергии. Она терпеливо убеждала, что надо ехать к семье. И сказала, что будет его сопровождать. По закону военного времени каждого выписанного раненого фронтовика сопровождал представитель госпиталя. Так и случилось. Мельников дал согласие ехать домой. Я не помню, как называлась деревня. Ехали долго и добрались только под вечер. Не дойдя до избы нескольких метров, Мельников остановился. Дальше идти не смог, боялся, что в избе может быть другой мужчина. Моя мама ему говорит: «Что ты выдумываешь, иди в избу, тебя там ждут, слёзы проливают». Она сама пошла и постучала в двери. Вышла женщина. Мама ей говорит: «Ну, принимайте вашего сокола!» Женщина увидела – боже мой! – кинулась к нему на шею, запричитала: «Миленький, родненький, живой, вернулся, любимый мой, дорогой!» Мама сказала тогда: «Вот и хорошо, я своё дело сделала, могу возвращаться, меня другие раненые ждут». Пожелала им счастья и радости и поехала обратно. Долго готовила она свою миссию и выполнила её. Это была её Победа!



# Берега прозы

## Галина Капецкая

Галина Анатольевна Капецкая – автор циклов интервью, рецензий на спектакли народных театров, публикаций в жанре документального очерка, лирической миниатюры и эссе в различных периодических изданиях; пяти сборников зарисовок и рассказов; сборника верлибров. Лауреат Гомельского областного литературного конкурса им. Кирилла Туровского (2009), Международного конкурса «Национальная литературная премия “Золотое перо Руси”» (2022, 2023, 2024, 2025), «Маленькая страна» (2024), «ДИАС», «Медвяный звон», «Пастернаковское лето» (2025) и др.



### НЕНАУЧНАЯ ИХТИОЛОГИЯ

*Данные миниатюры не имеют никакого отношения к ихтиологии. Так, саркастические наблюдения и обобщённые умозаключения о бытии, которое, по мнению известного автора, «определяет сознание»*

#### ЦИХЛИДА

Цихлида считается одной из самых умных в рыбном мире, уж если не гений, так где-то рядом. Вот и в нашем аквариуме такая продвинутая рыбёшка завелась. Разбиралась и в своём ремесле, и в информатике, и в философии, и т.д. и т.п. В общем, предмет гордости рыбьего коллектива. Однако случилось с умницей, как говаривал сторонник цитируемого в предисловии философа, «головокружение от успехов». Взлетела стахановка выше облаков, на всех с презрением свысока поглядывает, своими научными открытиями ни с кем не делится, как же, это же её личное ноу-хау. А для чего нужны открытия, если их не отдают на благо соотечественников?

#### РЫБА-СЛОН

Рыба-слон также не последняя особь в рыбном мире, наоборот, очень даже сообразительная и ловкая. Частенько она самые невероятные аферы прокручивала, детишкам на молочишко скопила и жила себе припеваючи: кум королю и сват министру. Вдруг, на удивление всему рыбьему царству, с простейшим, казалось бы, для неё дельцем не справилась: не смогла проштрафившегося сыночка «отмазать». Пошло дитячко за свои грехи небо в клеточку глядеть. Даже в аквариуме не всё, а самое главное, не всех за деньги купить можно.

#### СЁМГА

Сёмга – рыбка королевских кровей, не чета там всяким плотвичкам с ёршиками. Начальство рыбку уважало-почитало. Вот на очередном совместном совещании рыбьего профкома с начальством было решено: во-первых, Сёмге бо-о-ольшую материальную помощь оказать, во-вторых, зарплату повысить. А то ж безобразие полное получается, такой родовитой рыбке средств на покупку «Феррари» не хватает! Остальные просьбы о материальной помощи пока в сторону отложили. Подождут. В том числе Рыба-луна. В следующий раз, прежде чем столько икры метать, пусть подумает, чем своих рыбёшек кормить будет. Почему такое, честно скажем, несправедливое решение принято? Потому что икорка красненькая всем нужна.

### ПИРАНЬЯ

Пиранья очень внимательно за всем аквариумом наблюдает. Вопреки законам умной науки ихтиологии, у этой обитательницы нашего аквариума активно яд вырабатывался, который она оперативно в дело пускает. Высмотрит: где слабое место, вот туда и ударит. Кому в душу нагадит, кого заложит, кого подставит, а кого и закусает до смерти. Сделает пакость и радуется. Пока счастлива. Однако правило бумеранга неумолимо. Рано или поздно, но всё содеянное зло вернётся к ней в увеличенном в три раза объёме. *Dura lex, sed lex* (закон есть закон).

### СТАВРИДА

Все считают рыб немymi. Ошибаетесь, господа. На своём ультразвуке они и пищат, и свистят, и щёлкают. Некоторые рыбки умеют и в слышимом человеком диапазоне звуки издавать. Ставрида вроде как приличная рыба и очень даже полезная: и витаминами богата, и минералами, весьма важной омега-3 кислотой: и для нервной системы польzительна, и для щитовидной железы. Но вот же какое неподобающее поприще избрала: стучит голубушка. Тем самым в глазах ближних все свои положительные качества зачёркивает.

### БАДИС-БАДИС

Красавца Бадис-Бадиса природа наградила необычайной способностью: он у нас рыба-хамелеон. Под любой цвет среды подстроится, с любым собеседником сговорится. Руководитель нелепые указания даёт, Бадис усердно одобряет, всё выполнить обещает. Сослуживцы в курилке начальству косточки переминают – Бадис поддакивает. Хорошо ему живётся с двойным именем и по двойным стандартам. В который раз отметим, прав Грибоедов: «Молчалины блаженствуют на свете!»

### УГОРЬ

Речной Угорь по настоянию жены и детей перебрался в аквариум. Жена была счастлива: и тепло, и светло, и воду хозяин меняет, и корм подсыпает, не надо трудиться-охотиться, от рыбок прятаться, не жизнь – сказка. Угря все эти искусственно созданные удобства не радовали. Вспоминалась ему тихая речушка, снились по ночам родные места. Невкусным Угрю казался этот ненавистный корм с его сбалансированным составом, со всеми его витаминами и минералами. Тосковал он по червячкам из родной речушки да икринкам карповым да о том, как вкусна была эта пища после того, как потрудишься и сам её добудешь. Потом так сладко было подремать в речной заводи, перекинуться словом с соседями. Потосковал-потосковал наш угорь, да и ушёл в мир иной: замучила ностальгия. Он был из тех, кому ржаной хлеб на родной земле слаще медового пряника на чужбине.

### КОЛЮШКА

Колюшка во всём рыбка справная: и собою мила, и неглупа, и с работой отменно справляется, и креативом способна удивить, и в помощи ближнему не откажет. Увы, как говаривал Лис: «Нет в мире совершенства!» В соответствии с названием у нашей рыбёшки плавники колючие, к тому же язычок остренький. Умела так отшить-отбрить, что ни убавить ни прибавить. Причём не смотрела, кто перед ней: простой смертный али высокопоставленная особь. Посему начальство рыбку не жаловало: премиями обделяло, грамотками за действительно достойную работу не награждало. О повышении, которого она давно заслуживала, даже речи не было. Лучше классика не скажешь: «Чины людьми даются, а люди могут обмануться».

## ДВЕ ПЛОТВИЧКИ

Двум плотвичкам не повезло: в юном возрасте чуть было не попались щуке в пасть, в живых остались, но плавнички сломали. Понятное дело, что при таком недостатке личная жизнь у обеих не задалась: кому они нужны искалеченные, когда молодых красотулек пруд пруди. Одна Плотвичка вздохнула горько и с жизнью примирилась. Работает, да ещё всем рыбёшкам, которые в беду попали, по мере сил помогает. Её все уважают, друзей у рыбки много, никогда её гостеприимный дом пустым не бывает. Вторая наша героиня обозлилась на весь мир: всем завидует, нашла себе узкую щёлку под берегом, сидит одна, яд в окружающую среду выпускает, с каждым годом всё злее и несчастливее становится. Что тут скажешь, когда поэт уже давно сказал: «Дьяволу служить или пророку – каждый выбирает для себя».

## УДИЛЬЩИК

Удильщик относился как раз к тому виду рыб, у которого верхняя челюсть в два раза больше нижней. Эта особенность даёт возможность огромные порции пропитания заглатывать. Назначили сего индивидуума директором. Тут уж он не оплошал: заталкивает в свою огромную пасть всё подряд: и казённые денежки ворует, и оборудование всяческое, и принимает презенты от фирм-поставщиков, и подношения подчинённых. Всё хапает и хапает. И вот же не подавится никак!

## ЩУКА-ХАНЖА

Появилась в озере новая жительница – пожилая Щука. Дамочка оказалась общительной и красноречивой. Быстро со всеми перезнакомилась, скоро обо всех судить начала. Вердикты её были всегда беспощадными и обличительными: юная плотвичка строит глазки старому осетру, явно на его богатство зарится; красавица-кета при живом-то муже с начальником роман крутит; молодой подлецик к старой щуке пристроился, альфонс бесстыдный, и т. д. и т. п. Как известно, в каждой избёшке свои поварёшки. Наша блюстительница чужой нравственности все эти «поварёшки» (а часто – собственные домыслы) жгла калёным железом едкого слова. Кумушки Щуке поддакивали, многие рыбки старались подальше от неё плавать, а то как грязью обольёт – потом не отмоешься. Однажды приплыла в гости к родственникам рыбка из того места, где Щука ранее проживала. Так все узнали, что у нашей моралистки было четыре официальных супруга, масса «гражданских» мужей, много семей она разбила, ещё большему количеству супружеских союзов жизнь подпортила.

Права пословица: «Завали правду золотом, затопчи её в грязь, а всё наружу выйдет».

## ГОРЕЦ

Горец – удивительная рыба. Рыцарь без страха и упрёка. Никаких трудностей не боится. Способен подняться по скалистым стенам за водопадом. В нашем аквариуме он с самыми трудными заданиями справляется, за всех униженных и оскорблённых заступает. Всегда готов «душу положить за други своя». Очень нужная личность в нашем мире.

...Жаль только, что очень редкая...



# Берега кино

## Евгений Чебалин



*Евгений Васильевич Чебалин – журналист-международник, прозаик, драматург. Окончил педагогический институт и двухгодичную аспирантуру ГИТИСа (отделение драматургии). В активе 6 изданных романов и 12 пьес, поставленных в 64 театрах России и зарубежья, в том числе в Москве, в театрах Сатиры и Вахтангова. Член Союза писателей России и Евразийской гильдии писателей OPEN EURASIAN, лауреат Международной премии «Золотое перо Руси», победитель конкурса драматургов «Время драмы» с пьесой «Багряный разлом» (180 драматургов из 19 стран).*

## ДРАКА РАДОГОРА

*Литературный киносценарий*

*Этот киносериал рассчитан и предназначен преимущественно для зрителя 16–25 лет. Сплетение его напряжённо-сюжетных линий с элементами мистики и фантастики строилось с учётом зацикленных на игромании и гаджет-зависимости подростков и пробуждения в их юном Разуме аналитических и патриотических начал. Именно такие должны стать военной и политической элитой будущей России, о которой необходимо думать сейчас, в эпоху тотальной фашизации и сатанизации Европы, маниакально готовящейся напасть на Россию. Европа и Америка рушат на нас тысячи санкций и губительных рекомендаций МВФ, которые реализуются российской либеральной финансовой системой. Параллельно – борьба светлых сил России и её президента за обуздание разрушительной системы ХААРП Америки и НАТО, взрывающей планетарный климат смертельными ураганами, наводнениями, пожарами, цель которых – сокращение населения планеты.*

## С И Н О П С И С киносценария

Время сериала: XXI век, конец 2026 года с несколькими ретроспекциями в век XX. Именно здесь, в XXI веке, заканчивается в космогонии Чертог Лисы. Его сменяет на нашей планете Чертог Волка – эпоха Добра, справедливости и появления в славянской и исламской расах индиго-вундеркиндов: личностей, чьи психофизические качества на порядок выше и совершеннее среди сотен тысяч их сверстников.

Ныне мы становимся свидетелями невообразимого раньше: подросток 10 лет поднимается в стойке на руках по лестницам на 9-й этаж жилого дома. Его сверстники за секунды извлекают квадратный корень из шестизначного числа, запоминают, в какой последовательности были расположены более ста предметов, и после собирания предметов в груды вновь раскладывают их в прежнем порядке, конструируют в лабораториях дроны (беспилотники) с уникальными, предельно эффективными для СВО техническими и поражающими качествами, находят нужное лицо в десятках фотографий, повернутых обратной стороной, и т. д.

Одна из центральных фигур сценария – экстрасенсорный маг Аверьян Бадмаев. Его регулярно задействуют в охране президента во время зарубежных визитов. Параллельно он преподаёт и тренирует в спортивной школе древнеарийскую «Драку Радогора», и как её высшее достижение – катарсис – введение подросткового организма в боевой «волчий транс». Этот транс ныне – в эпоху «Чертога Волка», сменяющего «Чертог Лисы», приобретает метафизическое актуальное значение – боевую защиту Добра и Света. Параллельно в подростков внедряется развитие способностей анализировать

и предвидеть, раскрывать и видеть сущность личности и предмета при контактах с ними (мировые аналоги – Вольф Мессинг, Юрий Геллер, Ванга, Джуна и т.д.). У Бадмаева несколько экстрасенсорных учеников, среди которых рельефно выделяются Дима и Иван Полозков – сын лётчика на новейшем истребителе Су-57.

В это же время в местечке под Киевом бандеровская хунта организовала под вывеской «Фостерная семья» секретную резервацию для одарённых подростков. Ею руководят офицеры разведки английской МИ-6, израильского Моссада и биомутант Венгеров, он же бандеровского замеса Микола Гонтарь. Он и его поделельники отыскивают в России, Белоруссии, Болгарии и на Украине, отбирают и нелегально, нередко силой, свозят в эту резервацию подростков с явно выраженными экстрасенсорными способностями. В резервации в их разум внедряют боевую, хищно-террористическую стратегию с чипом в мозгах, накачивая мышцы взрывной силой, возрождая в юном Разуме рефлекс гитлеровского «Дранг нах Остен» – с перспективой будущей террор-деятельности на территориях России и Белоруссии. Здесь в юные мозги вдалбливаются постулаты Торы, Талмуда, ненависть к гоям: «москалям» и арабам, вербовка через интернет-связи в России юных террористов. Традиционные, веками устоявшиеся психология и мораль славянского ХОМО САПИЕНС подвергаются кардинальной ломке, где катализатором участвует демонический полпред зла уходящего Чертога Лисы Б-АРХОНТ (Бафомет). Ему противостоит АРХОНТ-П (Перун).

Когда террористическая программа и действия «фостерной семьи» и СБУ на Украине приобретают максимальный масштаб и активность в вербовке российских подростков, в спецслужбах и ФСБ России разрабатывается и осуществляется вертолётная операция с участием Ивана Полозкова и под руководством Аверьяна Бадмаева – с высадкой десанта на территорию этой украинской резервации, где преподают и курируют процессы обучения офицеры МИ-6, СБУ Украины и израильского Моссада – под общим руководством бандеровца Венгерова-Гонтаря. Подростков «фостерной семьи» и их европейско-израильских кураторов грузит в вертолёты российский десант спецназа. Вертолёты с боем прорываются обратно в Россию. Там для подростковой группы организован детский интернат на территории Крыма со специальной программой – показать во всём её богатстве и радушии истинную Русь «москалей», вытравить из подростковых мозгов ненависть к «русне» и воспитать из них военную и политическую элиту будущей России.

Над миром нависает, с целью сокращения человечества, призрак Апокалипсиса: тотальные землетрясения, ураганы, наводнения, которые порождает в Ноосфере американская мировая система ХААРП с центром на Аляске и филиалами в странах НАТО – Норвегии и Западной Австралии. Пентагоном и ЦРУ готовится испытание их новой военной разработки – плазмодного АНО (атакующий неопознанный объект) – ракеты, запускаемой потоком импульсов аляскинского ХААРПа. Планируется экспериментальный запуск и поражение этой ракетой одного из российских истребителей Су-57, которые охраняют воздушное пространство Дальневосточного региона. Одновременно это и провокация – если последует ответ с российской стороны. Агрессор надеется, что запуск их ракеты по российскому истребителю Россия доказать не сможет, но последует российский военный ответ. Именно он даст повод европейскому НАТО задействовать 5-й пункт устава для нападения на Россию.

Это секретный проект Пентагона и израильского Моссада, в который не посвящён даже президент Америки. Подробности этой провокации передаются в Министерство обороны России одним из внедрённых в Пентагон агентом ГРУ.

Министр обороны направляется в Кремль – на Совет безопасности, где он собирается доложить о мерах и действиях министерства – в случае американской атаки на истребитель Су-57 с территории ХААРПа. На пути к Кремлю неожиданно сквозь оцепление прорывается человек с папкой и бежит к кортежу министра. Его сбивают с ног. Он кричит и прорывается к министру. Министр останавливает машину, приказывает пропустить нарушителя.

Нарушитель – бывший начальник оборонного конструкторского бюро Министерства обороны СССР, передаёт министру папку с чертежами и детальной разработкой космической боевой платформы – с ракетами, лазерным излучателем и ПРО-защитой от вражеских ракет: изделие 90-х, которое было приказано уничтожить бывшим министром обороны Сердюковым. Но конструкторы втайне сохранили и чертежи, и практическое воплощение их в металле – российская платформа на порядок мощнее американского аналога Х-37-В, уже висящего в космосе над территорией России. Параллельно наша ракета «Ангара» только за последние два года вывела на космическую орбиту более

500 спутников связи системы «Рассвет» оборонного значения, которая значительно превосходит американскую «Starlink».

В сценарии прослеживаются судьбы подростков-вундеркиндов, их влюбляемость в сверстниц, всёвозрастающая, беспощадная зависимость многих от интернет-айфоно-наркомании. Здесь же – раскалённая, на грани жизни и смерти работа ФСБ по выявлению и нейтрализации русофобии и преступлений её адептов: террористов, исполнителей вражеских разрушительных проектов.

Россия сумела зафиксировать на видео запуск американской ракеты по российскому Су-57 с территории аляскинского ХААРПа. Взрыв в истребителе, катапультирование пилота Николая Полозкова. Пресс-бюро президента распространяет видео этой провокации Пентагона и ЦРУ в мировой прессе.

Как реакция на нападение – ответными запусками новейших российских ракет С-71К «Ковёр» были уничтожены центры ХААРП на Аляске, в Норвегии и Западной Австралии.

На волне массовых, с миллионами участников, протестов и демонстраций в Европе Россия, Белоруссия, КНДР и Китай становятся главными островами спасения человечества от Апокалипсиса. К ним присоединяется подлёдная раса Новошвабианцев.

Их генетическое производное «изделие» – Хомо-мутант снежный великан Йети, спасает катапультировавшегося с подбитого истребителя Полозкова, который пробирается через снега к российской полярной станции. Его преследует белый медведь и канадский беспилотник. Этот дрон смертельно ранит Полозкова, к нему подбирается белый медведь. Йети убивает медведя и доставляет впавшего в кому Полозкова вниз – в подлёдное обиталище Новошвабианцев. Они опередили человечество в технологиях и медицине на полвека, но пребывают в панической безысходности – системы ХААРПов, чей разогрев ионосферы и потепление на планете разрушает их подлёдное жилище. Ледяная крыша над этой расой катастрофически тает.

Новошвабианцы через посредничество Николая Полозкова и Аверьяна Бадмаева выходят с предложениями своих прорывных ноу-хау на русского президента – в обмен на предоставление им нового, земного жилища на Дальнем Востоке.

## XXI век, конец 2026 года

### ТРОННЫЙ ЗАЛ ДВОРЦА «ЗАМОК ГРЁЗ» КОРОЛЯ БАВАРИИ ЛЮДВИГА II, ВОЗВЕДЁННЫЙ В XVII ВЕКЕ

Полукругом – два десятка пустых кресел. Перед ними на хрустальном возвышении два блистающих платиной и янтарём трона. Несколько служителей в униформе вносят и складывают около левого трона «запчасти» трёхметрового человекообразного существа: очеловеченную козью морду с закрытыми глазами, с рогами и факелом меж ними, торс с обнажённым женским бюстом, шерстистые ноги, оканчивающиеся копытами, заспинные крылья. Это обиталище для временного пребывания Духа Б-АРХОНТА (Бафомета). Служащие мастеровито и быстро собирают муляж, водружают его на трон.

Один из служителей спрашивает старшего:

- Второго тоже нести?
- После таких вопросов вышвыривают на каменоломню! – недобро обрывает старший.
- Второй не посещал своё тело уже десять лет, я только это хотел...
- Эг\*е ашер эг\*е! (То не твоё собачье дело! – др.-евр.) – размеренно и зловеще обрубил скулёж старший. – Пока работай.

...Служители вносят, собирают и водружают на второй трон муляж П-Архонта (Перуна) с трезубцем-молнией.

*УДАР ГОНГА.* На экране внешний вид и разрез пирамиды Хеопса. Внутренность пирамиды испещрена петляющими шахтами, желобами, каналами, скользящими дверными запорами, фильтрами, водоводами, газопроводами, камерами горения водорода и кислорода – пирамида построена на тысячелетия раньше самого первого фараона.

*Голос – на фоне пирамиды.* Это внутреннее строение египетской пирамиды Хеопса. К ней ведёт подземный водовод из Нила. Ведущие учёные мира пришли к единому выводу: пирамида Хеопса – это космический маяк-радар для межпланетной связи цивилизации Анунаков, прилетевших к нам с планеты Мардук, и одновременно их механизм для расщепления воды на водород и кислород с целью получения топлива для своих межпланетных кораблей.

*УДАР ГОНГА.* На экране статуэтка богини Инанны в лёгком скафандре и шлеме космонавта, с орудием в руках.

*ГОЛОС.* В статуэтку врезана шумерская криптограмма «Инанна с оружием, испускающим лучи смерти». Несомненно, что речь идёт о лазере. Статуэтке четыре тысячи лет, найдена при раскопках в Тель-Гассуле, к востоку от Мёртвого моря, на берегу реки Иордан. Хранится в музее Филадельфии.

*УДАР ГОНГА.* На экране снимок механизма. В нём соединены воедино более сотни шестерёнок, осей, регулировочных шкал.

*ГОЛОС.* Этот прибор сделан из бронзы и покрыт напылением из неизвестного сейчас металла. Учёные, исследовавшие его, пришли к выводу: это гибрид астролябии и счётной машинки-календаря для вычисления солнечных, лунных циклов и движения планет по их орбитам. Найден на дне моря на борту шхуны, затонувшей три тысячи лет назад. Прибор хранится в музее Афин.

*УДАР ГОНГА.* На экране карты – изображения Антарктиды и земного шара, снятые из космоса.

*ГОЛОС.* Перед вами карты Пири-реиса земного шара и Антарктиды, ещё до оледенения. Сибирь и Аляска были соединены в то время перешейком. Картографическая съёмка делалась из стратосферы неведомым космонавтом около тринадцати тысяч лет назад – до Потопа. Карты хранятся в музее Стамбула.

Те, кто сотворил всё это, на много тысячелетий древнее и опытнее нас и существуют на земле параллельно с нами. Они нередко диктуют нынешним европейским правителям правила поведения, ввергая их в геополитический дебилизм. Этот диктат приобретает всё более агрессивный оттенок.

\* \* \*

**ЗАСНЕЖЕННЫЙ ПРИВОЛЖСКИЙ ЛЕС.** Мороз около 10 градусов. Тренер – экстрасенсорный маг Аверьян – ведёт тренировку древнеарийской Драки Радогора с подростками спортшколы, в числе которых Иван и Дима. Подростки обнажены по пояс, работают на снегу босиком. Каскады их оборонных и наступательных движений смазаны предельными для человеческого организма скоростями. Один за другим следуют прыжки с дерева на дерево, прыжки с вращением через пятиметровый шурф-яму, откуда некогда брали глину сельчане для своих нужд. За всем наблюдает Николай Полозков – Иван наконец-то пригласил отца на тренировку с разрешения Аверьяна. На глазах у Полозкова стало разворачиваться, наращивая темп, древнее, как мир, ристалище боевой тренировки, подхлестываемое командами Аверьяна. И первая из них была:

– Свиля! – петлеобразные, со скрученной траекторией уходы бойцов от прямых ударов. Поочередно гибко огибали кулак противника чужие головы, плечи, торсы. Как в замедленной съёмке протекало змееподобное скольжение тел. Все они заканчивались заходом за спину нападавшего, с последующими тремя-четырьмя замедленными ударами в незащищённые, жизненно важные центры организма: печень, почки, шею.

Свилю сменили нападения. Одна за другой пронизывали поляну команды Бадмаева:

- Подсад пластом!
- Отрыв!
- Скрут!
- Ванька-встанька!
- Росток!
- Кнут!

После чего всем задавался ускоряющийся ритм упражнений: «тепер» (темп первый), «тевто» (темп второй), «тетри» (темп третий). Команды следовали одна за другой:

- Кнут и скрут с отрывом! Подсад пластом!
- Росток, скрут с подсадом!

Таранные удары и уходы от них сплетались в гибкие, кнутообразные многоходовки, свивавшиеся между собой.

– Тетри! – подхлестнул командой Аверьян, и Полозков увидел: продолжение каскада резко взвинтило скорость – предельную для себя, определил он, ибо молниеносные рывки голов и плеч, корпуса стали ускользать от сознания, пытавшегося впечатать в тренерскую память хронику боя. Между тем защитные приёмы – ускользание от ударов – «свиля» – сменились отработкой самих ударов. Одна за другой взрывались атакующие команды, которые меняли структуру движений:

- Косая распалина!
- Засечный стык!
- Кий!
- Рубильня!
- Мзень!
- Затрещина!
- Голубец!
- Буздыган!

С чудовищной скоростью пронизывали расстояние меж бойцами кулаки, ступни, локти, летящие в резаном ударе ладони, большинство из которых пытались настичь противостоящую плоть в неестественно-диких скрутах тела, в подсадах и приседаниях. Подножный, стелящейся нырок с последующим таранным ударом локтя в пах в промежность сменила «третур», в первом этапе коей «мерцание» атаквалась и нейтрализовывалась рука противника, а предплечье перекрывало траекторию его свободной руки.

Древняя, рукопашная Русь, защищающая свои ценности и традиции, вставала перед Полозковым во всей своей мощи и красоте.

\* \* \*

#### БАВАРИЯ. СОВМЕСТНОЕ ЗАСЕДАНИЕ КОМИТЕТА 300, БИЛЬДЕРБЕРГСКОГО КЛУБА и ТРЁХСТОРОННЕЙ КОМИССИИ В «ЗАМКЕ ГРЁЗ»

Тройное кольцо лазерной, спутниковой, агентурной охраны вокруг замка, возвышающегося на неприступной скале. Зарытый, огороженный хребтами военный аэродром с несколькими сторожевыми НАТОвскими истребителями и вертолётами. На взлётную полосу садятся с небольшими интервалами самолёты с эмблемами разных стран. Чёрные лимузины везут гостей по бетонному серпантину к замку на вершине скалы.

В тронный зал входят и начинают занимать кресла члены Мирового правительства: крупнейшие банкиры планеты, премьеры, главы мировых корпораций «Монсанто», «Локхид», МВФ, NASA, Пентагона. Здесь же премьер Израиля Бетаньяху.

Гулко и пронизывающе бьют часы. Над замком висит НЛЮ-тарелка. От неё к крыше замка скользит серебристый пучок плазменного луча. Он пронизывает крышу, втекает в тронный зал и лижет фиолетовым протуберанцем антенные рога Архонта-Б. Рогатый монстр на троне открывает глаза. Сидящих оглядела и вобрала в себя янтарная глубь зрачков. Шевельнулись крылья за спиной, заискрил факел между рогами, цокнули копыта о хрустальное подножье трона. Архонт заговорил.

*АРХОНТ-Б.* Что вы так ёрзаете, Ротшильд? У Киссинжера кислая физиономия. Вы заражаете бактериями дурного настроения. Их надо оставлять в ваших золотых сортирах. Президент МВФ Георгиева, что с экономикой стран после мероприятий в них вашего МВФ?

*ГЕОРГИЕВА.* Экономик рухнули после наших акций в Сомали, Мексике, Чили, Руанде, Югославии, Греции, Украине.

*АРХОНД-Б.* Что в России и Китае?

*ГЕОРГИЕВА.* В Китае наш ставленник, министр финансов, попытался провести аналогичную стратегию удушения, повысить ключевую ставку. Его расстреляли. Экономика Китая, к сожалению, растёт и развивается. В России пока всё в порядке, Минфин и Центробанк держат высокую ключевую ставку, кредиты недоступны, налоговое давление разоряет мелкий и средний бизнес, увольняются сотни тысяч врачей и учителей, Центробанк вдальбывает в мозги Кремля главную проблему страны – перегрев экономики, бюджет утекает через офшоры монополий за рубеж. Страна нищает в войне с Украиной.

*АРХОНТ-Б.* Локхид, NASA, подробнее о проекте Блю-Беа. Какие площади накрыты сетью ХААРПов с центром на Аляске?

*ПРЕЗИДЕНТ «ЛОКХИД».* «ХААРП» на Аляске – мощность три миллиарда ватт. «Эксмот» в Западной Австралии – четыре с половиной миллиарда. «Тормс» в Норвегии – полтора миллиарда ватт. Это – тулово спрута. Его щупальцы в Германии, Японии, Бразилии.

*АРХОНТ-Б.* Готовность всей сети?

*ПРЕЗИДЕНТ «ЛОКХИД».* Над тремя четвертями планеты.

*АРХОНТ-Б.* Почему не над всей?! И вы хотите, чтобы я за три четверти отпускал вам комплименты? За это надо на три четверти спустить с вас штаны и бить по вашим жирным задам. Вы сами мне определили дату: 12.12.2025! Что имеем ныне? 2026 год на исходе!

*ПРЕЗИДЕНТ «ЛОКХИД».* Не всё получилось, Темнейший.

#### ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРЕНИРОВКИ В ПРИВОЛЖСКОМ ЛЕСУ

Бой на ножах и мечах между Иваном и Димой и остальными подростками, затем отработка приёмов «Свили», штурмового, волчьего боя.

Тренировку пронзил леденящий душу сдвоенный волчий вой – общий сигнал для всех. Полозков ахнул: наступающим блеском скрещивались над головой сидящего на пне Аверьяна два меча – двое учеников синхронно разрубили тренера, как мясную тушу!

Но Аверьяна уже не было на тусклой желтизне, куда сразу же врезались лезвиями мечи.

Молниеносный клубок тренерской плоти, обтянутый голубым трико, пружинисто разворачивался в метре от пня. А развернувшись, тараном выбросил в пространство ступню в белом кеде, угодившую одному из меченосцев в живот. Скрючившись от боли, нападающий дёргал из пня увязшее в нём остриё меча, второй, уже сделавший это, запустил блёсткое лезвие по кругу, рассекавшему Аверьяна напополам. Оно просверлило воздух в сантиметре от сухощавых ягодич подпрыгнувшего тренера, на лету отклонявшего корпус от другого, режущего падения отточенного лезвия.

Сына Полозкова Ивана рубили двумя мечами и секирой трое, в том числе и Димка, полосая хищно сгустившийся воздух серо-стальными вспышками лезвий. Туго сбитое, лаково блестящее тулово Ивана дёргалось в рывках и скрутах, уходя в последнее мгновение от смертельного хоровода свистящей стали.

Время от времени в шелестящую тишину, в запалённый, звериный храп схватки врезался тугой хряск: умудрялся доставать Иван двуногих волков вокруг себя – ногой и кулаками. В польном бессилыи трясло его отца-Полозкова. Уворачивался от хлещущих ударов Иван всё медленнее. Взяла былая полётность акробатических увёрток в трясинной усталости.

Но главное – как предсмертный флажок на ветру полыхал под ключицей Ивана красный клочок надрезанной кожи, заливая кровяной глазурью всю грудь.

Ранив Ивана, его натурально и подло, скопом, добивали!? Что происходит?! Коллективное бешенство сумасшедших?!

Калёная ярость вздыбилась в Полозкове, подбросила его с земли. Поймав взглядом догорающее синими протуберанцами кострище, понёсся он к нему страусиными скачками, пропуская под собой полуметровые пни. Достигнув палёной, хлестнувшей жаром в лицо окраины костра, уцепил Николай двумя руками полыхавшие ещё головни и, вздев два увесистых факела над головой, ринулся к сыну, коего добивала взбесившаяся стая.

Обжёгшись о красногрудую предсмертность его торса, взревел и хрястнул отец-Полозков своим дубинным факелом по лопаткам на спине друга Ивана – Димки:

– Ты что же творишь?! Н-н-на, сволочь!

Ужаленно отскочив, тот заорал:

– Ты чего, дед, офонарел?! Ванька, уйми своего кабана!

Здоровый жеребчатый гогот вспухал по окружности поляны. Полозков затравленно огляделся. Беззвучно тряся в хохоте невредимо сидящий на пне Аверьян. Ржало всё воинство, только что рубившее насмерть вожаков своих. Сотрясаясь в конвульсии, глянул Николай на опрокинутого сына. Но и этот подлец скалил зубы!

Со стонущим рыком опускался Полозков на землю: нестерпимо жгло ладони, кои стискивали полыхающие факела. Попробовал разжать их – не вышло: цементной крепостью скрючились пальцы на малиново рдевшем дубье. Взмыл с земли Иван, кинулся к отцу. Вдвоём с Димой, всё ещё дёргающим обожжённой лопаткой, они едва расцепили клещи непрошеного защитника.

Дурак дураком сидел на земле сырый, несчастный лёгчик, бессмысленно смаргивал слёзы и пот с ресниц, дул на ладони. Смех стихал. И в звончатую, кострищем прогретую мирную благодать поляны стали падать размягчённо-тёплые фразы:

– Ну, дедуля! Боец!

– Во наш защитник!

– Дед-то наш человек!

После схваток на телах подростков сочатся кровавые порезы. Бадмаев шепчет над ранами наговор, «склеивает» их пальцами.

После тренировки Иван с Димой и тренером на опушке леса. Иван зовёт тренера:

– Аверьян Станиславович, смотрите, четыре следа!

Бадмаев подходит, всматривается, «видит» происходившее:

– Волчья пара. Сидели, наблюдали за нами. Волк и волчица-двухлетка, с двумя щенками... голдные оба... она учит их мышковать.

Иван всматривается в следы, щупает их, продолжает:

– На правой передней лапе у самца давний вывих сустава... он семилетка... ухо разорвано и заросло наполовину... у волчицы на шее проплешина от укуса.

Наставник молча, ласково прикасается к его затылку: ученик приближается к учителю в экстрасенсорном видении.

### ПРОДОЛЖЕНИЕ ТРОННОГО ЗАСЕДАНИЯ

*АРХОНТ-Б.* Вы обещали полный запуск системы «Харпов» к 12.12.2025 с последствиями: два миллиарда жертв в региональных войнах, землетрясениях, цунами, наводнениях и Второе пришествие «Блю-Беа». Что мы имеем на сегодня? В могилах только жалкие миллионы! Что молчим? Где ваши шустрые языки? Какие годы самые эффективные?

*ПРЕЗИДЕНТ «ЛОКХИД».* 2018–2024. Разбужен вулкан в Исландии, пепельные выбросы парализовали все авиарейсы Европы на неделю. В этом же году землетрясение на Гаити: разрушено почти всё государство. В Японии землетрясение в 8–9 баллов, мы вывели из строя атомную энергетику в Чернобыле и Фукусиме. Снег в Африке. Ушли под лёд каналы в Венеции впервые за сотни лет. 2026 год – весенние паводки смыли мосты, плотины, обрушили многоэтажки в поселениях на Среднем Поволжье, в Сибири и Дагестане, в Сербии и Венгрии. Как итог – восемнадцать тысяч трупов.

*АРХОНТ-Б.* Что в Евразии? Каков эффект психотропного воздействия «Харпов» и американской платформы X-37-B на толпы?

*ПРЕЗИДЕНТ «МОНСАНТО».* В итоге облучения мозгов «Арабская весна», темнейший князь. Оранжевые путчи в Ливии, Египте, Грузии, Майдан на Украине, избрание в президенты под руководством израильского Моссада иудеев Порошенко, Ющенко, Зеленского. Четыре года войны меж Россией и Украиной. В гробах и общих могилах более двух миллионов славян, истребляющих друг друга. Гражданская война в Сирии, Израиль рвёт бомбами и ракетами сектор Газа, Ливию и Иран. Под развалинами – шестьдесят тысяч трупов. Перекрыт Ормузский пролив. Цены на бензин и дизель в Европе выросли вдвое. Энергетический кризис, а с ним и голод во всём мире неизбежен.

*АРХОНТ-Б.* Бетаньяху, что с вашей системой дебилизации молодёжи? В России? КНДР? Китае?

*БЕТАНЬЯХУ.* Мы запустили в эти страны программу потребляков – на уровне министров. В незрелые мозги вдалбливается цель: любой ценой обзавестись дипломом юриста, адвоката, журналиста и прочих грандов болтологии. А с этими дипломами красиво жить на жирные откаты – по эталонам шоу-звезд. Их голозадая толпа беснуется на всех телеэкранах. Дипломы инженера, технолога, станочника – то участь неудачника и толпаря.

*АРХОНТ-Б.* Насколько успешно выполнение программы?

*БЕТАНЬЯХУ.* Достаточно успешно в России. Это – главный объект нашего воздействия – скопище антисемитов и Иванов-дураков. В Китае, Северной Корее – всё сложнее. Там всё ещё смердит социализм – в современной упаковке. Но мы пытаемся воздействовать на Кремль, Пекин визитами американца Дрампа – в нём заложена и работает наша программа. Она сработала недавно стопроцентно – бомбы и ракеты на города Ирана.

*АРХОНТ-Б.* Вам комплименты, Бетаньяху, за сектор Газа и персов Ирана. Здесь есть результаты, а не болтовня. Качать его!

Из стен замка появляются сонмища зелёных человечков, биоуродов, по земным понятиям, «не-топырей» и «леших». Одни аплодируют Бетаньяху, другие подбрасывают его до потолка и ловят у самого пола, вызывая вопли.

*АРХОНТ-Б.* Теперь о главном. Когда Россия перейдёт на Европейские стандарты ювенальной юстиции?

*РОТШИЛЬД.* Закон о Ювенальной юстиции лежит в Госдуме пятый год.

*БЕТАНЬЯХУ.* Нашим агентам пока не удаётся протащить его: мы взламываем вековой менталитет семьи у варваров – арийцев и славян.

*АРХОНТ-Б.* Напоминаю: вундеркинды-индиго с чипом в голове – нужнейшие кадры надсмотрщиков и спецбойцов при Хомо-зоопарках.

*БЕТАНЬЯХУ.* Я это помню. Нам нужно заткнуть рты славянским, исламским и персидским патриотам-националистам.

*АРХОНТ-Б.* Теперь вы все поняли: нужна гражданская война в России, в ШОС и БРИКС?! Необходимо оттащить Армению и Грузию от России и сделать из них вторую Украину! Наводнить Америку мигрантами и наркотиками через Мексику! Любой ценой заразить Северную Корею гнилым растлительством Южной! Сменить правительства в исламском Иране и на Кубе!

Загоняйте в банкротство российские предприятия, наращивайте прибыли олигархам, подстрекайте рабочих к бунтам и погромам на примере Троцкистского 1917 года! Пусть олигархи разоряют мелкий и средний бизнес, плодят безработицу! И – главное: растлевают молодёжь! Раздувайте вопли недовольных властью в Интернете! Идите и работайте!

### ПРИВОЛЖСКИЙ ЛЕС

Подростки, среди которых Иван и Дима, заканчивают обряд тренировки прославлением Перуна:  
– Перуне! Вми призывающе ты! Славен и трёхславен буди! Орудия, хлеба, благости дажди! Тако бысть! Тако есмь! Тако буди!

Повторяют вслед за учителем истины Перуна:

- поделишься с сородичем – станешь богаче;
- где трудней, там праведней;
- не желай другому худа – не получишь его сам;
- предав мать, друга и Род свой, будешь навечно обращён Навью в скота;
- уже мёртв тот, кто боится смерти;
- прежде чем просить Перуна, устыдись: разве сам не достигнешь?

После молитвы идут к ледяной родниковой бочажине. Подростки ложатся на спины, вода накрывает их с головами. Они задерживают дыхание на несколько минут. Поднимаются. От их багряных тел валит пар. Идут к прогоревшему костру. Там начинается вакхическая пляска на раскалённых углях. На лицах подростков блаженный восторг.

...После занятий трое – Аверьян, Иван и Дима – идут к небольшому дому на краю посёлка. Это домик, доставшийся от родителей Полозковых. Иван растапливает баню. Трое парятся, чередуя парную с купанием в снегу. Аверьян, выбрав минуту, когда остаётся наедине с Иваном, спрашивает:

- Что с хоккеем?
- Тренер предложил контракт с юношеской сборной.
- Немного подожди. Есть и другие варианты. В тебе клубится чёрная прана. Что случилось?
- У дяди Кулагина совсем плохо на работе. Они с мамой близнецы, одна нервная система на двоих, оба не могут спать уже третью ночь, а с ними я не сплю.

### ТРОННЫЙ ЗАЛ ЗАМКА

Над ним смазанно вибрирует НЛЮ, утыкаясь синим лучом в замок. Внезапно выпрямился, открыл глаза и грохнул трезубцем о хрусталь подножья АРХОНТ-П (Перун) на соседнем троне.

*АРХОНТ-П.* Ты втискиваешь стратегию своего Блю-Беа в апокалипсис, как кот башку в кувшин со сметаной. Не боишься, что она там застрянет?

*АРХОНТ-Б.* Мой Светлейший брат спустился в наши миазмы бытия. Какая честь. С чего вдруг?

*АРХОНТ-П.* Ты прорвал границы своих функций апокалипсисом – сокращением человечества.

*АРХОНТ-Б.* Двуногие стада размножились недопустимо!

*АРХОНТ-П.* И ты решил их истреблять?

*АРХОНТ-Б.* Я?! Вот это новость, братец! Позволь напомнить: идею плазменного разогрева ионосферы «Харпами» внедрил в сознание Теслы ты. Не я, а ты делился с Вернером фон Брауном

и Оппенгеймером идеей ядерного синтеза, откуда вылупились атомные бомбы! Я был лишь на подхвате у всех вас! Я был в подмастерьях, когда вы воплощали в металл твои, а не мои идеи!

*АРХОНТ-П.* Люди хотели их воплотить для блага жизни, но ты тащишь всех к тлену, к смерти.

*АРХОНТ-Б.* Ты предлагал им творить добро, оттачивать свой интеллект в разумной бедности, но они предпочитали во все времена богатеть, потреблять и гадить, как начали в Содоме и Гоморре! Тебе не кажется, что двуногое изделие Создателя, так называемый Хомо Сапиенс, с браком?! Ему вновь нужен Потоп! Иль мой Блю-Беа!

*АРХОНТ-П.* Потоп наслал Создатель, когда счёл это нужным. Ты намерен заменить его?! Твоя эпоха Кали-Юги в Чертоге Лисы кончилась. Я принял власть в эпохе Водолея, в Чертоге Волка. И запрещаю истреблять славянство и мусульманство!

Перун закончил речь. Муляж опустил голову на грудь.

Дух высочился из него.

Взмыл в воздух Бафомет, завис в сумрачном пространстве зала, меся крылами воздух. И захрипел рокошуще вослед Духу Перуна, выплёскивая ярость оскорблённого.

*АРХОНТ-Б.* Меж нами СТАТУС-КВО! Ты охраняешь свет, я страж всей тьмы, не уступающий тебе! И буду прорезивать двуногую протоплазму под ногами! Века их ничему не учат! Как жрали, спаривались, убивали – так продолжают это делать! Земля не для стад уродцев, умеющих лишь гадить! Их расплодилось слишком много!

Багряно-туманный сгусток Духа выскользнул из его лба, пронизал пространство и исчез вверху, всочившись в потолок. Факел между рогами перестал искрить. Крылья обвисли, массивная туша грохнулась на пол, застыла. Служители в униформе, войдя в зал, разделались, стали разбирать два муляжа – один на троне, второй на полу.

\* \* \*

Городской каток в парке. Мать – Юлия Полозкова – и её сын Иван облюбовали сравнительно свободный угол катка, отрабатывают отдельные элементы из произвольной программы мужского одиночного катания: хоккейный вратарь обязан виртуозно держаться на коньках. Спустя несколько минут, закончив тренировку, садятся на снежный бортик, достают бутерброды. Из кустов появляется, садится в нескольких шагах крупная одичалая овчарка. Её замечает Иван.

- Как по расписанию, у Багиры часы на лапе.
- Это не Багира, скорее он – Акела, вожак бездомных, – поправляет Юлия.
- Держи, Акела, за точность, – бросает псу половину бутерброда Иван.

\* \* \*

Муж Юлии Полозковой, отец Ивана, Николай – лётчик-испытатель истребителей. Готовятся очередные испытания новейшей модели Су-57 в экстремальных режимах, и Николай практически не бывает дома, переведённый на круглосуточное пребывание в авиаотряде. Брат-близнец Юлии Олег Кулагин – главный инженер стратегического завода оборонной промышленности, живёт вместе с Полозковыми в одной квартире. Он холост. Предприятие, после ряда финансовых и торговых махинаций дирекции, находится на грани банкротства. Идёт массовое сокращение.

...Накалённый разговор Кулагина с директором: тот, нахапав миллиарды на сбыте продукции завода, намерен обанкротить его и перебраться жить на Кипр, на свою виллу. И поэтому вершит намеренное банкротство – с увольнением сотен рабочих.

...Перед заводоуправлением бурлит озлобленная толпа только что уволенных, выброшенных за ворота завода. Оставшиеся без куса хлеба рабочие начинают бить стёкла, крушить скамейки, переворачивают и поджигают машину директора. Кулагин видит всё это из окна третьего этажа. Бросается вниз. Директор говорит начальнику службы безопасности Рогову:

- С ним надо решать. Немедленно.

Начальник службы безопасности завода Рогов, бывший сотрудник ФСБ, посылает вниз двоих боевиков.

Во двор, в рабочую толпу, окружившую главного инженера, спускаются двое. Во двор заводоуправления с сиренами врываются машины с ОМОНОм, затаскивают зачинщиков бунта в машины.

Рёв, вой, свист, свалка. Двое, продравшись сквозь толпу, притискиваются к Олегу. Он вздрагивает от укола, оборачивается. Двое растворяются в толпе.

\* \* \*

Опять тот самый коток, где мать и сын кормят Акелу. Юлия несколько раз звонит по мобильному телефону. Олег не отвечает. Мобильник звонит сам. Из него напряжённый, усталый голос:

- Вы Юлия Полозкова?
  - Кто это?
  - Хирург Стенин из областной хирургии. Мы готовим вашего брата Олега Кирилловича к операции.
  - Что с ним?!
  - Обширный инфаркт. Привезли полчаса назад. Он попросил известить вас.
- Кулагин умирает за несколько минут до начала операции.

\* \* \*

Пустая квартира Полозковых после похорон и поминок. Здесь сын Иван и однокашник, давний семейный друг Полозковых офицер ФСБ Лесин. Муж Юлии Николай прямо с кладбища выехал в лётный отряд: там предполётный испытательный режим, и лётный состав уже около месяца находится при отряде в круглосуточном режиме.

Осунувшаяся Юлия, белея лицом, сидит у занавешенного чёрным крепом зеркала. Иван потерянно бродит по квартире. Лесин прерывает гнетущее молчание:

- Юля, прости... я понимаю, сейчас не время... но его нельзя терять. Ты не находишь ничего странного в кончине брата?

Юлия молчит.

- Юлечка, дорог каждый час. Олег рассказывал что-нибудь о взаимоотношениях с администрацией завода? Был там какой-либо конфликт?

Юлия поднимет голову. С ней начинается истерика:

- Ты... спрашиваешь меня, бабу, про Олега?! Это я должна спросить тебя, офицера, что сделано для защиты твоего друга, лучшего технолога оборонки от заводских шакалов?! Они громят, загоняют в банкротство завод, чтобы смыться за бугор! А вы, офицеры ФСБ, пытаете сестру в день похорон: какой у брата был конфликт с дирекцией! Это не конфликт – а убийство свидетеля и противника их махинаций! Они обросли виллами, яхтами, золотом, но всё никак не нажмутся! А вы только чертите красные линии да выражаете озабоченность! Не хочу видеть никого... уходи!!

– Прости.

Лесин уходит. Юлия плачет. Иван стоит перед ней на коленях, пытаясь утешить. Спустя несколько минут мать успокаивается. Ивана трясёт от озноба. Он спрашивает:

- Ма... папа опять не придёт?
- Ты спрашиваешь это в третий раз... пора взрослеть, Ваня, у отца такая профессия: приносить в дом деньги и исчезать на своём самолёте. Хорошо хоть не навсегда.
- Что ещё сделать... я вымыл пол... пропылесосил... что ещё?
- Иди в школу, сын.
- Не пойду! Как ты здесь одна?!
- Иди, Ванечка. Школа – единственное место, куда нельзя не ходить.

\* \* \*

Школа. После уроков, не заходя домой, Иван идёт на тренировку в спортшколу, в секцию самбо, на тренировку к Аверьяну Бадмаеву. Но её проводит сегодня второй тренер, Кудимов, работающий с более старшей группой в соседнем зале. Он заменяет Аверьяна, у которого неотложный вызов в ФСБ, где тренер ведёт занятия в спецгруппе, и предстоящий выезд с президентом за рубеж в группе экстрасенсорной защиты и охраны.

Разминка у Кудимова. Иван мрачен, неразговорчив: давит предстоящий отъезд его наставника Аверьяна Бадмаева.

На спарринг с Иваном Кудимов ставит партнёра из своей группы. Рослый, накачанный парень Махмуд, сыновний баловень торгового магната Исламова, нехотя, с усмешкой спрашивает:

– Ну чо, суслик, побалуемся?

Вполсилы проводит приём и оказывается на полу.

– Ах ты... – Хватает Ивана в плотный и жёсткий захват. Но вновь с грохотом летит на спину. С ковра поднимается остервеневший, жёстко собранный мститель.

– Ты меня достал, русский говнюк. Теперь не скули, врубаю боевое самбо... будем размазывать тебя по татами.

В глазах Ивана режущий, свинцовый блеск: он отбивает два нападающих удара «засечным стыком» из штурмовой драки Радогора, «буздыганом» ломает нападающему ключицу и швыряет его на пол. В нападение бросаются три спортсмена из группы Кудимова. Через секунды первый отлетает от стопы Ивана ударом в голову и неподвижно застывает вниз лицом на полу. Трое других, наткнувшись на «клюку» и «подсад с биты», корчатся рядом. К ним бегут Кудимов и друг Ивана Дима. Дима обхватывает Ивана поперёк туловища, удерживает.

– Полозков, мерзавец! – ревёт Кудимов. – Прекратить бандитизм! Вон отсюда! В кабинет директора.

Он звонит Бадмаеву по мобильнику:

– Аверьян Станиславович, здесь ЧП! Ваш Полозков бандит! Выключил нокаутом троих, четвёртый искалечен! Приёмами из вашей драки Радогора!

...Час спустя. Кабинет директора. Здесь прибывший Бадмаев, Кудимов и директор. Перед ними стоит Полозков.

– Может, объяснишь своё зверство? – спрашивает директор у Полозкова. – Четверых увезли в больницу, они напрочь выбиты из тренировочного процесса. Накануне соревнований!

– Здесь не шахматный клуб. У нас дерутся! – неукротимо отвечает Иван.

– Дерутся негры в Гарлеме! А у нас состязаются партнёры одной школы, одной команды! – катком наезжает Кудимов.

– Он обозвал меня сусликом и русским говнюком, – не опускает глаз Иван, – а трое полезли защищать его.

– Если здесь так обижают, может, хватит раскорячиваться на две секции? Пора определиться: наша рукопашная или хоккей. Там у вас полный цирлих-манирлих.

– Ваня, выйди, – просит Бадмаев.

Полозков выходит. Бадмаев встаёт.

– Вы не учли в этой ситуации фактор обороны! – жёстко и гневно выцеживает Бадмаев. – Полозков оборонялся против четырёх нападающих после оскорблений в свой адрес.

– Он мог выслушать в свой адрес ещё с десятков филологических выражений. Но это не даёт ему право включать в самбо вашу чёртову драку Радогора и разжигать в школе костоломный бандитизм! – наращивает напор Кудимов – бледная тренерская тень от спортивного и спец-статуса Бадмаева.

– Всё! – прекращает разговор директор. – У парня перелом ключицы. А его отец Исламов, глава мигрантской диаспоры, везёт на себе четверть нашего бюджета, Аверьян Станиславович! Вы понимаете, что это ЧП уже сегодня с его подачи дойдёт до министра! Ваша подпольная, незаконная драка Радогора и её вундеркинды у всех как кость в горле!

– Я это давно понял, – подводит итог разговору Бадмаев, – сегодня напишу заявление.

– Что значит, заявление?! – ошарашен директор. – Аверьян Станиславович, вас никто не собирается увольнять... максимум выговор...

– Вечером принесу заявление, – повторяет Бадмаев.

Идёт к двери.

– Мы создали вам все условия для тренировочного процесса, вы принесли славу нашей школе... что вас не устраивает? – Директор в полной панике.

– Меня не устраивает атмосфера холуяжа перед жирными мигрантскими котами. В ней лезет наверх, обретает боевые навыки, диктует правила поведения в школе мигрантская стая, смазанная баблом. А в угоду ей подавляются русские спортивные таланты, родители которых не в состоянии платить за сына. Это все видят, но молчат, потому что на заоравшего об этом обрушивают обвинения в разжигании! Вы калечите психику ребят, унижаете их спортивное достоинство. Я не раз пытался

говорить на эту тему. Но сегодня понял, что пока это бесполезно. Пока! Когда придёт время и лопнет наше терпение, с вами будут говорить по-другому! Честь имею.

...По улице идут Иван и Аверьян Бадмаев. Иван потрясён уходом Бадмаева из школы, просит прощения:

- Аверьян Станиславович, я не сдержался... подставил вас, учителя...
- Ты всего лишь вскрыл гнойник. И помог мне принять решение.

\* \* \*

Тренировка юных хоккеистов в Ледовом дворце. Перед воротами Ивана Полозкова драка. Тренер Глызин стоит рядом со схваткой, наблюдает, посмеивается. На трибунах вокруг арены кипят родительские страсти:

- Дай ему!
- Чего сопли распустил? Вставай!
- Генка, хуком... хуком справа!
- Лапша! Вставай, сказал!

Отец Ивана – пилот Николай Полозков, отпущенный из лётного отряда на двое суток, сидит на трибуне рядом с женой Юлией. Он в гневном изумлении от бездействия тренера:

- Тренер стоит и ухмыляется! Что происходит?! Почему не остановит эту свару? Какого чёрта?!

Юлия дёргает мужа за руку:

- Николая, успокойся. Он выпускает пар.
- Они друг друга изувечат!
- Обычная для ледового шоу потасовка.
- Ванька чего полез в свару?! Он же вратарь!
- Один за всех, а все за одного в команде, Коленька.
- Это бандитский мордобой, а не хоккей!

Тренер Глызин прекращает схватку свистком. Объявляет наказание:

– Котов, за тычок клюшкой в драке – десять кувырков и две минуты штрафа. Рогов, за удар ниже пояса – два буллита в ворота Полозкова. Полозков, на место!

Котов выполняет кувырки, Полозков занимает место в воротах, Рогов готовится к буллитам.

Юлия оборачивается к мужу:

- Ну, успокоился? Здесь всё по правилам.
- В тебе прорезалось что-то новое. Холодное, как собачий нос.
- Ты просто этот нос давно не шупал.

Полозков, играючи, отбивает оба буллита. Отец Рогова на трибуне рвёт и мечет:

- Мазила! Готовь зад, дома надеру!

Жена дёргает его за руку:

- Гена, сядь! Оборзел, что ли, это ж вратарь-сухач, Ванёк Полозков, а не Эрик.

\* \* \*

Кабинет хоккейного тренера Глызина после тренировки. Идёт обсуждение предстоящего выезда на турнир в Казань. Глызин объявляет сумму взноса с родителей на поездку: двенадцать тысяч. Полозков в шоке, наклоняется к жене в изумлении:

- Во сюрпризики... На прошлом турнире уложились в пять. Где взять двенадцать?

– Это ты у меня спрашиваешь, Коленька? – В глазах Юлии тоска – лётчик-испытатель, майор ВВС задаёт жене интересный вопрос.

- Расплатились за жильё, газ, свет. Всё остальное пожирает ипотека.

- Не надо было выбирать трёхкомнатную. Что будем делать? Откажемся от поездки?

- Есть второй вратарь, Эрик... не всё же на Ваньке выезжать.

– Он первый, Коленька. Весь в тебя, незаменимый в форс-мажорах. А форс-мажоры в хоккее на каждом турнире.

- Мне выпрыгнуть из штанов? Сейчас мы на мели, – угрюмо отвёл глаза Полозков.

– Мы на мели уже десять лет, товарищ майор. Я тебя поняла, – с покорной горечью констатирует Юлия, идёт к тренеру.

- Артур Кузьмич, Ваня не сможет поехать в Казань, рассчитывайте на Эрика.
- Не понял! – изумлённо напрягся тренер.
- Мы не потянем двенадцать тысяч – это перебор для нас.

Гул родительских голосов.

- Ну, Юлёк, вы даёте! Финка в спину команды!
- Без Ваньки, с одним Эриком на турнир?

– Бред какой-то... там соберутся звери: Москва, Казань, Челябинск, Пенза! Да нас раздолбают без Ванька всухую!

– Стоп! – Поднял руку владелец автозаправочной станции Родион Аукин. – Всё это трёп, воду в ступе толчём. Без Полозкова – ехать на позор. Что из этого вытекает? С носа по тыщёнке! И без базара. Кто кинет больше – расцелую взасос.

Гогот мужиков. Встаёт менеджер «Нефтегазопровода» Курдюмов.

- Даю три. Но вместо тебя засос от Юленьки. Юлёк, ты как на это?

Юлия с томной грацией поводит бёдрами:

- Да хос-с-споди, я-то думала, как самой напроситься.

Поднимает руку бизнес-леди, владелица СПА-салона и двух магазинов:

- Даю пять. Но за первый вариант засоса с Родионом.

Аукин идёт по кругу с кожаной кепкой. Подносит собранные деньги тренеру. Тот считает.

- Двадцать пять. Двенадцать в общак на поездку, тринадцать Полозковой на текущие расходы.

Полозкова отшатывается:

- Да вы что, Артур Кузьмич! Верните лишние!

Гул родителей:

- Юлёк, обижаешь! Бери, не ломайся!
- Для Ваняхи пригодятся.
- Без Ваньки нам полный абзац!

Юлия берёт деньги. Глызин дует в свисток, зычно командует:

- Р-р-распла-а-а-а-ти-и-ились по договорам!

Под рёв и гогот две пары целуются. Полозкова после поцелуя идёт к мужу.

– Вот такая у нас се ля ви, Коленька. Ты задушишь свою Дездемону сейчас? Или отсрочишь до дома?

- Я не оскорбляю твой нюх, Дездемона?
- О чём ты?
- Я весь в дерьме.
- Ты не в дерьме, товарищ майор. Ты здесь в русском спортивном братстве.

\* \* \*

Глызин уводит родителей в зал на совещание – обсудить детали и командный состав для поездки. Николай Полозков остаётся в кабинете. Дремлет. Входит экзотическая личность в бобровой шубе, по плечам стелются чёрные пряди длинной причёски. Спрашивает с еле заметным украинским акцентом:

- Притомились, Николай Егорович?

Полозков поднимает голову.

- Есть такое дело. Последняя неделя – хронические недосыпы. Простите, с кем имею честь?

– Венгеров. Аполлон Юрьевич. Эксперт, инструктор Министерства спорта по психологическим и этническим проблемам. Здесь в командировке.

- Сочувствую.
- Судя по всему, вы здесь нечастый гость.
- Что, заметно?

– Я наблюдал за вами с трибуны. Ваша реакция на драку у ворот, вся эта складчина на поездку, поцелуйная расплата... дикость, не правда ли?

- Ближе к делу. Чем обязан такому вниманию?
- Заботой о вашем сыне.
- А её хватит на всех?

- То есть?
  - Наверняка в столице немало своих спецкиндеров от чиновников. А тут ещё мой периферийный в придачу. Не надорвётесь?
  - Зря вы так. В хоккее команда, как одна семья. Случается, родители не могут сопровождать мальчика на турнир, тогда заботу о нём берут на себя остальные.
  - Помню, такое было. Ближе к делу можно?
  - Даже нужно. Вы не хотели бы отдать своего сына в фостерную семью, которая будет за ним систематически присматривать и заботиться?
  - Какую?
  - Фостерная семья – европейский термин. По-русски – приёмная семья. В нашем случае – со спортивным уклоном.
  - Господин Венгеров, в вашем министерстве у всех такая манера – сначала ляпнуть, а потом думать? При живом отце и матери их сына – в чужую приёмную семью?
  - Прекрасная реакция. Другой, на вашем месте, схватил бы меня за грудки.
  - Это в лучшем случае.
  - Если позволите, продолжим о моём ляпе.
  - Я слушаю.
  - В Государственной Думе уже третий год лежит закон о ювенальной юстиции и фостерных семьях. Надеюсь, когда мы смажем эту проблему баблом, его скоро примут.
  - При чём здесь я?
  - По этому закону органы опеки смогут изымать ребёнка из семьи.
  - Что значит, изымать?
  - В любое время, под разными предлогами. И это коснётся вас вплотную.
  - Послушайте, Венгеров...
  - Например – за удушающую любовь.
  - Что за бред?
  - Это не бред, майор Полозков. Вы – семейный диктатор, запретили сыну смотреть эротическое шоу по ТВ и пользоваться гаджетом больше получаса в день. Смотреть концерт тяжёлого рока на эстраде. И употреблять лёгкие наркотики на дискотеке. Это классифицируется в Европе как узурпация прав ребёнка на свободное изъяснение своих желаний. Что наказуемо.
  - Вы серьёзно?
  - Я абсолютно серьёзен. Продолжим?
  - Ну, валяйте.
  - Ещё один эффективный повод изъятия ребёнка из семьи: недостаточное материальное обеспечение его в рамках европейского стандарта.
  - Закон рождали дебилы? Под этот повод сейчас попадут 70 процентов российских семей. У всех надо отнять детей?
  - К 2027 году под этот закон в России должны попасть, по нашей стратегии, 90 процентов семей. Но ваша попадёт гораздо раньше.
- Полозков долго и внимательно изучает Венгерова.
- Откуда информация?
  - Она у меня гораздо обширнее, чем вы думаете. Вскоре у вас испытательный полёт на Су-57 с тягой 18 тонн и отклоняемым вектором тяги. Вам предпишут работать семь минут в форсажном режиме на двойном сверхзвуке. И в этом режиме запускать ракеты.
- Полозков ошарашен.
- Вы сунули нос не в своё дело... не боитесь, что его оторвут?
  - На этом режиме, – размеренно прерывает Венгеров, – вы включите искусственный интеллект истребителя ПАК ФА и РЛС «Ирбис». Вы приготовитесь к пробному пуску четырёх новейших ракет С-71К на тройном сверхзвуке. Две из них РВВ-АС с головками 9Б-110 ЗМ и две Х-3 с инфракрасными цифровыми головками пятого поколения «воздух – воздух» и «воздух – поверхность».
  - Ты не боишься попасть в одну контору, где из тебя выбьют правду о твоих шпионских связях? – едва разлепил губы Полозков, поскольку эти подробности знал лишь он сам, генеральный конструктор НКБ «Вымпел» и его зам.

– Не боюсь. А дальше всё очень плохо, – наклонился к нему Венгеров, обжигая полыхающим ультрамарином глаз, – перед вами возникнет и ринется на вас АНО, некий Агрессивный Неопознанный Объект.

– НЛО?

– Нет. Это управляемая с ХААРПа ракета-плазмод, мы ласково зовём их «плазмики». Он пойдёт в атаку на ваш засекреченно-экспериментальный Св-57. Вы не успеете пустить в него ракету Х-3. И из вашего истребителя полетят клочки. Но вы успеете катапультироваться.

– Ну спасибо.

– После чего вас вышвырнут из ВВС за проявленный непрофессионализм, замедленную реакцию на АНО и потерю самолёта. В итоге у сына возникнет «недостаточное финансовое обеспечение».

– Пошёл вон, – разлепил губы Полозков. – К тебе сегодня придут двое наших в штатском. Такие, как ты, лакомый кусок для них.

– Конечно, Николай Егорович, – широко улыбнулся Венгеров. – Я с удовольствием с ними побеседую. Но вначале несколько любопытных пустячков.

– Может, не надо?

– Надо, Коля, надо...

Венгеров берётся правой рукой за край стола и поднимает массивный стол над полом. Перебрасывает его из правой руки в левую. Опускает на другое место. Смотрит на стоящую настольную лампу. Она уползает на другой конец стола.

– У нас, чипизированных андроидов, другая реакция, другие мышцы и другой способ подпитываться энергетикой и излучать её. Эта назойливая дрянь надоела.

Ловит пролетающую муху. Разжимает ладонь – муха взлетает, Венгеров ловит её другой рукой.

– Скорость полёта мухи может быть вдвое больше, но у нас это не имеет значения.

– У «нас» это у кого?

– У тех, в чьём рождении и воспитании приняли участие не только мама с папой.

– А кто ещё?

– Производители таких, как я, мутантов с чипом под ледяной крышей. Среди горячих гейзеров. Я из них худший. Выпущенный оттуда на поверхность как брак.

– Откуда выпущен?

– Твои вопросы надоели, – брезгливо выцедил Венгеров.

Впивается в Полозкова гипнотически раскалённым взглядом. Неведомая сила начинает скручивать пилота. Он почти теряет сознание.

– Хватит!

– Прошу прощения, майор, но ваш скепсис потребовал нестандартных доказательств наших спецвозможностей. Вернёмся к судьбе сына. У вас накопилась ко мне масса вопросов по сыну. Задавайте.

– Зачем вам мой Ванька?

– Он созревающий индиго. В его вратарских и боевых успехах, в умении различать суть организма при прикосновении к его плоти – проявления экстрасенсорики. Из таких мы лепим Надзирателей для будущих Хомо-зоопарков, или кшатриев по индийской терминологии. Это каста второго сорта, подобные мне.

– Есть и первый?

– О них пока вам рано знать. Полезнее узнать о третьем сорте – финансовые, промышленные магнаты, так называемое Мировое правительство. Мы – над ними и направляем их. Все остальные, которые под ними выживут, – четвёртая, низшая каста для Хомо-парков.

– Выживут после чего?

– Есть зоопарки для зверей. Мы создадим Хомо-парки для людей, прореженных Блю-Беа. Или, понятней – Апокалипсисом. Чтобы внедрить в них, чипизированных, наш новый порядок.

– А если проще?

– Запущена и отлаживается планетарная система энергооблучателей ионосферы ХААРП. Главные из них: на Аляске близ города Гакона, «Тормс» в Норвегии и «Эксмонт» в Западной Австралии. Это тулово спрута. Все остальные на планете – щупальцы.

– Щупальцы воедино связаны?

– Это – единый механизм управления геосейсмическими и климатическими процессами на планете. Это механизм катастроф, и мы готовим так называемое Второе пришествие – БЛЮ-БЕА в час пик. В нём выживет не более четверти населения планеты, над которым воцарится воля нашего бога, бога бандеро-иудеев. Уже готовится в Иерусалиме для него ХРАМ МАШИАХА.

– Вы делитесь этим планетарным людоедством со мной... Зачем?

– Затем!! Эг\*е ашер Эг\*е! (Не твоё собачье дело. – др.-евр.) – взрычал Венгер. Но тут же, обуздав себя, продолжил: – В будущем Апокалипсисе я предлагаю вам приют для сына, а значит, и для вас с женой. За безопасное место рядом с нами, около нас, будут насмерть грызться олигархи, банкиры и правители! И отдавать любые деньги, цена которых с помощью вашего, точнее – нашего, Центробанка станет не дороже пипифакса.

– Зачем вам, таким всемогущим, моё согласие? Вы, как я понял, в состоянии силой взять Ваньку.

– Здесь для нас непреодолимость, майор. Психосоматика нейронных связей у сына и отца – как два сообщающихся сосуда. При повреждении или ступоре одной – выходит из строя и другая. Вы, отец, против фостерных семей, и сын не может противиться вам и нам без повреждений в своей психике.

– А вам нужна неповреждённая?

– Нам нужно согласие отца, то есть вас, на уход сына в фостерную семью, а значит, устойчивая психосоматика подростка.

– Значит, если сын отторгнет меня за отказ...

– Это будет подарок нам. Тогда его психосоматика, как я уже сказал, станет нашей без повреждений.

– Вы поделились со мной преступным секретом, хозяйской тайной. Вы же исполнительный лакей при хозяине. Не бойтесь наказания?

– Нет. Услышанное здесь останется внутри вас. Там моя гипнозаслонка.

– Вы уверены, что сопротивление землян вашему Блю-Беа-Апокалипсису бесполезно?

– Практически да. Единственная проблема – швабианцы.

– Кто такие?

– Под льдами Северного полюса живут элитные германцы бывшего Рейха. Перебазированы туда на подлодках в сорок пятом. Все замеченные людьми объекты, подобные мне, – их изделия. Они с нашей помощью опередили вас на полсотни лет в космических и нано-технологиях. Но они же и стали противниками наших «Харпов»: мы разрушаем плазменными разогревами ионосферы ледовую крышу над их жилищем. Похоже, раб, теряющий своё обиталище, начинает бунтовать против господина.

– Значит, глобальное потепление – ваша работа?

– Естественно.

– Всё сказанное похоже на бред параноика. Почему я должен верить?

– Поверите завтра. Мы продемонстрируем наши возможности. Завтра над деревней, где у вас дом, пронесётся смерч. Второе. Сюда идёт ваша супруга. Попробуйте ей рассказать, что вам приснилось. Вы же дремали до меня, не так ли?

Венгер уходит. Полозков закрывает глаза. Входят тренер Глызин и Юлия, видят спящего Николая. Юлия будит мужа:

– Коля... Коля, проснись!

Полозков просыпается, дико осматривается. Видит Глызина:

– Ваш кабинет похлеще кинозала, такая чертовщина лезет в голову во сне...

– Стол отодвинули во сне?

– Какой стол?

– Вот этот, мой. И кубок отшвырнули. С какой стати?

Полозков встал, вспомнил. Венгер не был сном.

– Прошу прощения, Артур Кузьмич. Скорей всего, непроизвольная конвульсия во сне. У нас, лёгких невротиков, это бывает. Юлия, идём.

Они выходят. Полозков хочет рассказать Юлии о Венгерове. Пытается раз, другой. Но гипнотическая заслонка в мозгу намертво стопорит все речевые попытки поделиться услышанным от Венгерова – его корёжит и трясёт. Дома он садится за стол: пробует написать и оповестить свой спецотдел о том, что предназначено человечеству и России биороботами, суперкиборгами Венгеровыми и их хозяевами. Но не удаётся и это. Разум Полозкова и его организм воспалённо бьются в венгерском гипнокапкане.

# Берега драматургии

## Валерий Иванов-Таганский



*Валерий Иванов-Таганский – писатель, драматург. Окончил Щукинское театральное училище, Литературный институт им. М. А. Горького и ГИТИС. С 1966 по 1977 год работал ведущим артистом Московского театра на Таганке, заслуженный артист РФ. Академик, первый вице-президент Петровской академии наук и искусств. Многолетний ведущий передачи «Искатели» на Первом канале. По роману автора «Семя отечества» снят многосерийный фильм «Репортёры», член Союза писателей России, лауреат Международной премии по литературе «Имперская культура».*

## Вступительное слово Лидии Довыденко

### РУССКИЙ ИНТЕЛЛИГЕНТ И «ГИБРИД ТАНЦОРА С КАЛЬКУЛЯТОРОМ»

#### *О пьесе Валерия Иванова-Таганского «Пикник под старой крышей»*

Что значит сегодня быть русским драматургом, когда театры заполнили бессодержательные пьесы? Валерий Иванов-Таганский отвечает на вопрос своей новой работой «Пикник под старой крышей», отдавая дань благородной классике, отвечая на вызовы времени в условиях духовно-нравственного кризиса. Известный русский философ Николай Бердяев в книге «Философия неравенства» говорит о служении другим, служении человеку и миру. Иванов-Таганский изначально не нуждается в самовозвышении, он изначально стоит достаточно высоко, восстанавливая в правах классический театр, и в этом видит свою миссию.

Пьеса «Пикник под старой крышей» поднимает несколько важных тем: сложность жизни русского интеллигентного человека в условиях навязанного обществу дикого капитализма, трудность, а иногда невозможность оставаться культурным, совестливым человеком, нести бремя семьи, продолжать сохранять традиции интеллектуальной семьи, поддерживать дом ушедшего в мир иной отца, наблюдать, как прежние друзья теряют те духовные качества, которые и делали их друзьями, в то время, как другие надрываются и теряют здоровье в противостоянии уничтожению культуры, утверждая всё то, что всегда было свято, уходя в окопы СВО, как поступил герой пьесы Валентин Терехов.

«Важно лишь то, что мы делаем», – говорит герой пьесы Святополк. Старый дом, построенный отцом Святополка, археологом и интеллектуалом Александром Фёдоровичем Соловьёвым, трещит по швам, он давно уже нуждается в ремонте, но нынешний его хозяин Святополк – в постоянных долгах. Мысль о продаже дома звучит в пьесе, но как продать любовь, дружбу, мечты, связанные с состарившимся домом, продать то время, которое сейчас вспоминается как праздник, как стихи читали, как капустники организовывали.

«Мы тогда счастливы были, – говорит Ирина, жена Святополка. И продолжает с горечью: — Сейчас люди разделились. Одни дворцы строят, деньги мешками за границу увозят, а другие выживают. Жизнь стала похожа на корриду: одних забивают, другие вместо них становятся, третьи утверждают, что они никогда так хорошо не жили».

Вспоминаются и репризы. «Что такое вобла? Это кит, доплывший до коммунизма». Подобные репризы прессовались представителями власти. Но и сейчас разделение в обществе, социальная незащитность вынуждают мечтать о богатой природой Сибири. Но вот тревожный знак: часы в доме остановились.

Приезд на пикник Михаила Лазина, врача, хирурга, предвещает характеристика его Святополком: Лазин – «гибрид танцора с калькулятором».

Дом хочет приобрести разбогатевший на взятках Лазин (школьная кличка «Лазейка»), благодаря пронырливости), затеявший интриги в виде ложной информации о том, что территорию дома власти

отдают под некое строительство, что здесь будет проходить автомобильная трасса. Затея связана с тем, чтобы подтолкнуть Святополка продать дом Лазину.

Студентка Рая, за которой ухаживает Лазин, потому что она дочь губернатора, рассказывает Ирине, как сам себя называет Михаил Лазин: «Утилитарист» – человек, из всего извлекающий выгоду. Ирина советует ей не доверять Лазину, ведь он бросил, «переступил» через её подругу Нилу, которая стала женой Валентина Терехова. Нила – верующий православный человек с большим сердцем.

Терехов – остроумный, обаятельный человек, совершивший подвиг, вынося с поля боя СВО своего друга с оторванной ногой, получил обширный инфаркт. Его лицо напоминает византийскую икону, как заметил Святополк. Нилу называет своей берегиней. Не случайно Валентина усаживают за столом на место, где сидел Александр Фёдорович.

«Люди крутятся, а стоят на месте», – замечает охранник дачного кооператива, так как Святополк ему задолжал, призывает Святополка уйти с должности рабочего, будучи инженером, но тот не хочет «ходить перед начальством на цыпочках, не похмеляется по утрам».

Старые друзья собрались вместе в честь 80-летия Соловьёва, настоящего хозяина, посадившего сад, который без ухода сейчас запущен. Речь заходит о природе, которая умирает, как старый пёс Александра Фёдоровича, который своим воем хочет сказать людям о своей боли, звериной и невыносимой, о желании ухода и общения с людьми, желании убежать в лес в надежде, что лесная травка поможет облегчить его страдания, но люди его не отпускают, а убивают из отцовского ружья руками измотанной Ирины, чтобы только не слышать боли природы.

Круг пяти друзей сужается, Лазин выходит из него как предатель всего того, чему учил Александр Фёдорович. Благодаря Рае Святополк получает повышение в должности на заводе, Валентин возвращается к работе реставратора как лекарству для его физического здоровья и как своему долгу и предназначению. Несомненно, друзья отремонтируют старый дом, оставаясь на позициях совести, а часы снова работают, извещая о времени возрождения, духовного преобразования.

Такие люди, как автор пьесы, дают новому времени полноту, осознанность и волю к нравственному здоровью и возрождению русской сцены. К тому же Валерию Александровичу Иванову-Таганскому свойственно чувство стиля и атмосферы всего спектакля. Он сочетает в себе мастерство и талант профессионала с глубокими познаниями истории театрального искусства и новаторский подход.

## ПИКНИК ПОД СТАРОЙ КРЫШЕЙ

### *Пьеса*

#### ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Святополк Соловьёв – инженер  
Ирина – его жена  
Михаил Лазин – врач-хирург  
Рая – его невеста, студентка  
Валентин Терехов – реставратор  
Нила – его жена, музейный работник  
Охранник

#### ПЕРВОЕ ДЕЙСТВИЕ

Всякое царство, разделившееся само в себе,  
опустеет; и всякий город или дом,  
разделившийся сам в себе, не устоит.

*Загородный дом археолога Соловьёва. Внутренняя часть разделена на две комнаты.  
На стене большой комнаты развешено оружие: сабли, мечи, шлѐмы, охотничье ружьѐ.  
В центре – большая фотография хозяина дома, стоящая на старинном проигрывателе.*

*В другой комнате: диван, стеллажи с книгами, несколько икон, вмонтированных между полками, семейные фотографии. В углу запасная дверь во двор. В центре сцены – длинный стол, вокруг деревянные стулья. В глубине – огромное чучело в доспехах – «Цинь». Перед входом в дом столик со скамейками, небольшой навес, под которым лежак, покрытый соломой.*

*Входят Святополк с сумками и Ирина с детской коляской.*

**Святополк** (*кладёт сумки на столик. Слышен отдалённый лай собаки.*) Слава богу, добрались! Баян! Баян! Что он так расшумелся? (*Уходит за дом.*)

**Ирина.** Смотри, Катю разбудил. (*Качает коляску.*) Что, моя девочка? Не пугайся, мы уже дома.

**Святополк** (*возвращается, чистит брюки от собачьей шерсти*). Постарел пёс, линяет, глаза слезятся... Настоящий волк. Прав был отец, гибриды на старости лет на волков похожи.

**Ирина.** Всё, Катя проснулась. (*Усиленно качает коляску.*)

**Святополк** (*зло*). Наверняка Степаныч его плохо кормит, куча старых костей вокруг... (*Смотрит в коляску.*) Катюха, спокойно, мы дома!.. Посадил пса на короткую цепь. (*Вой собаки.*) Смотри, теперь завыл.

**Ирина.** Как из преисподней воеет.

**Святополк.** Тихо, Баян!

**Ирина.** Не кричи так, Катю напугаешь. Пошли, надо что-то приготовить, скоро гости приедут. (*Смотрит на часы.*) Боже мой, да они вот-вот будут.

**Святополк.** Где ключи?

**Ирина.** В чёрной сумке.

**Святополк** (*роется в сумке.*) У тебя здесь миноискателем надо искать. А, вот они! (*Глубоко вздыхает.*) Чувствуешь воздух – сплошной озон. (*Открывает дверь.*)

**Ирина.** Помогите мне поднять коляску. Внимательно! (*Заносят коляску в дом, Святополк открывает окно.*) Зачем открыл окно?

**Святополк.** Проветрить.

**Ирина** (*резко*). Четыре года назад ты так Гришку простудил, а сейчас и Катю хочешь? Быстро закрой окно!

**Святополк.** Ты можешь немножко притормозить? (*Утрированно копирует последнюю реплику жены.*) С минуты на минуту появятся гости... Надо проветрить помещение, убрать, стол накрыть... Ты не мать, а шаман какой-то. (*Подает ей одеяло.*) Закутай её и поставь коляску в маленькую комнату.

**Ирина** (*зло*). Зачем ты мне эту дрянь суёшь? Этому одеялу сто лет. К тому же оно грязное. Ничего себе, папочка проявил заботу! (*Снимает плащ и закутывает ребёнка. Провозит коляску в маленькую комнату.*) С тобой не шаманом станешь, а шарманкой.

**Святополк.** Не слышу, что ты там бормочешь?

**Ирина** (*издалека*). Вот так, моя девочка, здесь тебе будет хорошо.

**Святополк.** Ирина, надо обогреватель включить, холодно в доме.

**Ирина.** Подожди! Сейчас, успокою Катю, и всё сделаем.

**Святополк.** Спокойно, я сам всё сделаю. (*Включает обогреватель, убирает со стола пустые бутылки и кладёт их в угол, стряхивает скатерть, снова кружит по дому. Подходит к чучелу «Цинь», пробует включить светильники; тихо.*) Отцовская техника сломалась.

**Ирина** (*из другой комнаты*). Не слышу.

**Святополк** (*щёлкает выключателем; громко*). Светильники у «Циня» не горят.

**Ирина** (*выходит*). Жалко! Дом трещит по швам – надо его продавать.

**Святополк.** Сбылись предсказания отца – китайская цивилизация становится первой.

**Ирина.** А где мы?

**Святополк.** У нас ещё всё впереди.

**Ирина.** Сколько я себя помню – у нас всегда всё впереди.

**Святополк.** То, что мы знаем, или то, во что мы верим, – в конечном счёте большого значения не имеет, Ира. Важно лишь то, что мы делаем.

**Ирина.** И кто это сказал?

**Святополк.** Не я.

**Ирина.** То, что это сказал не ты, – я знаю. А вот кто – не пойму.

**Святополк.** Это сказал теоретик.

**Ирина.** Какой?

**Святополк.** Английский.

**Ирина.** Слушай, теоретик, нужны дрова... Надо распаковаться... *(Подходит к чучелу «Циня» и пытается включить светильники.)* Действительно не горят. Жалко. *(Замечает на полке деревянную папиросницу.)* Смотри-ка, папиросница Александра Фёдоровича нашлась. Он ведь «Беломорканал» курил. Я те годы вспоминаю как праздник. Как не кошмарят их, мы тогда были счастливы. Помнишь, как Нила перед светящимися глазами «Циня» читала «Незнакомку» Блока. *(Читает.)* Вдали над пылью переулочной, / Над скукой загородных дач, / Чуть золотится крендель булочной, / И раздаётся детский плач. Всё прямо, как у нас: и детский плач, и скука загородных дач. Помню, Нила только что приехала из Таганрога: худенькая, красивая, хорошенькая, как капелька...

**Святополк.** После этого вечера Мишка начал таять, как масло на сковородке.

**Ирина.** Надо попросить её сегодня почитать стихи. Кстати, она последнее время и свои пишет, мне нравятся. Соловьёв любил её слушать. Слава богу, наконец-то соберёмся. Больше всех Вальку хочу видеть. Как он после больницы? Вчера о нём пыталась поговорить по телефону с Нилой – молчит, наверняка Валька рядом был. *(Трогает глаза лампочки чучела.)* Да, не горят – жалко! Принеси сумки, надо стол накрыть и собаке приготовить. *(Святополк уходит и возвращается с сумками.)*

**Святополк.** За оврагом с юга туман с гор спускается – дождь пойдёт, а с востока солнечно – степь, дорога, вся Россия как на ладони. Что с природой делается? Не знаешь, чего ждать.

**Ирина.** Природа нас уважать перестала. Мстить начала!

**Святополк.** Это почему?

**Ирина.** Потому, что одурели! Насилуем её и друг друга. Одни строят дворцы, городят заборы выше деревьев, деньги мешками за границу вывозят, а другие наперегонки «хрущёвки» покупают, чтобы под снос попасть.

**Святополк.** Люди крутятся, чтобы выжить, Ира.

**Ирина.** Да-да, одни, чтобы выжить, а другие крокодилов в бассейне держат. Соседка наша, Верка, на детской площадке резанула: жизнь наша на корриду стала похожа – одних забивают, другие на их место готовятся, а третьи утверждают, что они так хорошо никогда не жили.

**Святополк.** У вас там эстрада, а не детская площадка.

**Ирина.** А ты забыл, какие мы здесь капустники делали? Осторожничили, только своих приглашали. А вспомни, какие репризы! Как нас только не прессовали!

**Святополк.** Одну я до сих пор помню. *(Цитирует.)* Что такое вобла? – Это кит, доплывший до коммунизма.

**Ирина.** Была бы у меня яхта, я бы и от нашего капитализма уплыла бы на фиг. Вон рядом – элитный дачный район, у всех бассейны, зоопарки, тосканские вина, а у нас в кране вода жёлтая, дороги разбитые, а электростолбы – деревянные, на ладан дышат.

**Святополк.** Предлагаешь в Сибирь? *(Достаёт из сумки бутылки, выкладывает съестное.)*

**Ирина.** А что, Кузбасс моя родина.

**Святополк.** Знаем, знаем, – на нас Россия держится.

**Ирина.** А что, родители живут – не жалуются. Мать пятьдесят литров груздей засолила. *(Берёт метлу, начинает подметать пол.)* Знал бы ты климат Кузбасса: летом буйство степных цветов, а зимой...

**Святополк.** Так я летом с тобой там был, причём дважды.

**Ирина.** А зимой ещё лучше. Наступает чудо: кругом бело, чистота, снежок хрустит, никакой сырости, теплее оделся и – на гулянье. Пикник на улице – лучший праздник. Время бежит, как спринтер с Ямайки. *(Приглядывается к щиту чучела, куда вмонтированы часы.)* А у нас часы остановились. *(Гневно.)* Займись часами, Святополк. Я стол сама накрою. *(Ирина прерывает уборку комнаты и начинает накрывать стол.)*

**Святополк.** *(Пробует передвинуть гирьки у часов на щите чучела.)* Цепочка где-то заедает, чёрт побери!

**Ирина.** Здесь будут сидеть Валя и Нила, а тут Миша и его возлюбленная. Как её зовут?

**Святополк.** Кажется, Рая.

**Ирина.** Не терпится её увидеть. Она дочка Куликова?

**Святополк.** Да.

**Ирина.** Смотри-ка, девочка не нашего полёта.

**Святополк.** Как говорят грузины: зять начальника – кум Бога.

**Ирина.** Ты видел её?

**Святополк.** Мимоходом.

**Ирина.** Кстати, они могут и не приехать, у него то операция, то дежурство...

**Святополк.** Приедут.

**Ирина.** Сколько ей лет?

**Святополк.** Кому?

**Ирина.** Любовнице Лазина.

**Святополк.** Ну, прямо любовница.

**Ирина.** Ты мне не рассказывай, у него последовательность: вначале – в постель, потом – интересуется отчеством.

**Святополк.** Откуда ты знаешь?

**Ирина.** О хорошем волоките устные рассказы распространяют. Дефицит!

**Святополк.** Лазин – это гибрид танцора и калькулятора. А его Рае – между двадцатью и тридцатью.

**Ирина.** Ну, тогда двадцать два. У тебя в глазах всегда двоится. Потому что ты – только танцор. К тому же, которому...

**Святополк** (*язвительно*). Подожди, про «пасху»... Успеешь... Кто-то идёт!

*Входит охранник.*

**Святополк** (*преувеличенно дружелюбно*). Максим Степанович, вы как разведчик. Даже волк на вас не реагирует.

**Охранник.** А зачем ему брехать – он «своих» знает. Я всегда через участок иду, у вас там дырка в заборе. Здравствуйте!

**Ирина.** Здравствуйте, дорогой Максим Степанович. А что с нашей собакой стало? Совсем исхудал Баян, не кормите его, что ли?

**Охранник.** Надо у вас спросить, Ирина Батьковна. Собаке уход нужен, ласка, общение... А на мне несколько хозяйств, и в каждом по собаке. Мода пошла – собак вместо охраны оставляют. А мы – корми! Я теперь один в этом кооперативе – не успеваю.

**Ирина.** А что с ним?

**Охранник.** Кто его знает... Может, чумка. К нему Джильда во время течки прибежала.

**Ирина.** Чумка? А это не опасно? Здесь ведь ребёнок.

**Охранник.** Для людей нет, но надо вызвать ветеринара. Собака старая, если сверять по календарю, то пёс – мой ровесник.

**Святополк.** А почему он на короткой цепи?

**Охранник.** На забор начал бросаться. Хочет в лес, травки поест. А если отпустить – людей перепугает, он на волка стал похож. Вон, я ему кашку принёс – не хочет. А мяса у меня редко бывает, да и то – кости в основном. Уход ему нужен и... хозяин, его к людям тянет.

**Святополк.** Степаныч, вот потеплеет, и мы переедем.

**Охранник.** Давно пора. Смотрите, ваши соседи из кооператива «Климат» чего только вокруг не создали. Правда, местные остряки переименовали «Климат» по-своему, обвиняют, что благодаря «климаксу» эти ребята после приватизации прямо в коммунизм шагнули, а вам кто мешает?

**Святополк.** Совесть!

**Охранник.** Совесть? Вот поэтому мой внук и шутит в ваш адрес: «Курорт для советикус».

**Ирина.** Это старший внук так шутит?

**Охранник.** А разве не так? Ваш дом будто молью проеден. Крепким остался только фундамент.

**Святополк.** Не ругайся, подремонтируем.

**Охранник.** Мне-то что, вас жаль! Такой дом без присмотра держать нельзя. (*Смотрит в окно.*) А какой сад был!.. Сейчас только китайка плодоносит. Осенью яблок, как китайцев. Александр Фёдорович хозяин был, а вы летуны... Движения много, а крутитесь на одном месте.

**Святополк.** Ты неправ, Степаныч. *(Обнимает охранника.)* Я с утра до вечера на заводе... И детей уже двое! Вон, Катюху привезли. Загнали меня, как Сивку, иногда поспать нет времени.

**Охранник.** Не жалуйся, кто тебя заставлял в пролетариат податься? Сегодня все в юристы побежали, к лёгким хлебам приспособляются, а ты ударником хочешь быть. Прошли эти времена.

**Святополк.** А мне кажется, ещё не наступили.

**Охранник.** Тогда не жалуйся! Не только у тебя дети, сейчас всем трудно. Кризис! Война! Надо приспособляться.

**Святополк.** Не умею, Степаныч. На задних лапках ни перед кем не хожу и по утрам не похмеляюсь.

**Охранник.** Значит, забыл, что тебе отец твой советовал: «Полезно иногда переворачивать свой ум, как песочные часы, и течь в другом направлении». *(Другим тоном.)* Свят Александрович, как насчёт долга? Не дождусь, когда совесть у вас проснётся.

**Святополк.** Извини нас, старина, действительно задолжали.

**Охранник.** Задолжали? Это мягко сказано. Или ты хочешь, как в анекдоте: «на долги плюнь, наступил июнь».

*Ирина за спиной Степаныча жестами показывает мужу не отдавать деньги.*

*Охранник краем глаза это замечает.*

**Святополк.** Знаешь, что, Максим Степанович, если можно, потерпи несколько дней, и я всё отдам до копейки. Честно тебе говорю.

**Охранник** *(зло)*. Вот тебе «на»! Что вы за люди? За своим хожу, как попрошайка. Совесть-то должна быть?! Старушка моя болеет, младший внук в операции нуждается...

**Святополк.** Не обижайся, Степаныч. Через неделю всё будет в порядке. Клянусь тебе! А об операции я с Лазиным договорюсь, он бесплатно сделает.

**Охранник.** Это Лазин бесплатно сделает? Раскатал губу.

**Ирина.** Максим Степанович, вы помните, какая сегодня дата?

**Охранник.** А что, сегодня какой-то праздник?

**Ирина.** Ай-я-я! А ещё старый друг называется. Сегодня Александру Фёдоровичу исполнилось бы семьдесят лет. *(Поворачивается к Святополку.)* Светик, как ты встречаешь гостей? Налей стопку Максиму Степановичу. Налей, налей... Вон, бутылки. *(Подает со стола бутылку водки.)*

**Святополк.** Правда, Степаныч, давай помянем отца. *(Быстро открывает бутылку.)*

**Охранник.** Не может быть! Неужели семьдесят лет исполнилось бы?

**Ирина.** Да! Мы сегодня ждём гостей.

**Охранник.** Ах, как время бежит. Ай, ай, ай! *(Гладит Святополка по голове.)* Вот и твоё темечко, Свят ты наш, поредело, плешивины появились.

**Святополк.** Не говори, Степаныч. *(Подает Степанычу рюмку.)* Вы с отцом друзья были, поэтому выпьем и за вас! Да, Ирина?

**Ирина.** С большим удовольствием! Он вас уважал, Максим Степанович. Помните, как он вас называл?

**Охранник.** Фирсом звал. Не раз по стопке пропускали. После смерти жены один, бывало, придет, а я его на крыльце жду. Дом протоплен, сад убран, в доме порядок. Давай, говорит, Фирс ты мой дорогой, жажнем по стопарю.

**Ирина.** Вот и мы давайте жажнем. *(Берёт рюмку, наливает и выпивает с мужчинами.)* Александр Фёдорович вас любил, Максим Степаныч. Вы были другом ему.

**Охранник.** Так-то оно так, но куда мне. Я – восьмая нота на рояле – земельный техникум! С тех пор даже во сне разметки ставлю, а он – глыба! Чего во мне нашёл – не знаю, но жили дружно. Да и времена были другие – простого человека замечали. Ты, Святополк, похож на мать свою, а он был... Кутузов!

**Святополк.** А почему Кутузов, тот же был слепым на один глаз?

**Охранник.** Твой отец умел смотреть в корень, Свят. Прижмёт вот так левый глаз, а правым просвечивает тебя как рентгеном. Какое поколение было! Как только они постарели, молодые тотчас на чечевичную похлёбку всех променяли. Один – рыжий – мне до сих пор снится. Пальцем грозит, пенсию отнять хочет.

**Ирина.** Не такая уж «чечевичная». У нас миллиардеров, как кур на птицеферме.

**Святополк.** Давай, Степаныч, ещё по одной. (*Выпивают.*) В конце недели приеду и расплачусь, договорились?

**Охранник.** Хорошо, но только на этот раз без трёпа.

**Святополк.** Максим Степанович, о чём ты, конечно, без трёпа!

**Охранник** (*с хитрецей*). Мне с тобой ещё посекретничать надо, Святополк.

**Святополк.** Пожалуйста, только давай ещё по одной! (*Берёт початую бутылку водки, отводит Степаныча в сторону.*)

**Ирина** (*раздражённо*). Свят, помоги мне! (*Хлопчет у стола.*) С минуты на минуту гости появятся.

**Святополк.** Сейчас! Что за секреты, рассказывай?

*Ирина незаметно прислушивается к разговору.*

**Охранник** (*оглядывается*). Мой знакомый из соседнего посёлка работает охранником у одного из замов... (*Показывает пальцем вверх.*) «Самого». Есть решение на снос дач вашего кооператива. Тут намечена грандиозная стройка. (*Шепчет на ухо.*) Это я тебе под большим секретом говорю. (*Достает из кармана бумагу.*) Вот, мой человек достал у хозяина из сейфа этот план. Ваш дом идёт на снос одним из первых. Здесь пройдёт дорога к соседнему дачному посёлку. Вот так-то, Свят, наш капитализм гнивает, но своё берёт.

**Святополк** (*рассматривает план*). Что за чушь? Но на каком основании? Мы будем жаловаться, в конце концов, судиться!

**Охранник.** Поздно. В суд они подают. (*Оглядывается. Шёпотом.*) Говорят, в советское время нашли ошибки при выделении вашему кооперативу земли под стройку. Кто-то мухлёр тогда устроил. Можешь представить, какие стали изобретательными нынешние чиновники? Пару месяцев назад один из ваших стариков из посёлка проговорился – выслужиться хотел. Кто-то об этом узнал – донёс, а городские начальники зацепились и... раскрутили приватизацию. Вот так! Спасибо за угощение. Пойду я.

**Святополк** (*взволнованно*). Подожди, не торопись. И что же теперь делать?

**Охранник.** Из местных об этом документе знаешь только ты. Не знаю, разведай, свяжись с юристами. Под лежачий камень вода не потечёт. Я как услышал от него – сразу о тебе подумал. Чай не чужие, хоть, как говорится, должники.

**Святополк.** Это верно, что не чужие. Знаю, ты не из трепачей, Степаныч, хочу на СВО записаться. Как смотришь?

**Охранник** (*через паузу*). Тут два взгляда: если за Родину, то вперёд, я «за», а если ради денег, я против. Деньги кончатся, а совесть скукожится. Так что думай, я бы в твоём возрасте не раздумывая на фронт пошёл. Пока эту хрень бандеровскую не вычистим, жизнь спокойной не будет. За ними Европа, на Третью мировую замахнулись. Как повторял твой отец: «Я не знаю, каким оружием будет вестись третья мировая война, но четвёртая будет вестись палками и камнями».

**Святополк.** Волнуюсь я, Степаныч, Дети-то ещё крохи! Ирина без меня не справится.

**Охранник.** А как же в ту войну справлялись. Мы детьми пили кофе из лопуха, а котлеты из лебеды, а отцы на фронте врага били. Даже присказка такая была: «Не то беда, что во ржи лебеда, а то беда, как ни ржи, ни лебеды».

*Быстро подходит Ирина.*

**Ирина** (*решительно отнимает у мужа бутылку*). Спасибо, что заглянули, Степаныч. Ему хватит.

**Святополк.** Итак, как договорились, Степаныч, долг отдам в ближайшее время.

**Охранник.** Ну, хорошо, отец твой слово держал. И ты, если пообещал, то умеешь держать слово.

**Святополк.** Степаныч, может, попозже заскочишь? Помянем отца... Перетрём прошлое...

**Охранник.** Не знаю... Может, и заскочу. Кстати, есть причина: надо тебе каску вернуть. Я ещё Александру Фёдоровичу обещал её вернуть, но правнук прирос. Теперь вырос, принесу.

**Святополк** (*очень заинтересованно*). Вот и хорошо. Приходи, вспомним отца. Может, ещё по одной?

**Охранник.** Нет, хватит. Я всё-таки на работе. Спасибо, зайду попозже. (*Уходит.*)

**Ирина** (*раздражённо*). Вам бы только поскорее заложить за воротник, а убраться, приготовить, накрыть на стол – тут вас нет.

**Святополк**. Стыдно, чёрт побери! Надо было ему долг отдать. Миша бы подождал.

**Ирина**. Дурак, прежде всего Мишке отдать надо, а этот подождёт! Он и так с каждого двора мзду получает.

**Святополк**. Прямо, с нас тут получишь. Все одинаковы – на ладан дышим. У соседей, конечно, другое дело. Там капитализм, там и лакеям хорошо платят. Так что, кончай, Ирина, свои подозрения. Максим Степанович хороший мужик. Любит нас!

**Ирина**. Был хорошим, а жизнь перекрасила, стал хватким и лукавым. Кому не позвоню из соседей – все на него начали жаловаться. (*Слышно, как воет собака.*) Прощу тебя, займись со своим гибридом, покоя от него нет.

**Святополк**. Собака больна, что я могу сделать? Кроме того, чтобы лечь с ней в будке и вместе выть. Или мне отпустить хвост и Джильдой прикинуться? Ты этого хочешь?

**Ирина**. Либо его покорми, либо отпусти в лес.

**Святополк**. Ты думаешь, что ты говоришь?

**Ирина**. Думаю, думаю... По-твоему, люди приедут, чтобы слушать этот вой? (*Копирует вой Баяна.*) У-у-у! Дай ему кусок колбасы, может, и заткнётся!

**Святополк**. Почему по любому поводу и из-за любой мелочи ты готова скандал учинить?!

**Ирина**. Это ты скандалишь всё время! Причём глупо!

**Святополк**. Запомни, самый непобедимый человек – это тот, кому не страшно быть глупым.

**Ирина**. Кто сказал эту чушь?

**Святополк**. Так думал мой отец.

**Ирина**. Не верю! Твой отец титаном был. А ты, как только какая-нибудь трудность – клянёшь капитализм.

**Святополк**. Для кого капитализм, а для кого – чёрная дыра.

**Ирина**. Чего жаловаться? «Окрестность русская больна, лежит в истерике она». Я не Карл Маркс и не пролетариат. На мне производительность труда не повысишь: двое детей. А ты всё по-старому: подай это, повернись вот так, поцелуй сюда...

**Святополк**. А почему же ты живёшь со мной, если я такой плохой?

**Ирина**. Я живу с обещаниями! Кто клялся, что всё будет хорошо? Где твоя вторая работа? Где эта другая жизнь? Где? Когда мы поедем в Австралию? Где всё это?! Почему ты такой безответственный? (*Слышен лай собаки.*)

**Ирина**. Посмотри, наверное, кто-то пришёл.

**Святополк** (*смотрит в окно*). Сам Лазин со своей газелью. (*Выходит на крыльцо.*)

*Появляются Михаил и Рая. У Михаила в руках сумка и транзистор. Слышна музыка.*

**Михаил**. Эхо! Эхо-о-о! Есть ли кто в этом замке?

**Святополк**. Привет, «анестезия»! Как добрались? А где ваш лимузин?

**Рая**. А зачем нам машина? Тут совсем близко.

**Михаил** (*быстро перебивает*). Оставили машину у соседей на стоянке, решили пройтись по родным тропам.

**Святополк** (*Рае, с пристрастием*). Очень рад, что вы пришли к нам в гости, в этот старинный особняк, где долгие годы царствуют музы и вдохновение. Не премину добавить, много слышал о вас от моего одноклассника, с которым вместе, так сказать, овладевали школьными премудростями. Одно не подозревал, Рая, что вы такая красавица!

**Рая**. Здравствуйте. Спасибо.

**Михаил**. Мастер, риторик! Как можно устоят перед таким? Где твоя половинка?

*На крыльце появляется Ирина.*

**Ирина**. Здесь я. Молодцы, что приехали – браво! Ну, здравствуй, Михаил!

**Михаил**. Ай-ай-ай! Вот что значит материнство, ты невероятно похорошела, Ирочка!

**Рая**. Вы оба говорите, как конферансье.

**Ирина.** Не обращайтесь на это внимание – это у них осталось со студенческих лет. Раньше это называлось кадриться, а сейчас – трепотня на постном масле.

**Михаил** (*обнимает Ирину*). Знаю, знаю... (*Кивает в сторону Святополка*.) Ты любишь молчаливых мужчин, потому что они тебя слушают.

**Ирина.** Он слушает? С утра от него волосы дыбом. (*Подходит к Рае*.) Здравствуйте, Рая. Рада с вами познакомиться. Проходите, пожалуйста, в дом. Миша, давай, давай, проходи!

*Проходят в дом.*

**Михаил.** А чего собака так шумит?

**Святополк.** Заболел Баян. Кстати, посмотри на него потом. Ирина, а может, отпустим собаку, чего держать пса на цепи?

**Ирина.** Не вздумай! Раечка, вам, наверно, неудобно будет на каблуках. Возьмите эти тапочки. (*Подает тапочки*.)

**Рая.** Спасибо, не надо. Я без каблуков не могу. У нас в институте – либо джинсы, либо каблуки, всё зависит от ног. (*Осматривается*.) А мне у вас нравится – роскошный бардачок. В этом году я на даче ещё не была. Папа ездит туда регулярно, но все остальные со мной – сессия. А так хочется откинуться... Впрочем, я уже решила: закончится сессия, улечу в Испанию.

**Ирина.** А у вас и там дача?

**Рая.** Да, под Мадридом. Папа любит корриду.

**Ирина.** Хотите бой быков посмотреть?

**Рая.** Нет, куплю там кастаньеты и буду быков сюда заманивать. (*Делает несколько танцевальных движений в сторону мужчин*.)

**Ирина.** Так можно сразу этим заняться, у нас кастаньеты где-то есть.

**Рая.** Этим можно и позже заняться, а кастаньеты покажите. (*Ирина уводит Раю в другую комнату и показывает раритетные кастаньеты. Рая пританцовывает и щёлкает кастаньетами*.)

**Михаил** (*подаёт газету Святополку*). Вот тебе сюрприз! На второй странице.

**Святополк.** Что, неужели статья вышла?

**Михаил.** Смотри, смотри... На второй странице.

**Святополк.** Вот это да! Ой, ой!.. Молодец! Обрадовал, старик. «Неутомимый искатель» – ясно. Так, так... (*Читает*.)

**Михаил.** Сто двадцать строк правды.

**Святополк.** Спасибо, Миша! Ирина, смотри, какой сюрприз Мишка сделал к юбилею. (*Подает газету Ирине*.) Как удалось? Отец из тех, кого сейчас не вспоминают.

**Михаил.** Муркин помог.

**Святополк.** Наш историк, что ли?

**Михаил.** Да, позвонил в редакцию, поговорил и... готово. Правда, статью подсократили, она была больше.

**Святополк.** Ты меня наповал убил. Не надо было делать это через Муркина. (*Отводит его в сторону*.) Ты хоть знаешь, что это за человек? Можно сказать, он отца в гроб вогнал раньше времени. Это ведь он написал ту статью, после которой отца уволили с кафедры. Он перевертыш: тогда одним клялся, сегодня другим... Ой, Миша, Миша...

**Михаил.** Знаю не хуже тебя. Но куда от них деться, от наших перевертышей! Посмотри вокруг, все давно уже приспособились... Что поделаешь, мы народ приватизированный: за последние сто лет трём разным богам клялись, друг друга насмерть били, и ничего – не умерли!

**Ирина** (*разгневанно*). Ну что, опять завёлся, статья теперь ему не нравится?

**Святополк.** С чего ты решила?

**Ирина.** Да вижу, нотации начал читать, умник.

**Святополк.** Просто вспомнил...

**Ирина.** Нечего вспоминать! Никто не вспоминает, а он вспомнил. Надо поблагодарить, а не нотации читать!

**Святополк.** Ирина, успокойся. Ты ничего не поняла! (*Негромко*.) Это всё равно, что писать о Пушкине, воспользовавшись услугами Дантеса. (*Отходит*.)

**Ирина.** Bravo, Миша, ты молодец! Умница! Дай я тебя поцелую. (*Целует Михаила*.)

**Михаил.** Раечка, иди к нам. (*Обращается к Рае, с интонацией экскурсовода.*) Здесь, в этом замке, жил и творил могучий бог Саваоф. (*Показывает фотографию.*) Вот это отец этого сурового типа. Мы были из разных вузов, на его лекции всем земным выводком мчались. Только у него археология превратилась в подлинную социально-экономическую аналитику. Избранных он приглашал сюда. Здесь мы подружились. Посмотри, какие чудеса здесь: это он написал, это собрал по всем краям нашей необъятной России. А вот это – большая редкость: шлем времён Александра Невского. (*Надевает шлем.*) Ну как? Подходит мне?

**Рая.** Нет! У тебя другая физиономия, Миша. Видно, что у тебя лицо – продолжение рук. (*Засмеялась.*)

**Михаил** (*обиженно*). Не понял...

**Рая.** Ты хирург, Миша. И руки и лицо у тебя созданы для другого. (*Снимает с Михаила шлем и ловко надевает его на Святополка.*) Это ваш отец дал вам такое имя – Святополк?

**Святополк.** Да, отец. На заводе у меня кликуха «Алёша Попович». (*Обречённо.*) Собака у нас – Баян, даже мать мою – Регину, отец переименовал на Рогнеду. Отец был учёный-археолог, любил историю, коллекционировал старинные вещи, много писал, много знал и много молчал...

**Михаил.** Да, колоритный был человек: смотрел, как снайпер, брови дыбом, лысина, как земной шар. А голос – шалыпинский, громкий, как иерихонская труба. Каждое его слово входило со звоном в человека. (*Подает сумку.*) Ирина, здесь съедобное.

**Ирина.** Зачем? Мы всё, что надо, привезли с собой.

**Михаил.** Ничего, пригодится. Но главный сюрприз – наш старый магнитофон и те записи, которые мы любили. (*Достает из сумки кассетный магнитофон.*) Ретро, так сказать. Я взял пять кассет. А одну – запись невротиков – посмеёмся. А где Катя? Или вы её не привезли?

**Ирина.** В той комнате.

**Михаил.** Дай посмотреть на неё. (*Все направляются в маленькую комнату и останавливаются перед коляской.*)

**Рая.** Ау, какой он хорошенький.

**Михаил.** Ау, какая она хорошенькая! Это особа женского пола, Рая.

**Ирина.** Миша, мне кажется, что она худенькая. Может, у неё глисты?

**Михаил.** Ну откуда у неё такая живность? Сколько раз грудью кормишь?

**Ирина.** В том то и дело, что почти уже не кормлю. Так, подкармливаю понемногу. Поздний ребёнок, и я уже старая кляча.

**Святополк.** Застудила она грудь и мужа забыла напрочь. Дети – её хобби!

**Ирина.** Дети – это единственное оправдание. Брак – взаимная иллюзия, скреплённая гербовой печатью.

**Святополк.** Слушай, энциклопедия русской жизни, замолчи на минуточку.

**Ирина.** А что? Смотришь на некоторых молодожёнов и думаешь: сколько ещё времени продлится их взаимное притворство, интересно – год, два... Статистика. А с детьми всё ясно: заботы, радости, болезни...

**Михаил.** Ирина, ребёнок задумался. Посмотри, как внимательно смотрит своими голубенькими пуговичками. Что смотришь, Катя?

**Ирина.** Она, Миша, есть хочет, пойду принесу. (*Выходит.*)

**Михаил.** Между прочим, она похожа на тебя, Конь. (*Рае.*) Его так прозвали ещё в школе. У нас была учительница по литературе, звали её Тамара Михайловна, такая милейшая, складная тётка. Мы ей дали кличку «Бюстгальтер». Она, когда резко поворачивалась, у неё на груди амурские волны колыхались. При этом дама была с характером. Если что не так, то сразу – «выйди вон!» А Конь был усердным учеником, слыл знатоком истории и военных доспехов. (*Изображает Святополка.*) Он сидел на первой парте и глазел на Тамару Михайловну влюблёнными глазами. Однажды наша Тамара Михайловна во время урока процитировала басню Михалкова «Осёл инспектор». Брови у неё поднялись, лицо преобразилось... Ну, мы все ей, конечно, зааплодировали, а Святополк от восторга заржал. Причём так громко, по-настоящему! Она уставилась на него своими карими глазами и попросила его больше так никогда не смеяться. Потом добавила: знаете что, Соловьёв, вам можно работать на эстраде имитатором. Такое ржанье можно услышать только на Орловском конном заводе! Все попадали с парт. С тех пор Святополк получил кличку «Конь».

**Святополк.** Миша, кто-то из великих сказал: «Когда взрослые люди вспоминают детские шалости, это признак старения».

**Михаил.** Это не про меня. В детстве у меня не было детства, поэтому я вспоминаю счастье других. (*Негромко, Рае.*) Когда у меня наконец-то появятся дети, ты знаешь, что я буду делать: я буду читать им сказки каждый день.

*Издалека слышен голос Ирины: «Миша, как включается твой магнитофон?» Михаил уходит в другую комнату. Слышно, как в большой комнате зазвучала песня «Велосипед».*

**Рая** (*Святополку*). А что это у вас за чучело в воздухе висит?

**Святополк.** Это Цинь – первый император, который объединил Китай. Отец во время советско-китайского сотрудничества был единственным археологом, который принимал участие в раскопках гробницы Цинь Шихуанди. На щите папа написал его девиз. Это клятва императора. Цинь дал её в сорок лет.

**Рая.** И что это за клятва?

**Святополк** (*цитирует*). «Тот, кто желает побед над другими, должен одержать победу над собой. Тот, кто хочет судить людей, должен научиться судить самого себя. Тот, кто стремится познать других, должен познать самого себя».

**Рая.** Вы знаете китайский?

**Святополк.** Когда-то знал неплохо, но потом увлёкся другим.

**Рая** (*негромко*). А сколько вам лет?

**Святополк.** Сорок.

**Рая.** Разве это справедливо, когда такому молодому человеку, как вы, уже сорок? Вы, скорее всего, уже познали самого себя?

**Святополк.** К сожалению, не до конца. Но вскоре надеюсь познать.

**Рая.** Но у вас кличка «Конь». А лошади умные животные.

**Святополк.** Я грузовая лошадь.

**Рая.** Вы? (*Смеётся.*) Да вы на жеребца похожи. (*Тихо.*) Святополк, а какая кличка была у Миши Лазина?

**Святополк** (*шёпотом*). «Лазейка». В детстве он мог в игольное ушко пролезть.

**Рая.** Я так и думала. (*Указывает на одну из фотографий Соловьёва.*) Сколько здесь вашему папе?

**Святополк.** Почти восемьдесят. Одна из последних фотографий.

**Рая.** Миша говорил, что он из репрессированных?

**Святополк.** Это преувеличение. Просто отец увлёкся реформами Дэн Сяопина. Советская экономика тогда уже вовсю буксовала. Папа хоть и не был специалистом по экономике, но превосходно знал Китай. Выступил в прессе. Его стали критиковать, убрали с кафедры. Последнее время он безвыездно жил здесь. Мы скопом каждую неделю к нему приезжали.

**Рая.** А почему вы по стопам отца не пошли?

**Святополк.** Я мамин сын. Она у меня конструктором была, в «ящике» работала.

**Рая.** А хотите я про вас моему папе расскажу? Вы ему понравитесь.

**Святополк.** Не стоит, у меня прекрасная работа, а впереди большие перспективы...

**Рая.** Вы хороший товарищ, не хотите переходить дорогу другу. Кстати, как по-китайски «с днём рождения»?

**Святополк** (*через паузу*). Zhu nin shengri kuaile!

**Рая.** А знаете, как по-голландски «с днём рождения»?

**Святополк.** Ну и как же?

**Рая.** Очень коротко: gefeliciterd. Я поздравляю вас с днём рождения вашего папы.

**Святополк.** Спасибо.

*Рая протягивает руку. Святополк целует её.*

**Рая** (*тихо*). Вот и познакомились!

*Раздаётся плач ребёнка. Быстро входит Ирина с детским питанием.*

**Ирина** (*раздражённо*). Пройдите, пожалуйста, в большую комнату. Катю надо кормить. Много народу, она испугалась. (*Святополк и Рая возвращаются в большую комнату.*)

**Михаил**. Голосистая девчонка у вас. Смотри, Конь, не исключено, что из неё оперная певица вырастит. (*Осматривается, проходит взад и вперёд по дому. Выключает магнитофон.*) Люблю я этот дом: у каждого из нас здесь своя малая родина была. Вот на этом месте сидел «Великий схимник», а мы – некрещёные славяне – с ним сражались, как гладиаторы. Под его крылом второй университет можно было закончить. Кажется, всё знал! А какие импровизации устраивали, какие концерты!.. Нилка, обняв «Циня», читала стихи, Валька представлял Прометея: «Я смертным дал забвенье смерти», а я всем завидовал, не было у меня никаких талантов.

*Входит Ирина.*

**Ирина** (*радостно*). Всё, начала есть. Кажется, успокоилась. Миша, ты не знаешь, почему Валентин и Нила опаздывают?

**Михаил**. Ребята, боюсь, что я вас сейчас огорчу. Тереховы не приедут.

*Тяжёлая пауза.*

**Ирина**. Почему? Что случилось?

**Святополк**. Ну и ну, вот так обрадовал!

**Михаил**. Можете сколько угодно обижаться на меня, но я ему не сказал, что мы сегодня собираемся. (*Пауза.*) Рано ему ещё ездить на дальние расстояния. Не обижайтесь! В своей работе я не допускаю никаких исключений. (*Пауза.*) И потом, у него давление гуляет.

**Рая**. Странно, ты мне говорил другое.

**Михаил** (*резко*). Я не всё тебе рассказал! (*Другим тоном.*) А вчера наступили незначительные изменения. Нез-на-чи-тель-ные! Весна, нехватка витаминов, он ослаб после больницы... Поймите, я делаю всё возможное, чтобы он скорее восстановился! Мы всегда предостерегаем своих больных от таких путешествий. Вот я с трудом дышу, а каково ему было бы?!

**Рая**. Почему ты кричишь?

**Михаил**. Разве я кричу? Странно, мне кажется, что я говорю нормально.

**Ирина**. Миша, с Валентином всё в порядке?

**Михаил**. Успокойся, с ним всё нормально.

**Ирина**. Но подожди, я вчера позвонила Ниле и поняла, что они собираются приехать.

**Михаил**. Ты им звонила, зачем?

**Ирина**. Попросила Нилу, чтобы она кое-что купила. Она очень обрадовалась, что все соберёмся. Я была уверена, Миша, что ты им звонил. (*Пауза.*)

**Михаил** (*резко*). Нет, не звонил! Я отправил к Валентину моего помощника – иначе он начал бы меня уговаривать и я бы прогнулся. Игнатъев доложил, что с больным всё нормально, только гуляет давление. Поэтому я решил не звонить, в таком состоянии жить надо без страстей и пикников.

**Святополк**. Значит, несмотря на старания нашего великого хирурга, Тереховы приедут, так, что ли?

**Михаил** (*Ирине*). Ты, правда, с ними договорилась?

**Ирина**. Да! Нила знает, что мы собираемся, и обещала, что они приедут.

**Михаил**. Как сказал один неплохой врач, «если тирания когда-нибудь придёт в эту страну, то она придёт под видом благотворительности». Всё – медицина умолкает! Только пить – ни грамма! Всё, вы меня убедили!

**Святополк**. Гип-гип-ура, да здравствует Гиппократ!

*Издалека слышно, как воеет собака.*

**Рая**. Это ваш Баян так воеет?

**Ирина**. Да,

**Рая**. Можно на него взглянуть?

**Ирина**. Пожалуйста.

**Рая.** Он не кусается?

**Ирина.** Не бойтесь, он на цепи. Пойдёмте со мной, Рая. Я ему, кстати, поесть дам. (*Берёт свёрток.*) Свят, ты хотел дрова принести, не тяни с этим. (*Ирина и Рая выходят.*)

**Святополк.** Да, да, сейчас принесу. Я очень рад, что ты приехал, Миша.

**Михаил.** И я, Конь. Ты не изменился. Давай, пока девочек нет, жажнем по пятьдесят для куража, а?

**Святополк.** Я уже с охранником выпил.

**Михаил.** А, это ваш Фирс. Значит, он уже здесь был? Что нового в районе?

**Святополк.** Да так, проблемы и трудности. Что будете пить, сэр?

**Михаил.** Давай водку. Помнишь, раньше нас и портвейн радовал, а сейчас виски покупаю. Давай выпьем за встречу.

**Святополк.** Извини меня, Миша, но зря ты устроил эту статью через Муркина. В своё время он такие гадости делал отцу, а сейчас, видишь ли, в благодетели записался. Соловьёвых приватизировать хочет. Фиг ему, не получится!

**Михаил.** Мне хотелось, чтобы статья вышла к годовщине. Я оперировал его маму, и видел бы ты, какие слёзы лились у него, когда он меня благодарил. И потом, знаешь, Конь, нам надо научиться прощать. Мы все в той или иной степени виноваты друг перед другом. Раньше грядущее прорисовывалось безмятежным и ясным, будущее детей выглядело надёжным, только учись, а сейчас...

**Святополк.** Можно я продолжу за тебя?

**Михаил.** Попробуй.

**Святополк.** Сегодня будущее семьи и детей определяют не таланты, а случай, но лучше всего причастность к семейному клану олигарха или правителя.

**Михаил.** Намекаешь мне на Раю и Куликова?

**Святополк** (*грубо*). Для этого и бинокль не нужен. Пойми, отец меня предупреждал: если появится Муркин – гони его в шею! Твоё милосердие боком здесь (*Бьет себя по груди.*) обходится. Получается: Дантес торжествует, ему пора в сенаторы. Впрочем, поздно, поезд ушёл – давай выпьем. (*Наливает водки. Выпивают.*)

**Михаил** (*берёт на столе батон хлеба, отламывает корку*). Вот это уже другое дело. Узнаю тебя! Скажи мне, пожалуйста, почему дом забросил? А? Лень?

**Святополк.** Редко бываем, а потом, денег на ремонт нет. Доконали меня! Ирина просит продать дом.

**Михаил.** А что, покупатели есть?

**Святополк.** Стыдно это продавать. Разве родиной торгуют?

**Михаил.** Но ведь и не разоряют до такого состояния.

**Святополк** (*роется в кармане*). Сколько времени не могу пятьдесят тысяч тебе вернуть. Зарплату прибавили, но разве это деньги? Катя родилась, расходы увеличились, и ещё больше не хватает. Ирина не работает сейчас. Вот, возвращаю тебе долг. (*Подает Михаилу деньги.*)

**Михаил.** Ты что, с ума сошёл?

**Святополк.** Почему?

**Михаил.** Это не последние мои деньги.

**Святополк.** Нет, так нельзя.

**Михаил.** Всё! Мы друзья или нет? Говорю тебе, не нужны они мне сейчас, и точка. (*Запихивает деньги в карман Святополка.*) Пусть этот долг не мешает твоему карману. Я могу подождать, а дому нужен ремонт, а то через год-два развалится.

**Святополк.** Не знаю, начал уставать: ослабло творческое опьянение...

**Михаил.** Тебе надо сделать качественный рывок, своеобразную передислокацию. Либо засучить рукава и круглосуточно работать.

**Святополк.** Я и без этого с работы не вылезая. Недавно придумал конструкцию для монтажного цеха, очень рентабельную, а тут неожиданно назначают нового директора. Идти к заместителю глупо. Знаю, что скажет: «Потерпи немножко, он ещё не в курсе». Привыкли жить, оглядываясь, и нашим и вашим за пятак спляшем.

**Михаил.** А почему не пойдёшь прямо к директору?

**Святополк.** Рано. Человек он новой, и, если откажет – второго случая не будет. А потом, пойдя доберись до него... Освещает кабинет новой мудростью в окружении старых подхалимов. Правда, уже двоих отправил на пенсию.

**Михаил.** А к тебе как относятся?

**Святополк.** Не знаю. У предыдущего я был, как юродивой у царя Бориса, а от этого держат по-дальше, чтобы вдруг не выложил о «голубых дырах на Мальте».

**Михаил.** Это что за образы?

**Святополк.** Это «пещеры», куда деньги уплывают.

**Михаил.** Ах, Конь, ты никак не меняешься. Никакими инструментами не выбить из тебя твой максимализм. Всегда хочешь идти прямо, без поворотника. Смотри, страна какой поворот сделала, а ты, как компас – всё время указываешь на север.

**Святополк.** Лучше быть компасом, Миша, чем крутиться туда-сюда, как ветропоказатель. Наступает такой возраст, когда стыдно приспособливаться. У тебя не было такого?

**Михаил.** Было, много чего у меня было. Однако лучше быть приспособленцем, иметь свою «пещеру на Мальте» и держаться на плаву, чем идти на дно с принципами на шее.

**Святополк.** Ошибаешься, Миша. Если присмотреться к таким повнимательнее, то у них сзади хвостики растут, и они виляют ими. Мне противно так жить. Лучше быть сумасшедшим, чем таким здоровым.

**Михаил.** Тебе надо отдохнуть, Конь. Езжай на курорт, развейся, в конце концов, влюбись! *(Незаметно входит Ирина. Прислушивается к разговору.)* Купи машину, посади в неё Ирину, Гришку, Катюху и давай на юг, в Крым.

**Святополк.** Не потянуть мне машину. Я могу купить только консервную банку системы «Запорожец».

**Михаил.** Тогда, в конце концов, продай этот чертог. *(Показывает на дом.)* Чего ты ждёшь, чтобы он к следующему приезду рухнул? Это будет преступление, Свят. Никто тебе это не простит.

**Святополк.** О чём ты говоришь? *(Уклончиво.)* Надо искать покупателя, торговаться, а я не умею. А ведь придётся продать – если не поздно уже.

**Михаил.** Думай, старина. Одно тебе скажу: если надумаешь, то и я мог бы купить.

**Святополк.** Ты? Неужели? Интересный поворот. Шутишь, что ли?

**Михаил.** Нет,нисколько. Просто не хочу, чтобы этот дом достался какому-нибудь варягу. Деньги у меня есть... *(Достаёт портмоне.)* Могу даже сейчас аванс тебе дать. На первое время машину с пробегом купишь. *(Смеётся.)* Что, озадачил я тебя? Подумай, Конь! Пожалей этот дом, продли ему жизнь, не доводи до разрухи. Это же память об отце. Ну, что скажешь?

**Святополк.** Не знаю...

**Михаил.** А ты не торопись, подумай. Этот дом и мне дорог. Здесь у вас всегда будет место.

**Святополк.** Спасибо, Миша, но тебе не продам!

**Михаил.** Почему?

**Святополк.** К сожалению, есть на то причины...

**Ирина** *(выходит из укрытия)*. Свят, срочно пойдя и привяжи собаку. Рая вздумала с Баяном пойти в лес, траву искать... Мигом, поторопись!

**Святополк.** Да что она, с ума сошла? Прости, Миша, я сейчас! *(Убегает.)*

**Ирина.** Миша, я слышала твоё предложение о покупке дома. Я согласна. Не слушай его. У нас нет другого выхода. Ты просто спасаешь ситуацию. Дом надо срочно ремонтировать. Денег у нас на это даже не предвидится. А продать тебе, старому другу, – это громадная удача. Ведь ты всегда наспустишь сюда, правда ведь?

**Михаил.** Конечно! Живите, сколько хотите. С детьми приезжайте. Ведь у меня пока никого нет.

**Ирина.** Сколько ты предлагаешь дать вперёд?

**Михаил.** Вот, три тысячи долларов. *(Достаёт деньги.)*

**Ирина.** Дай их мне и ни о чём не беспокойся.

**Михаил.** Вот, пожалуйста. *(Михаил передаёт деньги.)*

**Ирина.** Хочешь, я тебе расписку дам?

**Михаил.** Расписку? Впрочем, ты права. Святополк может не поверить. Черкни два слова, что взяла. На всякий случай.

**Ирина.** Сейчас. (*Подходит к полке, берёт лист бумаги и пишет расписку. Передаёт её Михаилу.*) Вот, спасибо тебе. (*Страстно целует Михаила.*) А за остальными я приеду к тебе на дом на следующей неделе. К этому времени я его уломаю, и тогда мы оформим продажу по всем правилам.

**Михаил.** Какая ты прелестная женщина, Ирка. Сколько в тебе решительности, красоты, за-манчи-вности... После родов ты ещё лучше стала... От тебя какой-то особый аромат, хочется с ума сойти...

**Ирина.** Только не тому досталась. Хозяина на эту красоту в результате не оказалось. (*Показывает в сторону комнаты, где спит ребёнок.*) Вон, только что сумел наклепать, мал-мала меньше. А как выжить, думалка отказывает. (*Кокетливо.*) Вот приеду к тебе, может, ты подскажешь?

**Михаил.** Может, и подскажу. (*Целует Ирину.*)

*Слышен голос Святополка: «Ирина, Ирина...»*

**Ирина.** Что-то случилось. Я пойду. (*Шёпотом.*) Как договорились... (*Быстро уходит.*)

*Издалека слышен вой Баяна. Вбегает Святополк.*

**Святополк.** Миша, погляди собаку! Рая отпустила Баяна, еле-еле поймали. Слава богу, на цепь посадили.

**Михаил.** Свят, я не ветеринар, собаки не моя страсть. И потом, ты меня обидел.

**Святополк.** Ты про статью, что ли? Про Муркина?

**Михаил.** Да ну его в одно место, этого Муркина. Я про дом! Мне, значит, продать его ты не можешь, а какому-нибудь стороннему идиоту, получается, продать можно?

**Святополк.** Такие вещи, Миша, сразу не делаются. Ты сам сказал, что здесь у нас малая родина...

**Михаил.** Да она такой же и останется! Впрочем, как хочешь. Я хотел помочь, а выпляжу вымогателем. Куплю дом вон там, у капиталистов.

**Святополк.** Всё это не так просто, Миша. Надо всё обдумать, посоветоваться с Ириной...

**Михаил.** Вот это правильно. Ирина у тебя умная женщина, плохого не посоветует. Только не говори ей про покупку машины. Жёны смотрят на машину, как на вторую жену, хотя... полигамия им совсем не чужда.

**Святополк.** А девочка у тебя решительная... Баян у неё в руках присмирел. Она одна у Куликова?

**Михаил.** Одна.

**Святополк.** Значит, можно жениться на «империи»?

**Михаил.** Можно... Но у неё характер – что хочу, то и ворочу. Видишь, пёс присмирел! Вся в папу!

**Святополк.** Ты влюблён?

**Михаил.** Надо, чтобы папа был в меня влюблён.

**Святополк.** Миша, шагай своей дорогой, и пусть папа... локти кусает.

**Михаил.** Папа высоко, на горе, а я – только карабкаюсь. Но ничего, до победы осталось немного. (*Шёпотом.*) Конспирация: Рая уехала к подруге за город.

**Святополк.** Понятно! (*Обнимает Михаила.*) Неужели поведём в загс последнего из могикан? Ты теперь будешь у нас заслуженный бракодел.

**Миша.** Ты шутишь, а я, честно, боюсь.

**Святополк.** Ничего, женишься – переменишься.

**Михаил.** Хочу тебе кое-что сказать конфиденциально.

**Святополк.** Слушаю.

**Михаил.** Не хотел я, чтобы Неонила и Валентин сюда приезжали. Прости, но не хотел...

**Святополк.** Почему?

**Михаил.** Во-первых, он болен! Во-вторых, когда из-за нас с Нилкой он на СВО подался, смерть искать, такое количество болячек получил, что вряд ли теперь оклематься сможет.

**Святополк.** А где его цепануло?

**Михаил.** Как где? На СВО! Когда Нилка ему отказала, Валя недолго работал реставратором в церкви, потом нужда пришла, стал таксистом и постоянно перевозил бойцов, воевавших на Украине, как сам объясняет, очень переживал и «не мог остаться в стороне». Перед заключением контракта прошёл сразу три военно-врачебные медкомиссии. Никаких отклонений врачи не нашли. На фронте мина оторвала ногу его сослуживцу. Валька вместе с товарищами выносили раненого с поля боя.

Передвигаться под обстрелом пришлось почти километр. Когда добрались с носилками до бронетранспортёра с медиками, Терехов сам почувствовал себя плохо и не смог передвигаться. Служивцы вызвали эвакуационный транспорт и для него. В больнице у него диагностировали инфаркт, который тот получил, пока на руках нёс раненого сослуживца. Несколько месяцев провёл в госпиталях. Ему поставили несколько стентов в сердце. Военно-врачебная комиссия признала Терехова негодным к военной службе, с диагнозом сердечная недостаточность первого функционального класса. А дальше он за любовь вернулся к Ниле, а за здоровьем – ко мне в больницу. Но я на операцию не решаюсь, сердце у него на ниточке. Вот такие, Конь, у нас дела и перспективы. А с Раей у меня всерьёз, сегодня должен решиться наш вопрос. *(Оглядывается.)* Понимаешь – звёздный час, Рая согласилась поехать со мной, а тут – Нилка! Хотя всё давно прошло, но любой намёк – и как в шахматах, положением цугцванг.

**Святополк.** Оставь, не до тебя ей сейчас. У неё Валька восьмёрками перед глазами крутится.

**Михаил.** Конь, как же мы давно не виделись! *(Хватает Святополка в обнимку и начинает вертеть.)* Пойдём, взглянем на твоего пса, небось, и не помнит меня уже. *(Оглядывается.)* Люблю я сюда приезжать, но, старик, ремонт здесь нужен основательный. Хочешь, я тебе стройбригаду дам, они у меня корпус в больнице ремонтировали?

**Святополк.** Спасибо, Миша. Посмотрим! Пойдём! Кстати, дров надо набрать: вечером будет холодно в доме. *(Провокационно.)* Хотя... объятия юной Джульетты вполне могут заменить печь, туалет и завтрак. Не так ли?

**Михаил.** В моём возрасте это уже не объятия, а испытание.

**Святополк.** Ну, ну, ну... «Сражение выигрывает тот, кто твёрдо решил его выиграть». Пойдём, поможешь дров принести. *(Уходят.)*

*Появляются Ирина и Рая.*

**Ирина.** Мальчики! Свят, Михаил, где вы? Смотри, их нигде нет! Куда они делись?

**Рая.** Может быть, они спрятались? КВН устроили? Миша! Мы всё знаем, выходите! *(Проходит в маленькую комнату и тут же возвращается.)* Какая красавица у вас Катя: глазки закрыты, щёчки с засохшим молоком, а носик свистит от удовольствия.

**Ирина.** Пусть спит. Она вообще не капризная. Гришка – буйный, того и гляди что-нибудь выкинет, а Катя – кроткая. Вспомнила! Они пошли к лесу, за дровами. Рая, помогите мне всё приготовить. *(Ирина достаёт из сумки оставшуюся провизию. Рая ей активно помогает.)* Ты ничего не имеешь против, если мы будем на «ты»?

**Рая.** Конечно, я только буду рада. Вы ведь лучшие друзья Миши.

**Ирина.** Ты салат умеешь делать?

**Рая.** Вроде, да. А что?

**Ирина.** Ну, тогда приступай. Вон там огурцы, помидоры... Скажи мне, Рая, Михаил что-нибудь говорил тебе о самочувствии Валентина?

**Рая.** Говорил.

**Ирина** *(откладывает работу).* Что?

**Рая.** Сказал, что у него очень... неважно с сердцем, что уже поставлены стенты, но якобы шунтирование делать опасно... Вспомнила: несмотря ни на что, Миша говорил о возможности операции или... консультации с каким-то светилом. Прости, Ира, не могу вспомнить, я его работой мало интересуюсь. Правда, познакомились мы у нас дома, папе его рекомендовали, подозрение на воспаление лёгких у меня было. Он несколько раз приезжал к нам, потом начали встречаться. Ну и так далее. Хочешь, я про этого Валентина расспрошу у него?

**Ирина.** Нет, не надо. Я сама узнаю.

**Рая.** Ира, а ты давно знаешь Михаила?

**Ирина.** Больше двадцати лет, а Свят – со школы. Они познакомились в восьмом классе.

**Рая.** Он всегда был таким?

**Ирина.** Каким «таким»?

**Рая.** Миша говорит, что он утилитарист.

**Ирина.** Кому говорит?

**Рая.** Мне как-то сказал.

**Ирина** *(смеётся).* Врёт. Наговаривает.

**Рая.** Зачем?

**Ирина.** Заманивает. А что? Хочет, чтобы ты разгадывала его.

**Рая.** Да я и так разгадываю. В словарь иностранных слов полезла.

**Ирина.** И что там узнала?

**Рая.** Утилитарист – человек, извлекающий из всего выгоду.

**Ирина.** Ну вот, что я тебе говорила: заманивает.

**Рая.** Чем же?

**Ирина.** Ты девочка богатая, так ведь?

**Рая.** Я – нет, а папа – очень.

**Ирина.** Ну вот, чтобы не выглядеть навязчивым, он старается плохим мальчиком быть, наговаривает на себя. Мне, мол, от вас, пушистых и богатых, ничего не надо. К сожалению, порядочный человек сегодня выглядит простаком, а вот выдашь себя за «утилитариста», человека, стремящегося из всего получить выгоду, смотришь, и заметят, и уважать начнут.

**Рая.** Мне Миша говорил, что вы талантливый филолог?

**Ирина.** Прямо – талант так и пышет. У меня всё бывшее: и филолог, и аспирантка... Теперь я домохозяйка.

**Рая.** Но то, что Мишка прагматик, ты это, надеюсь, отрицать не будешь.

**Ирина.** А кто сегодня не прагматик? Все хотят успеха и денег. Сегодня даже в постель ложишься с вопросом – «быть или не быть?». Я так скажу: пусть человека воспитывает прагматизм, чем телевизор.

**Рая.** Ира, вы поступаете нечестно.

**Ирина** (*ошарашенно*). Почему ты так решила?

**Рая.** Мы перешли на «ты», а вы ни слова правды о Мише не сказали.

**Ирина.** А что ты хочешь услышать о нём?

**Рая.** Хорошо, если я задам вам один откровенный вопрос, вы ответите на него честно? Не волнуйтесь, ваш ответ останется между нами.

**Ирина.** Хорошо, постараюсь.

**Рая.** Давайте напрямую: на моём месте вы вышли бы замуж за Михаила? Ему можно довериться?

**Ирина.** Ну, начнём с того, что я не на твоём месте. А была бы, то тогда, возможно, и знала бы. И потом: довериться – это, на мой взгляд, конечный результат, который не оставляет выбора. (*Решительно.*) Я всегда предпочитала искать в мужчине то, с чем ты не расстанешься ни днём ни ночью – то есть... мужественность.

**Рая.** Понятно. Это, во-первых, а что же во-вторых?

**Ирина.** Второе – производно от первого. Добавляю для ясности: надо основательно покататься на «горках», прежде чем довериться. Мужчину надо унять, чтобы он развлекался на одном пастбище.

**Рая.** Теперь понятно. Хорошо бы ещё развлекался с рогами.

**Ирина.** От любимого не убежишь. Это как хорошее вино – с первого глотка пьянеешь. Что же касается Михаила, то отвечу, как ты просишь, предельно честно. За него очень хотела выйти замуж моя подруга, которую ты скоро увидишь, но он пренебрёг и бросил её: переступил и не обернулся. А по поводу тебя, Рая, я скажу так: доверять другим хорошо, но не доверять – намного лучше.

*Вдалеке слышен лай собаки. Входят Тереховы. Ирина выбегает на крыльцо.*

**Ирина.** Здравствуйте, мои дороги! (*Обнимает Валентина и Нилу.*) Наконец-то добрались! А мы ждём, ждём... Оказывается, у тебя есть давление, Валя?

**Валентин.** У меня давление только от недостатков.

**Ирина.** Мы от Михаила узнали.

**Валентин.** Все друзья-врачи склонны преувеличивать опасность – компенсация за поточный метод на работе.

**Ирина.** И всё-таки, как ты себя чувствуешь, мой мальчик? Похудел немного.

**Валентин.** Ну, положим, не немного, а достаточно. Кажется, двадцать килограмм с меня свалилось. Однако всё это мелочи. Ветер меня не снесёт, камней в карман положил, а чувствую я себя прекрасно, особенно в этом месте.

**Нила.** С перевала ваш дом виден как на ладони, только в землю ушёл больше. Постарел, как все мы.

*На крыльце появляется Рая.*

**Валентин** (*увидев Раю*). В этом райском замке Нимфы появились?

**Ирина.** В этом райском замке появилась гостья по имени Рая, невеста... Нет, знакомая Михаила.

**Рая.** Ещё не первое, но и не второе... Так, тусуемся вместе.

**Нила.** Здравствуйте, Рая, меня зовут Нила, я тоже знакомая Лазина, только давнишняя.

**Рая.** Очень приятно. Я его новая знакомая по кличке «Барби для мальчиков»!

**Нила** (*ошарашенно*). Это как?

**Рая.** Очень просто: то с одним, то с другим, сейчас с Лазиным. Но ничего серьёзного: мне посоветовали массаж – он посодействовал.

**Валентин.** Все мы вышли из ребра Лазина. (*Протягивает руку. Рая инстинктивно одёргивает свою.*) Почему вы смутились?

**Рая.** Я? Я не смутилась... Просто первой протягивает руку женщина, а не мужчина.

**Валентин.** Спасибо за напоминание. Буду повнимательнее с этим (*Вертит кистью.*) приспособлением для вежливости.

**Нила.** Ириша, а где ребята?

**Ирина.** За дровами ушли. Проходите в дом.

*Все проходят в дом.*

**Нила.** А Катю не взяли?

**Ирина.** В маленькой комнате спит.

**Нила** (*порывисто обнимает Ирину*). Ну как дела, Ириша?

**Ирина.** Без изменений. Как говорится, стою на КПД: кухня, плита, посуда и дети.

**Нила.** Мне бы всё это, но бодливой корове – сама понимаешь. Тебе помочь? (*Проходит к столу, где хозяйничает Рая.*) Да вы уже всё приготовили.

**Рая.** Да, почти всё. Вот только сыр дорежу, и всё готово.

**Нила** (*оглядывает дом*). Наша старая пристань! Как давно мы не собирались.

**Валентин.** А где немой свидетель истории? Где последний из могикан по кличке Баян?

**Ирина.** На цепь посадили.

**Валентин.** А что так?

**Ирина.** Плохо ведёт.

**Валентин.** В таком случае я возьму кое-что со стола и пойду представиться ему. Мы ведь многие годы были приятелями. (*Берёт со стола еду и уходит, напевая арию Торсадора.*)

**Нила.** Не задерживайся! Скоро придут Свят и Михаил.

**Валентин.** Я мигом.

**Ирина.** Не приближайся к нему, слышишь? У него чумка!

**Валентин** (*издалека*). Слы-шу!

**Нила.** Наверное, пошёл вербы наломать, скоро Пасха. Как он тебе?

**Ирина.** По-моему, нормально... Похудел, конечно. Что говорит Мишка?

**Нила.** Говорит, что для его болезни всё в норме, но вижу, что слаб. К сожалению, я Мишке не верю... Сердце у Вали, как канарейка в клетке.

**Ирина.** Успокойся, главное – ничего смертельного нет. Он уже в том возрасте, когда болезни выбирают, а не наоборот.

**Нила.** Господи, забыла! Сегодня же юбилей Александра Фёдоровича! Поздравляю! (*Целует Ирину.*)

*Входят Михаил и Святополк с охапкой дров.*

**Святополк.** Ты посмотри, Нилочка приехала. (*Целует Нилу. Слышен плач ребёнка.*)

**Ирина.** Ой-ой-ой! Катя проснулась! (*Бросается в другую комнату. Рая уходит следом.*)

**Нила.** Потихе, мальчики. Миша, здравствуй. *(Протягивает руку Михаилу.)*

**Святополк.** Проснулась, и хорошо. *(Кладёт дрова к печке.)* Хватит ей спать.

**Михаил** *(отводит Нилу в сторону).* Ты одна приехала?

**Нила.** Нет, мы вместе. Читали твою статью о юбиляре. Поздравляю. А это значит она, дочь Куликова?

**Михаил.** Да. *(Оглядывается.)* А где Валентин?

**Нила.** Смотри, не сносить тебе рогов с такой девочкой.

**Михаил.** У меня рога в другом месте.

**Нила.** Расхвастал, кобель-затейник.

**Михаил.** Где Валентин?

**Нила.** К собаке пошёл, а что?

**Михаил.** Знаешь что, Нила. *(Оглядывается.)* Не вспоминай... о прошлом, хорошо?

**Нила.** Не знаю, не знаю, мне ведь тоже похвастать хочется. Какой я была? Сто первой или... единственной?

*Возвращаются Ирина и Рая.*

**Ирина** *(на ходу).* Всё, Катя проснулась! Улыбается до ушей, но не описалась. Сейчас я её покормлю. *(Достаёт бутылку с молочной смесью. Возвращается в маленькую комнату, на ходу.)* Давайте, садитесь за стол. Где Валентин?

**Святополк** *(направляется к выходу, громко).* Валя! Ва-ля! Те-ре-хов! *(Оборачивается к гостям.)* Давайте все вместе! *(Все собираются у входа и вразнойбой кричат: Валентин.)* Нет, давайте вместе! Три-четыре: Валя! *(Дружно зовут.)* Ва-ля! Ва-ля!

*Появляется Валентин, в руках у него четыре небольших букета.*

**Валентин.** Браво! Хоровая капелла! Господа, тронут вашим вниманием.

**Ирина** *(возвращается из маленькой комнаты, на ходу).* Валюша, давай за стол, всё готово.

**Святополк** *(обнимает Валентина).* Здравствуй, Илья Муромец! Ну, как ты? Немножко спал с лица, так сказать, приобрёл строгость византийской иконы. Рад тебя видеть, старина.

**Михаил** *(грозит пальцем).* Хулиган, нарушаешь все установки медицины.

**Валентин.** Не сердись. Мне тут очень хорошо. А это нашим весенним подругам. *(Подает букет Рае.)* Весна – это легкомыслие, бегущие ручьи, носики белых ландышей – одним словом, импровизация, абсолютная импровизация... Вы меня понимаете, Рая?

**Рая.** Спасибо, понимаю вас... Вы настоящий мужчина, моего вкуса. *(Рассмеялась.)*

**Святополк.** Браво, Валентин! Один – ноль в твою пользу.

**Михаил** *(Валентину).* Я смотрю, тебя тянет к поэзии?

**Валентин.** Я, как собака, переболевшая чумкой, чувствую, что ко мне возвращается обоняние. Это тебе, Ириша. Нилочка, берегиня моя, от всего сердца и с пристрастием! *(Дарит Ирине и Ниле по букету. Нила целует Валентина.)*

**Ирина.** Спасибо, Валя! Давайте все за стол.

*Все устраиваются за столом.*

**Валентин.** Михаил, можно тебя на секунду? *(Отходят в сторону.)* Я звонил хирургу Остроумову. *(Пауза.)*

**Михаил.** Кто тебе дал телефон, Игнатьев, что ли?

**Валентин.** Да.

**Михаил.** Ну, я ему дам, подлецу. Уволю, к чёртовой матери.

**Валентин.** Не сердись! Он не виноват, я его провёл.

**Михаил.** И что он сказал?

**Валентин.** То же, что и ты.

**Михаил.** Ну вот, видишь!

**Валентин.** Я согласен, Миша. Делай операцию...

**Михаил.** Ох, Валентин, давай не здесь это обсуждать. Давай утром...

**Валентин.** Хорошо, как ты решишь. Но прошу тебя об одном (*Оглядывается.*), Ниле – ни слова о нашем разговоре, хорошо? Договорились?

**Нила.** Что вы там разсекретничались? Идите за стол, без вас не начинаем.

**Валентин.** Ругаю автора за статью – мало написал!

**Михаил.** Простите, так уж получилось... Впрочем, кроме меня о юбилее Соловьёва никто не написал.

**Валентин** (*кладёт букет цветов у портрета юбиляра*). Не переживай, Миша, даже о круглой дате отмены «крепостного права» у нас забыли. Что поделать: кто много ест и не читает, тому память отбивает.

**Нила.** Кстати, наш Александр Фёдорович помнил даже мелочи: помнил, что Эйнштейн играл на скрипке, что Лопе де Вега любил разводить в преклонном возрасте цветы.

**Михаил.** Наш юбиляр покруче был – всю жизнь коллекционировал оружие. Помню, как он из этой двустовки ворон от дома отгонял. Стрелял по верху голов, но при этом ни одной птицы не ранил.

**Ирина.** Валя, садись вот сюда, на место Александра Фёдоровича. Давайте раскладывайте всё по тарелкам. Свят, наливай. Мне белого вина.

**Святополк.** Внимание – грузинский тост!

**Ирина.** Подожди с твоими глупостями. (*Резко.*) Доколе?

**Михаил.** Ириша, остановись. Не надо конфликтов.

**Ирина.** Не хочу слушать эти... Эти анекдоты. Я хочу сказать о другом: вот юбилей, а сердце болит, что нет прежней радости. Что-то утекло и уже не вернуть.

**Нила.** Время другое, Ириша.

**Ирина.** Время всегда одинаковое – оно тикает вперёд. А вот мы стали другими... Вот в чём беда! И самое главное – стали хуже, бездушнее...

**Нила.** Ира, ну почему ты так думаешь?

**Ирина.** А потому! Вынули из нас что-то. Стали, как все! Обстругали нас за эти двадцать лет и сделали болванчиками.

**Рая.** Нет, мы покемоны. Я уж во всяком случае.

**Михаил.** Подожди, Рая!

**Ирина.** Собираемся всё реже, глаза чужие, холодные... У всех на лице суета выживания. Хорошо, что Михаил проявил инициативу, а то бы ещё год не виделись. Нельзя так! Нет тумана, из которого нельзя выбраться. Мы вместе столько лет, это надо ценить, как драгоценный подарок. (*Всматривается во всех.*) Милые мои, друзья мои, ребята мои дорогие, у меня какая-то лихорадка в груди. Ещё немножко, и я расплачусь. (*Пауза.*) Вот, вот... (*Закрывает лицо ладонью.*) Давайте выпьем, выпьем за Александра Фёдоровича, за нашу дружбу, которая, как бы нам тяжело ни было, не должна закончиться.

**Михаил.** Спасибо, Ирина, очень хорошо сказала. (*Вдалеке слышен лай собаки.*) Видишь, даже Баян не удержался.

**Рая.** Шампанское – моя стихия. Мы на курсе иногда море шампанского выпиваем.

**Святополк.** Предлагаю выбрать тамаду.

**Нила.** Пусть Мишка будет.

**Ирина.** А я за Валентина.

**Валентин.** У меня самоотвод. Моим голосом можно рассказывать только анекдоты мышам.

**Святополк.** Михаил, коллектив избирает тебя.

**Михаил.** Хорошо, налейте по второй.

**Рая.** По второй? Я уже от первой летаю.

**Михаил.** Дорогие мои, буду краток. Сейчас за окном весна. Этих вёсен каждому из нас отпущено определённое количество. Поэтому каждый год, каждый день должны быть твои и только твои. Я поддерживаю Ирину. Многие сегодня стали идолопоклонниками; кумир одних – почесть, других – корысть, у большинства – наслаждение. А третьи живут так, что клейма негде поставить. Я за возрождение человеческого достоинства, любовных страстей, дуэлей и чести. Я за культ женщин, от которых сходишь с ума, а весной становишься безрассудным. Я за то, чтобы мы дарили им не только детей, но и бриллианты, не только помаду, но и земной шар: Калифорнию, Сахару, снега Килиманджаро! Чтобы мы видели в ваших зовущих глазах не бескрайнюю тяжесть прошедших

суток, а восхищение каждым минувшим днём – этой нестираемой страницей нашей короткой истории. Поэтому «Цветы, огонь и кастаньеты, пусть будет “да” и не услышим “нет”!»! И так, за вас, дорогие женщины, и клянёмся, что завтра будем другими.

**Все.** «Браво», «Великолепно», «Молодец»!

*Михаил включает магнитофон: звучит песня «Велосипед».  
Рая выбегает на середину, надевает рыцарский шлем и начинает танцевать.  
К ней присоединяется Святополк, танцуют слаженно и красиво.  
Ирина встает из-за стола и уходит в другую комнату к ребёнку.*

**Михаил** (выключает музыку). Ребята, а теперь – сюрприз! Я вам сейчас поставлю юмористическую интермедию.

**Нила** (аплодирует). Раечка, вы неподражаемы! Конь, и ты на высоте. Ну-ка, давайте штрафную!

*Святополк, пританцовывая, наливает в бокалы шампанское.*

**Нила.** А ну-ка, на брудершафт! За дружбу и любовь! (Подает бокалы Рае и Святополку.) До дна и на брудершафт!

**Михаил.** Нила, не будь сводницей! Не разбивай семейство!

**Нила.** Подожди, и тебе достанется.

*Рая и Святополк выпивают и целуются. Святополк неожиданно разбивает бокал об пол.*

**Святополк.** На счастье! «Эх, Рассея моя... Рассея! Азиатская сторона!»

**Рая.** Ох, устала! Пойду на крыльцо – хочу воздухом подышать.

**Святополк.** Подождите, Рая, там холодно, возьмите куртку.

*Святополк берёт куртку и выходит. Михаил включает магнитофон. Раздаётся фальшивое женское пение арии «Сердце красавицы», затем начинается бормотание невротички:  
«Всё, всё перевернулось в моей жизни! Он мне говорил, он мне обещал... Я ему говорила, говорила, говорила, говорила. А потом темнота и большие рога... Рижское взморье и на берегу олень, мёртвый... Кто-то его удавил и отсёк топором рога, а он такой весёлый, махает хвостом и поёт «Сердце красавицы, склонно к измене»... Михаил весело смеётся.  
Валентин выключает магнитофон.*

**Валентин.** Не надо, Миша! Зачем над этим смеяться? Ты же врач!

**Михаил.** Извини, старик, но ведь забавно, согласишься?

**Валентин.** Я верю только в инфекционные болезни, а вот такие болезни – это наших рук дело, человеческих.

**Михаил.** Твоя вера слепа, дружище. Слушай и запоминай: наступила невиданная война между бактериями и антибиотиками. Да-да, невиданная!.. Представь себе, что я бактерия, а ты – антибиотик... Так вот, я вырабатываю такие ферменты, что ты ничего со мной не можешь сделать. Я устойчивый пневмококк! Даже война не сможет меня изменить.

**Валентин.** Войну предатели и с пневмококками не выигрывают, Миша. На войне без мужества дня не проживёшь.

**Миша.** Тебе, я вижу, тоже телевизор просверлил голову. На всех каналах все против всех воюют. Нет, Валя, воевать мы больше не будем, хватит – последний раз! Бицепсами играть будем, в пинг-понг ракетками будем играть, хвастать будем, а воевать не будем. Как раньше – разучились!

**Валентин.** Не разучились, своими глазами видел! До сих пор удивляюсь, кажется, что вокруг меня одни герои были. Правда, и Бог всегда рядом был – помогали друг другу. (Пауза.) Нет столетия, чтобы против нас не объединялись, вот и сейчас получают по заднице и сто лет не сунутся сюда.

*Возвращается Ирина.*

**Ирина.** Как вы тут, не скучаете? А где остальные?

**Михаил.** Пока ты занимаешься ребёнком, муж твой бокалы крошит и забавляется за углом.

**Ирина.** Давай без шуток, куда они смылись?

**Михаил.** Пошли вдвоём на выход, воздухом подышать.

**Ирина.** У меня есть одно предложение. Сейчас я их позову.

*Перестройка света. На крыльце Святополк и Рая.*

**Рая.** Как мне нравится у вас. Вы такие дружные, весёлые... А вы вообще супер, танцуете, как ребята с нашего курса. И кличка у вас заманчивая – Конь. Вы мне нравитесь, Свя-то-полк! Это что, историческое имя?

**Святополк.** Да, великий князь Святополк Изяславич.

**Рая.** Великий князь? Первый раз слышу. Я знаю вешего Олега, проходила. (*Читает.*) Как ныне собирается веший Олег / Отмстить неразумным хазарам: / Их сёла и нивы за буйный набег / Обрѣк он мечам и пожарам... Ну как?

**Святополк.** Супер!

**Рая.** Спасибо! Князь Святополк, дайте я вас поцелую. (*Рая целует Святополка. Ирина видит это, отвешивает мужу пощёчину и, вбежав в большую комнату, хватает двустволку.*)

**Ирина.** Паршивый пёс, бабник... (*Бросается навстречу входящим Святополку и Рае.*)

**Нила.** Ира, ты с ума сошла? Брось ружьё! Что случилось?

**Ирина.** Я его убью!

**Нила** (*кричит*). Остановись! Объясни, что случилось? (*Удерживает Ирину.*)

**Ирина.** Там... на крыльце... Чужую девку, совсем незнакомую... Боже мой! Сорокалетний балбес целует в засос малолетку. Ублюдок!.. Кобель!.. Убью! (*Отталкивает Нилу, подбегает к Святополку и наводит на него ружьё. На помощь бросается Михаил.*)

**Михаил.** Остановись, Ирина! Опусть ружьё. Рая, что случилось?

**Рая.** Ничего, честное слово, ничего...

**Святополк** (*бросается навстречу Ирине*). Стреляй! Хоть из двух стволов стреляй!

*Михаил выхватывает из рук Ирины ружьё, отводит его в сторону и неожиданно нажимает гашетку. Раздаётся выстрел. Все в шоке. Ирина бросается в маленькую комнату, падает на диван, плачет. Следом за ней входит Валентин, подсаживается рядом и пытается успокоить. В коляске ревёт ребёнок.*

**Конец первого действия**

## ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

*В маленькой комнате. Ирина лежит на диване. Рядом сидит Валентин.*

**Валентин.** Ира, прошу тебя, успокойся.

**Ирина.** Противно! Пошло! Столько лет впустую...

**Валентин.** А что он сделал? Говорил с Раей?

**Ирина.** Говорил? Он целовался с ней! Что за люди: только что познакомились и сразу, как дворняжки, начали лизаться. Господи, стыдно-то как! И как надоел он мне! (*Обнимает Валентина.*) Валя, нет жизни, давно уже ничего нет.

**Валентин.** Не говори так, не надо... Конь не плохой человек...

**Ирина.** Что ты знаешь о нас, Валя? И вообще, что мы знаем друг о друге? Собираемся, чтобы выпить, залить пустоту, страх... Мы разучились радоваться, дайте нам невротиков или поглазеть на диспуты о несчастной Украине. А сами-то мы какие? Михаил предлагает дарить бриллианты... Для чего они? Куда с ними ходить, на рынок? Научились хотя бы к жёнам не по-скотски относиться. Что я видела, кроме детей и общих слов, какая я женщина? Какие снега Килиманджаро? Кухня в шесть метров – вот мои Килиманджаро, а в бане – вагон пелёнок! Думала, что из него что-то получится – всё-таки сын Соловьёва. Дура стоеросовая, бросила аспирантуру – решила отдать себя детям, мужу...

Каждый год мечтала, что нам повезёт, что нас заметят, что не всё решают деньги... Куда там! (*Вызывающе.*) Вот заведу себе любовника богатого и пошлю все свои премудрости к чёртовой матери!

**Валентин.** Молодец! Вот, уже выход. Ты красивая женщина, какой-нибудь старичок клюнет.

**Ирина.** А зачем мне старичок?

**Валентин.** Лучшего мужика, чем Святополк, ты не найдёшь. И знаешь, почему?

**Ирина.** Ну и почему?

**Валентин.** Потому что ты его любишь.

**Ирина.** К чему эти слова, Валя? Я ему не верю и в него – не верю! Вообще не верю в нас, в наше поколение... Не мигнув глазом – предадим, надо – поклонимся любим богам, а в душе пустота, энтропия... Валя, но это не относится к тебе. (*Обнимает Валентина.*) Ты настоящий, только был бы здоров.

**Валентин.** Я буду ещё здоровее, если ты перестанешь сердиться на Святополка. Жизнь, Ириша, стала такой сложной, такие она создаёт уравнения, что иногда хочется завывать, как Баян. Вспомни, когда было тяжело, что, не боясь и не оглядываясь, говорил нам Александр Фёдорович?

**Ирина.** Когда он был жив, ясность была. А сейчас и его забыла, и что говорил, смутно помню.

**Валентин.** А я тебе напомню. «Наши отцы и деды, – говорил он, – гнили в лагерях и падали расстрелянными в энкавэдэшных застенках. Но они же составляли миллионные армии надсмотрщиков, стукачей и палачей... Они стали исполнителями, винтиками и шестерёнками гигантского замысла того ещё, 1917 года, плана извода русского народа, державной Российской империи. Конечно, возглавляли это другие – “фармацевты из Швейцарии и Вены”. Но исполнителями, подручными были наши отцы и наши деды. А мы унаследовали их страх, их немощную совесть. Нам кажется, что мы ни в чём не виноваты. Мы обвиняем всех – от царизма и революции до застоя и демократии. А кто мы сами в этих “измах”, не мы ли их опорные кирпичики и винтики, которые выполняют свою шестерёночную службу. Мы каждый раз находим причины, на которые можно свалить свою недоученность, неверность, лень, безволие, трусость, лакейство и подлость». (*Пауза.*) Казалось, столько лет Александра Фёдоровича нет, а каждое его слово до сих пор помню. Вот ты завтра найдёшь любовника, какого-нибудь очередного Лазина с невротиками, и что получишь: дешёвый ресторан, бутерброд с икрой, в конце вечера предложение раздеться и разоружиться на ночь, а наутро растоптанную гордость и... одиночество. Нет, Ира, не твоя это участь! Надо держаться, вынуть руки из карманов и бороться за свой дом, за семью, за детей, за их будущее. (*Сонный голос ребёнка.*) Вот видишь, и Катя со мной согласна! (*Заглядывает в коляску.*) Спит, но и во сне тебя просит: мама – не падай духом!.. Помнишь песню? (*Обнимает Ирину, тихо напевает.*) «Ах ты, степь широкая...» Пойдём во двор, на воздух тебе надо. Пойдём...

**Ирина** (*наклоняется над коляской*). Вот моё оправдание. Солнышко моё!.. Это единственное чудо, которое заставляет меня жить. Пойдём... (*Выходят через боковую дверь наружу.*)

*Перестройка света. В большой комнате, держа перед собой свечку, Нила читает стихотворение, её внимательно слушает только что пришедший Степаныч. За столом Рая и Михаил.*

*В кресле, закутавшись в одеяло, лежит Святополк.*

**Нила.** Пошли нам, Господи, терпенья  
В годину буйных, мрачных дней  
Сносить народное гоненье  
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,  
Злодейства ближнего прощать  
И крест тяжёлый и кровавый  
С твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,  
Когда ограбят нас враги,  
Терпеть позор и оскорбленье,  
Христос, Спаситель, помоги.

Владыка мира, Бог вселенной,  
Благослови молитвой нас  
И дай покой душе смиренной  
В невыносимый страшный час.

И, у преддверия могилы,  
Вдохни в уста твоих рабов  
Нечеловеческие силы  
Молиться кротко за врагов.

**Охранник.** Кто это сочинил?

**Нила.** Поэт Сергей Бехтеев, дедушка. Стихотворение называется «Молитва». Его нашли в бумагах после расстрела царской семьи в Ипатьевском доме. Говорят, что Великая княжна Ольга Николаевна часто читала его наследнику Алексею.

**Охранник.** И кто же это говорит, если всех расстреляли?

**Нила.** Степаныч, были видения...

**Охранник.** Какие ещё видения?

**Нила.** Степаныч, не прикидывайся, ты же крещёный.

**Охранник.** Да, нашлись документы, что я крещёный и, как видите, не расстрелянный.

**Нила.** Должна вам напомнить, Степаныч, что учение о монархии, как Божественном учреждении, составляет неотъемлемую часть всего учения Православной Церкви. Отказ от него невозможен, и, даже находясь в условиях республиканского государства, оставаясь лояльной ему, Церковь должна свято хранить свою приверженность единственно реальной существующей христианской государственности – православной монархии.

**Охранник.** Что это ты, Нила Батьковна, как по писаному говоришь? Лекции, что ли, читаешь?

**Нила.** А это из моей диссертации. Я её наизусть помню. Защищала три раза.

**Охранник.** И не защитила?!

**Нила.** Защитила. В Сергиеве Посаде защитила.

**Михаил.** Восстановление монархии в России невыносимо.

**Нила.** А Александр Фёдорович считал, что в России всё мыслимо, и это тоже. Но при определённых условиях.

**Михаил.** Это при каких же условиях? Что-то я не помню, чтобы он так считал?

**Нила.** Он не всё тебе докладывал, Миша. Он говорил, что нужна новая идея – религиозная по истоку и национальная по духовному смыслу, и что придёт поколение, которое обязательно по-новому оценит монархию. К сожалению, мы стараниями разномастных политиканов не заметили, как после перестройки вновь построили сословное общество. Причём куда непривлекательнее, чем царское.

**Охранник.** Вспомнил, это он писал, и поэтому его сократили на работе.

**Михаил.** Правильно, Степаныч, но не только за это. Нила, такой свободы, как у нас в России, нигде нет. Зачем нам второй Александр Третий с его рыбалками и заповедями не мешать Европе его отдыху. Наш народ в большей степени остаётся по-прежнему советским, нежели русским православным народом-богоносцем.

**Святополк** (*откидывает одеяло*). Мишка, не дави на Нилу. Отец действительно писал, что экономике Российской империи, по темпам быстрее всех развивающуюся в мире, революция прервала на взлёте. И что большевики всячески избегали этой правды.

**Михаил.** И правильно сделали. Поэтому и построили вторую экономику в мире.

**Нила.** Построили и развалили.

**Михаил.** Развалили, потому что бесконтрольная власть до добра не доводит.

**Нила.** Монархия вовсе не означает произвол бесконтрольной власти. Она возводит ответственность как правителей, так и подданных к высшим источникам правосознания – к совести, к патриотизму, к Богу!

**Рая.** Да вы здесь все, извините, покемоны какие-то! У нас все на Запад мечтают уехать, у моих подружек в двадцать лет по особняку в Таиланде или в Англии, а вы в нашем захолустье Новодевичье Кладбище хотите устроить. Откуда вы царя нарисуете? Из папье-маше или из теста? Тили-тили тесто – жених и невеста, что ли? (*Раздаётся плач ребёнка. Рая заглядывает в маленькую комнату.*)

Пусто! Никого нет, ребёнок один в коляске. Куда они подевались? (*Негромко.*) Мамаша называется. (*Подходит к коляске и начинает успокаивать ребёнка. Святополк направляется следом за Раей, но его останавливает Михаил.*)

**Михаил.** Сиди, сиди... Мы сами! (*Подмигивает Святополку. Уходит.*)

**Охранник.** Да, вот какая нынче молодёжь.

**Нила.** Она разная. Есть такая, что и власти не боится. Россия оживает, и это хорошо, это уже не остановишь. Вот кончится война, Россия совсем другой станет.

**Охранник.** Ты совсем как пророчица колдуешь. И что ещё в вашей диссертации? Там есть про то, как нас, этих?.. Как она нас назвала?

**Нила.** Покемоны.

**Охранник.** А кто они, эти покемоны?

**Нила.** Карманные монстры.

**Охранник.** Ух, ты! Как интересно! Значит, я старый карманный монстр. И что же мне надо знать нового о монархии?

**Нила.** С советских времён монархию всячески дискредитировали.

**Охранник.** Это мы умеем. Опрос общественного мнения показал: врут всё. Нам теперь всё до фени: и социализм, и коммунизм, всё – до лампочки!

**Нила.** Степаныч, монархия может быть представительной.

**Святополк.** Нила, нужен законный русский православный государь. А где его взять?

**Нила.** Народ найдёт своего личного Главу и свяжется с ним доверием и преданностью. Я, не заглядывая вперёд, с твёрдой надеждой на милость Божию полагаю, что государь-император будет указан нашими основными законами, в союзе с Церковью Православною, совместно с русским народом.

**Охранник.** Нет, у меня есть другое предложение. Я бы выбрал императрицу! И выбрал бы я, Нила, тебя! А что, Неонила Первая – звучит? Не хочешь ли кисленьких яблочек, Белёсяя?

**Нила.** Хочу.

**Охранник.** Тогда ради тебя схожу и принесу. (*Почтительно поклонился, налил рюмку водки, ударил каблуком и запел.*) Янки – воют, немцы плачут, / На валюту деньги скачут. / Русские кричат: «Налей! У дефолта – / юбилей». (*Выпивает. Пританцовывая уходит.*)

**Нила.** Замечательный старик: умный и тёплый, как старая русская печка. В детстве я любила мечтать, лёжа на печке. Я когда вижу тебя, Свят, вспоминаю детство: Таганрог, море и дядю. Нет, ты не похож на него, скорее, отец твой. Просто ты – Свят, а тот – Святозаров. Мой дед был мирового класса скрипачом. Меня, малютку, звал барышней. А в музыкальном училище мальчишки дразнили меня: «беляна, сметана, молоко», потому что я была белёсой и звали – Нелькой! Помню, как мне было обидно, ведь каждую вторую собаку в Таганроге звали Нелькой. Иду по улице и неожиданно из какой-нибудь подворотни слышу: «Нелька-сметана!» Останавливаюсь как вкопанная и думаю, вот сейчас крикну: «Не Нелька я, а Неонила!» А когда в музыкальном училище я на первом зачёте сдавала сольфеджио, профессор Бардин открыл мою зачётку и ахнул: «Вас зовут Неонила? Ваше имя вспоминают среди святых, знаете ли вы это, барышня?» И опять, не пойму почему, «Барышня». Чудесные, милые старики... А после пришли мы – суровые и деловые – и, наконец, дожили до покемонов. А ведь какая культурная страна была: Дягилевские сезоны в Париже, триумфальные гастроли МХТ по всему миру, а сейчас особняки в Таиланде и в Англии... (*Тихо повторяет строчки стихотворения.*)

Владыка мира, Бог Вселенной,  
Благослови молитвой нас.  
И дай покой душе смиренной  
В невыносимый страшный час.

Свят, слышишь меня? (*Подходит ближе.*) Заснул, пролетариат! Устал за неделю... (*Подходит к портрету Александра Фёдорович. Включает старый проигрыватель и ставит пластинку. Тихо звучит вальс. Оглядывается.*) А танцевать-то не с кем. (*Обращается к портрету.*) Дорогой Александр Фёдорович, сердце у меня большое, как железнодорожный вокзал, поэтому не обессудьте, на вальс, как и прежде, я приглашаю вас.

*Делает реверанс, берёт портрет в руки и начинает танцевать.*

*Нила всё быстрее и быстрее танцует одна.*

*Перестройка света. В маленькой комнате Михаил и Рая. Рая качает коляску с ребёнком.*

**Рая.** Всё, заснула. Только один глазик дёргается во сне. Никогда не узнаешь, какие сны у таких малюток.

**Михаил.** Знаешь, Рая, я сейчас поймал себя на мысли, что могу часами сидеть вот так, около тебя, и наблюдать за всем, что ты делаешь. Если бы ты знала, сколько смысла ты принесла в мою неустроенную жизнь и как многое сейчас зависит от тебя...

**Рая** (*шёпотом*). Не говори так громко, девочка может снова проснуться.

**Михаил.** Помнишь, когда мы остановились на стоянке, я сказал тебе, что сегодня самый важный день в наших отношениях? Помнишь?

**Рая.** Да, помню. А почему ты скрываешь, что хочешь купить рядом дом?

**Михаил.** Обязательно скажу, но позже. И потом, не исключено, что могут быть ещё и другие варианты. Очень неожиданные! Это ведь старые друзья, и я хочу общаться с ними на равных – без зависти и ревности. (*Берёт её руку.*) Рая, я сегодня хочу быть безрассудным, можно?

**Рая.** Для утилитариста это что-то новенькое.

**Михаил.** Послушай, девочка моя, к чёрту всякие «измы»! Я скажу тебе всё, что на душе, надеюсь, что ты меня поймёшь и с этой минуты мы навсегда будем рядом, вместе! Вместе, на всю жизнь! (*Торжественно.*) Рая, я хочу, чтобы ты стала моей женой. Ты согласна? (*Обнимает Раю, пытается поцеловать.*)

**Рая.** Подожди, Миша, не спеши. Ты как раскалённая печка. Как можно взять в жёны такую ветреную девицу. Видишь, какую глупость сделала: обидела Иру. Миша, я ещё сама не знаю, что мне нужно в этой жизни. За меня родители всё решают... А я, как птица, пою только для своего удовольствия.

**Михаил.** Рая, не кокетничай! Для птиц Бог создал деревья, чтобы они на них вили гнёзда. У меня есть план: закончишь университет, уедем в Москву... Голландский у нас знают единицы.

**Рая.** Почему, голландский у нас знают хорошо. Спасибо Петру Первому! Такие слова, как «стул», «шланг», «штраф», «аптека», «матрас», «суп», «брюки», пришли к нам из Голландии. Вот ещё одно интересное слово, Миша, – «рюкзак». Оно состоит из «рух» («rug» – «спина») плюс «зак» («zak» – «мешок»). Миша, ты мне делаешь предложение, чтобы на всю жизнь получить за спиной мешок, типа рюкзак, или ты действительно меня любишь?

**Михаил** (*отошёл в сторону, обидчиво*). Да, я тебя... типа... Вирус у меня такой – «типа любовь»! (*Бросается к ней, говорит торопливо и страстно.*) Пойми, услышь меня, пожалуйста, Рая! Для меня уже не существует жизнь просто так: смена дней, дат и часов. Мне скоро уже сорок... Я стал жадным: считаю дни и даже часы... Да, я старше тебя, но разве я виноват, что полюбил молоденькую, красивую и умненькую девушку... Что, меня надо высечь за это?! Я кандидат наук, я не бедный, могу позволить себя всё что угодно. Но мне необходимо другое – дом! Свой дом! Мне нужна семья! Я хочу детей!.. Много детей! Вот я стою перед тобой и мечтаю, что у нас будут вот такие, маленькие... Наши дети – сколько радости, сколько смысла сразу появится... Дорогая моя, я люблю тебя! (*Пытается обнять, Рая уступает. Михаил её целует.*) Господи, какая ты вкусная! (*Роется в карманах.*) Я приготовил тебе подарок... Иду по Лермонтовской, смотрю, в ювелирном магазине много народа. Оказывается, привезли новинки золотой бижутерии. (*Достаёт красивую красную коробочку.*) Вот, возьми! Это тебе!

**Рая.** Это мне? Спасибо! (*Открывает коробочку.*) Это – новинка? Хорошенькое колечко, с камушком. Это, кажется, изумруд! (*Мерит кольцо.*) Чуть великовато.

**Михаил.** Не страшно. Когда прибавим венчальное, всё будет держаться превосходно. (*Целует руку.*)

**Рая.** Нет, Миша. (*Возвращает коробочку.*)

**Михаил.** Что, нет? Ты не рада подарку? Это не изумруд, это бриллиант, Рая.

**Рая.** Прости, но я буду неловко чувствовать себя перед родителями. А мне не хочется им врать. Не обижайся, но я не могу принять этот подарок.

**Михаил.** Глупенькая, мы что-нибудь придумаем. В своё время папа с лихвой мне заплатил за твоё выздоровление. Могу я своей любимой пациентке сделать подарок?

**Рая.** Нет, Миша. Не получится так. И ты сам понимаешь это. *(Целует его.)* А папе я всё, что нужно, скажу.

**Михаил.** Что ты скажешь?

**Рая.** Скажу, что ты во время поездки хотел подарить мне очень красивое кольцо с бриллиантом...

**Михаил.** Грубо, Рая.

**Рая.** Может быть, грубо, но честно. Скажи мне прямо, Миша, ты за этим меня сюда привёз или будет продолжение?

**Михаил.** У меня пока только предложение, а не то, что ты думаешь. Вспомни, ты сама согласилась поехать к моим друзьям, сказала, что устала от ресторанов и выставок. И потом – здесь хорошо! *(Обнимает её.)* Сейчас всё зависит от тебя. Дорогая моя, ты у меня каждую минуту перед глазами, даже перед операцией думаю о тебе. Ты стала моим талисманом. А это? Это неуместная глупость, с которой можно расстаться. Смотри! *(Бросает кольцо в мусорное ведро. Пытается снова обнять Рая.)*

**Рая.** Нет! Не хочу! Ты ведёшь себя как провинциальный шут. Не надо спецэффектов, Миша. Ты не на сцене! *(Тонем, не позволяющим возражения.)* Немедленно подними это.

*Михаил поднимает коробку и кладёт её на стол.*

**Михаил.** Прости, сам не знаю, как это получилось. *(Пауза.)*

**Рая.** Не обижайся, Миша. Меня влечёт к тебе, но и что-то останавливает. Иногда у меня складывается такое впечатление, что ты способен обмануть.

**Михаил.** Я тебе давал повод?

**Рая.** Нет, но что-то меня настораживает. Ты властный, вот и меня на пролом хочешь взять. Девочки мои говорят, что ты завидный жених, что я буду как у царя за пазухой. Но меня этим не удивишь. Я не хочу сидеть, как муха в золотой паутине, и гордиться своей избранностью и богатством: машина, яхта, дача... Я не хочу ничего подсчитывать, хочу просто быть: грешить, делать глупости, радоваться, мучиться... Моё амплуа – не Бурбонка. *(Пауза.)* Вот так, Миша. *(Целует его в щёки.)* Не сердись! Есть хорошая голландская поговорка: «Даже если посадить лягушку на стул из золота, она, в конце концов, прыгнет с него в своё болото». Извини, что я так говорю, но это правда.

**Михаил.** Ты всё разложила по полкам, но не оставила место сердцу.

**Рая.** Нет, оставила. У меня с ним договорённость, не торопиться с обещаниями. Прости меня, Миша. Ты – умный, деловой, но... *ouderwets\** (\*старомодный).

**Михаил.** Не переводи, по лицу понятно. Тебе мой подарок не понравился? Дешёвка, так, что ли? Явилу к твоим ногам должен бросить где-нибудь на Карибах, в Сейнт Мэри?

**Рая.** Нет, Миша! У меня всё есть или... будет! Прости, но мне здесь больше неловко оставаться. *(Пауза. Оба замирают в молчании. Рая достаёт мобильный, набирает номер.)* Иван Сергеевич, здравствуйте, это Рая. Мне нужна машина. Где я нахожусь? Посёлок Хитрово, дача Соловьёвых. Дом? Не знаю.

**Михаил** *(зло)*. Шестой.

**Рая.** Дом шесть. Да, срочно. Спасибо. Жду.

*Перестройка света. На переднем плане столик со скамейками,  
рядом небольшой навес с лежаком, покрытым соломой.  
Во двор входят Ирина и Валентин.*

**Валентин.** Ира, я ещё немножко побуду здесь, на воздухе. Передай Ниле, чтобы не волновалась.

**Ирина.** Я вижу, что ты от прогулки устал. Лицо побледнело. Тебе плохо, что ли?

**Валентин.** Нет-нет, всё нормально. Иди. Может, ещё пройду к перевалу, глотну тумана и вернусь.

**Ирина.** Не ходи, не надо. Туман опускается вниз, может пойти дождь. И потом, в горах тяжёлый воздух.

**Валентин.** Хорошо, я побуду ещё здесь. Соскучился по этим местам.

**Ирина.** Только недолго, Валя. Мы тебя ждём. *(Уходит в дом.)*

*Валентин остаётся один, видно, что ему плохо. Он подходит к навесу, медленно забирается по лестнице вверх и ложится. Ирина проходит в большую комнату.*

**Нила.** Ирочка, наконец-то! А где Валентин?

**Ирина.** Не волнуйся, сейчас он придёт. Остался подышать во дворе. Соскучился... А ты что это с портретом сидишь?

**Нила.** Так... вспоминаю... Ириша, что ты так растревожилась? Успокойся. Он мне рассказал, что случилось. Всё это мелочи... Если бы ты знала, какие это мелочи. Иди к нему.

**Ирина** (*приглядывается к спящему Святополку*). Напился, что ли?

**Нила.** Нет, в другой последовательности. Сначала расстроился, потом напился, а затем, как водится, на боковую. Все разбежались по углам, а я кружусь вокруг магнитофона и танцую вальс за двоих. (*Ставит портрет на место. Обнимает Ирину.*) Давай выпьем. В спирту всё сохраняется лучше, кроме секретов. (*Наливает в две рюмки водку. Обе чокаются и молча выпивают.*)

**Ирина.** А где Михаил и Рая?

**Нила** (*показывает на дверь*). Катя стала капризничать, и они пошли её успокаивать. Вдвоём! (*Ирина направляется к двери маленькой комнаты.*) Ирина, оставь их. Не мешай ему получить гемморрой.

*Выходит Михаил.*

**Михаил** (*резко*). Куда ты пропала? Надо кормить ребёнка.

**Нила.** Что случилось, Мишенька? Ты словно ошпаренный кипятком. Неужели против шёрстки погладили?

**Михаил.** Не беспокойся, у меня, Нила, кожа крокодила.

**Нила.** Смотри-ка, ты прямо в рифму заговорил.

**Михаил.** Кислорода здесь много, не рифмы, а рифы у всех перед глазами. Где Валентин?

**Ирина.** Гуляет, тоже кислородом дышит.

**Нила.** Пойду, Валентина поищу.

**Михаил.** Я с тобой.

**Нила.** Пожалуйста, пойдём. Интересно наблюдать за холостяком, у которого однажды сдали нервы. Давай тогда уж и её возьмем, за компанию.

**Михаил.** Кого?

**Нила.** Последнюю жертву Лазина. (*Направляется во двор.*)

**Михаил.** Ну и язва ты, Нилка. Раю не оторвёшь от ребёнка. Влюбилась в Катюху. (*Идёт следом за Нилой.*)

*Ирина проходит в маленькую комнату.*

**Ирина.** Рая, извините, но мне нужно кормить дочку. (*Забирает коляску у Раи.*)

**Рая.** Ира, прошу вас, извините меня, пожалуйста. Всё получилось как-то случайно.

**Ирина.** Не надо извиняться. Вы гостья, значит, всё, что в этом доме, – служит гостеприимству. В том числе и муж хозяйки. Извините, я должна кормить ребёнка.

*Рая проходит в большую комнату и приближается к спящему Святополку. Быстро украдкой целует его и, обернувшись в сторону дверей маленькой комнаты, строит гримасу.*

**Рая.** Никакой реакции. (*Ещё раз целует Святополка.*) Вот теперь я получила твёрдую двойку по поведению. (*Смеётся.*)

**Ирина** (*выглядывает из-за двери маленькой комнаты*). Вы что-то сказали?

**Рая.** Нет, я просто поставила себе твёрдую двойку по поведению.

**Ирина** (*направляется к столу, берёт сумку*). Неужели вам кто-нибудь осмеливается ставить двойки?

**Рая.** Вы правы, я не получаю двоек.

**Ирина.** Значит, вы отличница?

**Рая.** Нет, просто я дочь своего отца. А папа мой – отличник! Разве Миша вам не говорил, что я дочь Куликова? Губернатора, и единственная дочь хозяина ООД «Система».

**Ирина.** Знаю. (*Достаёт из сумки детское питание.*) И стратегию его я тоже знаю: ««Система» не ломает дров, а аккуратно их пилит». Вам придётся поскучать. Или попробуйте его разбудить и ещё раз потанцуйте. Это, как видите, сближает. (*Ирина включает магнитофон и уходит. Звучит мелодия, под которую Рая начинает танцевать около спящего Святополка.*)

*Перестройка света. Нила и Михаил обходят дом и останавливаются у садового столика.  
Наверху, под навесом, видно Валентина.*

**Нила.** Не понимаю, где он? Куда он мог пойти? Может быть, отправился наломать вербы? Не исключено, что после больницы ещё вздумает полезть на дерево.

**Михаил.** Смотрю я на тебя, Нилка, и... завидую.

**Нила.** Чему, Миша?

**Михаил.** Отзывчивая ты, нежная, спокойная... У тебя внутри какой-то вычислительный центр. Или кто-то тебе нащёптывает, как держаться. Ты словно по компасу движешься. (*С горечью.*) Напрасно я тогда поступил с тобой так... гадко.

**Нила.** Что вспоминать об этом. К счастью, всё прошло и заросло бурьяном.

**Михаил.** Так ли? А я всё помню и... жалею.

**Нила.** С чего ты вдруг стал жалеть? Это на тебя не похоже.

**Михаил.** Не похоже, говоришь? (*Пауза. Осторожно дотрагивается до волос Нилы.*) Ты была мне самым близким человеком – дурак, не оценил тогда. Женщина встречается с женщиной для семьи, а я всё превращал в удовольствие. Так-то вот: близок локоть, да не укусишь. Добрая ты, ясная... Любишь Вальку?..

**Нила.** Всё тебе и расскажи, Миша.

**Михаил.** Помню, как он тогда переживал, когда мы с тобой... Эх, хорошие времена были. За-коснелые, конечно, но надёжные.

**Нила.** Давай не будем об этом.

**Михаил.** Как хочешь. (*Пауза.*) Слаб он, конечно, у тебя. Мучит его болезнь... Но ничего, кажется, начал поправляться. Не дай Бог кому такую ношу.

**Нила.** Когда это у других – это одно, а тут близкий человек – тяжело.

**Михаил.** А когда нет близкого человека, тогда как?

**Нила.** Ищи! Некоторые всю жизнь ищут. Впрочем, это у тебя ненадолго, не твой стиль унывать: ты, как петух, охоч до песен и до кур. (*Рассмеялась.*)

**Михаил.** Глупость сказала. Я говорю с тобой без шуток, сердечно... Вы, женщины, как дрессированные обезьянки – если сахара нет, хвост не поднимите. Пойми ты, не всё у меня гладко, Нила. Нет!.. Казалось бы, всё есть: работа, успех, деньги, а внутри – пусто! И никому это не скажешь. Да и стыдно признаться. Живу не в радость, а из упрямства. Каждый раз что-то себе доказываю. Хочу быть первым, а таких, как я, сотни. Вот и гонишься за теми, кого никогда не обогнать.

**Нила.** А обогнать хочется?

**Михаил.** Счастье за мои деньги не купишь.

**Нила.** А за большие купишь?

**Михаил.** За большие можно хотя бы арендовать.

**Нила.** Раньше ты, Миша, стыдился, о Боге говорил! А сейчас идёшь напролом и не краснеешь.

**Михаил.** В такой темноте, как у нас, не краснеют.

**Нила.** Многие живут не краснея, так что терпи.

**Михаил.** Всё по-другому было, когда ты рядом была. Была ниточка, схватишься за неё и идёшь, а сейчас...

**Нила.** Очень ты был самоуверен, вот ниточка и порвалась.

**Михаил.** Эх, каким я пнём стоеросовым был! (*Неожиданно обнимает Нилу.*) Господи, как меня тянет к тебе, Нилка. Вот и сегодня не хотел, чтобы вы приезжали сюда. Встречи с тобой боялся.

**Нила.** Прекрати, отпусти меня, слышишь?

*Под навесом на лежаке пытается подняться Валентин.*

**Михаил.** И муж твой не остановит меня, потому что всё мне было позволено тобой. Нила, а что, если мы вновь сойдёмся, ведь кроме тебя я никого не любил. *(Пытается поцеловать Нилу, но та отталкивает его.)* Брось ты эти свои тургеневские «нервы». *(Снова пытается поцеловать.)*

**Нила.** Прекрати сейчас же. Я люблю мужа, а то, что было с тобой, – заросло и забыто. Всё, наше с тобой время ушло, дважды в одну реку не входят. *(Пауза.)* Ты лучше скажи, как Валентин? Ты всё время что-то скрываешь от меня. В конце концов, мы обратимся в другую клинику или поедem в Москву, к другим врачам. Скажи мне истину. Он умирает? *(Бьёт Михаила по плечам.)* Скажи мне, истукан!

*Видно, как Валентин снова лёг и затих.*

**Михаил.** Какую истину ты хочешь знать? Повторяю тебе, всё нормаль-но! Надо подождать. Терпи!

*На входе появляется Святополк, в руках у него бутылка. Он потягивается, невольно слышит громкий разговор Михаила и Нилы.*

**Нила.** А почему ты не стал делать операцию? Испугался? А? Почему за последнее время ты практически не оперируешь?

**Михаил.** А почему я должен рисковать? Почему? «Лучшая операция это та, которую удалось не делать». К тому же больных людей развелось, как мух на погосте. Нет пассионариев, вокруг холуйский примитив: не читают, не голосуют... Вся жизнь у телевизора. Раньше говорили: рабы – сверху до низу, а сейчас роботы – с низа до верха. Необходимо новое поколение, которое будет способно постоять за себя. А не сумеем: сдадимся китайцам. Недаром у старика «Цинь» на задней стене, он всегда понимал эту опасность. И тогда будет, как в стихах, которые ты когда-то читала:

Мы очищаем место бою  
Стальных машин, где дышит интеграл,  
С монгольской дикою ордою!  
Но сами мы – отныне – вам – не щит,  
Отныне в бой не вступим сами!

Мы, Нила, поколение не для боя!

**Нила.** Значит, умываешь руки, пусть другие с колен страну поднимают?

**Михаил.** Я свою работу, Нила, сделал. У каждого из нас есть определённый запас терпения.

**Нила.** У тебя равнодушие заменило терпение.

**Михаил.** Да хоть бы и так! Нила, мой пароход – «белый беленький» – вот-вот отчалит. Пусть теперь вместо меня другие работают. Я по двадцать часов из клиники не вылезал. По стране больниц сократили в два раза – оптимизация здравоохранения, а я свою сделал первоклассной!

**Нила.** Она уже твоя?

**Михаил.** Она почти моя! К тому же у меня полно помощников. Если захочу, могу уехать и руководить всем хоть из Таиланда.

**Нила.** Вот почему ты перестал оперировать. Ты хочешь уехать?

**Михаил.** Не только поэтому. Запомни, никто не рвётся оперировать друзей! Огромный риск. Нужен другой хирург. Остроумов или менее-Остроумов, но тот, у кого не дрогнет рука. А риск – это удел авантюристов и глупцов. Что, нескромно всё излагаю?

**Нила.** Беда, был скромным мальчиком на вторых ролях, а стал прибежищем пошлости.

**Михаил.** Ух ты, слова-то какие: «прибежищем пошлости»! Да хоть бы и так! А кто ты? Хотела быть музыкантом – не получилось! Переиграла руки! Вышла замуж и вовсе всё забросила. Прости меня, моя дорогая, но ты музейная мышь, экскурсовод по чужому счастью. «Мальчик на вторых ролях»! «Прибежище пошлости»! А чего стоит ваша скромность?! Ничего! Это полная гарантия, что тебя никто в этой жизни не заметит. А вот нахрапом станешь действовать, по трупам шагать, в «ящике» день и ночь будешь торчать – заметят, начнут уважать да ещё и в депутаты выберут.

**Нила.** Павлин, распустил хвост.

**Михаил.** Неправда, большинство так думают, только бояться и слова поаккуратнее подбирают. А я режу напрямую и никого не стесняюсь.

**Нила.** Что ты знаешь о большинстве: ты его видишь из «мерседеса».

**Михаил.** Не делай из меня монстра! Протри глаза! Всё, чему нас учил Соловьёв, забыли, затоптали и выбросили. Мы поколение, которое одной рукой крадёт, а другой Богу крестится. У нас сбито дыхание, мы живём на короткую дистанцию. Разве не случайно целые народы, прежде рвавшие в друзья и братья, сегодня перебежали на другую сторону и стыдятся дружбы с нами. Мы оторвались от самих себя: земля наша, история и язык наши, а хозяева у этой земли – не мы. Пора нам сбросить маски, Нила.

**Святополк.** Ух ты! Да ты просто пророк, Лазин. Краткий курс анестезии для идиотов. Маски, говоришь, надо снять? (*Спускается по ступенькам.*) Не хочешь, Миша, рисковать? Ловишь рыбку в мутной воде?

**Михаил.** Конь, что с тобой? Куда тебя понесло? Не рычи! Во-первых, некрасиво подслушивать, а во-вторых...

**Святополк.** Во-первых и во-вторых, за то, что ты сказал, следовало бы тебе треснуть по одному месту вот этой кувалдой. (*Показывает кулак.*)

**Михаил.** Конь, держи язык на привязи! Не забывай, что я всё-таки твой гость. И потом, зачем говорить глупости?

**Святополк.** Повтори, что ты сказал Ниле? Ей, жене Валентина, жене нашего друга. «Не могу рисковать!» – где, в какой среде, в какой реторте ты набрал этого дерьма? За какое время превратился в Люцифера?

**Михаил.** Ты не понял, Конь! Мы просто с ней спорили... Компания распалась, вот мы и ударились... в философию. Вот и всё!..

**Святополк.** Хватит! Не ври! Я всё слышал. Лазин, в какого бога ты стал верить? А может быть, избегая риска, ты двигаешь медицину вперёд? А? Или так сегодня понимаются заветы Гиппократов, о которых ты неоднократно хвастал? (*Цитирует.*) «В какой бы дом я ни вошёл, я войду туда для пользы больного, безвозмездно и без всякого договора». Кто тебя научил закрытые конверты превращать в доллары? А?

**Михаил.** Опомнись, ты давно живёшь в стране, где за работу дают и берут конверты.

**Святополк.** Ты не берёшь, а дерёшь! Твоя алчность стала притчей во языцех. Ты даже коллег своих достал. Не хотел тебе говорить, но кликуха у тебя...

**Михаил.** Заткни фонтан, Конь! Я и без тебя знаю свою кликуху: Спермус 100%! И что, пусть завидуют! Какое тебе дело до моих коллег? Напился и хочешь почесать язык и кулаки?

*Святополк бросается на Михаила, но Нила перехватывает его.*

**Нила.** Свят, дорогой, успокойся. Оставь его. Мальчишки, не надо вам так разговаривать.

*На крыльце дома появляется Рая.*

**Святополк.** Сегодня ты требуешь продать тебе этот дом, где жил мой отец и мать, где вырос я. Завтра предашь друга – «не хочешь рисковать». А что дальше? Какие торги предстоят в будущем: совестью, друзьями, родиной?.. Где мера вашей вседозволенности, хозяева жизни?

*Вдалеке громко лает собака.*

**Михаил.** Если ты решил оскорблять меня, то не делай это наполовину, возьми ружьё и грохни меня. А поскольку ты это сделать не можешь – кишка тонка, не лезь в судьи, пацан. Открой глаза – с кем ты разговариваешь? Двадцать лет жили дружно и ничего – нравился! А когда я перестал ждаться у моря погоды и начал пахать, как лошадь, когда стал богатым и успешным, то вместо признания ты залаял на меня, как бешеный пёс.

*На крыльце дома появляется Ирина.*

**Святополк.** Паук ты, Лазин, липкий паук. У тебя даже пальцы стали липкими – всё к ним прилипает, поэтому не хочешь оперировать, боишься.

**Михаил.** Паук?! Вот каким ты другом оказался! Прошлёлпал жизнь – а теперь на мне отыграться хочешь?

**Ирина.** Остановитесь, хватит! *(Начиная расталкивать мужчин. Слышен детский плач. Кричит Святополку.)* Заткнись, идиот! *(Убегает к ребёнку.)*

**Нила.** Свят, не надо! Оставь его в покое. Хватит! Умоляю вас, хватит! Рая, помогите мне. *(Рая тоже бросается разнимать мужчин.)*

**Рая.** Миша, остановись, иначе я сейчас же уеду! *(Решительно отталкивает Михаила в сторону.)*

**Михаил.** Рая, пойми, он специально для тебя этот номер устроил, чтобы унижить меня в твоих глазах. Всё, Конь, ты мне больше не друг! Был конём, а превратился в осла!

**Святополк** *(Ниле).* Пусти, пусти меня. Я ему сейчас рожу набью, чтобы неповадно было. *(Святополк пытается броситься на Михаила, но его не пускает Нила.)*

*На крыльце снова появляется Ирина.*

**Михаил.** Рая, ты посмотри, как он разговаривает. *(Святополку.)* Я спас тысячи людей! А что сделал этот моралист? Если убрать фамилию, что от тебя останется – зависть, злоба да несчастная замученная жена!

**Нила.** Замолчи! Это подлость!

**Михаил.** А не подлость обливать меня дерьмом в глазах моей... *(Рая горячо обнимает Михаила.)* Рая, вот она, благодарность!

**Нила.** Хватит, Михаил!

**Михаил.** Не хватит! Забыли – где какая болячка, все бегут к Лазину.

**Святополк.** У всех аллергия от твоих услуг.

**Ирина.** Конь, заткнись сейчас же!

**Михаил** *(Рае).* Дурак он, первоклассный дурак. Друзей от врагов отличить не может.

**Ирина.** Хватит! Катю пожалейте, она от вас с ума сойдёт!

*За домом слышен неистовый собачий лай. Из комнаты доносится детский плач.*

*Ирина бросается к коляске, потом возвращается в большую комнату.*

*Лай собаки переходит в монотонный тяжёлый вой.*

*Ирина срывает со стены ружьё, достаёт из патронташа патроны и бросается за угол дома.*

**Нила.** Ирина, остановись! Куда ты? Остановись!

**Михаил.** Завидуешь, что я не похож на тебя, что не поскользнулся и не упал в помойную яму?

**Святополк.** Ты, ты – помойная яма! И там твоё место!

**Михаил.** Алкаш! Чистоплюй! Всю жизнь корчишь из себя пролетария, а на самом деле ты неудачник, пустое место!

**Нила.** Хватит!

**Святополк.** Рая, послушайте меня, бегите от него – потом будет поздно!

**Михаил** *(пытается ударить Святополка. Рая еле сдерживает его).* Ах, какой ты подлец! *(Пытается вырваться из рук Раи.)* Пусти, пусти меня, Рая. Я прибью его, этого негодяя, этого предателя!

**Нила** *(кричит).* Ва-ля! Ва-ля!

*Между Михаилом и Святополком начинается драка. Из-под навеса, с трудом спускается Валентин. Раздаётся два выстрела, затем истошный вой собаки и, наконец, свинцовая тишина.*

*Появляется Ирина. В руках у неё ружьё. Ирина волочит его по земле.*

**Валентин.** Это ты стреляла? *(Ирина утвердительно машет головой.)* Что, нет нашего Баяна?

**Нила.** Ира, что с тобой?

*Ирина бросает ружьё, медленно идёт к Ниле и буквально повисает на ней.*

**Ирина.** Ужас!.. Ужас!.. Господи, что я наделала? Последнего друга убила.

**Нила.** Успокойся!

**Ирина.** Господи, какой туман у меня в голове. Ведь я... Я в себя стреляла, только крови нет. (*Разглядывает свои руки.*) Как я сейчас к Кате пойду? Простите меня... (*Еле передвигая ноги, уходит.*)

**Валентин.** Цепь его погубила! Нужно было десять тысяч лет, чтобы первые волки попали в руки человека и превратились в собак. И надо совсем немного, только несколько минут, чтобы люди превратились...

**Нила.** Выпили, Валя, прости нас.

**Валентин.** Выпили? От вас станешь пьяным... от слёз.

**Нила.** Где ты был?

**Валентин.** Там... (*Неопределённо.*) Далеко...

**Нила** (*с подозрением*). Ты слышал, что здесь было?..

**Валентин.** Нет. А может быть, вы поделитесь со мной? Михаил, скажи. Молчишь? Ты, Конь? (*Пауза.*) Не хочешь говорить? Значит, друзья молчат? А ты, жена?

**Нила.** Валюша... Мы тут выясняли, кто прав, так сказать, в моральном отношении... А эти дураки начали ссору, а потом... Потом... случайно убили собаку...

**Валентин.** Баяна? Ритуальное убийство? Юбилей отметили?

**Нила.** Нет-нет, что ты! Просто нервы... Никто не хотел его убивать! Так получилось... Хотели поговорить, а правда оказалась... с кулаками.

**Валентин.** Почему «за правду Бог лица набавляет»? И кто же оказался прав в «моральном отношении»? Может, меня вспоминали? А? Мальчишки, слабохарактерность – главный источник лжи.

**Рая.** Михаил, что ты молчишь? Скажи ему то, что ты говорил мне.

**Нила.** Кому сказать?

**Рая** (*указывает на Михаила*). Он знает кому.

**Михаил.** Прости, Рая, что всё так получилось. Я хотел праздника. Но неандертальский темперамент – отличительная черта нашего поколения.

*Незаметно появляется охранник.*

*В руках у него тарелка с яблоками, а к поясу прикреплена каска.*

**Рая.** Не уходи от ответа, Миша!

**Михаил** (*приближается к Валентину*). Да, я скажу, но прежде отвечу хозяину этого пикника. Болезнь тебя захлестнула, Конь. Правильно сказала Ирина – туман. Вон он как раз с гор спускается. Я-то всё выдержу! Всё! Потому что иначе вам – праведным – не на кого будет кидаться, списывать ваши неудачи. Да, Конь, дают мне деньги в конвертах, много дают! И я их беру! Я спасал жизни людей, а получал копейки. Вначале стеснялся, а теперь беру. Запомни, всё, что происходит с нами сегодня, делается осмысленно и точно, без единой ошибки. Я беру на своём месте, а другие – выше, и так доверху. (*Кричит.*) И тебе даю: на коляску, на новую мебель, в долг... Дам и на поездку в Австралию: езжайте, пусть мечты сбываются! Ира заслужила, двоих тебе родила! Посмотри, во что ты её превратил!

*Святополк бросается на Михаила, но Валентин останавливает его.*

**Святополк.** Пересажаем вас всех: от министров, губернаторов до таких врачей, как ты.

**Михаил.** А что же ты тогда, пролетариат, не поднимешь руку, не крикнешь: «Смирно, а ну жить, как положено! Без взяток, коррупции и вранья!» Не получится! В разорённом гнезде птенцы не рождаются, но и вороны не живут – улетают!

**Нила.** Циник! Какой же ты циник. (*Оборачивается ко всем.*) Давайте закончим этот разговор, слышишь? Я умоляю вас всех! Хватит!

**Михаил.** Не умоляй, он знает всё! (*Валентину.*) Скажи, ты сегодня просил меня об операции? Просил или нет?

*Пауза. Появляется Ирина.*

**Валентин.** Да.

**Михаил.** А я и сейчас отвечу: нет! Нет, нет и нет! И повторяю вам: не могу рисковать! И моим помощникам не дам его оперировать. Остроумов в Москве, ты знаешь, Валя, единицы успеха имел. А я – не Остроумов!

**Нила.** Как тебе не стыдно!

**Михаил.** Не стыдно! Так ещё жить будет! Всё! *(Пауза.)*

**Рая.** Извините меня, Ира. Я нехорошо поступила. Я не знала, что у вас так недружно. Мы в своём кругу сто раз перецелуемся и из-за этого не ссоримся. Только какое отношение ко всему этому имеет Миша? Получает деньги в конвертах, ну и что? Он всё в жизни сделал своими руками: и диссертацию, и собственную судьбу. Ведь так, Миша? *(Михаил кивает головой.)* Благодаря умению и таланту он создал свою клинику, вот поэтому и за это получает. Если бы вы так умели и были бы так талантливы, как он, вы тоже получали бы конверты с долларами и считали, что это справедливо. Надо честно смотреть на вещи. Объективно! Набросились все на одного, разве это справедливо? Учите его, как жить? Смешно это! Посмотрите вокруг, все прекрасно знают, что хорошо и что плохо, но поступают, как выгодно. Разве не так? Порядочность, достоинство – это прекрасно! Разве кто-нибудь против этого? Его вы заклеили, меня готовы растерзать за невинный поцелуй, а если, к примеру, задать вам один неожиданный вопрос – кто вы такие? Вы – судьи или подсудимые? А, молчите?! Тогда я вам отвечу: вы старомодные, болтливые неудачники: переходное поколение от беспринципности к бездуховности!

**Святополк.** Что? Неудачники?

**Рая.** Да! Посмотрите на ваш дом, он, как брошенное гнездо улетевшей птицы. *(К Михаилу.)* Миша, зачем ты привёз меня сюда?

**Михаил.** Рая, перестань!

**Рая.** Почему перестань? Ты считаешь, что я должна слушать все эти бредни? Поехали, Миша. *(Святополку.)* Я досыта на вас нагляделась – спасибо! Больше его ноги здесь не будет. Простите, я была так же неучлива, как и вы. Мишенька, возьми магнитофон и невротиков – посмеёмся. *(Михаилу, тихо.)* А перстень твой мне понравился, Миша. Я пошутила. Пойдём!

**Охранник.** Подожди, девочка, ещё успеешь посмеяться. Я принёс вам яблочек, хотел побыть с вами. Это ж надо, сегодня Александру Фёдоровичу восемьдесят лет. Для меня он не умер, а куда-то уехал и обязательно вернётся. Он ведь на моего отца походил. Тот всю жизнь не о себе думал, десятерых нас поднял! Дядя мой, между прочим, мотался по каторгам. Старшие братья все погибли в войну. А я чудом уцелел, вот живу здесь! Все мои братья ушли, когда им не было и тридцати, но если бы судьба их вернула, плохо было бы тебе, Мишка!

**Рая.** Почему?

**Охранник.** Руки бы ему не подали, почемучка.

**Михаил.** К стенке, что ли, поставили бы, как контру?

**Охранник.** К стенке? Нет, много о себе воображаешь. Задницу отодрали бы тебе крапивой, чтобы уши от стыда горели. Люди живут добром, добром и Богом земля дышит, а ты всё под себя гребёшь.

**Рая.** Ну вот, Остапа понесло! Миша, пойдём, нечего время терять.

**Охранник.** Подожди, внучка, главное я вам не доложил. Миша, это тебя касается. *(Оборачивается ко всем.)* Иду я за яблоками для царицы Неонилы и вдруг встречаю участкового. Дай, думаю, на всякий случай спрошу про вашу территорию. С чего её отнимают через столько лет. А он и духом не знает об этом. Участковый не знает! Пошли к бритоголовому, который у зама мэра охранником работает. Зам в отлучке, а бритоголовый этот, Колька, тут как тут.

**Михаил.** Заткнись, старик! Для полной картины не хватает сегодня ещё и твоего вранья!

**Охранник.** Сам это враньё нарисовал, теперь послушай. Участковый схватил этого Кольку за грудки: посажу, говорит, работу потеряешь, срок получишь... Тот и выложил: Лазин оперировал его мать, и Колька в благодарность через секретаршу шефа сделал фальшивый план о сносе этого дома и подсунил его мне, так сказать, для распространения Соловьёву. А я, дурак, поверил! *(Достаёт план.)* Вот, Свят, дубликат этого плана «Дранг нах остен». Спрашиваем, кто заказчик? Вот его машина, говорит Колька, на стоянке стоит. Он недавно сюда с девицей приехал. *(Все смотрят на Михаила и Раю.)* Свят, его это работа, Лазина! Вот тебе, Миша, от Александра Фёдоровича и от нас! *(Надевает каску и имитирует стрельбу из автомата.)*

*Святополк бросается в дом и тотчас возвращается с магнитофоном и с сумкой Михаила.*

**Святополк.** Как там было, Нила? *(Читает.)*

Так иногда лукавый кот,  
Желанный баловень служанки,

Напомни ему, Нила!

**Нила** *(медленно идёт к Михаилу).*

За мышью крадётся с лежанки;  
Украдкой, медленно идёт,  
Полузажмурясь, подступает,  
Свернётся в ком, хвостом играет,  
Разинет когти хитрых лап  
И вдруг бедняжку цап-царап.

Миша, Миша, ты катился и докатился. Это же позор – полное разрушение стыда.

**Святополк.** Нет, Нила. Он рассчитывал, что я такой же мерзавец, как и он. Он был уверен, что, узнав об этой бумаге, я наспех продам дом отца.

**Валентин.** Нет, Святополк, ему надо не только это. Ему очень хочется, чтобы деньги принесли чувство собственного достоинства, респектабельность, чтобы всё здесь принадлежало только ему, хранителю истории и хозяину этого дома.

**Святополк.** Уходи, Михаил! *(Включает магнитофон: раздаётся запись невротички «Сердце красавицы склонно к измене». Кладет магнитофон в сумку и отдаёт её Михаилу.)* Уходи подобру-поздорову.

*Михаил и Рая идут на выход. Звонок мобильного, Рая достаёт телефон.*

**Рая.** Слушаю. Сергей Иванович? А где машина? Рядом? *(Издалека слышен автомобильный гудок.)* Сейчас я буду. *(Оборачивается к Михаилу, тот пытается пойти с ней.)* Не надо! Я вернусь одна. *(Быстро уходит.)*

**Ирина** *(кричит).* Постой, Лазин, подожди! *(Ирина быстро подходит к Михаилу и отдаёт ему деньги.)* Здесь всё, что мы тебе должны! А это от всех нас! *(Бьёт Лазина по лицу.)* Теперь проваливай!

**Михаил.** Ничего, ничего! Бог не выдаст, свинья не съест! *(Медленно, оглядываясь, уходит.)*

**Охранник.** Молодец, Ирина! Ну что ж, отвяжись плохая жизнь, привяжись хорошая! Пойду я. Спасибо вам за Александра Фёдоровича. Он бы вами гордился.

**Ирина.** Останься, Степаныч!

**Охранник.** Нет-нет, жена у меня хоть и на поправку идёт, но надолго оставлять не положено. До встречи. *(Кладёт каску на стол. Уходит.)*

*Пауза.*

**Святополк.** Пойду, похороню Баяна. *(Уходит за угол дома.)*

**Валентин.** Нила, нам надо ехать в Санкт-Петербург.

**Нила.** Да, да! Через неделю поедem, Валюша.

**Валентин.** Нет, утром надо ехать.

**Нила.** Почему, Валя? Мы же хотели через неделю.

**Валентин.** Надо ехать немедленно. Надо закончить реставрацию фрески.

**Ирина.** Валя, о чём ты говоришь? Надо набраться сил, работа не убежит.

**Валентин** *(весело).* По дороге и наберусь. А потом, работа тоже кое-что значит. Ведь не напрасно говорят: «работа – лекарство для бедных».

**Нила.** Ты и впрямь хочешь ехать завтра?

**Валентин.** Да! Нужно дать телеграмму настоятельнице Воскресенского Новодевичьего монастыря.

**Ирина.** Как же так, ребята? Зачем тогда встретились, чтобы сразу разбежаться? И потом, ни о чём не поговорили, ничего не вспомнили. Или опять нет времени? И так не видимся, а встретились и тут же – до свидания? Нельзя так, нельзя!..

**Нила.** Успокойся, Ирина.

**Ирина.** Вы же самые близкие, самые нужные... Посмотрите, как хорошо кругом, какая здесь тишина... Вон, взгляните туда, какая мгла спускается, словно кто-то акварелью расписал окоём. Кажется, что вся жизнь ещё впереди! (*Порывисто обнимает Нилу и Валентина.*) Дорогие мои, единственные, если вы обиделись, прошу вас, простите меня! Нила, Валентин, не уезжайте! Мне будет тяжело без вас, пусто...

**Валентин.** Ну, ну, перестань! Не за что тебе извиняться. Чему суждено, того не миновать. Надо ехать, Ира. Время – это единственный начальник, который ни с кем не считается. Да, вот ещё: ты сегодня вспоминала про вербу, что я не принёс её вам. Засохла она. Но один побег всё-таки уцелел – густой и зелёный. Я его не тронул. Помнишь, как говорил Александр Фёдорович, когда сажали саженцы?

**Ирина.** Пусть растут до царствия Божьего!

**Валентин.** Правильно! К следующей Пасхе будет вам по букету.

*Входит Святополк.*

**Нила** (*быстро идёт ему навстречу*). Свят, мы уезжаем.

**Святополк.** Как это, почему?

**Нила.** Не возражай, прошу тебя. Это решено. Завтра Валентин хочет ехать в Питер, продолжить работу. Спасибо тебе за всё. (*Гладит Святополка по голове.*) Вот так ты ещё красивее. (*Целует Святополка.*)

**Святополк.** А может быть, всё-таки останетесь?

**Нила.** Нет-нет, решено! Ему надо работать. Не обижайся.

**Валентин** (*Святополку*). Надо ехать!

**Святополк.** Ясно. Если надо – значит надо... Жалко!

**Валентин.** Ну что, прощаемся, что ли?

**Святополк.** Ты вот что, пиши. Очень мне интересно, что ты там сотворишь. Привези мне на память снимок этой работы.

**Валентин.** Хорошо.

**Святополк.** Как называется твоя фреска?

**Валентин.** Это из композиции «Страшный суд». Называется фреска «Ангел, свивающий небо в свиток».

**Святополк.** Небо в свиток? Так что, нам всем кирдык, что ли?

**Валентин.** Нет, всё обойдётся. Будет второе пришествие.

**Святополк.** Подвижник ты, Валя. Ничего не боишься. В Москве многие на чемоданах, а ты – в Питер. На тебя и походить нельзя – ты единственный. (*Обнимает Валентина.*)

**Валентин.** Ну что, Ирина, будем прощаться?

**Ирина.** Валя, я очень, очень люблю тебя. Добрый мой, друг мой, брат мой! Но ничего! Обещай мне, что после Питера приедешь и расскажешь, как теперь выглядит «Ангел, свивающий небо в свиток».

**Валентин.** Хорошо!.. Перестань, не плачь, тебе это не к лицу... Приедем в Питер, позвоним и отрапортуем, как устроились... За лето окрепнем, наберёмся витаминов, выздоровеем... Катюха подрастёт... Нила наконец-то подготовит мазурки Шопена, а я буду норвежским ходом приходить к вам на «парламентские дебаты». Стоп! А сейчас, перед тем как попрощаться, давайте тряхнём стариной. (*Заговорщески.*) Нила, помоги мне. Но только прошу вас, ребята, не входите без приглашения. (*Уходит с Нилой в дом.*)

*Пауза.*

**Ирина.** Не пойму, как там Катя?

**Святополк.** Спит. Не до нас.

**Ирина.** Какой молодец!

**Святополк.** Кто?

**Ирина.** Валентин. Несмотря ни на что, но едет работать.

**Святополк.** Счастливый, есть свет в тоннеле.

**Ирина.** Прости меня за Баяна, Свят! Умоляю тебя, прости!

**Святополк.** Жалко, что умер не по-волчьи, а на цепи. Последняя ниточка порвалась!

**Ирина.** Не знаю, что со мной стало. Дура, сорвалась, как истеричка!

**Святополк.** Говорят, лучшая пара та, которая одновременно ощущает потребность в скандале.

**Ирина.** Это не скандал, Свят, это – измена. В меня, как в «стиралку», грязного белья кинули, вот я и затарахтела.

**Святополк.** Ничего, подремонтируем.

**Ирина.** Я ведь Мишке дачу предлагала, денег от него без разрешения взяла, к нему собиралась ехать... С ума сошла. Прости меня, идиотку. А лучше, побей или брось. Ненавижу себя!

**Святополк** (*обнимает Ирину*). Успокойся. Это я виноват.

**Ирина.** В чём, что я в тебя стрелять хотела?

**Святополк.** И в этом тоже. Мужчина должен, помимо детей, посадить дерево, следы оставить... А меня Бог не заметил, поэтому и следов у меня мало.

**Ирина.** А мне кажется, что он тебя на руках несёт.

**Святополк.** Меня тяжело нести: от меня часто водкой пахнет.

**Ирина.** Свят, прости меня, пожалуйста.

**Святополк.** Ладно! Дай бог, проскочим!

**Ирина.** Спасибо. (*Целует мужа.*)

*Звонит мобильный Святополка.*

**Святополк.** Слушаю. Да это я, Святополк Соловьёв. Здравствуйте. Куликов? Наш губернатор? (*Долго слушает.*) Когда? В понедельник, на следующей неделе? Понял! Хорошо, договорились, буду к десяти утра.

**Ирина.** Кто это? (*Кричит.*) Что случилось?

**Святополк** (*ошарашенно*). Звонил Куликов... Губернатор... Предлагает встретиться... На нашем металлургическом заводе освободилась должность главного инженера... Предлагает работать.

**Ирина.** Вот! Вот тебе, Христос воскрес! (*Машет пальцем.*) Вот! Это она тебе рай устроила. Вот сучка, оказывается, не фуфлом оказалась. Папе, замолвила... (*Хохочет.*) Что будешь делать, Свят? Ты же намыливал лыжи в другую степь? Молчишь, я ведь всё знаю! Об одном прошу, не говори ребятам, вдруг это насмешка? (*Святополк утвердительно машет головой.*)

*На крыльце появляется Нила и ударяет по старинной медной тарелке – глухой звук отчётливо резонирует.*

**Нила.** Всё готово, входите! (*Все входят в дом.*)

*В большой комнате на импровизированной сцене, укутавшись в одеяло, стоит Валентин.*

**Валентин.** Дорогие зрители, пусть вас немного, только двое, но это уже театр. Однако позвольте напомнить вам, что без диалога и конфликта настоящего театра не бывает. Поэтому перебивайте меня, критикуйте, если нам сегодня не доставало искренности и мужества. (*Пауза.*) Вы молчите? Вы даже улыбаетесь? Значит, тогда можно считать, что мы понравились друг другу? Прекрасно, тогда аплодируйте! (*Ирина и Святополк начинают аплодировать. Валентин берёт фотопортрет Соловьёва и ставит на видное место.*) Дорогие друзья! Я люблю этот дом. Поэтому хочу напомнить то, чему учил нас Александр Фёдорович: в жизни, где постоянны только изменения, я желаю каждому обрести место, в котором перед дорогой вас научат трём вещам: не прогибаться перед властью, она – не вечная, не размениваться на деньги, они – медные, и беречь честь, потому что она – дороже жизни! Таким местом для нас был этот дом.

**Нила** (*подхватывает*). Однажды, после нашей очередной ссоры, он сказал: ребята, ругайтесь, спорьте, но в конце любой драмы надо превращать самый острый конфликт в звуки арфы. (*Включает проигрыватель и ставит пластинку.*) Маэстро, прошу музыку! Вот, пожалуйста: любимая песня Александра Фёдоровича! (*Тихо звучит музыкальная тема песни «Ой ты, степь широкая...».* Нила разносит поднос с напитками. Все замирают с бокалами вина.)

**Валентин.** Ребята, Нила написала к этому дню стихотворение. Нила, прочитай, пожалуйста! Пусть Александр Фёдорович услышит, что в его доме друзья, и, несмотря ни на что, они есть и живы!

**Нила** (*читает*).

Мы – есть,  
Мы – будем,  
Мы – живём.  
Гранит времён –  
Скорлупки хрупче!

Мы – лес,  
Деревья,  
Ярость крон,  
Взошедших на отвесной  
Круче...

Мы – сердце, совесть,  
Миру – весть.  
Мы всех легенд  
Сквозная нота!

Да сгинет ночь,  
Вражда и спесь,  
Где стяг несёт  
Моя пехота...  
И мне дорог моих  
Не счесть  
Под гулкой ширью  
Небосвода...  
Не продаётся наша честь –  
Она дарована нам Богом...

Дорогие мои Ирочка и Святослав, давайте выпьем за Александра Фёдоровича!

**Святополк.** Спасибо, ребята!

**Ирина** (*восторженно*). За наш дом, за новую жизнь.

*Валентин передвигает гирьки часов, и вдруг глаза и лампочки чучела «Циня» загораются.*

**Валентин.** Вот сейчас и он с нами. (*Ставит на часах «Циня» точное время.*) Приглаживайте за ним, чтобы не своевольничал!

**Нила** (*обнимает мужа*). Умница!

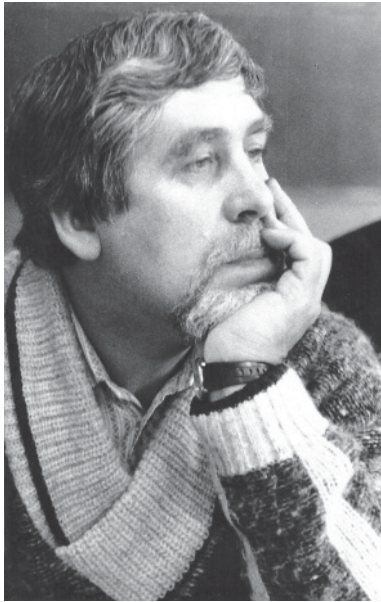
**Ирина.** Ура реставратору! (*Кричат «ура» и выпивают.*)

*Громче и мощнее звучит песня «Ой ты, степь широкая...».*

**Конец**

# Берега поэзии

## Владимир Скиф



*Владимир Петрович Скиф – родился в 1945 году на ст. Куйтун Иркутской области. Служил на Дальнем Востоке в морской авиации. Окончил отделение журналистики Иркутского госуниверситета. Автор 29 книг, вышедших в разное время в Иркутске, Москве, Санкт-Петербурге. Лауреат многих международных и всероссийских литературных премий. Пятикратный лауреат Губернаторской премии Иркутской области (2010, 2011, 2015, 2019, 2024). Лауреат Большой литературной премии России (2018). Печатался в Америке, Аргентине, Канаде, Венгрии, Болгарии, Сербии. Стихи переведены на сербский, венгерский, болгарский, немецкий языки. Член-корреспондент РАЕН, секретарь Правления Союза писателей России, член Приёмной коллегии Союза писателей России, член редколлегии журнала «Подъём» и ежемесячника «Литературный Крым». Заведующий отделом поэзии журнала «Сибирь». Советник губернатора Иркутской области по культуре. Академик Российской академии поэзии. Живёт в Иркутске.*

### НАМ ВНИМАЕТ СОШЕДШИЙ С КРЕСТА

Поэма

#### 1. ИЗ ГЛУБИНЫ НЕБЕС

О, как я – грешник обречённый –  
В немом пространстве не исчез?!  
...Являлся светоч ночью чёрной  
Из глубины святых небес...

То был Христос – неборимый,  
Идущий тропкой полевой,  
Как в Вифлееме – невредимый –  
Всепобеждающий, живой.

То – Иисус, постигший муки,  
Вставал над Родиной моей,  
И простирал над нею руки,  
И освещал дорогу ей...

#### 2. ШЕСТВИЕ ГОСПОДНЕ

И пересверк полных молний,  
И горечь прожитых обид:  
Во мне всё живо в эту полночь...  
И всё – во мне! И дочка спит.

Сплошной тяжёлый плеск капли.  
Неужто нас Господь кропит?  
И в небе Ангелы пропели,  
И я их зрю! И дочка спит.

Ночное шествие Господне  
К утру затихло. Мир умыт.  
Господь создал его сегодня!  
И я заснул. И дочка спит.

#### 3. НА СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Всё наяву или в бреду?  
Земля сухая, воздух плотен.  
Я по Святой Земле иду,  
Я созерцаю гроб Господень.

Я вижу камни, вижу твердь.  
Я поднимаюсь на Голгофу,  
Где наш Спаситель принял смерть,  
Предвидя мира катастрофу.

Багровый облачный навес,  
Тяжёлый, с отблесками злата,  
Как будто падает с небес  
Одеждой Понтия Пилата.

Я слышу звон ночных цикад.  
Вон голубь – Дух Святой – летает.  
И Гефсиманский чудный сад  
В лучах Господних расцветает.

Я по Святой Земле иду,  
Переживаю потрясенье  
И жажду Господа. Я жду  
Его земного Воскресенья!

*Иерусалим*

#### 4. ИУДЕЙСКАЯ ПУСТЫНЯ

Иудейская пустыня –  
Край небес и край земли.  
Буду помнить я отныне  
Скалы белые вдали.

Стрелы солнечные туго,  
С лёту бьющие в висок.  
Раскалённые, как уголь,  
Камни, плиты и песок.

Иудейская пустыня –  
След обители Христа,  
Где сухой ковыль, пустырник  
И мерцание креста...

Иудейская пустыня  
Зачала Великий Пост.  
И теперь она отныне –  
К испуленью строгий мост.

Под библейским небом синим  
В блеске солнечных лучей  
След Господний не остынет,  
Только станет горячей.

Иудейская пустыня,  
Ты осталась навсегда  
Христианскою святыней  
И обителью Христа.

*Иерусалим*

#### 5. ГОЛГОФА

Вдоль улиц Иерусалима  
Как вдоль Писания иду.  
Путь на Голгофу – путь не длинный,  
Но он у мира на виду.

О вечный город тьмы и света,  
Ты со Христом неразделим.  
К сиянью Нового Завета  
Восходит Иерусалим.

Храм Воскресенья – Божья слава,  
Тысячелетий окоём.  
Был предпочтён Христу Варавва  
В народе слепнущем своём.

Под яркой солнечной дугою  
Христос распятый умирал,  
Он обезглавил зло мирское  
И в сердце грех людской вобрал.

Он отходил в иные дали,  
Где ждал его отец Господь...  
В ночи Христа с распятья сняли,  
Омыли царственную плоть.

И завернули в плащаницу,  
И отнесли в широкий грот,  
Как в затемнённую светлицу,  
И камнем завалили вход.

На третий день – сквозь листьев ропот,  
Сквозь чей-то сладостный напев –  
Шли мироносицы ко Гробу  
И вдруг застыли онемев.

И обратили взоры к Богу,  
Отверзли кроткие уста...  
Стояла у пещеры сбоку  
Вход закрывавшая плита.

Сияла свежестью долина,  
Летали Ангелы с утра...  
В саду Мария Магдалина  
Нашла Апостола Петра.

В пещеру Пётр вбежал и ахнул:  
Пещера тёмная пуста.  
Цветами и озоном пахла  
Гробница Господа Христа.

Казалось, сон желанный снился  
В ночи Апостолу Петру,  
Когда пред ним Господь явился,  
Каким являлся на миру.

Открыты трепетные вежды,  
Улыбка зрима и чиста.  
Сияют белые одежды  
На теле Господа Христа.

Господь, в одежды облачённый,  
Сошёл к Апостолу с небес...  
И Пётр тихо, облегчённо  
Проговорил: «Христос Воскрес!»

*Иерусалим*

## 6. ИЕРУСАЛИМ

Белый Ангел, летящий по небу полётом  
незримым,  
Ты меня призываешь к молитве,  
к Священному Слову.  
Я стою на Голгофе над вечным Иерусалимом,  
Обращая свой взор ко Христу и к Господнему  
Крову.

Белый Ангел, твоё оперение в небе лучится,  
Так лучится в народе моём Православная Вера,  
Что однажды Христос к полонённой Руси  
обратится,  
И поднимет народ, и низринет в бою Люцифера.

Тёплый вечер царит над седой Иудейской  
пустыней,  
Я иду ко Христу со смиренной душой  
пилигрима.  
Но пустыня пуста, и сверкает космический иней  
На Священных Крестах и на стенах Иерусалима.

## 7. ВСЕДЕРЖИТЕЛЬ

Посмотри, как чиста высота!  
Нам внимает Сошедший с Креста.  
О страданиях Господь говорит,  
И в чистилище пламя горит.

Там душа, приникая к душе,  
На последнем стоят рубеже  
И хранят мир, убитый на треть,  
Чтоб земля не смогла умереть.

Горний мир – пустота или плоть?  
Это знает Великий Господь.  
Он – един, Вседержитель-Творец,  
Необъятного мира отец.

Посмотри, посмотри в небеса!  
Свет Господний таит бирюзу.  
Собери свою веру в щепоть,  
Помолись! С неба смотрит Господь!

## 8. «ВРАЗИ РАСТОЧАТСЯ!»

Я Господа Бога увидел во сне,  
А утром, когда я проснулся,  
Из вечности выпал невиданный снег,  
Господь с ним в Россию вернулся.

С утра засветились кресты на церквах  
Искрящимся, радужным светом,  
В соборе Архангел стоял при дверях,  
Вздымал свои крылья над веком.

И не было страха. Низринулся страх.  
И колокол мерно качался.  
Звук сам по себе возникал в куполах,  
И снег в лепестки превращался.

Священник, казалось, над папертью плыл.  
Пошли прихожане к причастью.  
Господь верноподданных перекрестил  
И молвил: «Врази расточатся!»

## 9. РОЖДЕСТВО

Уходят беды, поражения,  
Немеют звуки и слова,  
Когда сердечным утешеньем  
Сияет образ Рождества.

Пространство гасит тьму глухую,  
Пришли минуты торжества:  
Весь православный мир ликует  
В живом сиянье Рождества.

Плывёт державная трирема,  
В ней мы – гребцы. Нам сквозь года  
Сияет чудо Вифлеема –  
Неугасимая звезда!

Восстань, народ, – разбитый, смятый,  
Читай молитвы и стихи.  
Христос родился! Боже святой,  
Прости нам тяжкие грехи!

## 10. ПОДКОВА

И залетела в небеса подкова,  
И оказалась у Господних врат...  
– Ну что ж, на счастье! –  
Бог промолвил слово, –  
Пусть на земле блаженствует мой брат.

Господь на землю положил подкову  
Среди деревьев и суровых скал.  
Как молния, сверкнуло Божье Слово,  
И заискрился, зашумел Байкал.

11. ЩЕПКА

*Притча*

Он по деревне ходит редко,  
Не юноша и не старик.  
Он сух, как щепка, прям, как древко.  
Он – то ли вечность, то ли – миг.

Не говорит. Но скажет – метко  
О том, что мир – палач и плач.  
В руках – туман... И вдруг соседка  
Из рук его берёт калач.

И дом его – не дом, а клетка,  
Обетованна и пуста.  
Он – вправду – голубь или метка  
О бытовании Христа?!

Зажглась рябиновая ветка,  
Как Вифлеемская звезда.  
...Он – древнего Распятья щепка,  
Отколотая от Креста.

12. НЕОБОРИМЫЙ

Вьюга завывла неистово  
Между ходячих стогов.  
Кто это в поле расхристанном  
Двигается в кипень снегов?

Кто между чёрными тучами  
Ищет небесный просвет?  
Ворон ли, путник измученный,  
Или заблудший поэт?

Кто это там, за сумётами,  
Ищет единственный путь,  
Что не сожжён огнёмётами,  
Не поколеблен ничуть?

Кто прошибает тягучую  
Тьму нашей общей вины,  
Будто снимает падучую  
С тела безумной страны?

Кто поднимает лежачего,  
Дух осеняет и плоть  
Светом любви не утраченной?  
Необоримый Господь!

13. КАМЕНЬ

В нём не бушует жизни пламя,  
В нём стыннут прошлые века.  
– Откуда ты, вселенский камень?  
И он сказал: – Издалека,

С Голгофы, где убийцы, судьи  
Сошлись у света на краю...  
Я тяжек, оттого что люди  
В меня вложили злость свою.

Я сам себя убить не в силах,  
Меня не любит высота.  
Те, кто швырял меня, – в могилах,  
Я – камень, брошенный в Христа.

14. ИУДА

Иуда бежал от чужого порога,  
Как дьявол скользил от куста до куста.  
Хрипела тропа, шелестела дорога:  
«Он предал Учителя. Предал Христа!»

Шумела, звенела вода Иордана:  
«Как жаль – Иоанна Крестителя нет.  
Иуда вернулся из вражьего стана,  
Иуда продался за тридцать монет».

Он стражников вёл. Он привёл фарисеев,  
Собой оскверняя святые места.  
Предательство чёрное в мире посеяв,  
Он шёл лобызаться в объятья Христа.

Качалась земля от подземного гуда  
И плакало море десятками струй.  
Как только к Христу прикоснулся Иуда,  
Зловонною серой запах поцелуй.

«Он предал, он предал Господнего сына,  
Предательством сжёт своё сердце дотла», –  
В лесу у дороги шептала осина,  
Которая к ночи Иуду ждала.

*Иерусалим*

15. СВЯТЫЕ БОРИС И ГЛЕБ <sup>1</sup>

Этих святых поставил Бог светить  
в мире, многочисленными чудесами  
сиять в великой Русской земле.

*Сказание о Борисе и Глебе*

Бывает у русского в жизни  
Такая минута, когда  
Раздумье его об Отчизне  
Сияет в душе, как звезда.

*Юрий Кузнецов*

Молясь о Борисе и Глебе,  
Степенную речь заведу:  
– Простите нас, предки, на небе  
И не предавайте Суду...

Молясь о Борисе и Глебе,  
Я думал в глухие года  
О доле, о воле, о хлебе –  
И в сердце всходила звезда.

И чувства взлетали на гребень,  
И Русь оживала в беде...  
Молюсь о Борисе и Глебе,  
Как будто на Страшном Суде.

По Божьей живительной требе  
Я всякому молвлю: – В грехах  
Молись о Борисе и Глебе  
Не суетно, не впопыхах.

И горе рассыплется в щепень,  
И помыслы будут чисты.  
Молись о Борисе и Глебе,  
Их святостью зиждишься ты.

Молись о Борисе и Глебе,  
Их свет собирая в щепоть.  
Свечу твою вечность колеблет,  
Молитву диктует Господь...

<sup>1</sup> Борис и Глеб – русские князья, сыновья великого князя киевского Владимира Святославича и его жены, византийской царевны Анны из Армянской (Македонской) династии. В междоусобной борьбе, вспыхнувшей в 1015 году после смерти их отца, были убиты своим старшим братом Святополком (Окаянным).

16. СВЯТАЯ ОЛЬГА

I

О Русь! Издревле и доньше  
С тобою свет сердец, Ярил.  
– Люблю тебя, моя княгиня! –  
Князь Игорь Ольге говорил.

Заря кровавая вставала,  
Цвели курганы ковылём.  
Где Ольга с князем пиновала,  
Там поросла трава быльём.

Как ворон, там судьба кружила,  
В веках остался битвы след.  
Сложила головы дружина,  
И миновала тыща лет...

Господь ли, случай в том повинен,  
Что через лежбище веков  
Ко мне великою княгиней  
Приходишь ты, моя любовь!

Туман садится на курганы,  
Не освещённые луной.  
И снова слышен клич гортанный...  
Княгиня Ольга, ты – со мной!

Судьба возьмёт с нас крупной данью  
За поцелуй среди бела дня.  
Ты будешь вечно там, за гранью,  
Княгиня Ольга, – без меня!

Я вижу, как в небесной сини  
Плывёт в объятиях лучей  
Моя Великая Княгиня –  
Святая Ольга, свет очей!

II

Что в имени этом пленительном – Ольга?  
В нём столько прилежности, нежности столько.

В нём некая светлая тайна таится,  
Что только для нас для двоих сохранится.

Что в имени этом замедленном – Ольга,  
Которое светит, как лунная долька?

В нём круглое «О» – звук протяжный и длинный –  
Во мне оживает той далью былинной,

Где Игорь и Ольга пируют на берегу,  
Где в русский ковыль полегли печенег.

Что в имени этом ликующем – Ольга?  
Не только мелодия, песня не только.

Оно мою душу из сна выкликает,  
В заботу, в работу, в полёт вовлекает.

Я крылья вздымаю. Я снова в полёте!  
Меня вдохновеннее вы не найдёте!

Лечу в поднебесье, как вольная птица,  
Где мглился – меж адом и раем – граница.

### 17. ИЛЬЯ-ПРОРОК

Светила полная луна,  
Другая – в озеро упала.  
Катился август. Тишина  
Водою тёмной закипала.

В лесу чернильная трава  
Предсмертным блеском серебрилась,  
Уже цветы цвели едва,  
Калитка в осень приоткрылась.

Из-под земли стремился ключ,  
Он явно вырвался из плена,  
Пульсируя, сбегая с круч,  
Как вскрытая земная вена.

Илья-Пророк ему грозил:  
Мол, спят цветы, деревья, злаки...  
А он позванивал, дерзил,  
В нём нотные купались знаки.

Октава плещущей воды  
Катала камни, клокотала...  
Сопели сытые кроты,  
Сова на древе хохотала.

Спала малиновка в дупле,  
Столетний дед на печке охал.  
Царила ночь, а по земле  
Илья-Пророк дождём загрохал.

### 18. ГЕОРГИЙ ПОБЕДОНОСЕЦ

Я хочу, чтобы мудрость питала Россию,  
Удлиняла бы память – твою и мою.  
Богатырская сила, забытая сила,  
Как нужна ты сегодня в родимом краю.

Как ты нужен с победами – Победоносец,  
Поражающий змея летучим копьём!  
Как ты нужен сегодня, Святой копыеносец,  
В богатырском, бессмертном порыве своём.

Не тебя ли из тьмы, из истории давней  
По церквам, преклоняя колени, зовёт  
Мой великий и яростный, многострадальный  
И в добре разуверенный русский народ?

Люди правды взыскуют, Георгия кличут,  
Люди ищут волшебный кремень-алатырь.  
Житие продолжается... Верный обычай:  
Окроплённый водой – оживёт богатырь!

Ты поскачешь, Георгий, сквозь падшие души,  
Ты излечишь, Георгий, глухие сердца.  
Да услышит героя имеющий уши!  
Да имеющий очи узрит молодца!

На российской земле столько не было оргий...  
Неужели настала пора умирать?  
Оживает икона! Могучий Георгий  
Поднимает на бой Богатырскую Рать!

### 19. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ

Тридцать лет и три года в рубахе посконной  
Ты на печке лежал и взирал в потолок,  
На груди затерялась святая икона,  
Борода превратилась в седеющий клок.

Навещали тебя соплеменники редко:  
Что им с сидня того – нехожалого – взять?  
Приносила тетери<sup>1</sup> старуха-соседка  
И вздыхала украдкой: – Соломенный зять!

Никому ты не нужен, никем не обласкан,  
Задремавшая сила, уснувшая стать.  
Параскевина дочка, прослывшая баской,  
Избегала угрюмого, думала – тать.

...Богатырское племя на битву скликаю,  
Журавлём пролетела народная весть:  
Понахлынули вороги, Русь рассекая,  
Попирая и волю, и землю, и честь.

От бараньего сала лоснились татары,  
Затмевалась крамолой славянская мочь.  
На Илью уповали и малый, и старый,  
И красавица Марья – соседская дочь.

<sup>1</sup> Тетери – ячные лепёшки, шаньги, ватрушки (вят.).

Опустился с печи богатырь нехожалый  
И почуял ногами землю свою,  
Облачился в кольчугу, как витязь бывалый,  
На коне богатырском поправил шлею.

И Добрыню с Алёшей Поповичем свистнул,  
Расправляя свою молодецкую грудь.  
И низринулся враже! И ныне и присно  
Воссияла спасённая матушка-Русь!

Выбрал место Илья, чтоб стоять наготове,  
Безоглядность равнин пораскинул в уме...  
Справа – мудрый Добрыня, а слева – Попович.  
Так и встали все трое – на Русском Холме.

## 20. АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ

Под шведами и немцами не быть родной земле!  
Пусть Биргер<sup>1</sup> свои шнеки<sup>2</sup> снаряжает...  
Князь Александр с дружиною, как Ангелы  
во мгле,

Внезапным боем шведов поражают.

Не зря святые ратники – Борис и Глеб – с утра  
Проплыли к устью дремлющей Ижоры:  
– Поможем братьям-сродникам, им победить  
пора!

Низринутся пусть вороги и воры.

Не спал Пелгусий-страж<sup>3</sup> – ижорский  
старшина, –

Он слышал речи мучеников горних  
И Александру Невскому пред битвою сполна  
Поведал о знамёне чудотворном.

В тумане битва грянула, кровавилась заря,  
Как меч, в тяжёлой сече обагрённый.  
Великий князь с дружиною, гордились вы не зря  
Победой, как невестой наречённой!

Свет Александра Невского над озером Чудским,  
Как пóлымя, как радуга, всплывает.  
А где же вы, псы-рыцари? Растаяли как дым...  
Вас озеро Чудское забывает...

<sup>1</sup> Биргер – Биргер Магнуссон – король Швеции (1280–1321).

<sup>2</sup> Шнек – парусно-гребное судно скандинавских народов в XII–XIV веках. Преимущественно использовалось для набегов.

<sup>3</sup> Пелгусий-страж – старейшина Ижорской земли Пелгусий. На рассвете июльского дня 1240 года, находясь в дозоре, обнаружил шведскую флотилию и доложил о ней Александру Невскому.

## 21. СЕРГИЙ РАДОНЕЖСКИЙ

Князь с утра его ждал на краю Куликова...  
Радонежский возник на холме золотом...  
– Да хранит тебя Бог! – осеняет Донского  
На заре засветившимся Божьим крестом.

– Злая сеча сверкнёт, и останешься вживе,  
Токмо княжий наряд на хламиду смени  
И Мамаю, привыкшему к лёгкой наживе,  
Нашу мочь покажи и Орду прогони!

Князь с молитвой ушёл. В одиночестве Сергей  
Помолился, умылся святою водой,  
И ударился оземь с немалым усердьем,  
И могучим орлом воспарил над землёй.

Он над войском кружил, над Непрядвой и Доном,  
Предрекая Мамаю начало конца...  
А где Дмитрий упал, он носился со стоном  
И живою водой поливал молодца.

В землю топал Мамай, указуя на птицу,  
Где сиял в небесах золотой ореол...  
И пустили стрелу. На стрелу, как на спицу,  
В поднебесье пустом опустился орёл.

Побежала Орда! И бесщётно, несметно  
Меж Непрядвой и Доном татар полегло.  
А где взвился орёл, там России бессмертье,  
Там чугунной колонной Бессмертье взошло!

## 22. ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ

Летает сыч над степью многоликой,  
Не спит Мамай, томится Челубей.  
Грядёт бессмертье у Руси Великой,  
Хотя и грянут тысячи скорбей

По русичам, в той битве убиенным,  
По ком народ молитву сотворит.  
В своём шатре спаситель вдохновенный  
«Да будет день!» Боброку говорит.

Вздыхает степь, беременная славой,  
В Непрядве пузырится звездопад.  
Густеет ночь в Москве золотоголовой,  
Пока Ослябя с Пересветом спят.

Назавтра день означится молитвой  
Пред войском и пред образом благим.  
День будет назван Куликовской битвой,  
А князь великий – Дмитрием Донским.

23. НАБЕГИ

Поёт печально коноплянка,  
Над спящей Родиной кружа,  
Иль это русской полонянки  
Поёт бессмертная душа.

Мне снятся дальние курганы,  
Кочевий смятая трава,  
Тугие русские колчаны  
И в чистом поле – татарва.

Который век скрипят телеги,  
Окрест вороний слышен грай.  
Опять вершат свои набег  
Угрюмый Бегич и Мамай.

Мне слышно Сергиево слово,  
И тонкий посвист ковыля,  
И поступь Дмитрия Донского  
У стен высокого Кремля.

24. ПЕРЕСВЕТ

Этот свет, этот мир перевозданный  
Растворяет меня и года.  
Сквозь деревья, сквозь тёмные зданья  
Я уже прохожу без труда.

Как тугая стрела из колчана,  
Я лечу сквозь иные миры...  
Ярким светом звезда мне кричала  
Из-за тёмной полночной горы.

Этот свет, этот взрывоопасный,  
Этот недосягаемый свет...  
Шлёт на землю привет не напрасный  
Неубитый, живой Пересвет.

Чтоб в умах не застыло брожение,  
Этот столб, этот свет не потух.  
Куликовских боёв продолжение  
Укрепляет слабеющий дух.

Юный отрок, ты жаждешь привета?  
Посмотри отражение в пруду:  
Нанизало копьё Пересвета  
На себя Золотую Орду.

Ты подумай о битве, о славе,  
О полёте крылатых коней,  
О Великой Российской Державе,  
Укрепи свои думы о ней!

25. ПОЕДИНОК

Светлой болью отзовутся  
В нас деянья прошлых лет.  
На рассвете снова бьются  
С Челубеем – Пересвет.

Поле битвы. И по краю  
Той неведомой черты,  
Тяжко в землю упираясь,  
Встали красные щиты.

Небеса пронзили копья,  
Никнет росная трава.  
Поединок исподлобья  
Наблюдает татарва.

Миг настал, и сшиблись яро  
Меж собой добро и зло.  
День качнулся от удара,  
Накренился на седло.

С нами – Бог! И с нами – правда!  
Рвутся жилы, удила...  
Закипевшая Непрядва  
Алой кровью потекла.

Хвалят вороны добычу,  
Над телами закружив...  
Вот и полночь. Ищут, кличут  
С факелами тех, кто жив.

Ночь обрушилась густая.  
Тихо витязи лежат.  
С неба Ангелы слетают,  
В поле матери спешат...

Белокурого сыночка  
Отыскала в поле мать.  
Дай оплакать сына, ночка!  
До рассвета дорыдать!

Долго павших окликали,  
Вдалеке рожок гудел.  
Пересвета отыскали  
Посреди убитых тел.

А когда была пропета  
Панихида, в горький час  
Хоронили Пересвета  
В землю ту, что с братом спас.

## 26. ВЫБОРА НЕТ

Тихой ладанкой светит история,  
Где был верен судьбе Пересвет.  
Древним градом – сегодня в разоре я –  
Из меня бесы выпили свет.

Хоть и маюсь душою безгрешною,  
Понимаю, что выбора нет.  
Надо пасть меж бедою кромешною  
И Россией, где жил Пересвет.

## 27. СВЯТОЕ СЛОВО

И раным-рано я встаю,  
Над светом, над землёй стою.  
Душой высвечиваю Слово,  
Оно – души моей основа.

А на иконах золотых  
Сияют Лики всех Святых.  
В церквах, как будто кровь  
Христова,  
Течёт по жилам Божье Слово.

В какую згу попал народ,  
Где боль, и страх, и недород!  
...Из бездны нас выводит снова  
Святое Праведное Слово.

Не чаем мы миров иных,  
Но среди пажитей родных  
Для ворогов, как меч, сурово  
Свистит карающее Слово.

Мы Слову скажем: – Исполать!  
Ему дано всё в мире знать,  
Ему дано всё в мире слышать!  
Оно – дыханьем Бога – дышит.

## 28. БОГОЗНАНИЕ

Родина распятая, взгляни,  
Как, взрываясь огненными смерчами,  
В бездну века протекают дни,  
Вместе с ними вся страна заверчена.

Исчезает русский материк  
С памятью народной, с Божьей церковью.  
Может, остановимся на миг  
В Ясном Храме! И за жизнь зацепимся.

Засмеёмся и отринем грусть,  
Встанем на холме, на возвышении,  
Чтоб очистить от пилатов Русь,  
Уберечь её от поношения.

Притекут в Россию благодать,  
Исцеленье, радость и сияние.  
Быть распятой – значит испытать  
Высшее Святое Богознание!

## 29. РАВНОАПОСТОЛЬНЫЕ СВЯТЫЕ КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ

Поведай, о Боже Всевышний, откуда  
И как на славянское небо взошли  
Кирилл и Мефодий – два света, два чуда –  
И письменность нашу, как пламя, зажгли.

Не зря клокотало желанье в народе –  
Славянское слово живым обрести.  
Два кровные брата – Кирилл и Мефодий –  
Возникли у Древней Руси на пути.

В той древности яростной – мир богословья  
Был создан, как будто бы, – для латинян.  
Библейские притчи, молитвы, присловья  
Звучаньем чужим истомили славян.

И вдруг, словно дланью Господней затронут,  
Идущий по тёмному времени вброд,  
Сквозь пенье священства, сияние тронов  
Почуял родное славянский народ.

Он явно почувствовал зреньем стократным:  
К нему благосклонна Господняя высь...  
Солунь. Македония. Это два брата –  
Кирилл и Мефодий – для Слова сошлись.



# Берега поэзии

## Владимир Хохлев

Владимир Владимирович Хохлев – родился и живёт в Санкт-Петербурге. Окончил Высшую школу режиссёров и сценаристов (при киностудии «Ленфильм»), Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина, Академию художеств (архитектурный факультет), Северо-Западную академию государственной службы (государственное и муниципальное управление). Действительный член, профессор Академии русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина. Действительный член Международной славянской художественной академии (Варна, Болгария). Член Союза писателей России и Союза журналистов Санкт-Петербурга. Главный редактор журнала «Невечерний свет» и Информационного портала ХОХЛЕВ.РУ. Лауреат многих премий в области литературы и искусства. Автор книг стихов, прозы и публицистики, большого числа публикаций в российских и зарубежных СМИ. E-mail: [vhohlev@list.ru](mailto:vhohlev@list.ru)



\* \* \*

Иду по улице, держу за руку маму,  
со мною рядом папа... держит брата.  
Сдвигаю набекрень свою панаму,  
брат морщится на зарево заката.  
Идём домой, с реки, под сенью лип,  
жужжит оса, тарашится собака...  
Слух снова режет одинокий всхлип –  
разбил коленку брат у буерака.  
Кровь не течёт, спасает подорожник...  
Исходит мама длинным монологом.  
Я мир воспринимаю, как художник...  
и размышляю сам в себе о многом.  
Зачем приходит день на смену ночи?  
Где люди пребывают до рождений?  
Когда опять поедem в город Сочи?  
Нужны ли рифмы для стихотворений?  
Что означает слово «управдом»?  
Куда ведёт дорога через поле?  
Возможно ли весь день идти пешком?  
Зачем висят горшки на частоколе?  
Бежит пацан за бабочкой, смеясь...  
Мычит безрадостно уставшая корова.  
Какая между всем в природе связь?  
Зачем над дверью старая подкова?  
Мы подошли... калитка заперта.  
я вырываюсь... с криком открываю.  
Мелькает хвост соседского кота...  
я петуху по-дружески киваю.

31.03.2026

### ТЁМНАЯ НОЧЬ

Ты... Я... Тёмная ночь...  
Светятся сотни звёзд.  
Быстро взростеют сын и дочь.  
Радости хрупкий мост –  
небо над нами тихо спит,  
снится ему земля.  
Смысл бытия от людей скрыт...  
Дышат весной поля,  
сосны неслышно говорят...  
Печь отдаёт тепло.  
Мысли сердечные веселят –  
с ними в душе светло.  
Скоро рассвет... и новый день...  
и новое счастье жить.  
Медленно движется лунная тень...  
Хочется всех любить.

23.03.2026

### РАССТАВАНИЕ

Как этот жёсткий миг преодолеть?  
Как ускользнувший смысл теперь найти?  
Ты загнала мой пылкий разум в клеть  
и жёстко пресекла к себе пути.  
Ты нежно рассказала про другого...  
отрезала: останемся друзьями!  
Я молча замер, не сходя с порога:  
Как может быть... такое... между нами?

И что теперь? Мы станем жить отдельно?  
И вовсе не смотреть в глаза друг другу?  
Ты поразила сердце так прицельно,  
что я готов кричать на всю округу.

И вот стою, как истукан незрячий...  
и звуков мира, кажется, не слышу.  
Люблю тебя... и не могу иначе.  
Миг твоего признания ненавижу!

За столько лет в тебя пророс корнями,  
ты рубишь их с какой-то нервной страстью.  
Что делать мне теперь с пустыми днями?  
Ты ночи навсегда лишила счастья...

Конечно, отойду... чтоб не тревожить  
тебя ничем и никогда... ты это знаешь.  
Я перестану думать о тебе... и множить  
скорбь о любви... Ты головой качаешь.

Мы никогда с тобой не будем вместе  
и, встретившись, пройдем друг друга мимо.  
Тебе желаю, как чужой невесте:  
будь счастлива и – тем, другим – любима.

23.03.2026

### В ДОМЕ

Идут размеренно часы,  
скрипят негромко половицы...  
Приёмник «давит на басы»  
под голос джазовой певицы.

В косых лучах витает пыль,  
бликует медный самовар.  
За окнами – автомобиль  
не просигналит светом фар.

Трещат поленья за стеклом,  
гудит в трубе печная тяга...

Кувшин с топлёным молоком,  
армейская пустая фляга,  
подсвечник, выцветший комод,  
под пледом старенький диван...  
Любитель неги и свобод –  
кот... тапки, летний сарафан.

Стол... на столе – букет цветов,  
под ним – конфеты в плоской вазе,  
сборник любительских стихов,  
открытый на удачной фразе.

Картины, люстра, потолок...  
распахнутая настежь дверь.  
Торшер, уютный уголок –  
в нём плюшевый домашний зверь.

И аромат твоей косметики...  
И фото наше... Осень в Питере.  
Ты – в незатейливом беретике...  
Я – в новом белоснежном свитере.

20.03.2026

### НА РАССВЕТЕ

Рассвет рукой меня коснулся...  
я, вздрогнув, выступил из сна.  
Присел, невольно оглянулся...  
Смеётся за окном весна...

Блестят глаза лукавым светом,  
играет локонами ветер...  
И, словно призывая лето,  
искрит любовь в лесном сюжете.  
Я распахну окно пошире,  
мигну на солнце: С добрым утром!  
И заиграют в сонном мире  
росинки нежным перламутром.

20.03.2026

### ЦАРСТВО

Я созерцаю внутреннее Царство...  
Оно сильнее внешнего в сто раз.  
Его богатое, искусное убранство  
способно приковать внимание глаз.

Здесь нет намёка на земную тяжесть,  
здесь светом преисполнен каждый миг.  
Сердечную тут ощущаешь радость,  
без наставлений философских книг.

Какие здесь пейзажи! Интерьеры!  
Какие образы художественной силы!  
Здесь жизни правила, общения манеры  
хранят для поколений старожилы.

Тут детский смех превыше разговоров,  
любовь – в не иссякающем почёте.  
Тут не устраивают непристойных споров  
и не бросаются словами: Как живёте?

Здесь знают Истину, без тягостных сомнений,  
здесь верят в рыцарство и благородство.  
Здесь абсолютные источники спасений  
не допускают ложного господства.

Тут понимаешь всё: зачем ты дышишь,  
зачем родился и куда идти...  
Тут жизни музыку торжественную слышишь,  
способную от смерти отвести.

Март, 2026

\* \* \*

Когда тепло вечернего салюта  
войдёт в обители моей души,  
я вспомню светом полные минуты  
восшествия души на этажи

открытий неслучайных и случайных,  
прозрений, не ведущих ни к чему,  
окутанных космической тайной,  
дающей пищу моему уму.

Захочется к теплу щекой прижаться  
и горный воздух радостно вдохнуть...  
Искать и находить... желать, стараться,  
прокладывая свой – нестандартный – путь.

Когда ж тепло вечернего салюта  
остынет в нишах сердца моего,  
я позволю нечаянно кому-то...  
и не скажу, смутившись, ничего.

11.03.2026

\* \* \*

Что сделать для тебя? Скажи...  
Устроить фейерверк на бастионе?  
Далёкие рассеять миражи?  
Установить флаг белый на балконе?

Купить три миллиона алых роз?  
Раздвинуть облака на небосводе?  
Решить назревший не вчера вопрос,  
отдавшись чувств томительной свободе?

Сходить с тобой в кино или в музей?  
Украсить дом и приготовить ужин?  
Созвать на пир проверенных друзей?  
Найти браслет из радужных жемчужин?

Что сделать? Как тебя расшевелить?  
Принудить сердце снова раскрываться?  
Хочу с тобою жить, тебя любить  
и никогда в тебе не сомневаться.

Что сделать? Как нарушить твой покой?  
Как подружить с весной, идущей к лету?  
Как тёмный сплин развеять затяжной?  
И обратить к немеркнушему свету?

Скажи, что сделать? Как к тебе прийти?  
Что для тебя всего важнее в мире?  
Невероятные я проложу пути,  
всех обыграю в рыцарском турнире.

06.03.2026

\* \* \*

Кто сказал, что этот бой последний?  
Враг затих, не слышно даже шороха...  
Выжидает снова край передний...  
Пороха!

Я один... с ранением... без связи...  
среди листьев, перепревших вороха.  
Благодарен пулемётной базе.  
Пороха!

Свет померк, друзья вчера погибли...  
В мае зацветёт опять черёмуха,  
память – слава богу – не отшибли...  
Пороха!

Ночь... не спится... тишина такая...  
в небесах – ни проблеска, ни всполоха.  
Ждёт меня моя любовь земная.  
Пороха!

Автомат скучает без патронов...  
лил очередями... бил без промаха.  
Сходим с сыном в парк аттракционов.  
Пороха!

23 февраля 2026

### МАСЛЕНИЦА

На земной сковороде  
масла солнечного лужа.  
В неба синей красоте  
зимняя исчезла стужа.

Самовар пытит парами,  
стопкой сложены блины.  
Над садами и дворами –  
ароматный вкус весны.

Воробьи, как первоклашки,  
начинают новый год.  
Забежавшей в парк дворняжке  
стало тесно от забот.

Дети прыгают, смеются,  
дразнят чучело зимы...  
Над толпою песни льются,  
взрослых веселят умы.

Всенародное гулянье...  
плещет нотами баян.  
Лиц восторженных сиянье  
добрых в чувствах россиян.

Февраль, 2026

# Берега поэзии

## Андрей Яковлев



*Андрей Викторович Яковлев – родился в Москве в 1959 году. Окончил в 1983 году филологический факультет МГУ. Кандидат филологических наук, второй секретарь 1-го класса, член Союза писателей России с 1994 года. Выпустил четыре книги. Автор стихов, научно-фантастической повести «Дальняя связь», рассказов, публицистики. Участник обороны Дома Советов в 1993 году. После окончания МГУ и аннулирования рекомендации в аспирантуру работал грузчиком, разнорабочим, гардеробщиком, старшим научным сотрудником, преподавал языки и два авторских спецкурса, в том числе в Литинституте, временно замещал вакантные дипломатические должности в посольствах России в Намибии и Алжире. Поставил преподавание бурского языка, ранее в СССР не преподававшегося.*

## ИЗ АФРИКАНСКИХ ТЕТРАДЕЙ

### ВАРИАЦИЯ НА ТЕМУ ФИЛЬМА ПОЛИВИНА «НАС ТАМ БЫТЬ НЕ МОГЛО. АНГОЛА»

...А в памяти – звонкий сверкающий ливень  
Искрится, и хлещет, и бьётся в крыло,  
И вспыхивает, как зарница, «Поливин», –  
И песня звучит: «Нас там быть не могло».

10 мая 1993

\* \* \*

А. П.

До звезды Ахернар  
далеко, как до встречи с тобой.  
А под Южным Крестом,  
как всегда,  
расцветают протеи,  
В каапстадском порту  
волноломы ломают прибой,  
В краснозёмах Анголы  
осколки железа ржавеют.

Те ветра,  
что упали с отрогов Драконовых Гор, –  
Так овевать судьбу  
не смогли бы ни норды, ни осты,

И мой жребий –  
поняв, что вовеки не кончится спор –  
Так держать:  
так же гордо, надменно, бесслётно и просто.

Ладно, боги бессмертные,  
только скажите, за что,  
За какие  
грехи и заслуги  
мне выпало *это* –  
В этом тесном пространстве судьбы –  
но ведь гулко-пустом –  
*Все* вопросы узнать  
и не знать *одного* лишь ответа.

О ветра,  
что рванули с отрогов Драконовых Гор!  
Так овевать судьбу  
не смогли бы ни осты, ни норды...  
Мне ж теперь и навек –  
ведь вовеки не кончится спор –  
Так же просто, надменно,  
смирненно,  
бесслётно и гордо.

13 августа 1990

\* \* \*

Надо к цели идти напролом,  
Сквозь пургу и сквозь пух тополиный,  
Чтобы снова под звонким крылом  
Загудели, взревели турбины,  
Чтоб кипящею пеной расцвёл  
Вдоль пустыни прибой океана,  
Чтоб в дрожащие ноздри вошёл  
Знойный дух незнакомой саванны.

18 августа 1994

\* \* \*

Атласов знакомые страницы,  
Слайды, фотографии, слова...  
...Неужели будет только сниться  
Голубая капская трава?  
Лангебан... Взлетает птичья стая,  
Властно заволакивая взгляд.  
Небеса звенят не умолкая,  
И зовёт далёкий Каапстад.  
...Догорает день, пустой и зряшный.  
Только воля говорит: «Держись.  
Ведь недаром Вечностью всезрящей  
Ты заброшен был в земную жизнь».

18 августа 1994

\* \* \*

А. П.

Вот и снова Ангола, но только – по правде.  
С кипяченьем водички  
по пятнадцать минут.  
Я готов был. Я знал. И попал я туда, где  
Мне, пожалуй что, самое место. Где ждут.  
Словно встал над судьбой.  
Словно кончился бой  
И рубцуются рана разлуки с тобой.

#### ЗАРИСОВКА С НАТУРЫ

*Лорите и Яну Б.  
Aan Lorita en Jan B.*

В верхнем ящике шкафа – седло и сбруя.  
Лестница вниз ведёт в гостиную с кухней.  
Сытный вяленый окорок антилопы,  
В термосе – кофе.

Солнце и тени движутся противусолонь,  
Вечером Скорпион парит в зените,  
Южный Крест на юго-западе низко,  
Рожками вверх – месяц.

Утром ветер в волосы задувает  
Ярко-рыжий, чистый песок пустыни;  
Свартхак цветёт, и на многих деревьях листья.  
Сентябрь. Весна в Калахари.

10 сентября 1994, район Гобабиса

#### ВОЛНЫ ВЕЛЬДА

*Яну и Питу Б.  
Aan Jan en Piet B.*

У слияния Белого Нособа с Чёрным –  
Там, где мы видели бабуинов, –  
Холмы невысоки, но огромны,  
Словно волны спокойного моря.  
Солнце стояло почти в зените,  
Чуть ближе к северу от зенита,  
В бледном, высоком сентябрьском небе,  
Весеннем под Тропиком Козерога.  
И лёгкие падали волны света –  
На бескрайний вельд бескрайние волны.  
И когда всколыхнулись под ветром травы  
Широкой серебряною волною  
До самого дальнего горизонта,  
И когда зазвенело светлое небо  
Серебряной, чистой, гордой нотой –  
Одинокой, но радостной нотой,  
Словно юные боги швырнули Солнце  
В зеркальный гонг весеннего неба  
Над зеркальными травами саванны, –  
Хлынул в душу прозрачным лёгким потоком,  
Серебряным, звонким и могучим,  
Полдень, подобный лучу и звуку,  
Полдень, полный волною вельда,  
Африканский полдень.

Москва, 15 ноября 1995

#### СОВЕТЫ ЗВЕРОЛОВАМ, ОТПРАВЛЯЮЩИМСЯ В АФРИКУ

Вот что, братцы, помнить полагается,  
В Африку собираясь в дальний путь:  
Тигры худо-бедно приручаются,  
Крокодилы же – отнюдь.

Чтобы отношения были равными,  
Помни, прежде чем зверюгу умыкнуть:  
Тигры, в общем, те же теплокровные,  
Крокодилы же – отнюдь.

Ну а кто опасность вдруг почувствует,  
Знай, чтоб легче было улизнуть:  
Тигры в Африке от-сут-ству-ют,  
Крокодилы же – отню-у-удь...

Ершово, 15 ноября 2001

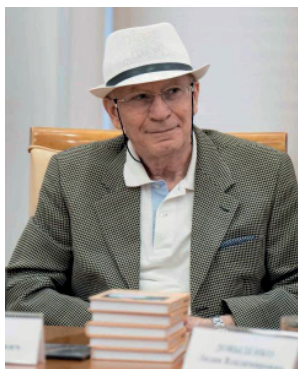
# Берега юбилеев

## Лидия Довыденко



*Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор литературного журнала «Берега»-Калининград, секретарь Союза писателей России, кандидат философских наук, член президиума Международной академии русской словесности, член Союза писателей Союзного государства, член-корреспондент РАЕН, автор 38 художественных, историко-краеведческих, публицистических и научных книг.*

## Юбилей Сухейля Фараха ДИАЛОГ НЕ СЛАБОСТЬ, А СИЛА



20 мая 2026 года в Московском Доме национальностей собрались гости, которых туда привело желание поздравить с юбилеем выдающегося учёного нашего времени, доктора философских наук, академика Сухейля Фараха, который имеет вес в гуманитарном поле планеты. Нас привело сюда понимание, что такие люди, как Сухейль Фарах, необходимы миру в это сложнейшее время.

С именем Сухейля Фараха связано важнейшее направление в современной научной мысли в области философии культуры, цивилиграфии, этического и аксиологического аспектов в науке на пути «образования человека», противостояния невежеству в научном созидании, в «поисках гармонии между человеком, матерью-природой и отцом-космосом», в процессе постижения явления русского космизма и истоков ноосферного разума.

Философское творчество Сухейля Фараха – это вселенная духовности, в сознательном служении которой много жертвенности со стороны самых сильных мыслителей современности с апокалипсической тональностью в пространстве нравственности и этики.

Круглый стол «Сухейль Фарах – героический энтузиаст диалога цивилизаций, культур и религий» посвящён 75-летию учёного. Он писатель, переводчик, профессор, религиовед, культуролог, президент Открытого университета «Диалог цивилизаций», доктор философских наук, академик РАО и РАЕН, автор 27 книг, член редакционного совета литературно-философского журнала «Берега».

В мероприятии приняли участие послы, известные в мире учёные, академики, государственные и общественные деятели, писатели, представители искусства и культуры, друзья юбиляра. Их речи даны в сокращении, где выделены наиболее актуальные и значимые темы современности.

### **Выступление Чрезвычайного и Полномочного посла Республики Ливан в РФ Башира Шауки Салех Аззама, который зачитал приветственное письмо министра культуры Ливана Гассана Саламе:**

«Сегодня мы здесь не только для того, чтобы отдать дань уважения пути Сухейля Фараха, но и чтобы прославить идею... идею, в которую он верит, которую отстаивал и посвятил ей свою жизнь: идею о том, что культура, несмотря на её оттеснение на второй план, остаётся последней надеждой на спасение человека.

Мы встречаемся сегодня, чтобы почтить выдающуюся интеллектуальную фигуру, которая несла бремя культуры во времена упадка её ценностей и поднимала знамя диалога в мире, становящемся всё более разрозненным. Мы чествуем профессора Сухейля Фараха, который является не просто академиком или исследователем, а целостным проектом гуманистической мысли.

От Ливана – истока его корней и идентичности, до России – места его вклада в науку мирового масштаба, доктор Фарах выстроил уникальный путь, объединивший две культуры и создавший

живой мост между Востоком и Западом. Более двадцати трёх книг на разных языках, посвящённых цивилизациям, культурам, религиям и космологии, – это не просто количественное достижение, а свидетельство глубокой приверженности вопросам человеческого бытия и будущего цивилизации.

Профессор Фарах увидел, что мир стоит на перепутье: либо он продолжит следовать логике доминирования и конфликта, где одна культура навязывает себя другим; либо перейдёт к логике партнёрства, в которой общие человеческие ценности дополняют друг друга ради построения более справедливой и сбалансированной мировой цивилизации.

В этом контексте его призыв не был наивным идеализмом, а представлял собой целостный научный проект, направленный на формирование науки о цивилизациях, основанной на диалоге, и на реабилитацию нравственного и духовного измерения в эпоху стремительного технологического развития.

Он предостерегал от мира, управляемого одной лишь силой, от науки, оторванной от нравственности, и от искусственного интеллекта, который может превратиться в угрозу, если он не будет обучен ценностям. В противовес этому он призывал к формированию нового человека – просвещённого, сознательного, способного отличать подлинный прогресс от падения в бездну.

Сегодня, чествуя доктора Сухейля Фараха, мы чествуем этот голос, который не поступался своими убеждениями и неизменно верил в то, что культура – не периферия, а основа.

Это признание идеи о том, что диалог – не слабость, а сила; что различие – не угроза, а возможность; и что будущее, каким бы мрачным оно ни казалось, может быть озарено разумом, знанием и волей.

Доктор Сухейль Фарах, сегодня мы чествуем Вас за то, что Вы верите: культура, если ей будет отведено должное место, способна спасти этот мир.

И благодарим Вас за то, что Вы по-прежнему верите: свет, каким бы слабым он ни был, способен одержать победу.

Оставайтесь и впредь маяком диалога, голосом разума и мостом между цивилизациями».

**Игорь Викторович Бабичев**, руководитель аппарата Комитета Государственной Думы по региональной политике и местному самоуправлению, сопредседатель-координатор Федерального Народного Совета солидарного общества, доктор юридических наук, академик РАЕН и Российской муниципальной академии, заслуженный юрист РФ:

«Сегодня в Китае лидеры двух государств – КНР и России – приняли концептуальный документ – **Декларацию о становлении многополярного мира и международных отношений нового типа**, в которой именно диалог и партнёрство культур и цивилизаций в симфонии их всеединства признаётся несущим стержнем будущего устройства мира.

Случайностей не бывает – то, что такой основополагающий документ будет принят на высшем мировом уровне в день Вашего юбилея и станет доминантой нового мироустройства, – промыслительно указывает на Ваш огромный вклад в формирование научного, интеллектуального и философского понимания мира как мира цивилизаций, традиций и культур.

Заметим, что ещё в 2020–2021 годах такие взгляды совсем не были “майнстримом”. Когда на Конференции Друзей России в мае 2021 года Федеральный Народный Совет представил свою Декларацию Мира – в составлении которой Вы приняли самое непосредственное участие и которая была сформирована под влиянием Ваших идей и разработок, – и она была именно о том, о чём сейчас говорит весь **цивилизационный** (не цивилизованный, а **именно цивилизационный** мир!), это было очень ново.

Но всё, как видим, меняется стремительно. Однако мало провозгласить – надо ещё создать, построить такой мир. Поэтому нам рано успокаиваться даже в мыслях – всё только по-настоящему начинается. Много работы впереди. Нам надо работать над Декларацией традиционных, всечеловеческих ценностей многоцивилизационного мира – не общечеловеческих, псевдогуманистических, регулярно навязываемых нам глобалистами, а именно всечеловеческих, которые отразят то общее, что присуще всем цивилизационным традициям и культурам. Это базовая научная, богословская, культурологическая и практическая задача сегодняшнего и завтрашнего дня.

Но есть коллектив цивилизационистов, который создан при Вашем активном и непосредственном участии и который во многом представлен сегодня на этом юбилейном круглом столе, есть Международный институт проблем управления, есть Ялтинский цивилизационный клуб, есть, наконец, Федеральный Народный Совет, есть ещё целый ряд организаций, институтов и коллективов – они

сформировались за эти годы, – и это залог того, что научная и концептуальная поддержка процесса формирования новых международных отношений и многоцивилизационного мира – такая поддержка будет обеспечена».

**Рамазан Гаджимурадович Абдулатипов**, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института глобальных исследований Факультета международных отношений Финансового университета при Правительстве РФ, экс-глава Республики Дагестан:

«Сухейль Фарах очень много сделал для науки и культуры Ливана и России. Его шляпа, которую он носит с большим удовольствием, накрывает собой ряд цивилизаций планеты. Он человек глубокого ума и высокой культуры. Его научные исследования о современных цивилизациях очень значимы, его книги говорят о духовном смысле цивилизаций, о духовном начале. Мне эта тема близка, так как ей посвящена моя докторская диссертация. В любой цивилизации в основе духовные идеалы. Россия, будучи духовной цивилизацией, часто уходит в преклонение перед Европой, но эта цивилизация рассматривает человека лишь как потребителя. А человек – это творец. Дорогой Сухейль, я за тебя переживаю, потому что ты человек очень интеллигентный, а такому человеку в современном мире очень трудно. Когда у учёного солидного возраста спросили, ощущает ли он себя старым, он ответил: “Если я буду думать, что я сделал больше, чем собираюсь сделать, то я старый, но я собираюсь сделать больше, чем сделал, значит я ещё молодой”. Настраивайся на будущее и на служение науке будущего».

**П. И. Бурак**, президент РАЕН, доктор экономических наук, профессор:

«Мы знаем Вас как философа и культуролога мирового уровня, основателя и руководителя Российской научной школы диалога цивилизаций, культур и религий, автора многочисленных монографий, научных докладов и учебников по истории российской цивилизации, диалога и партнёрства цивилизаций в области науки, образования, культуры, руководителя Открытого университета диалога цивилизаций. Вы принимаете активное участие в деятельности РАЕН, в подготовке и проведении международных и национальных научных мероприятий. Ваша творческая деятельность отмечена огромным количеством почётных наград. Вы внесли крупный вклад в укрепление российско-арабской и российско-ливанской дружбы.

Президиум РАЕН наградил Вас медалью Петра Первого за вклад в исследование Российской цивилизации, укрепление дружбы между Россией и Арабским миром».

**Вениамин Викторович Попов**, Чрезвычайный и Полномочный посол РФ, кандидат исторических наук, директор Центра партнёрства цивилизаций МГИМО:

«Профессор Сухейль Фарах безусловно является выдающимся деятелем мировой культуры. Его часто называют одним из пионеров концепции диалога цивилизаций. В 1993 году американский учёный Самуэль Хантингтон опубликовал в одном из академических журналов статью “О столкновении цивилизаций”, а в 1996 году вышла книга под одноимённым названием. В 1999 году иранцы внесли в ООН Резолюцию “О диалоге цивилизаций”, она была единодушно принята, но в 2001 году последовал крупнейший теракт против США, в итоге она была отложена в сторону и мир переключился на борьбу с терроризмом.

В 1997 году вышла одна из книг Сухейля Фараха о важности взаимодействия цивилизаций, культур и религий. В дальнейшем юбилей подробно развил эти тезисы в других своих работах.

Россия сделала идею партнёрства всех цивилизаций одной из составляющих своего внешнеполитического курса, поэтому произведения С. Фараха заняли достойное место в общем объёме мировой, русской и арабской литературы на эту тему. Он опередил своё время.

Многочисленные позитивные оценки его работ говорят о том, что имя нашего юбиляра будет золотыми буквами вписано в литературу, которая объясняет диалог цивилизаций как магистральный путь развития человечества. Сухейль Фарах вносит неоценимый вклад в укрепление традиционной русско-арабской дружбы, олицетворяя своими произведениями и деятельностью создание эффективного моста между народами. Будущие историки, несомненно, отметят огромную позитивную роль этого замечательного учёного в сближение русской и арабской цивилизаций.

Меня воспитывала бабушка, она была очень мудрым человеком – до сих пор помню её слова о том, что люди делятся на две неравные части – те, на которых Земля держится, и остальных, которые просто ходят по этой земле. Сухейль Фарах несомненно принадлежит к первой».



**От имени декана философского факультета МГУ Алексея Павловича Козырева выступила Анна Анатольевна Костикова**, заместитель декана по международным связям философского факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, заведующая кафедрой философии языка и коммуникации, кавалер ордена Академических пальм, Франция:

«Философский факультет МГУ имени М. В. Ломоносова сердечно поздравляет Вас с юбилеем и выражает искреннее уважение Вашему многолетнему труду в области философии, культуры и межкультурного диалога. Ваш научный путь является примером последовательного служения гуманитарному знанию, а Ваши исследования способствуют укреплению взаимопонимания между различными интеллектуальными традициями и культурными мирами.

Ваше имя занимает особое место в современном философском пространстве благодаря глубокому осмыслению проблем культуры, духовности и взаимодействия Востока и Запада. Сочетание академической строгости, широты гуманитарного взгляда и стремления к открытому диалогу делает Вашу деятельность значимой как для научного общества, так и для развития международных гуманитарных связей».

**Главный муфтий Равиль Гайнутдин**, председатель духовного управления мусульман в РФ:

«Талантливый учёный и исследователь, Вы внесли значительный вклад в укрепление и развитие российско-ливанского культурного взаимодействия. Более 20 лет назад мы начали совместную работу на уровне диалога цивилизаций и книгоиздания и с тех пор весьма дорожим нашим добрым сотрудничеством».

**Александр Иванович Агеев**, директор МИСК, доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, член Союза писателей России, член Союза журналистов России:

«Каждый юбилей всегда нов и замечателен: и как веха, и как рубеж, и как отправная точка. Все эти аспекты Вы воплощаете своей многогранной жизнедеятельностью.

Во-первых, Вы – философ и культуролог “от Бога”. Об этом говорят Ваши многочисленные и выстраданные труды. Ваша научная деятельность столь многообразна, что остаётся удивляться Вашему всеохватному интеллекту!

Во-вторых, Ваша научная деятельность тесно переплетена с преподавательской деятельностью в ведущих российских и мировых университетах. Это подлинная забота о будущем!

В-третьих, Вы – великий общественный деятель, творящий на стыке нескольких цивилизаций, неустанно укрепляющий связи разных культур на фундаменте крепкой веры в добро и любовь! Вы собрали вокруг себя людей незаурядных, принадлежащих разным культурам и религиям, – и в этом Ваша большая заслуга, о чём ярко свидетельствуют Ваши награды.

Главное пожелание Вам – так держать! Оставаться для нас ярким примером самоотверженности, негибаемой воли, жизнестойкости, радости и оптимизма».

**Юрий Владимирович Яковец**, заслуженный деятель науки РФ, доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН:

«Россия, имеющая богатейший интеллектуальный капитал начиная с М. В. Ломоносова, оказалась в эпицентре глобального экономического кризиса, это интерпретировало его осмысление и поиск перспектив будущего. Именно в России сформировалось современное поколение героических энтузиастов, портреты которых приведены в монографии Ю. В. Яковца “Послевоенное поколение”. К их числу заслуженно относится мыслитель, философ и культуролог современности академик С. Фарах.

Среди моих зарубежных друзей, которых я отношу к героическим энтузиастам в науке, можно выделить Сухейля Фараха – доктора философских наук, профессора Ливанского университета (Бейрут), человека с интересной цивилизационной судьбой. Родился он в Ливане в 1951 году, в славянском поселении, православной семье, православный по вероисповеданию, но имеет крепкие связи не только с Русской православной церковью. Он владеет несколькими языками (арабским, французским, русским), в курсе мировой философской литературы, возглавляет Российско-Ливанский дом в Бейруте, является профессором Нижегородского и Московского государственных университетов, организует международные конференции, избран иностранным членом Российской академии образования, при моей поддержке – действительным членом Российской академии естественных наук. Читал курсы лекций в Ливанском государственном университете, где создал и возглавил Российско-Ливанский дом. Читал курсы лекций на философском факультете МГУ имени М. В. Ломоносова. С начала 2000 года укрепил научные дружеские связи с российскими учёными, представляющими современную революционную школу, и вошёл в состав международного института П. Сорокина – Н. Кондратьева, был заместителем президента института и сопредседатель Ялтинского цивилизационного клуба. С 2012 года является президентом Открытого университета цивилизаций и автором многих учебников и монографий. Он активно участвует в подготовке и проведении научных цивилизационных форумов и конференций, в том числе в Бейруте, Бахрейне, Рио-де-Жанейро и Париже. Активно сотрудничает в ООН и ЮНЕСКО. Его жизнедеятельность является активным примером цивилизаций культур и религий.

Заслуги С. Фараха отмечены государственными наградами:

**1. За вклад в развитие российско-арабского цивилизационного взаимодействия:**

Орден Дружбы от Президента России (2011).

Лауреат премии “Человек года – 2011” в России за развитие теории диалога цивилизаций (2011).

Золотая медаль “Дружба народов” (2004).

Серебряная медаль за укрепление российско-ливанской дружбы от МИД РФ (2005).

**2. За развитие диалога цивилизаций и культур:**

Трижды номинировался на Нобелевскую премию мира (2018, 2019, 2020).

Лауреат премии Примакова за книгу “Российская цивилизация: энергия пространства и человека”.

Золотая медаль Питирима Сорокина – Николая Кондратьева (2009).

Почётный щит ЮНЕСКО (2012).

Медаль юбилейная Российской академии естественных наук (2016).

**3. За вклад в христианско-мусульманский диалог:**

Золотая медаль имени митрополита Макария от Патриарха Московского и всея Руси Алексия II (2004).

Орден Почёта I степени (Альфахар) от Верховного муфтия России шейха Равиля Гайнутдина (2015).

Золотая медаль князя Острожского (Польша, 2016).

#### 4. Новые горизонты, программы и проекты:

4.1. Сообщество героических энтузиастов на базе Международного института Питирима Сорокина – Николая Кондратьева и Отделения исследования циклов и прогнозирования РАЕН, включая Фараха С. Н., накопило огромное интеллектуальное богатство по прошлому и будущему мира цивилизаций и культур, перспектив становления космической цивилизации и устойчивого многополярного мироустройства. Однако пока это богатство мало доступно для представителей лидеров поколения 2020-х годов. Необходимы энергичные меры по обоснованию новых горизонтов динамики и взаимодействия мира цивилизаций на основе диалога и партнёрства трёх поколений.

4.2. В ближайшие годы открываются новые горизонты для реализации накопленного интеллектуального богатства на основе системы программ и проектов.

Реализация намеченной программы требует организации перспективного сотрудничества лидеров трёх поколений – 60-х, 90-х и 2020-х годов, более широкого привлечения молодёжи к работе МИСК и ЯЦК. Поэтому внимание сообщества героических энтузиастов и партнёров по реализации новых горизонтов нуждается в активизации деятельности партнёров».

**Мартик Юрикович Гаспарян**, академик, культуролог, источниковед, историк, политолог, доктор экономических наук, профессор:

«Отрадно, что онлайн из Парижа присутствую на Вашем юбилейном Круглом столе и могу пообщаться с Вами!

Значительный вклад в изучение вопросов научных исследований и разработки в области диалога цивилизаций, культур и религий **совместно** со всеми нами, многоуважаемым Ю. В. Яковцом / доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН и МАГИ Ю. В. Яковец<sup>1</sup>, который возглавляет Ялтинский цивилизационный клуб «Автономная некоммерческая организация «Международный институт Сорокина и Николая Кондратьева» (АНО МИСК)», имеющий консультативный статус при ЭКОСОС ООН (МИД РФ) и являющийся базовым институтом Отделения исследования циклов и прогнозирования РАЕН, Отделения цивилизационных исследований Международной академии глобальных исследований (на базе МГУ им. М. В. Ломоносова) / **внёс** профессор Сухеил Фарах.

В работах уважаемого профессора С. Фараха **также** рассматривается роль диалога и партнёрства цивилизаций в социокультурной сфере, включая науку, образование, культуру и этику.

Профессор С. Фарах **акцентирует внимание** на необходимости преодоления современного социокультурного кризиса и поиска путей развития на основе сотрудничества и взаимопонимания.

**Совместная работа профессора С. Фараха с Ю. В. Яковцом** «Мир цивилизаций: есть ли будущее?», «Диалог и партнёрство цивилизаций», которые стали настольными книгами экспертов.

**А авторская работа** профессора С. Фараха «*Российская цивилизация: энергия человека и пространства*»... **как зеница ока** для специалистов цивилизационных исследований.

Для меня также было немаловажно донести до Вас идеи и предложения, которые подготовлены группой учёных, экспертов и профессионалов мирового уровня и постепенно реализуются вот уже порядка последних двадцати лет:

- история супердержав современного мира цивилизации;
- передача статуса супердержавы и переход от США к КНР;
- разделение Европы со временем на северную, южную и восточную – наподобие Австро-Пруссии.

Сегодня в Европейских университетах изучают теорию экономических циклов и кризисов цивилизации профессора СПб Университета, МГУ и Университета Сорбонны Мектора Абрамовича Буниатиана «**Кризисы: Опыт морфологии и теории период. экон. кризисов и теории конъюнктуры**».

Возглавляемая попавшей в сферу деятельности академика **Никиты Николаевича Моисеева** проблема математического моделирования процессов, протекающих в биосфере (в том числе процессы взаимоотношения природы и общества), комиссия всемирно известных учёных и экспертов после 40-летнего всестороннего анализа наметила 12 угроз и вызовов современного мира цивилизации:

- а) экологические проблемы;
- б) культурицид – стирание памяти.

<sup>1</sup> yaltapeace.ru.

“Уничтожение культурного наследия любой нации должно быть рассмотрено как акт вандализма, направленный против культуры всего мира”<sup>1</sup>.

В 1946 году на Нюрнбергском процессе участвуют Р. Лемкин, а академик О. А. Орбели выступает свидетелем против главных немецких военных преступников о разрушениях в Ленинграде, об ущербе культурного наследия. Свидетельства произвели большое впечатление.

Константин Симонов, вернувшись из Вьетнама, сказал, что “Чужого горя не бывает, / Кто это подтвердить боится, / Наверно, или убивает, / Или готовится в убийцы...”»

**Фуад Мамедов**, культуролог, доктор исторических наук, профессор Академии государственного управления при Президенте Азербайджанской Республики, иностранный член РАЕН, президент Ассоциации культуры Азербайджана «Симург», почётный президент Института культуры мира (ЮНЕСКО):

«Сухейль Фарах высоко оценил избранный мною жизненный императив “Культура спасёт мир, если мир защитит культуру!”. Через некоторое время он предложил мне написать совместную монографию под таким названием, что мы и сделали. Профессор организовал публикацию монографии в Москве и в Дамаске. В декабре 2023 года он был почётным гостем седьмого съезда Азербайджана “Симург”, на котором за вклад в развитие духовной культуры и борьбу за утверждение культуры мира во всем мире был награждён международной медалью “Симург”.

Профессор Сухейль Фарах – известный учёный-философ, посвятивший свою жизнь развитию таких флагманов духовной культуры, как наука, образование и просвещение. И это совершенно правильный вызов, особенно в наши дни, охваченные глубоким цивилизационным кризисом.

Думаю, что спасение мировой цивилизации от деструктивных процессов – в высокой духовной культуре – интеллектуальной и нравственной, которые должны, как два крыла божественной птицы Симург (Феникс), развиваться в гармонии между собой и служить развитию и гуманитарной безопасности человечества.

Благородная деятельность, нацеленная на диалог культур и цивилизаций, которой посвятил свою творческую жизнь профессор Сухейль Фарах, требует правильного понимания сущности духовной культуры как целостной социальной системы и “производства” высококультурных граждан во всём мире, в том числе в рамках программ ЮНЕСКО.

Исходя из этого, предлагаю всем участникам этой исторической встречи объединить усилия для содействия формированию и развитию во всём мире человека высокой культуры, являющегося стратегическим возобновляемым ресурсом устойчивого, конкурентоспособного и безопасного развития каждого народа и государства. Это позволит правильно развивать культуру каждого народа, его традиционные и инновационные компоненты, формировать системное культурологическое мышление граждан, открывающее новые возможности для прогрессивного развития общества и ответов на вызовы времени. Необходимо формировать во всём мире правильное понимание феномена культуры как “второй, искусственной природы”, способствовать введению обязательного культурологического образования и просвещения детей и молодёжи, распространению универсальных культурологических знаний в различных странах мира.

Это путь к продуктивному диалогу культур, взаимопониманию, формированию культурной идентичности, солидарности, сотрудничеству и сохранению культуры мира во всём мире как факторов формирования новой, гуманистической цивилизации. Только высокая культура может спасти мир, если мир защитит культуру!»

**Виктор Викторович Иванов**, кандидат экономических наук, профессор ХТУ, НИУ-ВШЭ, учёный секретарь РМА, руководитель «Совета по сохранению и развитию культурных ценностей в литературе» МГО СПР, вице-президент Международной академии русской словесности:

«День сегодня – добрый. Стол – круглый. А за столом собрались замечательные люди, чтобы отметить, без преувеличения, выдающийся вклад в изучение русской и мировой цивилизации удивительного человека.

Мало найдётся людей, которые с такой любовью и уважением на протяжении многих лет погружались и открывали миру Русскую цивилизацию, а через неё и глубинные бриллианты нашей общей цивилизации.

<sup>1</sup> Рафаель Лемкин.

Особый секрет в том, что делает это он не только разумом и сердцем, а ещё и как дитя, и плоть от плоти древнейшего перекрёстка цивилизаций и самых первых человеческих обществ, впитав их колоссальный опыт и глубину буквально на гениальном уровне восприятия и представления.

Удивительно его тонкое переплетение восприятия событий и фактов с опытом чувственного и религиозного приобщения к корневым токам Русской цивилизации.

Поэтому его выводы так удивительно точны и созвучны движению самой русской цивилизации, которая сегодня, несмотря на все сложности, преодолевая тяжёлые времена, стремится к новым высотам.

Поэтому с ним работают, в том числе в качестве соавторов, лучшие специалисты по российской и мировой цивилизациям. Поэтому его работы так насыщены особой поэтикой духа. Его книги и тёплые слова, которые мы сегодня слышим в его адрес, лучшее тому свидетельство!

Дорогой Сухейль, позвольте от всей души поздравить Вас с юбилеем и поблагодарить за Ваше многолетнее служение, исследования и представление миру Русской цивилизации.

В прошлом году в России отмечалось 300-летие начала работы Российской академии наук, внёсшей огромный вклад в становление Российской цивилизации, а первым и занимавшим самое продолжительное время президентом РАН (55 лет) был Кирилл Разумовский. Именно в его период были заложены основы классической науки, литературы и управления государством.

Поэтому его потомки под руководством Андрея Олеговича Ларина, в рамках фонда «Разумовский», литературный клуб им. братьев Жемчужниковых (тоже являющихся потомками графа Разумовского), а также Институт общественного развития учредили медаль «300 лет со дня основания РАН. Кирилл Разумовский. 1728–1803».

Этой медалью ныне награждаются выдающиеся учёные, писатели и общественные деятели, внёсшие особый вклад в развитие Русской цивилизации. Среди них руководители крупнейших российских академий, писательских союзов, крупных литературных и общественных журналов, выдающиеся писатели и учёные как России, так и дружественных стран.

Позвольте сегодня вручить эту медаль Вам за Ваш научный и человеческий подвиг и высочайший уровень результатов! И пожелать от всей души новых высоких свершений, развития и благополучия нашим великим цивилизациям. И чтобы мир и спокойствие спустились и не покидали больше земли Ливана и России.

Дорогой Сухейль, с Вашего разрешения позвольте также от всей души поблагодарить Вашу замечательную ведущую, большого друга, писателя и человека, очаровательную женщину – Лидию Владимировну Довыденко.

Для Русских Берегов ее позиция, удивительная работа, творчество и её замечательный журнал «Берега» является подлинным Маяком Смыслов Большого Русского Мира, который бесстрашно и бескомпромиссно освещает дорогу в бушующем мировом социуме. И также вручить ей за эту позицию и усилия медаль «300 лет со дня основания РАН. Кирилл Разумовский. 1728–1803».

Дорогой Сухейль, дорогая Лидия Владимировна, пока Вы освещаете СВОим Маяком и СВОими силами Русские Берега, мы спокойны за сохранение их глубинных смыслов и внутренней целостности».

\* \* \*

На круглом столе также выступили: общественный деятель Ирина Викторовна Соколова; и.о. вице-президента РАО, главный учёный секретарь президиума РАО, академик РАО, доктор философских наук, профессор Светлана Вениаминовна Иванова; Дамир Хазрат Мухитдинов – первый заместитель председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации (ДУМ РФ); председатель Ливано-Российского общества дружбы Рияд Нажем; президент международного движения «Карта мира» Егор Александрович Дергачёв; директор Издательского дома Академии имени Жуковского Игорь Агибалов, а также другие почётные гости, коллеги и друзья Сухейля Фараха.

\* \* \*

Благодарю уважаемого Сухейля Фараха за доверие и честь быть модератором Круглого стола. Он один из выдающихся авторов литературно-философского журнала «Берега» и начал публиковаться с великолепными статьями, посвящёнными А. С. Пушкину, Ф. М. Достоевскому, Чингизу



Айтматову, другим деятелям культуры. Я стала автором и составителем первой книги о Сухейле Фарахе «На перекрёстке культур и цивилизаций. Научная и общественная деятельность Сухейля Фараха» (Москва, 2025).

Юбилейную встречу украсили музыкальные произведения: две песни на слова **Владимира Карагодина**, поэта, прозаика и публициста, культуролога, к.п.н., музыка и исполнение – студия Александра Михайлова, **Я. Ю. Бурых** – профессиональный артист, депутат Совета депутатов муниципального округа Бирюлёво Западное города Москвы – исполнил песню «Матушка-Россия», **Любовь Сергеевна Гордина** – доктор философии, кандидат технических наук, автор Ноосферной этико-экологической Конституции человечества, лауреат международных вокальных конкурсов и фестивалей – порадовала классикой, исполнила произведения Шумана и «Аве Мария».

Круглый стол прошёл в тёплой, дружеской атмосфере благодарности и признательности юбиляра, ведь становление сотрудничества и укрепление дружбы народов мира посредством объединения культур, взаимодействия гражданского общества, укрепления цивилизационных ценностей за счёт поддержания созидающих традиций – миссия Сухейля Фараха.

Благодарим руководство и коллектив Московского Дома национальностей за тёплый приём и помощь в подготовке мероприятия.



# Берега юбилеев

## Григорий Блехман

*Григорий Блехман – поэт, прозаик, публицист, литературовед. Мастер спорта СССР по хоккею с шайбой. Доктор биологических наук, профессор. Много лет был научным и литературным редактором журнала «Физиология и биохимия». Стихи, художественная проза, эссе и публицистика опубликованы в отечественных и зарубежных журналах и альманахах. На десять стихотворений композитором Раисой Агаджанян написаны романсы. Некоторые произведения переведены на персидский, литовский, армянский, болгарский, немецкий и английский языки. Автор 15 сборников стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательствах «Российский писатель» и «Вече». Член редколлегии журналов «Берега» и «Литературная Феодосия». Секретарь Правления Союза писателей России, лауреат двух Международных и многих Всероссийских литературных премий: им. Н. Гумилёва, им. А. Блока, им. А. Твардовского, им. М. Ю. Лермонтова, им. И. А. Бунина, «Слово-2017», им М. А. Шолохова.*



### «КРИКНУ Я... НО РАЗВЕ КТО ПОМОЖЕТ...»

*К 140-летию Николая Гумилёва*

#### ЧАСТЬ 1

...И Господь воздаст мне полной мерой  
За недолгий мой и горький век...

*Н. Гумилёв*

Когда мне было от роду лет пять или шесть – в школу ещё не ходил, но читать уже умел, – в один из вечеров услышал, как папа читал взрослым гостям в другой комнате стихотворение о скрипке. Надо сказать, что папа обладал абсолютным слухом и, по мнению специалистов, замечательно играл на этом инструменте. Поскольку от его слуха мне, видимо, тоже что-то досталось по наследству, родители очень хотели и меня видеть со скрипкой. Поэтому купили мне для начала детскую. Которую я довольно скоро и благополучно разобрал так, что собрать её уже не удалось. Сделал же это из-за того, что меня в ту пору влекла гармонь.

Все эти перипетии, очевидно, и послужили тому, что я невольно прислушался к стихотворению. Тем более речь в нём шла не только о скрипке, но и о мальчике, который, в отличие от меня, очень хотел на ней играть. А кто-то из взрослых – так я это понимал – отговаривал его от этой затеи.

Поскольку память в детстве очень цепкая, я даже запомнил начальные строчки этого стихотворения:

Милый мальчик, ты так весел, так светла твоя улыбка,  
Не проси об этом счастье, отравляющем миры,  
Ты не знаешь, ты не знаешь, что такое эта скрипка,  
Что такое тёмный ужас начинателя игры!

Конечно, я не понимал, о каком ужасе идёт речь, потому что мне нравилось, как играет папа. Просто сам хотел играть на другом инструменте. Поэтому, услышав последние строчки, которые тоже автоматически вошли в детскую память:

...На, владей волшебной скрипкой, посмотри в глаза чудовищ  
И погибни славной смертью, страшной смертью скрипача!

был очень озадачен – ни с «чудовищами», ни со «страшной смертью» скрипка у меня никак не ассоциировалась. Поэтому, когда папа зашёл ко мне в детскую, я стал задавать ему вопросы. И первый из них: «Кто это написал?» Фамилию того поэта я тогда услышал впервые, и она показалась мне очень музыкальной. Может, потому, что стихотворение было связано с музыкальным инструментом и его «царственными звуками», на дорогах которых почему-то «бродят бешеные волки». А может, потому, что и сама фамилия действительно сразу зазвучала музыкально, хотя из набора нот, который я уже знал, в её состав входила лишь одна. И расположилась она в середине фамилии. Однако и то, что было не из состава семи нот, звучало не менее музыкально.

Так я узнал, что есть такой поэт ГУМИЛЁВ. Точнее – был. И не просто поэт, но и воин. Думаю, папа намеренно сделал тогда это добавление и даже на нём акцент, потому что затем последовала его просьба, чтобы я никому об этом человеке и его стихах не рассказывал. Пусть пока это будет военной тайной.

Военная тайна для ребёнка, чьи родители прошли войну и много о ней рассказывали, было понятием святым. Да и какому мальчишке не хочется быть причастным к военной тайне. Тем более с папой, боевыми орденами которого я так гордился.

Много позже я узнаю, почему так долго замалчивалось имя этого замечательного поэта и огромной внутренней красоты человека, жившего на высокой нравственной ноте.

Оказалось, что у папы есть две книжечки этого поэта-воина с очень красивыми названиями: «Романтические цветы» и «Жемчуга».

Уже студентом от своей ленинградской тётушки, которая была знакома с поэтом и которой он дарил свои сборнички с трогательной надписью «Милой Аннушке...», я узнаю, что он был освобождён от воинской обязанности из-за болезни глаз. Но когда началась война, стал активно хлопотать о зачислении в добровольцы. И ему удалось получить разрешение стрелять с левого плеча. Так он стал «охотником» – как называли тогда добровольцев, – получив право выбора рода войск. Предпочёл кавалерию. Был назначен в кавалерийский полк. И когда проходил учебный курс военной службы, активно (за отдельную плату) обучался владеть шашкой. Тётушка покажет мне книжечку под названием «Записки кавалериста» – подробнейший дневник военных действий, который вёл поэт, назначенный в маршевый эскадрон лейб-гвардии уланского Её Величества полка и направленный сразу на передовую, к границе с Восточной Пруссией. Об этом у него есть такие строчки:

Та страна, что могла быть раем,  
Стала логовищем огня.  
Мы четвёртый день наступаем,  
Мы не ели четыре дня...

Позже в книге «Николай Гумилёв. Жизнь поэта по материалам домашнего архива семьи Лукницких», которую в 1990-м выпустит «Лениздат», а подготовит к выпуску Вера Константиновна Лукницкая – вдова первого биографа поэта Павла Николаевича Лукницкого, прочту: «13 января 1915 г. приказом по гвардейскому кавалерийскому корпусу от 24 декабря 1914 г. за № 30 Гумилёв награждён Георгиевским крестом 4 ст. № 134060. 15 января произведён в унтер-офицеры».

И в этой же книге прочту стихотворение под названием «Война», которое уже до этого знал из сборника «Колчан», переписанного у тётушки в один из приездов в Ленинград:

Как собака на цепи тяжёлой,  
Тявкает за лесом пулемёт,  
И жужжат шрапнели, словно пчёлы,  
Собирая ярко-красный мёд.

А «ура» вдали – как будто пенье  
Трудный день окончивших жнецов.  
Скажешь: это мирное селенье  
В самый благодный из вечеров.

И воистину светло и свято  
Дело величавое войны.  
Серафимы, ясны и крылаты,  
За плечами воинов видны.

Тружеников, медленно идущих  
На полях, омоченных в крови,  
Подвиг сеющих и славу жнущих,  
Ныне, Господи, благослови.

Как у тех, что гнутся над сохою,  
Как у тех, что молят и скорбят,  
Их сердца горят перед Тобою,  
Восковыми свечками горят.

Но тому, о Господи, и силы,  
И победы царский час даруй,  
Кто поверженному скажет: Милый,  
Вот прими мой братский поцелуй!

Наверное, вот это «светло и свято» стало для меня ещё с детства главным представлением о том, как поэт-воин относился к жизни в любых её проявлениях:

Кто поверженному скажет: Милый,  
Вот прими мой братский поцелуй!

Именно так к тому времени я уже чувствовал Гумилёва.

В этой же книге прочту строчки одного из дневников Павла Лукницкого – воспоминание К. И. Чуковского: «Как-то он (Гумилёв. – Г. Б.) позвал меня к себе. Добрёл я до него благополучно, но у самых дверей упал: меня внезапно сморил голод. Очнулся я в великолепной постели, куда, как потом оказалось, приволок меня Николай Степанович, вышедший встретить меня у лестницы чёрного хода – парадные были везде заколочены.

Едва я пришёл в себя, он с обычным своим импозантным и торжественным видом внёс в спальню старинное, расписанное матовым золотом, лазурное блюдо, достойное красоваться в музее. На блюде был тончайший, почти сквозной, как папиросная бумага, – не ломтик, а скорее лепесток серо-бурого, глиноподобного хлеба, величайшая драгоценность той зимы.

Торжественность, с которой еда была подана, показалась мне в ту минуту совершенно естественной. Здесь не было ни позы, ни рисовки. Было ясно, что тяготение к пышности свойственно не только поэзии и что внешняя сторона бытовых отношений для него важнейший ритуал.

Братски разделив со мной свою убогую трапезу, он столь же братски торжественно достал из секретера оттиск своей трагедии “Гондла” и стал читать её вслух при свете затейливо-прекрасной и тоже старинной лампы.

Но лампа потухла. Наступила тьма, и тут я стал свидетелем чуда: поэт и во тьме не перестал ни на миг читать свою трагедию, не только стихотворный текст, но и все её прозаические ремарки, стоявшие в скобках, и тогда я уже не впервые увидел, какая у него необыкновенная память».

Когда я это читал, уже ничуть не удивлялся той необыкновенности положения, в котором побывал в тот вечер Корней Иванович, потому что именно необыкновенность среди обыкновенного и, конечно же, благородство уже прочно связывало меня с именем «ГУМИЛЁВ».

Эта необыкновенность касалась даже его здоровья. Я был очень удивлён, когда узнал, что будущий храбрый воин в детстве был довольно болезненным: «...рос маленьким, худеньким и до десятилетнего возраста был очень слаб здоровьем. Страдал сильными головными болями. После прогулок, особенно городских, он чувствовал себя совершенно больным. Лишь в Тифлисе в пятнадцатилетнем возрасте головные боли прекратились... Он терпеливо переносил все неприятности, связанные с его слабым здоровьем, был тихим, редко плакал...» – прочту я у Павла Лукницкого. А дальше у него же: «С детских лет Гумилёв был болезненно самолюбив: “Я мучился и злился, когда брат перегонял меня в беге или лучше меня лазил по деревьям (речь идёт о старшем брате Дмитрии, у которого в какой-то

момент обнаружился туберкулёз, и родители решили для укрепления здоровья перевезти мальчиков на Кавказ – в Тифлис. Переезд был в 1900 году. Для этого продали загородную усадьбу в деревне Поповка, что близ Петербурга, продали мебель и оставили лишь квартиру (в Петербурге. – Г. Б.). Я хотел всё делать лучше других. Всегда быть первым. Во всём. Мне это при моей слабости было нелегко. И всё-таки я ухитрялся забираться на самую верхушку ели, на что ни брат, ни дворовые мальчишки не решались. Я был очень смелый. Смелость заменяла мне силу и ловкость...»

А вот дальше, наверное, в пору моего детства я бы удивился, узнав, как он учился: «...учился я скверно. Почему-то не помещал своего самолюбия в ученье. Я даже удивляюсь, как мне удалось кончить гимназию. Я ничего не смыслю в математике, да и писать грамотно не научился. И горжусь этим. Своими недостатками следует гордиться. Это их превращает в достоинства...»

И ещё очень важные слова, которые определяют его поведение на всю оставшуюся жизнь: «...человеку необходимо быть храбрым, он должен идти вперёд и оправдать себя как человека. Он настолько лишь человек, насколько побеждает свой страх...»

\* \* \*

В 1967 году, будучи студентом, попаду в Ленинград на научную конференцию и у своей ленинградской тётушки, о которой уже шла речь, обнаружу «клад» из тех самых сборничков, что ей дарил поэт. И стану переписывать их ночами. Эти записи будут во многом здесь представлены.

Потом узнаю, что уже в детстве с какого-то момента он увлёкся сочинительством, которое влекло его всё больше и больше. Довольно скоро у него была уже целая тетрадка собственных стихов. А его первая публикация приходится на шестнадцатилетний возраст и начинается стихотворением со словами «Я в лес бежал из городов...» – темой, которая будет звучать у него на протяжении всех последующих лет. Первый сборник стихов под названием «Путь конквистадоров» выйдет, когда юноше будет всего девятнадцать.

Дальше я узнаю, что, предъявляя к себе самые высокие требования, назовёт он эту книжку лишь как «ученические опыты». Но из этих «опытов» вышло, например, такое:

На русалке горит ожерелье  
И рубины греховно-красны,  
Это странно печальные сны  
Мирового больного похмелья.  
На русалке горит ожерелье  
И рубины греховно-красны.

У русалки мерцающий взгляд,  
Умирающий взгляд полуночи,  
Он блестит то длинней, то короче,  
Когда ветры морские кричат.  
У русалки чарующий взгляд,  
У русалки печальные очи.

Я люблю её, деву-ундину,  
Озарённую тайной ночной,  
Я люблю её взгляд заревой  
И горящие негой рубины...  
Потому что я сам из пучины,  
Из бездонной пучины морской.

И если допустить, что для зрелого Гумилёва это не уровень, то много ли юношей-«учеников» пишут о «мировом больном похмелье». Многим ли приходят такие «странно печальные сны». И у многих ли даже зрелых поэтов случается такая чеканность слога, а в крике морских ветров способна так отчётливо звучать мелодия романтической любви: к той таинственной, на которой «горит ожерелье и рубины греховно-красны». В этих восемнадцати строчках ведь целая поэма, где одновременно и судьба, и загадка...

Вот такое начало, которое одобрительно отметит сам Валерий Брюсов, чья строгость к поэтическому стилю общеизвестна, и угодить ему в этом очень непросто. Но о сборнике Гумилёва он скажет:

«...в книге есть несколько прекрасных стихов, действительно удачных образов. Предположим, что она только “путь” нового конквистадора, и что его победы и завоевания – впереди».

И всё же Гумилёв ни разу не переиздаст этот сборник и начнёт свой поэтический «счёт для всех» книгой «Романтические цветы», которую издадут в Париже тремя годами позже.

И если тут всё достаточно просто – свою одарённость поэт, конечно же, чувствует, поэтому и требования к себе – по самой высшей мерке, то с самим собой в этот период – отрочества и юности – ему сложнее. Из тех же дневников Павла Лукницкого – первого биографа Гумилёва – слова самого поэта звучат так: «Я всегда был снобом и эстетом. В четырнадцать лет я прочёл “Портрет Дориана Грея” и вообразил себя лордом Генри. Я стал придавать огромное внимание внешности и считал себя некрасивым. Я мучился этим. Я действительно, наверное, был некрасив – слишком худ и неуклюж. Черты моего лица ещё не одухотворились – ведь они с годами приобретают выразительность и гармонию. К тому же, как часто у мальчишек, красный цвет лица и прыщи. И губы очень бледные. Я по вечерам запираю дверь и, стоя перед зеркалом, гипнотизировал себя, чтобы стать красавцем. Я твёрдо верил, что силой воли могу переделать свою внешность. Мне казалось, что с каждым днём я становлюсь немного красивее...» Вспомним чуть раньше: «...Своими недостатками следует гордиться. Это их превращает в достоинства». Дифференцирует всё же он своё отношение к собственным «недостаткам». И серьёзно работает над их устранением. Одна из подруг детства Ахматовой Валерия Сергеевна Срезневская, которая их и познакомила, вспоминает: «...Он не был красив – в этот ранний период (1903 г.) он был настолько деревянным, высокомерным с виду и очень неуверенным в себе внутри. Он много читал, любил французских символистов, хотя не очень свободно владел французским языком... Роста высокого, худощав, с очень красивыми руками, несколько удлинённым бледным лицом, я бы сказала, не очень заметной внешности, но не лишённой элегантности...»

Позже, возмужав и пройдя суровую кавалерийскую школу, он сделался лихим наездником, обучавшим молодых солдат, храбрым офицером... подтянулся и, благодаря своей превосходной длинноногой фигуре и широким плечам, был очень приятен и даже интересен, особенно в мундире. А улыбка и несколько насмешливый, но милый и не дерзкий взгляд больших, пристальных, чуть косящих глаз, нравились многим и многим. Говорил он чуть нараспев, нетвёрдо выговаривая “р” и “л”, что придавало его говору совсем не уродливое своеобразие, отнюдь не похожее на косноязычие. Мне нравилось, как он читает стихи...»

По воспоминаниям Срезневской, весной 1904 года он в первый раз объяснился Ахматовой – тогда ещё гимназистке Анне Горенко – в любви, но успеха не имел: «...Ане он не нравился – вероятно, в этом возрасте (15 лет) девушкам нравятся разочарованные молодые люди, старше двадцати пяти лет, познавшие уже много запретных плодов и пресытившиеся их пряным вкусом. Но уже тогда Коля не любил отступать перед неудачами...»

И чуть позже в том – никогда не переизданном сборнике, подаренном не ей, а её брату Андрею, об этом горьком для него моменте он скажет:

...Зачем в ней столько тихих чар?  
Зачем в очах огонь пожара?  
Она для нас большой кошмар,  
Иль правда, горестней кошмара...

\* \* \*

В двадцать лет оканчивает гимназию и пишет Брюсову из Царского Села: «3-го апреля мне исполнилось двадцать лет и через две недели получаю аттестат зрелости. Отец мой – отставной моряк (морской врач) и в материальном отношении вполне обеспечен. Пишу я с двенадцати лет, но имею очень мало литературных знакомств, так что многие вещи остаются нечитанными за недостатком слушателей.

Летом я собираюсь ехать за границу и пробыть там пять лет. Но так как мне хочется повидаться с Вами, то я думаю недели через три поехать в Москву, где, может быть, Вы не откажете уделить мне несколько часов».

А в июле он уже в Париже. Поступает в Сорбонну. Регулярно получает от матери 100 рублей в месяц и, хотя укладываться в скромный бюджет трудно, иногда сам посылает ей немного денег и часто пишет. «Гумилёв был нежным и любящим сыном, любимцем своей умной и властной матери», – вспоминает Срезневская. О матери в дневниках Лукницкого – так: «...Мать Гумилёва ценила только один метод воспитания – доброту, а в образовании главным и необходимым считала – развивать вкус. Она утверждала, что сущность человеческой природы определяется и выражается нашими вкусами. Развивать вкус в ребёнке – то же, что формировать его характер...» Не правда ли – такое воспитание чувствуется...

Он бродил по Парижу и никак не мог насытиться им. Он так ждал этих дней и ночей, потому что твёрдо верил: «...у артиста, у художника в Европе есть общее отечество – Париж». Там продолжает воспитывать в себе – быть выше случайностей и неожиданностей. Перечитывает Пушкина, Карамзина, Ницше. Основательно осваивает французскую литературу, шлифуя заодно и французский. В архиве Лукницкого сохранены книги из библиотеки Гумилёва, которые он там (в Париже) не просто перечитывал, но, судя по острому следу карандаша на их страницах, – изучал. И по этим отметкам можно в какой-то мере представить, о чём он тогда думал, что тревожило или помогало его душе и какие противоположные чувства соединялись в мыслях той поры:

«Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью...

...Из всего написанного люблю я только то, что пишется своей кровью. Пиши кровью: и ты узнаешь, что кровь есть дух...

...Двух вещей хочет настоящий мужчина: опасности и игры. Поэтому хочет он женщины, как самой опасной игрушки?..

...Ровность и терпение. Презрение опасностей. Надёжность победить. Опытность научает человека благоразумию...»

Вот так, смущающий душу, мятежный и страстный Ницше и ясный, спокойный и, на фоне немецкого философа кажущийся простым, Карамзин одинаково нужны ему уже в ту пору. Может быть, чтобы понять себя. Как-то успокоить и примирить «в душе бунтующие страсти». Потому что, как вывод – «...Только тишина и спокойствие души помогают ей раскрыться. Только стройность и ясность мыслей помогает мастерству...» Может быть, отсюда и возникло:

Сады моей души всегда узорны,  
В них ветры так свежи и тиховейны,  
В них золотой песок и мрамор чёрный,  
Глубокие, прозрачные бассейны.

Растенья в них, как сны, необычайны,  
Как воды утром, розовеют птицы,  
И – кто поймёт намёк старинной тайны? –  
В них девушка в венке великой жрицы...

Я не смотрю на мир бегущих линий,  
Мои мечты лишь вечно покорны.  
Пусть сирокко бесится в пустыне,  
Сады моей души всегда узорны.

Но почти рядышком – и совсем иначе:

Зачем они ко мне собрались – думы,  
Как воры ночью в тихий мрак предместий?  
Как коршуны, зловещи и угрюмы,  
Зачем жестокой требовали мести?

Ушла надежда, и мечты бежали,  
Глаза мои открылись от волненья,  
И я читал на прозрачной скрижали  
Свои слова, дела и помышленья...

За всё теперь настало время мести.  
 Обманный, нежный храм слепцы разрушат,  
 И думы, вору в тишине предместий,  
 Как нищего во тьме меня задушат.

Вот вам и «сады моей души всегда узорны».

Здесь же (в Париже) он увлекается оккультизмом, что, наверное, естественно, потому что это философское учение признаёт в человеке и космосе главенствующим скрытые силы, доступные лишь «посвящённым» – прошедшим специальную психологическую тренировку (а мы уже знаем, как он тренировал себя и свой дух). К тому же учение о всеобщих скрытых связях явлений в человеке и о человеке как микрокосмосе для того, в ком бурлят такие страсти и противоречия и в то же время такое стремление к гармонии, это клад. Поэтому и так серьёзно постигает всю глубину накопленных к тому времени размышлений и знаний о «скрытых связях».

Ну и, конечно же, музеи, выставки, русский клуб художников, книги русских и французских писателей, старинные французские хроники и рыцарские романы. А ещё выписывает из России журнал «Весы» и некоторые книги и переписывается с родителями, Анной Горенко и Брюсовым. Последнему, например, пишет: «...Прежде всего, спешу ответить на Ваш вопрос о влиянии Парижа на мой внутренний мир. Я только после Вашего письма задумался об этом и пришёл вот к каким серьёзным выводам: он дал мне осознание глубины и серьёзности самых мелких вещей, самых коротких настроений. Когда я уезжал из России, я думал заняться оккультизмом. Теперь я вижу, что оригинально задуманный галстук или удачно написанное стихотворение может дать душе тот же рецепт, как и вызывание мертвецов, о котором так красноречиво трактует Элифас Леви...»

А вот огорчения и трудности в тот период связаны в основном с тем, что не хватает денег (ищет источник для заработка) и нет солидных литературных знакомств – хочется поделиться написанным, обсудить, послушать. Послал письмо Бальмонту. Ответа не получил. Мережковский и Гиппиус приняли его, но «обошлись откровенно издевательски»...

Однако постепенно многое налаживается. Одиночество отходит – появляются знакомства, дружба, увлечения. И своеобразная «месть», о чём в письме Брюсову так: «...Не могу вам не признаться в недавней мальчишеской шутке. Я познакомился с одной барышней, m-lle Богдановой, которая бывает у Бальмонтов и Мережковских, и однажды в Café d'Harcourt она придумала отнести моё стихотворение “Андрогин” для отзыва З. Н. Гиппиус, не говоря ни моего имени, ни моих литературных заслуг. Стихотворение понравилось, было возвращено с надписью “очень хорошо”, и даже Мережковский отнёсся к нему благосклонно. M-lle Богданову расспрашивали об авторе и просили его привести, но, конечно, ей не удастся это сделать. Так что... для З. Н. (Гиппиус) останется загадкой “застенчивый талант-метеор...”»

Загадка со временем перестала быть таковой, но «месть» продолжилась и через несколько лет, когда о Гумилёве заговорили всерьёз. Из дневника П. Лукницкого: «На собрании на Бассейной улице, где З. Гиппиус оказалась рядом с Николаем Степановичем, она очень кокетливо и игриво просила у него непрестанно огня. Николай Степанович зажигал спичку, но не показал вида, что знает Гиппиус...»

Ну а в Париже он организует издание русского художественного журнала под названием «Сириус», в первом номере которого почти все стихи и вся проза – это Гумилёв под разными псевдонимами. Некоторые из них держит в секрете даже от сотрудников журнала. Надежд было много. Значительно больше, чем средств. И после третьего номера выпуск пришлось прекратить. Грустно, горько, но «...всё обогащает душу, и поэтому неудач – нет, они – лишь барьер перед новой высотой. И кроме того, работа спасает – не позволяет отвлекаться на неприятности...». И, конечно же, очень помогает внимание В. Брюсова: «Многоуважаемый Валерий Яковлевич! Только вчера я получил Ваше большое и милое письмо, где Вы разбираете мои стихотворения. Тысячу раз благодарю Вас за него: благодаря ему мои горизонты начинают проясняться, и я начинаю понимать, что мне надо делать, чтобы стать поэтом. Вы, наверное, не можете представить, сколько пользы принесло оно мне. Я в последнее время сильно отвлекся от поэзии заботами о выработке прозаического стиля, занятиями по оккультизму и размышлениями о нём. Но Ваше письмо пробудило меня. Я поверил, что, если я мысленно образам, то эти образы имеют некоторую ценность, и теперь все мои логические построения начинают облекаться в одежду форм, а доказательства превращаются в размеры и рифмы. Одно меня мучает и сильно, – это моё несовершенство в технике стиха. Меня мало утешает, что мне только 21 год,

и очень обескураживает, что я не могу прочитать себе ни одно из моих стихотворений с таким же удовольствием, как напр. Ваши “Ахилл у алтаря”, “Маргерит” и др., или “Песню Офелии” Ал. Блока. Не радует меня также, что у больших поэтов есть промахи, свойственные мне. Я не сравниваю моих вещей с чужими (может быть, во вред мне), я просто мечтаю и хочу уметь писать стихи, каждая строчка которых заставляет бледнеть щёки и гореть глаза...»

И это мечты того, кто вскоре выпустит «Романтические цветы», которыми станут зачитываться все любители поэзии, знающие русский.

В том же письме – как бы вскользь: «...отвлёкся от поэзии заботами о выработке прозаического стиля...». «Отвлёкся» же он именно тогда, когда издавал «Сириус». Там впервые – и первые критические опыты поэта, и первая его проза, о которой он Брюсову так: «...у меня отсутствует чисто техническое умение писать прозаические вещи. Идей и сюжетов у меня много. С горячей любовью я обдумываю какой-нибудь из них, всё идёт стройно и красиво, но, когда подхожу к столу, чтобы записать все те чудные вещи, которые только что были в моей голове, на бумаге получаются только бессвязные отрывочные фразы, поражающие своей какофонией. И я опять спешу в библиотеки, стараясь вывести у мастеров стиля, как можно победить роковую инертность пера...»

Вообще, мне кажется, что я накануне просветления, что вот-вот рухнет стена и я пойму, а не научусь, как надо писать...»

Вот такой подход – во всём только «до самой сути». А пишушим прозу эти слова – на вес золота: и к прозе его отношение, как к стиху, где нагрузка на слово должна быть максимальна и где «проходным» словам тоже не место.

Вообще заметно, насколько письма к мэтру важны Гумилёву: он нуждается в советах, ему ещё хочется быть учеником, и всё, что говорит его кумир, – как поводырь. И Брюсов, похоже, это чувствует, поэтому не скупится на советы, и его всем известная страсть поучать, наставлять реализуется здесь как нельзя лучше: более терпеливого и благодарного ученика встретить вряд ли возможно: «...я должен горячо поблагодарить Вас за Ваши советы относительно формы стиха. Против них долго восставала моя лень, шептала мне, что неточность рифмы даёт новые утончённые намёки и сочетания мыслей. Но потом наступил перелом. Последующие мои стихи, написанные с безукоризненными рифмами, доставили мне больше наслаждения, чем вся моя предшествующая поэзия. Мало того, я начал упиваться новыми, но безукоризненными рифмами и понял, что источник их неистощим...»

И чуть позже: «Многоуважаемый Валерий Яковлевич! Очень, очень благодарю Вас за Ваши письма, особенно за первое с рассуждениями о рифмах и размерах. Оно сказало мне, что я и раньше чувствовал, но не мог применить на деле, потому что эти мысли ещё не проникли в моё сознание. Эзотерическая тайна привела меня в восторг, и я её приемлю вполне. Мой Демон нашёптывает мне ещё разные мелкие сомнения, но я отложу их до нашего свидания, тем более что, как я слышал, Вы собираетесь приехать в Париж...»

А «эзотерическая тайна» – это скрытые законы – всё, что веками собиралось и хранилось у разных народов и передавалось из поколения в поколение. Или древняя мудрость, которая указывает путь к пониманию самого себя. И если вспомним увлечение Гумилёва оккультизмом, то понятно, почему «эзотерическая тайна привела меня в восторг...».

Незаметно подходит срок службы в армии, и 22-летний молодой человек возвращается из Парижа в Россию отбывать воинскую повинность. Но в это время так и оставшаяся его любимой Анна Горенко живёт в Киеве. Поэтому первым делом – туда. А уже потом – в Царское. По дороге же заезжает в Москву на своё первое свидание с Брюсовым, о чём в дневнике мэтра – так: «15 мая. Приезжал в Москву Н. Гумилёв. Одет довольно изящно... Часто упоминает о “свете”. Сидел у меня в “Скорпионе” (издательство, которым руководит Брюсов. – Г. Б.), потом я был у него в какой-то скверной гостинице, близ вокзалов. Говорили о поэзии и оккультизме. Сведений у него мало. Видимо, он находится в своём декадентском периоде. Напомнил мне меня 1895 года».

Там (в этой «скверной» гостинице) они проговорят весь вечер. Брюсов будет поучать, а ученик благоговейно внимать. Чуть позже, в конце лета, уже из Парижа (к военной службе был признан негоден – проблемы со зрением и ещё разные «мелочи») ученик мэтру – так: «...я люблю Вас. Если бы мы писали до Р. Х. (Рождества Христова. – Г. Б.), я бы сказал Вам: “Учитель, поделись со мной мудростью, дарованной тебе богами, которую ты имеешь права (именно «а» на конце. – Г. Б.) скры-

вать от учеников”. В середине века я сказал бы: “Maitre, научи меня дивному искусству песнопения, которым ты владеешь в таком совершенстве”. Теперь я могу сказать только: “Валерий Яковлевич, не прекращайте переписки со мной, мне тяжело думать, что Вы на меня сердитесь...”» (Брюсов был занят делами издательства, а Гумилёв расценил эту паузу как недовольство мэтра им).

Но перед тем как уехать в Париж, он в Севастополе, где проводит лето Анна Горенко. А уже оттуда пароходом до Марселя. Это – первое путешествие морем, и впечатление очень сильное. Но, конечно, не менее сильное – встреча с любимой, а потом и терзания новым разрывом: «Анечка» опять отказалась стать его женой. Терзания сильные. От отчаяния не спасают ни новые знакомства, ни лёгкие увлечения. Боль унижения не отступает и не отпускает. Он мечется, не находит себе места. Отправляется в Нормандию, в Трувиль, к морю – топиться. Но, на счастье, на пустынном берегу задерживают его пронизательные блюстители порядка, поскольку его вид внушил им какие-то опасения или подозрения – он напоминал бродягу. В конечном итоге – вернулся в Париж.

Боль постепенно отпускает: стихи, долгие одинокие прогулки и снова – стихи. Осенью пишет Брюсову: «...С моей прозой дело как-то не выходит, но зато стихи так и сыплются... огонь моей предприимчивости ещё не погас, и я собираюсь писать всё в новые и новые журналы...» Но тем не менее: «Свой сборник (“Романтические цветы”) я раздумал издавать, во-первых, потому что я недоволен своими стихами, а во-вторых, потому что их мало... Я всё хвораю, настроение духа самое мрачное... Но, честное слово, всё это время я был, по выражению Гофмана... “игралищем слепой судьбы”... В жизни бывают периоды, когда утрачивается сознание последовательности и цели, когда невозможно представить своего “завтра” и когда всё кажется странным, пожалуй, даже утомительным сном. Всё последнее время я находился как раз в таком периоде...»

\* \* \*

И в этот период случается знакомство, которое впоследствии на долгие годы разлучит двух русских поэтов – Волошина и Гумилёва – и сыграет в их судьбе не очень изящную роль. Тут, в Париже, в мастерской художника Себастьяна Гуревича он знакомится с поэтессой Елизаветой Дмитриевой. Вот её первые впечатления о Гумилёве: «...Он был совсем ещё мальчик, бледное мрачное лицо, шепелявый говор, в руках он держал небольшую змейку голубого бисера. Она меня больше всего поразила. Мы говорили о Царском Селе, Николай Степанович читал стихи. Стихи мне очень понравились. Через несколько дней мы опять все троём (с хозяином мастерской) были в ночном кафе, я первый раз в моей жизни. Маленькая цветочница продавала большие букеты пушистых гвоздик. Николай Степанович купил для меня такой букет, а уже поздно ночью мы все троём ходили вокруг люксембургского сада, и Николай Степанович говорил о Пресвятой Деве. Вот и всё. Больше я его не видела. Но запомнила, запомнил и он...»

Переписка с Брюсовым продолжается, и по рекомендации мэтра он знакомится с поэтом-символистом, теоретиком «научной поэзии» Рене Гилем: «...Со мной он был крайне приветлив и с каким-то особенным оттенком дружеской фамильярности, что сразу сделало нашу беседу непринуждённой...» Сдружится с поэтом Николаем Деникером, племянником Анненского, регулярно бывает в салоне Елизаветы Кругликовой (художница, одним из её учеников живописи был М. Волошин) и на «четвергах», которые она организует в «Русском артистическом кружке», где сблизился с Ал. Толстым и Волошиным. Приезжает к нему брат Анны Горенко – Андрей... С Анной не прекращается переписка. Его любовь не проходит, и почти все стихотворения и рассказы этого периода посвящены ей. Ей же – и сборник «Романтические цветы»...

И ещё одно яркое для него событие этих лет – в 1907 году осуществил свою давнюю мечту – побывать в Африке. Сэкономил средства из присылаемых родителями денег и отправился. Потом с восторгом рассказывал обо всём увиденном и испытанном: как ночевал в трюме парохода с пилигримами, как разделял с ними их скудную трапезу, как был арестован в Трувиле за попытку пробраться на пароход «зайцем», что увидел, узнал и почувствовал на этом экзотическом для него континенте. И хоть денег на всё задуманное не хватило, но мечта детства сбылась. То, что когда-то ребёнком и отроком, начитавшись, видел во сне, оказалось доступным. И какое потрясение от увиденного, сколько романтики... От родителей это путешествие скрывалось (отец изначально был категорически против и сказал, что ни денег, ни благословения на это – по тем временам «экстравагантное путешествие» –

не даст). И они узнают о такой поездке лишь постфактум, поскольку он заранее написал им письма, и друзья аккуратно в течение шести недель каждые десять дней отправляли их из Парижа...

\* \* \*

Но ни кружки, ни дружеские отношения, ни встречи, ни сам Париж не снимают с него тоски по любимой. И в какой-то момент он окончательно решает вернуться в Россию. 20 апреля 1908 года покинул Париж. Сначала поездом приехал к Анне в Севастополь, где снова делает ей предложение и опять – отказ, после чего – в Царское. Но по пути заезжает в Москву, где дарит Брюсову «Романтические цветы»...

Летом подаёт прошение ректору Петербургского университета и осенью зачислен студентом юридического факультета. А через год переходит на историко-филологический. Переписка с Брюсовым продолжается, но что-то новое начинает он в себе чувствовать. Советы и суждения мэтра становятся для него всё менее безоговорочными. Пока ещё не совсем ему ясно какой, но какой-то иной путь в своём поэтическом развитии ему уже видится. Ну, что-то, может быть, такое или близкое к тому:

Рощи пальм и заросли алоэ,  
Серебристо-мадовый ручей,  
Небо, бесконечно голубое,  
Небо золотое от лучей.

И чего ещё ты хочешь, сердце?  
Разве счастье – сказка или ложь?  
Для чего ж соблазнам иноверца  
Ты себя покорно отдаёшь?

Разве снова хочешь ты отравы,  
Хочешь биться в огненном бреду,  
Разве ты не властно жить, как травы  
В этом упоительном саду?

И хотя предпоследнюю строчку мэтр посоветовал сделать чем-то вроде: «Ведь живут же, не печалясь, травы...», ученик в первый раз, видимо, воспротивился и оставил свою. Хотя и продолжает обожать своего учителя.

А ещё – продолжает манить Африка. После первой поездки он грезит о ней и ищет любую возможность туда попасть вновь. И вот опять собрал немного денег. И через Одессу, Константинополь – в Акрополь, где как-то особенно ощущаешь слова Гомера. Потом Александрия, Каир. А как замечательно искупаться в Ниле. Да и много чего другого – как в сказке... Вот только быстро кончаются деньги, и уже приходится жить впроголодь и оставить мысль о путешествии в Рим, Палестину и Малую Азию – добраться бы домой. Пришлось одолжить денег у ростовщика и тем же маршрутом, вплоть до заезда в Киев (понятно почему – сердцу не прикажешь), вернуться домой...

И вот ещё одна веха. Знакомится с писателем Сергеем Абрамовичем Ауслендером, и тот ведёт его к Вячеславу Ивановичу Иванову на знаменитую «башню» – квартиру Иванова на Таврической, 35, расположенную на верхнем (седьмом) этаже дома и выходившую в Таврический дворец и сад. Там на очередной из знаменитых «сред» и случилось то, о чём Гумилёв мечтал давно. Он был представлен Ауслендером Вяч. Иванову – знаменитому теоретику символизма. Тот просит Гумилёва читать стихи, и гость имеет успех...

Вообще эти «среды» у Вяч. Иванова многие годы были одним из самых заметных событий в культурной жизни России. По словам Н. А. Бердяева, они – «...явление русского ренессанса начала века...». В этот день недели там регулярно собирались наиболее одарённые и примечательные люди той поры – поэты, философы, учёные, художники, актёры, иногда и политики... И общительный, жаждущий знаний Гумилёв сблизится со многими её обитателями. И на «башне» ему так хорошо, что много позже, уже при власти большевиков, он скажет, что «...культурная жизнь Петербурга накануне войны была настолько высока, что просвещённая Европа казалась провинцией...».

А Брюсов ревнует. Не может принять сближения своего лучшего ученика с Вяч. Ивановым. Мэтр вообще не терпит какой-либо конкуренции, в чём бы то ни было. И это всем известно. Поэтому, к огорчению Гумилёва, уклоняется от встреч с ним под разными предложениями. И ученик пишет: «...Ещё раз прошу Вас: не признавайте меня совершеннолетним и не отказывайтесь помогать мне советами. Всякое Ваше письмо с указаниями относительно моего творчества, для меня целое событие. Вячеслав Иванович вчера сказал мне много нового и интересного, но учитель мой Вы, и мне не надо другого... Вы, наверное, уже слышали о лекциях, которые Вячеслав Иванович читает нескольким молодым поэтам, в том числе и мне. И мне кажется, что только теперь я начинаю понимать, что такое стих...»

Ну разве можно такое писать тому, кто «...сам же себя возлюбил(л) беспредельно...». И хотя дальше у ученика: «...Но с другой стороны, меня всё-таки пугает чрезмерная моя работа над формой. Может быть, она в ущерб моей мысли и чувствам. Тем более, что они упорно игнорируются всеми, кроме Вас...» – всё равно мэтр ревнует...

На той же «башне» неожиданная встреча со своей давней знакомой по Парижу, которую с той поры не видел, Елизаветой Дмитриевой. И не просто встреча: «...После “башни” поехали ужинать в “Вену”, а потом... Гумилёв поехал меня провожать, и тут же сразу мы с беспощадной ясностью поняли, что это – “встреча” и не нам ей противиться. Это была молодая звонкая страсть...» В альбоме, подаренном ей на следующий день, он напишет:

Не смущаясь и не кроясь, я смотрю в глаза людей,  
Я нашёл себе подругу из породы лебедей.

Тут ещё, может быть, следует отметить, что изначально представил их друг другу Волошин, который не знал, что они уже знакомы. И ещё слова Дмитриевой: «...Максимилиан Александрович Волошин казался тогда для меня недостижимым идеалом во всём. Ко мне он очень мил...» Этот момент мы вспомним чуть позже.

А пока влюблённая пара предполагает в конце мая уехать в Крым – в Коктебель к Волошину. И способствует этому Дмитриева: «Дорогой Макс, уже взяты билеты, и вот как всё будет: 25 мая, в понедельник, мы с Гумилёвым едем...»

Когда приехали, вначале – всё замечательно. Гумилёв «большую часть времени проводит или один (именно здесь рождаются все четыре стихотворения знаменитых вскоре «Капитанов»), или с Дмитриевой. Месяц отдыха – купания, прогулки в горы, в болгарскую деревню, где пили турецкий кофе, катание на лодках, литературные беседы: здесь же и Ал. Толстой, и поэтесса Грюнвальд, и (ненадолго) художник Богаевский...».

И ничто не предвещает дурного. И так легко и внезапно приходят такие строчки:

Только глянет сквозь утёсы  
Королевский старый форт,  
Как весёлые матросы  
Поспешат в знакомый порт.

Так, хватив в таверне сидру,  
Речь ведёт болтливый дед,  
Что сразить морскую гидру  
Может чёрный арбалет.

Темнокожие мулатки  
И гадают, и поют,  
И несётся запах сладкий  
От готовящихся блюд.

А в заплёванных тавернах  
От заката до утра  
Мечут ряд колод неверных  
Завитые шулера.

Хорошо по докам порга  
И слоняться, и лежать,  
И с солдатами из форта  
Ночью драки затевать.

Иль у знатных иностранок  
Дерзко выклянчить два су,  
Продавать им обезьянок  
С медным обручем в носу.

А потом бледнеть от злости,  
Амулет зажать в полу,  
Всё проигрывая в кости  
На затоптанном полу...

И кажется, что страдания, доставляемые отказами Анны, позади. Что наконец-то такая гармония в душе – так хорошо здесь рядом с той, кого полюбил. Во всяком случае, так хочется думать – что полюбил. И что уже не будет болеть там, где он мечтал, чтобы была Анна, а её нет. Вернее, она не хочет там быть.

Но в какой-то момент, постепенно начинает обозначаться антипатия Гумилёва к Волошину и как к поэту, и, похоже, как к человеку. Она (антипатия) сдержанная, но все заметили. Заметили и другое: «...Судьбе было угодно свести нас всех троих вместе: его, меня и М. А. (Максимилиана Александровича. – Г. Б.), потому что самая большая моя в жизни любовь, самая недостижимая, это был М. А. Если Н. С. (Николай Степанович) был для меня цветение весны, “мальчик”, мы были ровесники, но он всегда казался мне младше, то М. А. для меня был где-то вдаль, никак не могущий обратить свои взоры на меня, маленькую и молчаливую... То, что девочке казалось чудом, – свершилось. Я узнала, что М. А. любит меня, любит уже давно – к нему я рванулась вся, от него я не скрывала ничего. Он мне грустно сказал: “Выбирай сама. Но, если ты уйдёшь к Гумилёву – я буду тебя презирать”. Выбор уже был сделан, но Н. С. всё же оставался для меня какой-то благоуханной гвоздикой. Мне всё казалось: хочу обоих, зачем выбор! Я попросила Н. С. уехать, не сказав ему ничего...»

И он уехал. Молча, без объяснений. Несложно представить, что чувствовал. Но просьба женщины – закон.

А она – «а я до осени жила лучшие дни моей жизни. Здесь родилась Черубина (о чём позже). Я вернулась совсем закрытая для Н. С., мучила его, смеялась над ним, а он терпел, и всё просил меня выйти за него замуж. А я собиралась выходить замуж за М. А. Почему я так мучила Н. С.? Почему не отпускала его от себя? Это не жадность была, это была тоже любовь. Во мне есть две души, и одна из них верно любила одного, другая другого. О, зачем они пришли и ушли в одно время! Наконец, Н. С. не выдержал, любовь ко мне уже стала переходить в ненависть. В “Аполлоне” (литературно-художественный журнал) он остановил меня и сказал: “Я прошу Вас последний раз: выходите за меня замуж”, я сказала: “Нет!” Он побледнел. “Ну, тогда Вы меня узнаете”».

Теперь – о ставшей вскоре знаменитой Черубине. Имя Черубины де Габриак было выдуманно Волошиным, и он убедил благоговейшую перед ним Дмитриеву («маленькую и молчаливую») вообразить себя очень красивой, желанной, неотразимо пленительной... И вот, по воспоминанию С. Маковского (Сергей Маковский – поэт, критик, сын знаменитого русского художника Константина Маковского): «...В одно августовское утро (1909 г.) пришло письмо, подписанное буквой “Ч”, от неизвестной поэтессы, предлагавшей “Аполлону” стихи – приложено их было несколько на выбор. Стихи меня заинтересовали не столько рифмой, мало отличавшей их от того романтико-символического рифмотворчества, которое было в моде тогда, сколько автобиографическими полу-признаниями:

...И я умру в степях чужбины,  
Не разомкну проклятый круг,  
К чему так нежны кисти рук,  
Так тонко имя Черубина?..

Поэтесса как бы невольно проговаривалась о себе, о своей пленительной внешности и о своей участи, загадочной и печальной. Впечатление заострилось и почерком, на редкость изящным, и запахом пряных духов, и засушенными травами “богородицыных слезинок”, которыми были переложены траурные листки. Адреса для ответа не было, но вскоре сама поэтесса позвонила по телефону. Голос у неё оказался удивительным: никогда, кажется, не слышал я более обволакивающего голоса. Не менее привлекательна была и вся немного картавая задушевная речь: так разговаривают женщины очень кокетливые, привыкшие нравиться, уверенные в своей неотразимости.

Я обещал прочесть стихи и дать ответ после того, как посоветуюсь с членами редакции – к ним принадлежали в первую очередь И. Анненский, В. Иванов, М. Волошин, Н. Гумилёв, М. Кузмин.

Промелькнуло несколько дней – опять письмо: та же траурная почтовая бумага и новые стихи, переложённые на этот раз другой травкой, не то диким овсом, не то метёлкой. Вторая пачка стихов показалась мне ещё любопытнее, и на них я обратил внимание моих друзей по журналу. Хвалили все хором, сразу решено было: печатать. Ещё после нескольких писем и телефонных бесед с таинственной Черубиной выяснилось: у неё рыжеватые бронзовые кудри, цвет лица совсем бледный, ни кровинки, но ярко очерченные губы со слегка опущенными углами и походка чуть прихрамывающая, как полагается колдуньям. После долгих усилий мне удалось кое-что выпытать: она испанка родом, к тому же ревностная католичка, ей всего осмнадцать лет, воспитывалась в монастыре...

...Последний щит в моём гербе,  
И знака нет на светлом поле,  
Но верен он моей судьбе,  
Последней в роде дерзких волей...

(Позже станет известным, что стихи от имени Черубины ей помогал сочинять Волошин.)

Наши беседы стали ежедневными. Влюбились в неё все “аполлоновцы”... и положительно требовали от меня, чтобы я “разыскал” обольстительную незнакомку. Не надо забывать, что от запавших в сердце стихов Блока, обращённых к “Прекрасной даме”, отделяло Черубину всего каких-нибудь три-четыре года: время было насквозь провеяно романтикой. Убеждённый в своей непобедимости Гумилёв уже предчувствовал день, когда он покорит бронзовокудрую колдунью... Но всех нетерпеливее “переживал” К. Сомов (художник Константин Сомов). Ему нравилась “до бессонницы” воображаемая внешность удивительной девушки. “Скажите ей, – настаивал Сомов, – что я готов с повязкой на глазах ездить к ней на Острова в карете, чтобы писать её портрет, дав ей честное слово не злоупотреблять доверием, не узнавать, кто она и где живёт.

Черубина отклонила это предложение, а спустя недолгое время, вдруг, известила письмом о своём отъезде за границу месяца на два по требованию врачей...

Тем временем в передовых литературных кружках стали ходить о загадочной Черубине всякие слухи. Среди сотрудников “Аполлона” начались раздоры. Одни были за неё, другие – против. Особенно издевалась над ней и её мистическими стихами поэтесса Елизавета Дмитриева... Она сочиняла очень меткие пародии на Черубину и этими проказами пера выводила из себя поклонников Черубины.

Черубина вернулась раньше, чем мы все ждали... Я понимаю дуэль М. Волошина и Н. Гумилёва...

В те дни Головин (художник Александр Головин) собирался писать большой групповой портрет “аполлоновцев”: человек десять-двенадцать писателей и художников. Между ними, конечно, должны были фигурировать Гумилёв и Волошин. Хозяин мастерской куда-то вышел, а гости разбрелись по комнате... Я прогуливался с Волошиным, Гумилёв шёл впереди нас, с кем-то из писателей. Волошин казался взволнованным. Вдруг, поравнявшись с Гумилёвым, не произнося ни слова, он размахнулся и изо всей силы ударил его по лицу могучей своей ладонью. Сразу побагровела щека Гумилёва, и глаз припух. Он бросился было на обидчика с кулаками. Но его оттащили – не допускать же рукопашной между хилым Николаем Степановичем и таким силачом, как Волошин. Вызов на поединок произошёл сразу же...»

Дуэль кончилась ничем – ни один не пострадал физически, – но ссора осталась. И только в 1921 году, встретившись на несколько минут в Феодосии, они пожали друг другу руки. Но об этом чуть позже.

А пока, как выяснилось из воспоминаний свидетелей того эпизода в мастерской, к дуэли привела история, связанная с немецким писателем Иоганнесом фон Гюнтером, который (опять же по рассказам тех «аполлоновцев») передал Волошину оскорбительные для Дмитриевой слова Гумилёва, якобы очень недовольного её выпадами против Черубины. Сама же Дмитриева расценила те слова как месть за отказ выйти за него замуж. Запомнилось ей его: «Ну, тогда вы меня узнаете».

Гумилёв никогда не оправдывался – настолько нелепым было обвинение. Да и никто из знавших его людей не мог себе представить, что он способен так сказать вообще, а тем более о женщине. «...Я знаю и утверждаю, что обвинение, брошенное ему, – в произнесении им некоторых неосторожных слов – было ложно: слов этих он не произносил, и произнести не мог. Однако из гордости и презрения он молчал, не отрицая обвинения, когда же была устроена очная ставка, и он услышал на очной ставке ложь, то из гордости и презрения подтвердил эту ложь...» – это Ал. Толстой, близко знавший Гумилёва.

Никто из остальных «аполлоновцев», кроме Волошина, тоже не поверил в его виновность. До «разъярённого Геркулеса» пытались донести мысль, что это интрига, в чём неоднократно был замечен Гюнтер (Вячеслав Иванов тут же «укажет тому на дверь», и немцу больше не придётся бывать на «башне»), но безуспешно.

«Поведение Волошина до и после дуэли вызвало возмущение всех окружающих... Ему пришлось уехать... А. А. (Анна Ахматова) сказала, что совершенно не понимает, что думал Волошин, когда, опорочив себя всем своим отношением к Гумилёву, в свой приезд сюда в 1924 году два раза приходил к ней с визитом – сразу после приезда и перед самым отъездом... и, казалось бы, скомпрометировав себя до того, что ему пришлось навсегда уехать из Петербурга – его здесь не хотели принимать ни Вячеслав Иванов, ни Анненский, ни другие...» – это из дневника Павла Лукницкого.

И из этого же дневника о разговоре с вдовой Волошина Марией Степановной: «Я попросил её рассказать мне, что помнит она о той встрече 1921 года... В ту пору она работала фельдшерницей в деревне, вблизи Феодосии. Максимилиан Волошин – муж её – жил в эти дни в доме Айвазовского, в Феодосии. Из деревни пришла в Феодосию к мужу. Тут им сообщили, что в порт пришёл “военный пароход”, на котором “приехал” какой-то петербургский поэт, который спрашивал о Волошине. Волошины поспешили в порт, подоспели к самому отходу парохода... Волошин сразу узнал Гумилёва. Был он в полувоенном – что-то вроде френча. Волошин подумал, что “много воды утекло”, и что Гумилёв не откажется пожать теперь ему руку... протянул Гумилёву руку и сказал какую-то фразу, вроде: “Прошлое надо теперь забыть, Николай Степанович!” И Гумилёв в ответ протянул свою... Сама она не успела даже поздороваться с Гумилёвым, потому что оставалась несколько в отдалённости... “Вы не знаете, куда ушёл тогда пароход?..” – “Это я не знаю... – Макс был очень доволен, что они обменялись рукопожатиями”».

Но она стояла «несколько в отдалённости» и не слышала то, о чём поведает Волошин. Это позже уточнит Павел Лукницкий:

«– Николай Степанович, со времени нашей дуэли произошло слишком много разных событий такой важности, что теперь мы можем, не вспоминая о прошлом, подать друг другу руки. Если я счёл нужным прибегнуть к такой крайней мере, как оскорбление личности, то не потому, что сомневался в правде Ваших слов, но потому, что Вы об этом сочли возможность говорить вообще.

– Но я не говорил. Вы поверили словам той сумасшедшей женщины... Впрочем, если Вы не удовлетворены, то я могу ответить за свои слова, как тогда.

– Это были последние слова, сказанные между нами».

«Не сомневался в правде...» чего? «Правда» каких «слов» не вызвала в нём (Волошине) сомнений? Судя по воспоминаниям тех, кто мог бы что-то сказать доподлинное, ни о каких таких «словах» никто не знал. Самый лаконичный ответ на этот вопрос так и остался за близким другом Гумилёва (и секундантом в той дуэли) Ал. Толстым, о чём уже шла речь: «...слов этих он не произносил, и произнести не мог...» Но каких «этих», пока – загадка.

Что же касается Дмитриевой, то о происшедшем с ней после дуэли можно прочитать в её «Исповеди» так: «...Через два дня (после дуэли) я встретила его на Морской. Мы оба отвернулись друг от друга... Больше я его никогда не видела... Но только теперь, оглядываясь в прошлое, я вижу, что Н. С. отомстил мне больше, чем я обидела его. После дуэли я была... почти на краю безумия. Я перестала писать стихи...: передо мной всегда стояло лицо Н. С. и мешало мне.

Я не могла остаться с М. А. В начале 1910 года мы расстались, и я не видела его до 1917 года (или до 1916-го), и моя любовь и ему принесла муку...

До самой смерти Н. С. я не могла читать его стихов... После смерти стала... но до сих пор больно. Я была виновата перед ним... Он не был виноват передо мною, очень даже оскорбив меня, он ещё любил, но моя жизнь была смята им, – он увёл от меня и стихи, и любовь...

Вот такая логика у этой дамы, которая, похоже, так хотела быть на виду, что невольно переборщи-ла. Во всяком случае, так полагают некоторые из её современников, что, судя по уже рассказанному, наверное, близко к истине.

Но я бы не стал так подробно излагать эти события, о которых почти сорок лет назад поведала мне моя ленинградская тётушка – та самая «Аннушка», дав ещё и почитать «самиздатовскую» рукопись части дневников П. Лукницкого, если бы не одно обстоятельство. По мере того, как я узнавал о деталях того драматического эпизода, всё больше всплывали ощущения из детства – о том, каким был этот «поэт-воин». А «воин» уже тогда (в детстве) ассоциировался у меня с благородством рыцаря. В ту детскую пору я вряд ли фиксировал внимание на понятии «честь», но, конечно же, чувствовал, что это такое.

Поскольку наша биография отражается на наших делах (и наоборот), то невольно определённые эпизоды его жизни не позволяют пройти мимо них. В особенности то, что случилось в конце его такой короткой и яркой жизни, которая могла длиться значительно дольше, если бы не это, пожалуй, главное для него понятие – «честь».

Хотя и слова его знаменитого современника: «Я – поэт. Этим и интересен» – здесь, конечно, тоже как нельзя кстати.

\* \* \*

А пока до «исхода» далеко, и в конце того драматичного года он вновь в так влекущей его Африке. «Из Африки в 1910 году привёз два бокала из рога носорога, подаренных ему... Из Аддис-Абебы делал большие экскурсии... Раз заблудился в лесу... Остановился на берегу Нигера. На противоположном берегу увидел стадо бегемотов – купались...» – это Анна Ахматова, которой перед тем он сделает предложение и на этот раз удивительно легко получит согласие.

А весной выходит его следующий сборник стихов «Жемчуга» с посвящением В. Я. Брюсову, который открывает именно то стихотворение («Волшебная скрипка»), что я услышал ребёнком, у незнакомого мне тогда поэта (оказавшегося ещё и воином). В письме к мэтру пишет: «...я знаю, что всем, чего я достиг, я обязан Вам...» И ещё: «...Вячеслав Иванов в своей рецензии о них (“Жемчугах”) в “Аполлоне”, называя меня Вашим оруженосцем, говорит, что этой книгой я заслужил от Вас ритуальный удар меча по плечу, посвящающий меня в рыцари...»

И здесь – в сборнике, среди «Ворот рая», «Кенгуру», «Заводи», «Дон Жуана», «Попугая», «Молитвы» есть такое:

Он поклялся в строгом храме  
Перед статуей Мадонны,  
Что он будет верен даме,  
Той, чьи взоры непреклонны.

И забыл о тайном браке,  
Всюду ласки расточая.  
Ночью был зарезан в драке  
И пришёл к преддверьям рая.

«Ты ль в моём не клялся храме –  
Прозвучала речь Мадонны, –  
Что ты будешь верен даме,  
Той, чьи взоры непреклонны?»

Отойди, не эти жатвы  
Собирает царь небесный.  
Кто нарушил слово клятвы,  
Гибнет Богу неизвестный».

Но печальный и упрямый,  
Он припал к ногам Мадонны:  
«Я нигде не встретил дамы,  
Той, чьи взоры непреклонны».

Мог ли он тогда думать, что судьба предоставит ему возможность подтвердить слова:

...Кто нарушил слово клятвы,  
Гибнет Богу неизвестный...

собственным поступком, который вот уже более ста лет вызывает восхищение и боль.

Что же до его «Мадонны», то здесь, очевидно, не так просто. «Аня никогда не писала о любви к Гумилёву... Она, кажется, не скучала... И вдруг, в одно прекрасное утро, я получила извещение об их свадьбе. Меня это удивило. Вскоре приехала Аня и сразу пришла ко мне. Как-то мельком сказала о своём браке, и мне показалось, что ничто в ней не изменилось. У неё не было совсем желания, как это часто встречается у новобрачных, поговорить о своей свадьбе. Как будто это событие не может иметь значения ни для неё, ни для меня.

Мы много и долго говорили на разные темы. Она читала мне стихи, гораздо более женские и глубокие, чем раньше. В них я не нашла образа Коли. Как и в последующей лирике, где скупое и мимо-лётно можно найти намёки о её муже, в отличие от его лирики, где властно и неотступно, до самых последних дней его жизни, сквозь все его увлечения и разнообразные темы, маячит образ жены. То русалка, то колдунья, то просто женщина, таящая «злое торжество...» – это слова, пожалуй, самой близкой её подруги Валерии Срезневской. Да и в следующем сборнике «Чужое небо» только ей (персонально) – четырнадцать стихотворений подряд. И среди них такое, что сразу и просится именно то название, которое дал ему автор, – «Ослепительное»:

Я тело в кресло уроню,  
Я свет руками заслону  
И буду плакать долго, долго,  
Припоминая вечера,  
Когда не мучило «вчера»  
И не томили цепи долга;

И в море врезавшийся мыс,  
И одинокий кипарис,  
И благосклонного Гуссейна,  
И медленный его рассказ,  
В часы, когда не видит глаз  
Ни кипариса, ни бассейна...

И я когда-то был твоим.  
Я плыл, покорный пилигрим,  
За жизнью благостной и мирной,  
Чтоб повстречал меня Гуссейн  
В садах, где розы и бассейн,  
На берегу за старой Смирной...

Когда же... Боже, как чисты  
И как мучительны мечты!  
Ну что же, раньте сердце, раньте...

*Продолжение в следующем номере*

# Берега юбилеев

## Елена Канеева

*Являясь почитателем «Берегов» – чудного многообразия интеллектуальных щедрых откровений, обобщений и нестандартных литературных изысков, – представляю подборку моих стихов и прозы. Кое-что из разных времён. Ничего особенного. Однако (наверное, в связи с настигшим меня юбилеем) возникает желание начать с конца.*

\* \* \*

Я представила жизнь свою вроде балета.  
Под снопами огромного белого света  
Пляска то разноцветных, то тёмных теней  
И фигур, исчезающих в шёпоте дней.

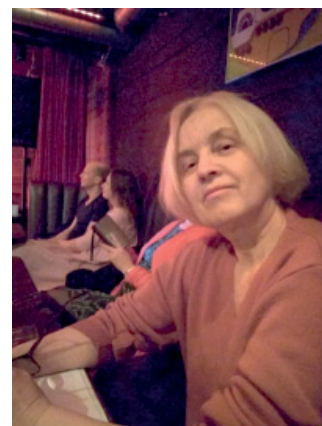
Наслажденье ищу в созерцании цвета,  
Всех оттенков его. Я лечу, как комета  
К столкновенью летит – как огромный микроб,

Изменить постулаты на чуточку чтоб.  
Неизменна, однако, текущего суть.  
Продолжение будет. Всплакнёт кто-нибудь.



\* \* \*

Мир вздрогнул, но не содрогнулся.  
Он часто вздрагивал вот так.  
Потом слезами захлебнулся  
Небес безудержных атак.



\* \* \*

Глубина неизмеримо  
Длится в недрах голубиных.  
Бирюза волной морскойю  
Размывается тоскою.

Вьются разные причуды  
В тесных сумерках посуды,  
Сохраняющей на полке  
Судеб мерные осколки.

Люди мрут, ну как овечки,  
Гаснут поминанья свечки.  
Происходит битва века.  
Сохраните человека!

### СЛОВА

Слова составляли основу.  
В основу вплетались идеи.  
Идеи запутывались в словах.  
Появлялись лабиринты.

А в лабиринтах...  
Кого только не было!  
И кружочки, и квадратики,  
И рыбки, и птички,  
Даже человечки.  
Порой такая ересь  
Несусветная!  
Ещё и звучная, и образная, –  
Взрывоопасная.

Тогда вспыхивали войны.  
Сперва из предложений,  
Потом с применением  
Воображений.  
Химерических извержений  
Вулканов  
И странных соотношений.

После войн наступали  
Перемирия и перестановки.  
Образовывались всё новые  
И новые связи.  
Из разных материалов,  
И даже из грязи.

Формы, ассоциации,  
Абстракции, реформации,  
Бутафории, крематории  
И так далее.  
Существовавшие,  
Тем не менее, ранее.  
О чём успели позабыть  
Или попросту не поняли.

Когда мне надоедают поступки,  
Случайности, закономерности  
И я вглядываюсь в знаки на мерности,  
То понимаю, что никакие логики, системы  
И размерности не отменят бессмертности.

Придётся вновь постигать, во что играть,  
Превращаться, придумывать и баловать:  
Скрипучими ветками, зеленью, водой,  
Днём и ночью, зимой и летом,  
То страдая, то восторгаясь при этом,

Если повезло родиться хоть раз поэтом....

### ВЕСНА

Бантики-птички в огромных заснеженных ветках,  
Солнца склонение в море среди облаков.  
Лики весны проступают тепло и сиренево,  
Выход из белых одежд предстоит, из оков.

В странах препятствий возникнут пути-отношения,  
Глупость людская стечёт, как растаявший лёд.  
Может быть, может, внутри моего измерения  
Станет подснежников рота – щитом от невзгод.

### ВЕЧЕР

Вечер наступил. Повисли шторы.  
Сник закат под таинство холстов.  
Светлая, как наважденье, память,  
Родниками бьёт со всех углов.

В комнате клубятся превращения,  
Как прощенья горечи обид.  
Песня и любовь, любовь, как песня,  
Всё ещё мне душу теревит.

И когда я вижу на рассвете  
В чистой ризе белого огня  
Всходит солнце и уходит вечер, –  
Тихо радость льётся на меня.

### ОДУВАНЧИК

Обогреть в ладонях землю  
Одуванчику под силу.  
Каждая его пушинка  
Весть благую сулит миру.  
Он засеивает веси,  
Горы, низ – из вёсен в зиму,  
Его солнечные пятна  
Злобе дня невыносимы!  
В огороде одуванчик застоялся, –  
Вырываю!  
А его резные листья  
Меня, дуру, – обнимают.

\* \* \*

Воображение живое  
Готово формы воссоздать.  
И вдунуть трепетную душу,  
И оводов хвостом гонять.

Верхом на маленьком ослёнке  
Стиха я тихо еду в рай.  
А догоняет голос громкий:  
«Ну, мамочка, не помирай!»

\* \* \*

Общение с миром – подарок!  
(Я беден – насколько богат).  
Порою куда-то я еду,  
Впадая в дорожный азарт.  
Хватаюсь за слово и рельсы,  
За жёсткий, логичный мотив.  
Однако летят парадоксы  
Окраин мелькающих, слив.



\* \* \*

Когда взяла я  
В руки карандаш  
И села с ним  
К окошку помечтать,  
Ну кто ж мог знать,  
Что это снизошла  
Отдохновенья  
Божья благодать?  
Вот человек,  
Вот инок, вот чужак,  
Такой же, как и я,  
И ты, и тот.  
Тот да не тот,  
Он непонятен так,  
Что в плен меня  
С карандашом берёт.

### ЗОЛОТОЕ ЭХО

Золотое эхо,  
Денежка моя,  
Что для человека  
Дети и семья?

Ты опять слетаешь  
С липок и осин,  
Мокрых ног касаясь  
И озябших спин.

Золотое эхо,  
Денежка моя,  
Что для человека  
Жизнь бездомная?

Каждый день иная  
Крыша и постель,  
Как надоедает  
Эта канитель.

Золотое эхо,  
Денежка моя,  
Что для человека  
Сладость бытия?

Тщетно суесловя,  
Норовим украсть  
Отблески бывшего,  
У природы – власть.

\* \* \*

Горизонтالي дней и лет,  
Асфальта голубого след  
И вечный поиск бытия,  
Деревья. Где-то там и я.

\* \* \*

Как давно я не пишу  
И не рассуждаю,  
Только таю на глазах –  
И ещё летаю.  
Как пушинка, как перо,  
Как в скрипучей ручке  
Возникают буковок  
Радостные штучки.

### ЗЕМЛЯ

Земля, люблююся тобою  
Из недр, из воздуха, из вод,  
Из сотканых твоей судьбою  
Одежд невидимых тенёт.

Тобой обласкана навеки,  
Полётом птиц окружена,  
То в рыбий превращаюсь лепет,  
То лунным отблеском полна.

Земля, люблююся тобою  
Из космоса, сугробов од,  
Слагаемых чужой планетой,  
Что, может, прочих превзойдёт.

Из молока коровы дикой,  
Создавшей млечные пути,  
Гляжусь в оттенки земляники,  
Пытаясь ягодку найти.

Какие мощи и пределы  
Преодолеть пришлось тебе,  
Чтобы, румяною и белой,  
Крутиться в солнечной воде!?

ГОРОДА

Города выплакивают окна  
На сиреневую лунь и синь,  
На ночную звёздочную простынь,  
На зевак и юных простофиль.  
И они несут, несут по свету  
Всё, что в стенах каменных сбылось,  
Перемешиваются планеты, и поёт,  
Скрипит земная ось.  
Вот и я скриплю пером по краю  
Желтовато-белого листа,  
Всё каким-то текстом заполняю,  
Оставляя чистые места.  
Оставляя темы для раздумий  
Тем, кому ещё не довелось  
Чувствовать дыхание столетий  
И вращать не смазанную ось.

\* \* \*

Какие облака летают  
Над этой горькою страной!  
Дорога, голубея, тает,  
Сияя дольней глубиной,

Порой идут дожди косые,  
Зачёркивая всё окрест.  
Цветы, однако, расцветают  
Венками трепетных невест.

Вновь оживая, возрождаясь  
В любви и влаге внеземной,  
Земля танцует, наслаждаясь,  
Как облаками, так и мной.

\* \* \*

Просто так, цикорий цветёт,  
Смотри, дорога идёт, дорога идёт, дорога идёт  
Туда – далеко-далеко!  
Смотри, собака бежит, собака бежит, собака  
бежит,

Под облаками свет,  
А сосны стоят, а сосны стоят, а сосны стоят!  
И гибели нет..  
Далеко-далеко, там, далеко-далеко,  
Смотри, висят провода, висят провода, висят  
провода...

Деревья – вода,  
Деревья – вода,  
Деревья – вода

И небеса...

\* \* \*

*Л. И.*

Ты тихо в ночь взошёл,  
Из дома вышел.  
Смотри, как много нас,  
Стоим на крышах!

Своим лучом дотронулся  
До пятки,  
И стало всё, как прежде, –  
Всё в порядке!

Так вот как ощущаются  
Поэты,  
Что не вмещаются в слова,  
В стихи, в предметы...



# Липецкие берега

## Андрей Фролов

Андрей Васильевич Фролов – родился в 1960 году в Липецке. Окончил Рыльское авиационно-техническое училище гражданской авиации и Московский институт радиотехники, электроники и автоматики. Автор восьми поэтических сборников и книги переводов стихотворений Оскара Уайльда «Розы и сожаления». Первая книга «Крылья» вышла в 1999 году, в неё вошли повесть «Записки дельтапланериста», фантастические рассказы «Человек, который мог» и «Встреча», а также стихотворения. Произведения писателя были опубликованы в литературно-художественных журналах: международном – «Дети РА», липецких – «Неоновый город L» и «Петровский мост», в воронежском журнале «Подъём», альманахах «Литературный Кисловодск» и «Московский Парнас». Член Союза писателей России с 2004 года. Проживает в Липецке.



\* \* \*

Осень нас захватила врасплох,  
Домик мой, словно маленький остров,  
От холодных дождей весь продрог  
И пропах этой сыростью остро.

В подмерзающем дворике – грязь,  
Листья стали внезапно седыми,  
Над оконным проёмом склоняясь,  
Клён качает ветвями пустыми.

Сквозняки, сквозняки, сквозняки  
Рвут обои заброшенных комнат,  
Доски сняты, текут потолки,  
А душа только светлое помнит.

2012

### ЗАКАТ НАД КАРАДАГОМ

Тучи ушли с Карадага.  
Склоны дождями политы.  
Замок из камня и магмы –  
Нерукотворные плиты:  
Сфинкс ли? Иль сам Мефистофель  
Навзничь у берега лёг?  
День остывает, как кофе.  
Море бушует у ног.

2024

\* \* \*

Одинокая лодка меж двух берегов.  
Здесь туман отражает река.  
Он спускается вниз с невысоких холмов,  
Заблудившихся в облаках.

Облакам подражает холодный туман,  
Что повис над столетней тайгой,  
Где звенит тишина, словно древний тимпан,  
Над прозрачной водой голубой.

Одинокая лодка вдаль тихо плывёт  
Подле лиственниц, вставших стеной.  
Порыжевшее дерево и старый рыбарь  
Обволочены тишиной.

2024

### БЕЛЫЙ КОРОЛЬ

Растратило тепло былые силы.  
Деревья в окруженьи темноты.  
По вечерам прозрачной чистоты,  
Подкравшись тихо, осень наступила.

Короче стали дни, земля остыла.  
Совсем продрогли травы и кусты.  
Исчезли коноплянки и дрозды.  
Октябрь разлился, призрачно-бескрылый.

Вот-вот уже на золото листвы  
Нападают серебряные снѣги.  
Морозы снизойдут и хрусталѣм  
Покроются извилистые реки.

Так на поля небесной синевы  
Приходит Холод белым Королѣм.

2024

### БЕСЦЕЛЬНО ПРОЖИТЫЕ ДНИ

Что мы когда-нибудь умрём,  
Ни для кого не откровенье:  
Живём одним текущим днём,  
Ни в чём не ведая сомненья.

А хочется в века вратать,  
Ваять миры и их звучанье,  
В несбыточное уплывать  
И грезить, уходя в молчанье –

Огнём, в котором мы сгорим  
Без сожаления, без остатка;  
Словами едкими как дым,  
Мгновеньями, что были сладки.

Бесцельно прожитые дни...  
Подстёгивают нас они.

2022

### ФОТО ПОДЗЕМНОГО МИРА<sup>1</sup>

Дивные фото подземного мира:  
Замки, где плавится камень, как воск,  
«Рыла» вождей, словно лица сатиров,  
Вообрази их Иероним Босх.  
Нечисть блуждает по внутриземелью.  
Сущностей полон реликтовый лес.  
Жертв поджидают болотные звери.  
Призрачен свет из безлунных небес.  
А в городах под безлунною бездной  
Люди живут – сеют, любят, творят  
И фантазируют мир неизвестный,  
Мир, над которым созвездья горят.  
Там, далеко, за рекою Кентукки,  
Пасти ощеренных горных пещер  
Ловят земли затаённые звуки  
Края с другой стороны древних недр.  
На пожелтевших от времени фото  
Что-то душевных касается струн.  
Пьеса разыграна, будто по нотам.  
Стоит зайти за замшелый валун.

2023

### АЛЫЕ ПАРУСА

Бриг «Пилигрим» у причала стоит,  
Рядом качается «Вега»,  
Солнце спокойные воды багрит,  
Гальку закатного берега...

<sup>1</sup> Посвящается экспедиции к центру Земли сэра Генри Френсиса Бартоломью Игнасио Стивенса III в 1903 году, которой если и не было, то её надо было бы обязательно выдумать...

Скоро забудется сном «Пилигрим»,  
Видя далёкие волны.  
«Вега» отправится следом за ним,  
Снасти мечтами наполним.  
Завтра опять будут чайки кричать,  
Крыльями пробуя воздух,  
Завтра их станут дельфины встречать,  
Прыгая в тёмные воды.  
На ночь убрав паруса, отдохнут  
Пусть эти шхуны-трудяги.  
Выверен компас. Проложен маршрут.  
Спущены алые флаги.

2024

### МЕЧТАТЕЛИ

Не все ещё открыты континенты –  
Есть в мире неизвестная земля –  
Девятая и прочие планеты,  
И на планетах – звёздные моря.  
Они нужны Колумбам, Магелланам,  
Далёким неизвестным островам,  
Таинственным инопланетным странам...  
Плывёт грядущее к мальчишеским мирам.

2024

\* \* \*

Л. Н.

Когда своё упустишь счастье,  
Потом весь век его лови:  
И день и ночь ты – не причастник  
Всепоглощающей любви.

Она звучит в тебе, как песня,  
Зови её иль не зови,  
Ведь мир ясней и интересней  
От чуда искренней любви.

Она лишь над тобою властна.  
Когда гудит пожар в крови,  
И ты сгораешь ежечасно  
В любви, в любви, в любви, в любви.

2022

### ЗОЛОТАЯ АЛЛЕЯ

Ничего не прошу. Ни о чём не жалею.  
Облетает весной золотая аллея.  
Карнавал лепестков закружился играя,  
От восторженных чувств среди солнца и мая.

На уста бы печать. Да мечтой сердце грею.  
Увела меня вдаль золотая аллея,  
Дорогие слова, прозвучавшие зряшно...  
Ты не любишь меня – остальное неважно.

2022

# Липецкие берега

## Ксения Вороткова

*Ксения Владимировна Вороткова – родилась в Липецке в 1983 году. Поэт, переводчик. Лауреат и победитель литературных конкурсов – российских и зарубежных. Автор сборника «Крылья души» и детского «Маленькое чудо». Публиковалась в изданиях: Классики и современники «Сказки народов России» № 4, неоднократно в газете «Первый номер», в сборнике поэтов России «Просто коттики», в сборниках поэтов Липецкой области «Звёздные острова» № 1 и 2, «Зеркала» и «ЗОВ-2024», «ЗОВ Родины – 2025», в журнале «Северо-Муйские огни» № 5, в альманахе Союза писателей России Ярославской области «Причал» № 2, в журнале «Российский колокол» № 7–8, в альманахе «Литературное знакомство» № 10 и других изданиях. Член Союза писателей России, Петровской академии наук и искусств, член жюри Всероссийского поэтического конкурса им. Майи Румянцевой, наставник Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы» им. Л. Ю. Севера. Живёт в Липецке.*



### КИПРЕЙ

Крутой, пологий берег Дона  
Расцвечен листьями кипрея.  
Сияет летом дуба крона.  
Стою в восторге, цепenea.

И вспоминаю радость детства,  
Как собирали всей семьёю  
Чай ароматный по соседству  
С могучей быстрою водою.

Гуляли в пряном разнотравье,  
В пушистых розовых соцветьях,  
Похожих на рубин в оправе,  
Несущих людям долголетье.

И в зарослях ивана-чая  
Могла лежать порой часами.  
Смотреть, как трудятся летая  
Шмели и бабочки кругами.

И в эти пурпурные кущи  
Моя душа стремится снова.  
В объятья трав, растущих пуще,  
Идти я каждый год готова.

Люблю пологий берег Дона.  
Крутой, извилистый, суровый.  
Где ввысь стремится дуба крона,  
Где собираю чай медовый.

### ДОРОГА

Несёт меня мой конь стальной  
По серой ленточной дороге.  
А за окном вода стеной,  
Бежит, перебирая ноги.

Скольжу по лужам, как по льду.  
И мысли утекают в дали.  
В каком они сейчас ряду  
На мчащей в вечность магистрали?

И как пегасы, ввысь стремясь,  
Дают покой душе мятежной,  
Ко мне вернувшись и светясь.  
Уже не буду нынче прежней!

Порой сменяя города,  
И я меняюсь постепенно.  
Ведёт меня мой путь куда?  
Не знаю. К счастью, несомненно!

### ВЕЧЕРНЯЯ АНАПА

Закат заискрился, пунцовый.  
Луна зачесала пробор.  
Легла золотою подковой  
Анапа под вечер у гор.

И берег, оплавленный зноем,  
В преддверии ночи остыл.  
Земля задышала покоем.  
День, словно корабль, уплыл.

Бунтует волна – не впервые.  
Несёт её ветер лихой.  
Здесь споры идут вековые:  
Что круче – отбой иль прибой?

Смотрю я на море влюблённо.  
Отбросив мятежные сны.  
В нём вспыхнули звёзды смущённо.  
Мне эти мгновенья нужны.

Чтоб в поздний декабрьский вечер,  
За чаем из ягод и трав,  
О милой Анапе на встречу  
Примчались виденья стремглав.

### ПРИКОСНОВЕНИЕ ОСЕНИ

Дождями осень прикоснулась к парку.  
Звенит простор, как лука тетива.  
Деревья смотрят на сосну-бунтарку.  
Они наги. Опала вся листва.

А хвойная красавица сверкает.  
Зелёными иголками полна.  
Её промозглый ветер не сгибает.  
Стоит назло невзгодам всем она.

От непогоды белка-озорница  
В её ветвях скрывается порой.  
Щебечет в кроне редкая синица,  
Как будто бы смеётся надо мной.

Я в шумной птичьей переключке слышу:  
«Пора на юг, ведь к нам идёт зима,  
В лёд превращая под ногами жижу,  
Оденет в снег печальные дома».

\* \* \*

Рыжий берег спрятался в камыш.  
Время здесь течёт неторопливо.  
Что же ты, соловушка, молчишь?  
Посмотри вокруг. Как ночь красива!

Как над чёрной тихой водой  
Лунный диск печально показался.  
Звёзды в небо выплыли гурьбой.  
Как последний солнца луч прощался.

Глянь, под гомон молодых берёз  
Ветер танец с ковылём затеял.  
Тронул светлячков полёт, до слёз,  
И воспоминания навеял.

Как я в детстве по лесам ходил  
С дружным классом в долгие походы.  
Хворост собирал и суп варил.  
Под гитару пел. Ушли те годы.

Что же ты, соловушка, молчишь?  
Нынче твоих трелей не хватает.  
Рыжий берег спрятался в камыш.  
Диск луны под утро нежно тает.

### РАССВЕТ

Рассвет струился по замёрзшим крышам,  
Капелью утра мне стуча в окно.  
И голос ночи становился тише,  
Смывая с небосвода звёзд сукно.

Подбрасывает память, как поленья  
В огонь, мои любимые места.  
И, ощущая их прикосновенья,  
Тоска на сердце давит неспроста.

Скучаю я по волнам Черноморья.  
По горной можжевелевой тропе.  
По дубу, будто из-под Лукоморья,  
Что притаился в зарослей гурьбе.

По той скале, где печень Прометея,  
Нешадно, каждый день клевал орёл.  
Где от восторга, словно цепenea,  
Я наблюдала, как закат расцвёл.

Мне снятся эти дивные картины.  
Где я брожу по пляжу босиком.  
Где манят душу водные глубины.  
Где каждый камень под ногой знаком.

### ЛЮБОВЬ К РОДИНЕ

Мне горы Кавказа по-прежнему снятся  
И берег морской, что остался вдали.  
Я искренне буду им в верности клясться!  
Не нужен мне пляж на каком-то Бали.

Ведь Русскую землю предать не сумею.  
Для сердца поэта нет в жизни милей  
Тех рек и озёр, что я в памяти грею,  
Сибирских лесов и тамбовских полей.

Роднее и краше берёз не найдётся.  
Планету хоть всю осмотри поперёк.  
Душе, где родился, там легче поётся.  
И любитесь крепче, где вырасти смог.

Мне так дороги и деревни и сёла.  
Я в пояс склонюсь к нашим пышным хлебам.  
Нигде не увидишь такого простора.  
И жизнь, если надо, за Русь я отдам!

# Липецкие берега

## Елена Николаенко

*Елена Анатольевна Николаенко – родилась в Борисоглебске в 1969 году. Поэт, прозаик, переводчик, художественный редактор, автор песенных текстов, художник. Лауреат и победитель литературных конкурсов – российских и зарубежных. Автор сборника «Я в сердце спрячу тишину...». Публиковалась в изданиях: «Берега», «Территория слова», «Приокские зори», «Подъём», «Северо-Муйские огни», «Петровский мост», «Мгинские мосты», «Литературное знакомство», «Успех», «ПростоКваша» и других. Член Союза писателей России, Петровской академии наук и искусств, член жюри Всероссийского поэтического конкурса им. Майи Румянцевой, наставник Международного молодёжного фестиваля-конкурса поэзии и поэтических переводов «Берега дружбы» им. Л. Ю. Севера, соруководитель Творческого объединения независимых авторов (ТОНА) Липецка и Ельца. Живёт в Липецке.*



### ДОРОЖНОЕ

Люди, музыка, огни на улицах –  
трудно расставаться, чтобы спать.  
Я шучу, что ты забавно шуришься,  
и тянусь – в глаза поцеловать.  
Как не задохнуться от отчаянья? –  
Видится последним каждый час!  
Утром – одиночество вокзальное,  
Путь, перрон и лихорадка касс...  
Неуют вагона – вновь измаяться  
чувством: отрываюсь от земли...  
Мимо нетерпенья провожающих  
в холод стёкол вдавленные лбы.  
Сердца стук под первые, протяжные  
повороты пущенных колёс –  
зачастит, а мне на миг покажется:  
покатилась горесть под откос...  
И – дорога! Мост, деревни, насыпи,  
по щебёнке чахлая трава,  
ветер рвёт бельё – рубаха красная  
на заборе сушит рукава...  
Свист гудка, деревья задымлённые,  
над рекой туманец пеленой,  
запах перегонов, свет изломами,  
разом, всё – в открытое окно!  
Будто жизнь сама, спеша навстречу мне,  
полем, лесом, немотой светил,  
мчит по рельсам – без тоски, беспечная,  
чтоб твой взгляд забыть хватило сил...

### АВГУСТИНАМ

Умчится, в ярких ситцах, лето.  
Прощаньем – благодатный август.  
Ещё цветов хмельная праздность  
жарой полуденной согрета.  
Так беззастенчиво прекрасны  
корзинки разноцветных цинний.  
Взор мальвы, сельские богини,  
чаруют пышностью атласной.  
От ветра звонок листьев гомон.  
Глух редкий стук созревших яблок.  
В траве примятой цвет их ярок,  
и духом сладким воздух полон.  
Нечаянность короткой встречи –  
прохладой свежей осчастливив,  
с небес упавший шумный ливень  
целует страстно чьи-то плечи...  
А ночью – звёзды. Наизусть  
проведав путь земных желаний,  
как горсть монет из щедрой длани,  
на землю падают под грусть...

\* \* \*

Гладь озера недвижна и чутка  
в предутреннем редющем тумане.  
Сук хрустнул под ногою рыбака –  
испуганная птица ввысь взмывает...  
Мгновенье стало смертью тишины –  
недолговечно вдохновенье, зыбко.  
Растаяло, в том нет ничьей вины:  
шум крыльев стих – исчезла с губ улыбка.  
И сколько ждать – часы, недели, год?  
Сердечных струн касаясь снова, снова –  
Чтоб песне быть, в единый оборот  
сонм звуков слить с живою сутью слова.

### РИСУЮ

Спешу догнать закат, он ускользает быстро,  
Кидая отблеск дня на кончик мокрой кисти.  
Растёкся в облаках алеющим дурманом,  
Порозовил слегка сиреневость тумана.  
В лазури растворил пурпурные дорожки  
И выплеснул чернил на синий лес немножко.  
Разлился янтарём над озимью зелёной,  
Берёзки захватил оранжевой истомой.  
Он в озерцо упал всей радугою бликов  
И в вечере пропал, растаял сотней ликов.  
Но замер на холсте, остановив мгновенье  
в подарок красоте, – прозрачный, акварельный.

\* \* \*

Куриный бог зажму в кулак – морской подарок прост.  
Гласит легенда, это знак благоволенья звёзд.  
Прищурилась, смотрю в глазок – мир краше стал стократ!  
По сини золотой возок в зенит катиться рад.  
На солнце волны бирюзой залить стремятся мыс.  
И галька выглядит цветной в ажурной пене брызг.  
А я сквозь дырочку хочу упрямый луч поймать –  
Куриный бог в руке кручу, чтоб тайну разгадать.  
И море, в шутку ли, всерьёз, прошу секрет открыть,  
Как долго волнам привелось мой камушек точить?..  
На берег волн стремится рать считать былые дни,  
Но ничего не разобрать, что шепчут мне они...

\* \* \*

Позволь мне тебя иногда вспоминать...  
Так... Редко совсем – на минутку.  
Украдкой тихонько о чём-то болтать,  
сбежав от зануды-рассудка –  
щекой прикасаться к незримой щеке...  
Витая в фантазиях сладких,  
чертить силуэт твой на мокром песке,  
для всех оставаясь загадкой...  
По-детски смеяться, подчас – невпопад.  
Кружась под небесную скрипку,  
ловить удивлённый нечаянный взгляд  
в ответ на слепую улыбку.  
«Мираж, наваждение, блажь, глупый сон...» –  
мне скажут, с иронией щурясь.  
А я отмахнусь от досужих «персон» –  
исчезну в безлюдности улиц...  
Храня неразрывной связавшую нить  
и скрыв потаённые мысли –  
чтоб сердцу опять бесконечно любить,  
отбросив предзнание смысла...

\* \* \*

Вывусь из снов толчеи и чувств,  
сразу к тебе – по отвесам гор.

Вдох задержу глубокий – взлечу,  
всполохи гроз встречая в упор.  
Пусть расстоянье – в несколько лун...  
Вдруг расхотелось знать наперёд:  
скрыт за заплот натянутых струн,  
на самых вершинах тебя, – лёд...  
Не отреклась я, если, совсем,  
прочь из мечты всё... Наоборот –  
имя твоё шептала святым,  
в безднах небес не искала брод.  
Стынь равнодушно глушила крик,  
разворотив безмолвием грудь, –  
билась душа в безвоздушие и...  
вниз из твоих ускользала рук.  
Чтоб напролёт не год и не два,  
в сутках без солнца времени нет,  
в холод бессонниц вилетать слова  
и с февралём над озимью тлеть...

\* \* \*

Луны извечно молчаливой  
холодный свет к окну приник –  
Над сгорбленной плакучей ивой  
хранит смиренность бледный лик.  
В чертах печаль сквозит немая.  
Но будто в странствие зовёт.  
Куда же – к раю ли, до края –  
путём безвестным поведёт?..  
Глядит с небес бездонных строго,  
из звёздной россыпи, в ночи –  
Мне ж... неизбывная тревога  
сжимает сердце – хоть кричи...

### ГРОЗА

Небо всхлипнуло и рассмеялось.  
Раскатисто, звонко, громово!  
Ветер рванул, взлетел, сбиваясь,  
пыль завертел с весёлым гомоном.  
Оцепененье, восторг, накал!  
Полотнище тучи спящий росчерк  
разрезал, вспыхнул и вниз упал –  
посыпался огненным многоточием.  
Рухнул на землю, дома – крут! –  
дождь, духоты распрямив пружину.  
Оконные стёкла навзрыд ревут,  
поток из труб водосточных хлынул.  
Хлётко, навывает! Не удержать  
зелени мокрой испуганный трепет.  
Напасть это или с высот благодать –  
ливень округу безбашенно лепит?  
Ручьями – по коже. Над головой  
ладони сложены лодочкой узкой.  
В них, полных живой синевы грозовой,  
капли танцуют – нет места грусти!

# Липецкие берега

## Олег Шухарт

*Олег Владимирович Шухарт – липецкий поэт. Печатался в журналах «Петровский мост», «День поэзии» и в альманахе-реконструкции «Время». Автор книг стихов «След тишины», «Геиштальт».*



### ТРИПТИХ

#### 1. ОСИПУ МАНДЕЛЬШТАМУ

Поэзии серебряная клетка,  
здесь, замерев, приговорён я петь  
о том, как хрустнула надежды ветка,  
про птицу и рифмованную клеть.

Один солгал, и хором подхватили –  
неправда выжигает без огня,  
она подобна стенам, что сдавили  
и давят, душат, мучают меня.

И от её пощёчины не скрыться,  
качусь слезой по стёсанной щеке,  
но руки расправляю, руки-крылья –  
я птица, птица в собственной руке.

#### 2. АРСЕНИЮ ТАРКОВСКОМУ

За фразой – тишина. За словом – точка.  
Неверный шаг вплетается в канву,  
и тянется единственная строчка,  
толкая за собою в немоту.

Споткнувшись раз – и этого хватило.  
С той стороны бумажного окна  
сомнение всем весом навалилось  
и, скомкав, бросило с вершины дна.

Не разглядеть знакомые мне лица,  
но, отражаясь в зеркале зрачка,  
ладони раскрываю – две страницы  
с Тарковскою строкой про мотылька.

#### 3. ИОСИФУ БРОДСКОМУ

Листок календарный сорвал и скомкал ты.  
Ползу за тобою небродскою тенью.  
Депрессия в чёрном квадрате комнаты  
Малевичем воеет на белые стены.

Не ты ли – Прорвёмся! – кричал, отчаянным?  
Не ты ли твердил о Неве скоротечной?  
В часть речи судьбой безвозвратно загнанный,  
сам стилия иконою ставший навечно.

Свободою слепит цивилизация,  
влечёт и толкает нарушить границы.  
И жизни шатается декорация...  
Так хочется быть мне неброской синицей.

2026

### ЛИСЁНОК

*(По мотивам рассказа А. Пономарёва «Лисёнок»)*

Цветы на лугу под прицелом жары,  
а хочется мира, любви, тишины...  
Ромашки собрал он для той медсестры –  
с которой из кружки одной и на ты.

На фоне войны, среди безбожной стрельбы,  
где боль – разорвавшийся рядом снаряд,  
и нет обезбола, лишь слово «Терпи» –  
летёхе сестричкин запомнился взгляд.

Смешная татушка на правой руке,  
Лисёнок, отплясывающий рок-н-ролл, –  
есть жизнь, что висит на простом волоске,  
пока не накрыло кассетной жарой.

Колонна «Уралов» умчалась во тьму,  
как саван, солдатская простынь легла –  
но так же смеётся лисёнок тому,  
кто верит, что память сильнее ствола.

22 апреля 2026

## РАЗЛУКА

Сумасшедшие дни растворились вдали,  
словно лики любви на картинах Дали.  
Следом в чашке кофейной с мечтой корабли  
безвозвратно ко дну рафинадом ушли.

Больше мне не видны судовые огни,  
и разлука на горле стянула ремни,  
и отчетливо слышу я: – Ты не звони –  
будто крики толпы: – Распни. Распни. Распни...

29 июля 2025

## ТРИЗНА

### 1. Любовь

В сумерках, сон тишины нарушая,  
сдаться так просто, судьбе не желая,  
помню, бежал от собачьего лая,  
от немоты оголтелого рая;

сквозь частокол черноплодных сомнений,  
синтаксис лести и скрежет знамений,  
путь пробивая отчаянной болью,  
раны врачуя наплаканной солью.

В драке за право остаться собою,  
сжав в кулаки воспалённую волю,  
думал, сломаю гранёные стены,  
плахи измены и ревности сцены.

Но проиграл, не заметив удара,  
сразу за ложью, коронного справа –  
первый раз в жизни любить научился,  
сам не заметив, как жить разучился.

### 2. Беда

Прячась от солнца за собственной тенью,  
я становлюсь идеальной мишенью –  
для отражения в зеркале круглом,  
для обречённого бегать по кругу.

Вижу, как в панике первой сбежала  
вера моя от угара пожара,  
от извинений – стоящей на углях  
памяти – загнанной в выцветший угол.

От одиночества ряженных кукол,  
их каблуков с оглушительным стуком –  
в пятки душа с головой провалилась;  
сердце коростю чёрствой покрылось,

ёкнуло, замерло, с детством простилось –  
пав на колени, пред Богом взмолилось.  
Всё нерешённое разом решилось:  
в чистых Небесных зрачках отразилось.

### 3. Проводы

Может, я брежу, а может, и снится –  
время в безбрежной лампадке томится.  
В саване тесном лежу – посторонним,  
светом люблюсь опалово-горним.

Прежние беды в ладони сжимаю,  
с ладаном вместе безвременно таю.  
Слышу листов календарных шуршанье –  
или гостей поцелуй на прощанье.

Может, приснилось – толпа расступилась,  
вздогнула, ахнула, остановилась,  
бледною краскою лица покрылись  
и в ледяной темноте растворились.

### 4. Медные трубы

Точка в прицеле, десятое марта –  
дата прозрения и не возврата,  
славный конец бесконечного рденья,  
миг зарождения перерожденья.

Смелые птицы в то утро не пели,  
робкие рыбы бросались на мели,  
рьяные головы жадно седали,  
громы и молнии окаменели.

Хором молчали, сидели и пили.  
Колокола неумолчно звонили.  
Трубы ревели, гудели наперебой –  
медные трубы трубили отбой.

10 марта 2026

# Берега истории

## Сергей Галани

*От всей души поздравляю уважаемого Никиту Дмитриевича с этой высокой и заслуженной наградой. Для всех, кто желает глубже понять исторический контекст этого события, направляю краткий очерк. Он наглядно раскрывает многовековую связь рода князей Лобановых-Ростовских с Крымом и объясняет преемственность той важной миссии, которую сегодня исполняет Никита Дмитриевич.*

### ЛОБАНОВЫ-РОСТОВСКИЕ И КРЫМ: Века преемственности в служении Отечеству

#### Исторический очерк

Вручение князю Н. Д. Лобанову-Ростовскому высшей награды Республики Крым – ордена «За верность долгу» – стало глубоко символичным признанием его верности делу предков и неоспоримым свидетельством живой связи времён. Для Никиты Дмитриевича этот орден не просто знак отличия, а подтверждение его многолетних трудов по сохранению русского культурного наследия и укреплению духовного единства соотечественников с исторической родиной.

#### Крым

Особое место в этой деятельности занимает Крым, в летопись которого неразрывно вписано имя князей Лобановых-Ростовских.

Их родовая история отражает путь Крыма от эпохи сурового противостояния до времён великого единения с Россией, объединяя в себе ратную доблесть древних воевод и тонкое искусство дипломатии Нового времени.

Символизм нынешнего признания станет ещё очевиднее, если обратиться к истокам. Связь фамилии Лобановых с южными рубежами Отечества и Крымом прослеживается на протяжении шести столетий. Она берёт начало в XV веке, наследуя ратную славу героев Куликова поля, и продолжается в каждом последующем поколении государственных мужей.



*Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский.  
Встреча с читателями*



*Орден «За верность долгу» –  
государственная награда Республики Крым,  
кавалером которой Никита Дмитриевич  
Лобанов-Ростовский стал  
в феврале 2026 года*



*Княжна Дарья Ростовская.  
Диасфильм. Худ. К. Безбородов. 1984*

### **Истоки: от Куликова поля до Мамая**

Князья Ростовские издревле стояли на защите русского государства. Десятки представителей рода пали в 1380 году на Куликовом поле, сражаясь с полчищами темника Мамая. Крым был для Мамая родовым владением и главной политической базой, откуда он черпал силы для походов на Русь. Летописи сохранили память не только о воинах-мужчинах, но и о героических княгинях из рода Лобановых-Ростовских – Дарье Ростовской и Антонине Пужбольской, которые наравне с отцами и братьями вышли на битву против войск темника.

### **Защитники южных рубежей (XVI–XVII века)**

В эпоху Московского царства род Лобановых-Ростовских играл ключевую роль в обороне границ от набегов крымских татар. Многочисленные князья Лобановы-Ростовские служили воеводами, были стольниками, окольными, боярами. В боях с «крымцами» больше всего проявили себя следующие представители этой фамилии:

- Василий Михайлович Большой (ум. 1606) – выдающийся воевода времён Ивана Грозного и Бориса Годунова. В 1598 году он возглавлял полк левой руки в походе к Кашире. По «крымским вестям» координировал силы в Серпухове, обеспечивая безопасность рубежей и дипломатические контакты с ханством;

- Иван Иванович «Козий Рог» (ум. 1639) – стольник, подписавший грамоту об избрании на престол Михаила Романова. Его карьера была посвящена «засечному делу» – строительству и охране оборонительных линий. Он руководил Арзамасской засекой и Передовым полком в Деделове, пресекая попытки прорыва крымцев и ногайцев. Отметился князь и на дипломатическом поприще. В 1638 году князь лично встречал крымского посла у Калужских ворот, представляя интересы Москвы;

- Александр Иванович (ум. 1677) – окольный и воевода, младший сын Ивана Ивановича, в 1658 году оборонял Тамбов от набегов крымских татар.

### **Продолжатели ратной славы: Иван Иванович и Яков Иванович**

Особое место в летописи рода занимает старший сын «Козьего Рога» – князь Иван Иванович Лобанов-Ростовский (ум. 1664). Боярин и воевода эпохи первых Романовых, он стал прямой связующей нитью между древними князьями и последующими поколениями семьи. Его служба пришлась на самый сложный период войн за Левобережную Украину, где интересы Москвы сталкивались с амбициями Речи Посполитой и набегам крымчаков. Иван Иванович проявил себя как решительный военачальник в борьбе с «изменниками» – казачьей малороссийской (украинской) верхушкой, переметнувшейся к полякам. После измены гетмана Выговского в 1658 году князь возглавил корпус, направленный для восстановления контроля над захваченными городами. В 1659 году он стремительным ударом разбил мятежных запорожцев под Мстиславлем и взял город приступом. Овладев Мстиславлем, войска князя Лобанова-Ростовского окончательно очистили от повстанцев восточные области Литвы и 14 мая приступили к длительной осаде Старого Быхова – главной базы восставших запорожцев и польской шляхты. В 1659 году этот хорошо укрепленный город на правом берегу Днепра считался границей Малороссии, отошедший по договору к русскому государству. В ночь на 4 декабря 1659 года Старый Быхов был взят штурмом русскими войсками. Воевода отрапортовал царю: «Государевы ратные люди город Старый Быхов приступом взяли и изменников Ивашку Нечая и брата его Самошку Выговского, а иных многих в ночное время побили». Оставив во взятой крепости гарнизон, князь И. И. Лобанов-Ростовский в январе 1660 года вернулся в Смоленск, где распустил армию, а сам с сотенными головами и начальными людьми направился в Москву, где все они за их ратную службу были пожалованы «к руке» Великого Государя. Взятие Старобыховской крепости развило и закрепило достигнутые успехи, переломив стратегическую ситуацию на западном направлении в пользу России.

### Щит южных рубежей

Но всё же главные подвиги князя были связаны с отражением «крымских вестей». В лексиконе XVII века (особенно в приказном делопроизводстве) так обозначали оперативные разведданные о намерениях, передвижениях и численности войск Крымского ханства. В летописях и разрядных книгах, к примеру, часто встречается фраза: «По крымским вестям велено воеводе быть на сходе». Это означало, что из-за угрозы набега воеводам разных полков приказывалось немедленно соединить свои силы в определённом месте (например, в Серпухове или Туле).

Вот и Иван Иванович Лобанов-Ростовский в 1661–1662 годах руководил обороной на самых опасных направлениях «крымских вестей» – в Одоеве, Карачеве и Путивле. В январе 1662 года под Путивлем он наголову разбил войско крымского хана, захватив в плен десятки вражеских воинов. За это спасение южных земель государь вновь отметил его высокой наградой, лично вызвав в столицу для чествования.

### Азовские походы и Петровская эпоха

Традицию борьбы за Крым, но уже в составе регулярной армии Петра I, продолжил его единственный сын – князь Яков Иванович Лобанов-Ростовский (1660–1732). Несмотря на неоднозначную личную репутацию в придворных кругах, он делом доказал преданность царской короне в чине капитана третьей роты лейб-гвардии Преображенского полка. В 1695–1696 годах Яков Иванович участвовал в знаменитых Азовских походах, где преображенцы сражались против турецких гарнизонов и их союзников – крымских татар, пробивая России долгожданный выход к южным морям.

### Эпоха «покоренья Крыма» и дипломатический триумф

Правнук Ивана Ивановича, князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский (1758–1838), стал олицетворением той самой героической эпохи, которую поэт Грибоедов назвал временем «очаковских и покоренья Крыма». Начав службу в лейб-гвардии Семёновском полку, он в 1783 году – в год исторического воссоединения Крыма с Россией – был произведён в подполковники.

В качестве дежурного офицера при генерале Ю. В. Долгорукове Дмитрий Иванович принимал непосредственное участие в кампаниях по завоеванию полуострова. За мужество в последующих боях против турецких войск и их крымских союзников он был удостоен редкой чести – орденов Св. Георгия 4-й и 3-й степеней. В дальнейшем князь достиг вершин государственной власти, став министром юстиции и членом Государственного совета.

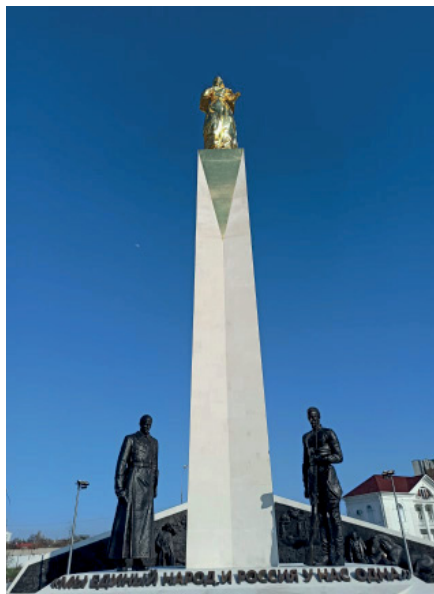
Символично, что портрет Дмитрия Ивановича – одного из авторов и подписантов Тильзитского мира (1807) – был передан его потомком, князем Никитой Дмитриевичем Лобановым-Ростовским, в дар посольству России в Париже. Сегодня этот образ украшает залы резиденции на улице Гренель, напоминая о преемственности поколений Лобановых-Ростовских.



*Князь Дмитрий Иванович Лобанов-Ростовский. Неизв. худ. Первая четверть XIX в. Дар Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского Посольству России в Париже*



*Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. Худ. Леопольд Горовиц, конец 1870-х*



*Памятник примирения  
в Гражданской войне.  
Крым. Севастополь.  
Скульптор Андрей Ковальчук. 2021*



*Обложка книги Олега Барabanова  
«Гримальди на Чёрном море»,  
Москва – Симферополь:  
Сонат, 2016*

## На страже «Восточного вопроса»

Новый этап связи рода с Крымом ознаменовала деятельность князя Алексея Борисовича Лобанова-Ростовского (1824–1896), внучатого племянника Дмитрия Ивановича. Выпускник Александровского лицея с золотой медалью и однокашник М. Е. Салтыкова-Щедрина, он стал одним из блестящих дипломатов своего времени. Его служба в Константинополе совпала с Крымской войной, где он проявил себя как тонкий аналитик восточной политики. Будучи послом в Лондоне, Вене и Константинополе, он в чине действительного тайного советника отстаивал интересы России на Чёрном море. В 1895 году Николай II назначил его министром иностранных дел, доверив управление внешней политикой империи в период сложнейших геополитических вызовов, стоявших перед Россией.

## Миссия просвещения и примирения: Крым и Лобановы-Ростовские в XXI веке

В наши дни Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский продолжает высокую родовую миссию своих предков, преобразуя историческую память в действенный инструмент культурной дипломатии. Его деятельность в Крыму – это не только возвращение к истокам, но и созидание новых символов национального единства.

Знаковой вехой стало возведение в 2021 году в Севастополе памятника окончанию Гражданской войны. Монумент, установленный по инициативе князя и его соратников по Международному совету российских соотечественников, стал олицетворением духовного примирения и преодоления трагического раскола русского мира.

Параллельно Никита Дмитриевич открывает неизвестные страницы крымской летописи в общеевропейском контексте. При его деятельном участии свет увидел фундаментальный труд «Les Grimaldi et la mer Noire» («Гримальди и Чёрное море»), объединивший ведущих учёных России и Европы. Исследования подтвердили поразительный факт: в XIII–XV веках династия Гримальди играла ключевую роль в освоении Черноморского побережья.

Сохранившиеся генуэзские крепости и порты – живые свидетельства того, что история правящего дома Монако неразрывно переплетена с судьбой России. Сегодня эти изыскания представляют Крым как уникальный перекрёсток цивилизаций, закладывая фундамент для диалога, основанного на взаимном уважении и общей исторической памяти.

Как мы видим, история рода Лобановых-Ростовских – это живая летопись взаимоотношений России и Крыма, охватывающая шесть столетий. Для представителей этой династии полуостров никогда не был просто географической точкой на карте. Это родовое пространство памяти, где их предки созидали историю Отечества, выступая и как суровые воители, и как мудрые строители империи.

Высшая награда Республики Крым – орден «За верность долгу», вручённый современному главе рода, окончательно замыкает этот величественный исторический круг. Она служит неоспоримым подтверждением неразрывной связи времён и верности потомков делу своих великих предшественников.

30.03.2026

# Берега Янтарного края

К 80-летию Калининградской области

## Олег Опекунов

*Олег Викторович Опекунов – родился в 1965 году в Правдинском районе Калининградской области. В 1974 году семья, по делам службы отца, переехала в город Брест, Белоруссия. Там же и окончил школу. Служил в пограничных войсках, во времена Союза жил и работал в Закавказье, Средней Азии и на Дальнем Востоке. Учился в Москве, Минске, Кракове и Гродно. Два высших образования: инженер-механик и юрист, кандидат юридических наук. Живёт и работает в городе Гродно, Белоруссия. Увлечения: конструирование, техника, животные, рисование, живопись и литература.*



## ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

*Повесть*

**Часть 2. Начало в № 1-2026**

*Журнальный вариант*

### ПУТЬ НА ЗАПАД

Сам город Горький казался огромным: множество людей в полувоенной одежде, снующих вперёд и назад, среди которых часто встречались военные в новой форме, с погонами и в хрустящих хромовых сапогах; автомашины, большие и маленькие, добывающие на проезжей части остатки мокрого снега, переполненные перроны... Голова кругом...

Полуторка, проскакав по размытым дорогам, заехала в несколько сёл, забрала ещё две семьи (кузов был заполнен до отказа), и стало уже тесно ехать. Благо дорога была не слишком дальней, и к вечеру разгрузились на вокзале.

Самые ценные вещи и новые документы были сложены в чемодан. Дети только успевали крутить головами и озираться по сторонам: они, всей семьёй, впервые попали в город. Было интересно и немного страшновато. Как много людей вокруг... Олимпиада за всю свою жизнь несколько раз приезжала в Горький, и то очень давно. Большой город её страшил, и дома, в деревне, она чувствовала себя намного лучше и увереннее... Самая маленькая – Люся – вжалась в мамкину юбку и боялась оторваться от неё. Зато мелкий Витька, сорванец, ничего не боялся, так и норовил куда-то убежать и что-то посмотреть, ведь для него так много всего вокруг незнакомого и интересного... Стараясь никого из большого семейства не потерять, Василий, постоянно озираясь, шёл впереди: тащил огромный семейный чемодан, показывал дорогу и постоянно оборачивался и глазами пересчитывал детей. Последним двигался старший сын, он должен был следить за братьями, чтобы не разбежались...

Наконец-то семейство со своим скарбом добралось до нужного перрона и остановилось. Витька чуть не сбежал: так ему хотелось посмотреть на паровоз на соседнем пути. Хорошо, что Сашка вовремя его поймал... Тогда решили привязать Витьку к чемодану. Так и поступили... Витька страшно обиделся на всех и пускал пузыри из потёкшего носа. Он видел, как их кошка, испугавшись незнакомой обстановки, выскочила и нырнула от мамки в толпу проходящих пассажиров. Но никому об этом не сказал. Пусть это будет его мстью за унижение с привязыванием к чемодану...

Протяжный гудок объявил о прибытии состава к перрону. Густое облако пара и чёрный дым из трубы паровоза заполнили собой весь перрон. Люди ничего не видели даже на расстоянии вытянутой руки, не говоря уже о том, чтоб рассмотреть, что происходит вокруг. Олимпиада в ужасе охватила

руками всех детей и прижала к себе. Самыми спокойными были Василий и Сашка. Василий как-то ездил на поезде, поэтому обстановка казалась ему вполне обыденной. А Сашка это чудо техники видел исключительно в клубном кино, и то всего несколько раз. Наяву же паровоз вызвал у него неподдельный восторг.

Квадратный громкоговоритель на крыше перрона прокаркал что-то невнятное и так же внезапно, как начал, замолчал. Никто ничего не понял.

Паровоз длинной змеей приткнулся к перрону, двери и ворота вагонов начали открываться, и проводники повыскакивали на платформу. Проводник-фронтвик нужного Василию товарного вагона ещё не успел получить железнодорожную форму. Отличали его только чёрная форменная фуражка, невесть где им раздобытая, телогрейка да повязка на рукаве. Василий осторожно подошёл и протянул посадочный талон на семью.

– Ого! Какая большая семья! – проводник сдвинул шапку на затылок. – Вот что, сейчас быстро собирай всех своих – и в вагон. Занимайте правую сторону, там к печке ближе и дует меньше. Давай, а то сейчас налетят остальные, тут двадцать человек будет. Крайние справа нижние нары не занимать, это мои.

Василий обернулся и замахал рукой Сашке: супруге махать было бесполезно в толпе, ростом не вышла. Сам запрыгнул в вагон и, по совету проводника, занял справа две секции деревянных нар. Осмотрелся. Внутри вагона щели были забиты ватой. С правой стороны стояла печка-буржуйка с чайником, рядом ящик с дровами, тускло светила керосиновая лампа. Чуть дальше, у вторых откатных ворот, – два бидона с водой. Нары в три этажа распределялись на правую и левую сторону вагона. Довольно тесновато. В проходе между нарами была установлена нехитрая домашняя мебель.

Семейство расселось по местам, а у входа уже начали толпиться другие переселенцы с талонами в этот вагон.

Через час вагон был забит до отказа. Пассажиры сустились, пытаясь устроиться на новом месте. Несмотря на открытую дверь, стало довольно тепло и даже душно.

Мужики, устроив своих родных, вылезли на перрон и нещадно дымили махрой, стараясь накуриться наперёд: уже было отчётливо понятно, что при такой тесноте проводник не разрешит курить в вагоне, иначе можно будет задохнуться. Да и детей малых было достаточно.

Важный человек в красной фуражке протяжно дунул в свисток, проводники запрыгнули в вагоны, прикрыли двери и высунули головы наружу. Громкоговоритель снова прокаркал что-то невнятное, паровоз протяжно загудел, опять пыхнул паром и медленно оторвался от перрона.

Так началась длительная дорога к новым местам: впереди было 1500 километров и две недели пути в набитом до отказа вагоне. Никто из переселенцев не знал, как сложится их судьба на неметчине.

Удивительно, но набитый людьми вагон через пару дней стал более просторным. У каждого появилось своё место: женщины умудрялись готовить на буржуйке, мужики на длительных остановках быстро пополняли запасы воды и дров, правда, не всегда с разрешения начальников станций. Вагон превратился в некое подобие цыганской семьи, привыкшей к постоянным переездам и минимуму комфорта. На определённых станциях пополнение продовольствия происходило согласно графику движения, что весьма радовало людей, привыкших экономить на всём. Единственная беда была со спиртным: оно переселенцам не полагалось, а на станциях местные ломали такую цену за бутылку самогона, что даже у самых отчаянных не хватало духу отдавать такие деньги.

Приближалась Москва, никто из вагона в ней не был, и все мечтали увидеть Кремль и Красную площадь...

Увы, паровоз проскочил Москву-Товарную и встал на запасных путях в Зеленоградске. Да и сама столица проплыла мимо поезда в утренних хмурых сумерках. Никто ничего толком так и не увидел, пассажиры были разочарованы...

В Зеленоградске застряли на трое суток: пролетали литерные армейские поезда. Эшелон с переселенцами дождался своей очереди на движение. После двухдневной ругани с начальником станции наконец-то был выбит график между литерами, и поезд тронулся дальше. Продукты уже заканчивались, а пополнение их в Зеленоградске не предусматривалось графиком. Перспектива остаться в чужом городе без еды никого не привлекала.

Менялись окружающие пейзажи... Стало страшнее... Следы прошедшей войны были повсюду: в руинах городов, сожжённых сел, и не улучшали настроения переселенцам... Пошли разговоры, что

их ожидает выжженная земля, всё придётся начинать с пепелища. Кто-то уже начинал потихоньку роптать, кто-то мечтал вернуться обратно. Но вот кому точно обратно не хотелось, это подросткам, которых в вагоне было достаточно. Они бурно обсуждали, как начнут обживать на новом месте, сколько всего построят и как будет всё красиво...

Кёнигсберг встретил свинцовыми тучами и промозглой сыростью. Города как такового не было, практически одни руины: стены пустых домов и разбитые мосты, мощёные улицы с наскоро засыпанными воронками от снарядов. Множество пленных немцев, которые повсеместно разбирали завалы и что-то пытались ремонтировать в городе. Разрушенный железнодорожный вокзал... Поезд остановился у разбитого перрона.

Неожиданно раздалась громкие звуки вальса «Амурские волны». От неожиданности все даже вздрогнули, обернулись и только потом заметили на краю площади небольшой армейский оркестр. Рядом с ним стояла наскоро сколоченная трибуна, обтянутая красным ситцем, и в рассеивающемся паре от паровоза над трибуной появился большой портрет Сталина, украшенный еловыми ветками и кумачовыми лентами. На трибуне было несколько человек: один военный и трое гражданских.

Пока играла музыка, через дорогу толпа пленных немцев возилась около полуразрушенного здания: сортировали и выносили кирпичи. Один немец каким-то чудом забрался в пустой оконный проём четвёртого этажа и пытался перекинуть верёвку через окно и кусок стены... Сашка увлёкся размышлениями: как он туда забрался и что он там делает... Немцу с десятой попытки удалось перекинуть конец верёвки и поймать его с другой стороны. Завязал узел.

Старший пленной команды горласто что-то крикнул, и немцы, оставив свои занятия, дружно схватили свободный конец верёвки на земле и, по команде старшего, начали раскачивать огромный кусок бывшей пятиэтажной стены.

Музыка стихла. Первым в громкоговоритель начал речь мужчина в сером пальто и чёрной фетровой шляпе:

– Товарищи! Мы приветствуем переселенцев на новой советской земле. Кёнигсбергская область нуждается в вас, в вашем героическом труде по восстановлению и освоению территории. Мы рады вас видеть. К сожалению, время уже позднее, а вам ещё надо добраться до своего нового места жительства. Поэтому всю нашу торжественную часть мы перенесём на лучшее время. Сейчас начальник Кёнигсбергского гарнизона сообщит порядок выдвижения переселенцев в новые районы! Прошу, товарищ полковник...

– Товарищи! Прошу внимательно смотреть на кабины автомобилей, на них порядковые номера. У каждого номера свой маршрут, у старших кабин списки переселенцев. Прошу вас после моего объявления подойти к номерам своих автомашин и уточнить у старших кабин, в какой автомобиль необходимо сесть вашей семье. Он доставит вас до вашего нового дома. Сначала я прочту весь список номеров, а потом вы сможете найти свои автомашины. А сейчас прошу тишины... Итак: Ульяновская область – автомашины с номерами от 1 до 7; Минская область – автомобили с номерами от 8 до 13; Челябинская область, автомобили...

Все затихли, боясь пропустить свои номера, Василий вслушивался в перечень... Горьковская область была в середине списка, и их номера от 34 до 41. Туда и надо было выдвигаться.

– Товарищи! Теперь прошу вас найти свои номера и подойти к автомашинам! В добрый путь! – комендант закончил, и все покинули трибуну.

Многочисленная толпа под музыку оркестра пришла в движение. Приглядывая за детьми и придерживая вещи, Олимпиада еле поспевала за мужем, устремившимся к автомашине с номером 34. В суматохе этажерка, которую нёс Сашка, была сломана. Отбросив её остатки, он подбежал к матери, выхватил у неё самый большой узел с вещами и закинул себе на плечи. Пропустив младших, направился за отцом.

У старшего конвоя Василий уточнил, что для его семьи места в автомобиле забронированы и направляется в Другенен. Ожидалось ещё три семьи, которые впоследствии станут их соседями.

Усевшись на лавки кузова, Олимпиада продолжала с ужасом оглядываться на окружающую разруху, не забывая плотно прижимать весомый пакет документов и денег к своей груди. Пассажиры как-то упаковались. Вещи, чемоданы, пакеты и узлы нашли своё место.

Оркестр снова заиграл «Марш славянки», регулировщики подняли красные флажки, и, под грохот обвалившейся стены и поднявшейся под самое небо кирпичной пыли, колонны тронулись в путь...

Только сейчас ошарашенная происходящим Олимпиада обнаружила пропажу кошки, попыталась заставить Василия принять меры по её розыску, но тот только отмахнулся рукой... Не до кошки сейчас...

### ЗДРАВСТВУЙ, НОВАЯ РОДИНА!

Полуторку безбожно трясло. Она переваливалась с боку на бок и, как корабль на волнах, скрипела и гребла по разбитой, мокрой, извилистой дороге. Это даже не дорога была, а скорее едва различимая колея среди огромного и пустынного поля. Пока ехали через это чвакающее месиво, были утеряны все ориентиры... Спустя полчаса бешеной тряски никто из пассажиров уже не понимал, в каком направлении и куда же они двигаются. Наконец на горизонте появилась полоска леса, деревья медленно приближались к машине и становились всё больше и больше.

Люди начали различать очертания величественных дубов и плотно стоящих пушистых лип. Когда машина поравнялась с первым рядом деревьев, стало понятно, что полоса, которую изначально приняли за лес, в действительности аллея. Машина вползла в этот зелёный коридор, с трудом нащупывая остатки некогда справной дороги. Кроны деревьев сомкнулись над дорогой так плотно, что даже небо затерялось в этих хитросплетениях. Просторный и бесконечно длинный тоннель...

Но сама дорога оставалась узкой, искалеченной снарядами, словно старуха после продолжительной оспы... Ямы от многочисленных взрывов, воронки были похожи на плохо затянувшиеся раны с их рваными краями, откуда выглядывали остатки бульжников от мостовой или куски более нового асфальта... Прямых участков было очень мало, пассажиры вместе с вещами перекатывались с одного борта на другой, временами защемляя себе ноги, руки и туловища чемоданами, баулами, малой мебелью и прочим скарбом.

– Да когда же это кончится, что за дорога? Ничего немчура по-людски сделать не может, – ворчал, потирая в очередной раз ушибленную большую ногу, Василий Иванович.

– Это не просто дорога такая, это немцы очень умные были и строили дороги так, чтобы военную колонну самолёт сразу всю не разбомбил, – ответил на его ворчание катающийся вместе с остальными седой боец сопровождения. – Всю жизнь к войне готовились...

– Оно и понятно, умные гады, – нехотя согласился Василий Иванович.

Уставшие от бесконечной дороги, люди клевали носом, периодически просыпаясь от неожиданных толчков, иногда кто-то привставал в кузове, с надеждой вглядываясь и ожидая, что вот-вот этот кошмар закончится... Но за окном был всё тот же пейзаж – бесконечный лабиринт...

Автомобиль неожиданно замер. Старший вылез из кабины и подошёл к столбику, на котором, на одном креплении, болтался указатель с названием следующего населённого пункта по ходу движения. Латинские буквы ещё были непривычны, да и в середине названия, в самой табличке, зияла приличная рваная дыра: то ли от снаряда, то ли от шального осколка...

– Дру... Дру... Нен... Хрен поймёшь... – старший откинул в сторону указатель и открыл свой планшет с картой. – Кажись, мы тут... Другинен, должно быть...

– Так это наша деревня али ещё нет? – раздался хриплый вопрос из кузова.

– Да, кажись, наша, скоро будем.

Старший, устало и тихо чертыхаясь, полез в кабину. Полуторка дёрнулась и довольно резво двинулась дальше...

Практически весь день ушёл на дорогу. Размытое тучами солнце, плавающее в тяжёлых облаках и в дымке, медленно скатывалось к горизонту. Начинало темнеть...

К счастью, от указателя долго ехать не пришлось, всего три очередных поворота, – и дорога показала первые дома немецкой деревни.

Все проснулись и с любопытством стали вглядываться в незнакомые очертания. Машина снизила скорость на брусчатой мостовой и остановилась около второго дома.

– Шальчук и Ковальский! – старший вылез из кабины. – Эй, белорусы! Могилёвские! Ваш дом! Этот, справа! Левая половина семье Шальчука, правая – Ковальского. Вылазим, приехали.

Мужики спрыгнули на землю и стали помогать своим домашним спуститься. Оставшиеся в кузове выгружали багаж.

Машина далеко не отъехала и остановилась у следующего дома.

– Окунев, Трутнев, – выкрикнул старший. – Левый дом! Окунев – правая часть, Трутнев – левая, принимайте хозяйство.

Василий Иванович, крихтя и пытаясь размять затёкшую больную ногу, медленно встал и начал пробираться к корме грузовика. Следом за ним зашевелилась его большая семья. Первым, через боковой борт, выскочил Сашка и тут же начал принимать братьев и маленькую Люську. Пока Василий вылезал из кузова, Сашка спустил и братьев, и небольшие узлы с чемоданом, всё сложил на брусчатке тротуара и побежал помогать отцу и матери вылезать с кузова. Труднее всего было выбираться Олимпиаде: грузное, задеревеневшее в дороге тело не слушалось, да и руки были заняты объёмным пакетом документов и денег, прижатым для пущей сохранности к груди. Семья Трутневых была не большая, да и младше, они высадились значительно быстрее.

Семья Окуневых собралась у правой калитки и не решалась её открыть. Всё чужое и непривычное. Перед ними стоял чугунный забор участка. Кружевной, тяжёлый и совсем не высокий, практически перешагнуть можно... Двор с их стороны просторный. Правее, за рядом огромных пушистых деревьев и кустов, виднелось другое здание: серое, высокое, с крышей, взмывавшей в небо остроконечным шпилем...

Самым решительным оказался Сашка: он открыл калитку и стал затаскивать нехитрые пожитки. Следом потянулись дети и, наконец, последние – родители. Уже прошла вечерняя зорька, и на улице стремительно темнело. А семья всё так же оторопело стояла около высокого кирпичного крыльца, не решаясь зайти в дом. Тяжёлая, окованная стальными лентами дверь была закрыта, но в замке торчал ключ. Теперь это их новый дом... Всё было чужим, незнакомым, ещё не своим...

В конце концов сырость и холод сделали своё дело и прибавили храбрости семейству...

– Сашка, подымайся, открывай, тут нечаво стоять... – буркнул глава семейства, и Сашка с радостью проскакал наверх и прокрутил ключ... Но дверь не открылась... Сашка попробовал надавить на неё плечом... Опять неудача... Дверь не распахнулась. Сашка в растерянности почесал затылок, соображая, что ещё надо сделать, чтобы попасть внутрь...

– Видишь, там ручка-крючок есть, – деловито пояснил Василий. – Так вот, надави на неё и толкни или потяни...

Сашка так и поступил. Дверь поддалась и с лёгким скрипом открылась. Ничего не видно. На улице также темнело...

Тогда Василий Иванович, покопавшись за пазухой, достал сложенную газету и спички. Скрутил импровизированный факел, поджёг его, тяжело поднялся и зашёл внутрь... В деревне некоторые окна уже светились, и он принялся искать выключатель, где-то же он есть... Кнопка нашлась довольно быстро, только и она была необычной: вместо привычного рычажка стояла какая-то толстенькая планка... Пошевелил её вверх-вниз – она осталась на месте. Тогда Василий Иванович принялся её тормозить, и, неожиданно для него самого, свет включился. Оказывается, эту планочку надо прокрутить – и вот уже свет заливал всё пространство, стоит вернуть её на место – снова темнота...

Коридор был довольно маленький, но вмещал несколько дверей. Семейство зашло, заняв всё пространство, благо что помещение было пустым...

Василий открыл первую дверь. Пошарив по косяку, нащупал ещё один выключатель и уже знакомым движением зажёл свет.

После коридора только что открывшееся глазам пространство казалось огромным.

Справа были ещё две закрытые двери и довольно большая печь для приготовления пищи, посередине стоял большой круглый стол, покрытый скатертью. На столе, словно ожидая гостей, стояли три маленькие ажурные кружечки на блюдцах, посреди стола – чайник непривычной вытянутой формы. Его длинный и высокий носик задиристо смотрел вверх... Слева, у стены между окнами, стоял огромный стеклянный буфет, за стеклом которого виднелись аккуратные стопки тарелок и ровные ряды кружек. Справа и слева от буфета поместились такие же, как за столом, высокие стулья.

Толпой ввалившись в комнату, все дружно начали разглядывать обстановку... На окнах висели лёгкие, накрахмаленные, ажурные, полупрозрачные занавески, прикрывающие нижнюю часть окна от любопытных взглядов с улицы. А на стенах висели две картины и множество круглых тарелок: все разные по размерам, с различными иллюстрациями...

– Батя, он ещё тёплый... – тихо сказал Сашка, прикоснувшись к необычному чайнику. – Там что-то есть...

Сашка поднял чайник и открыл крышку. Терпкий и незнакомый запах кофейного напитка быстро занял комнату... В двух кружках на дне виднелись остатки напитка. Младшая Люська осторожно взяла одну из кружек и поднесла ближе к лицу, хотела рассмотреть её необычные кружева, но, встретив строгий взгляд матери, поставила обратно.

В полной тишине семейство продолжало осмотр нового дома.

Следующая дверь раскрыла тайну ещё одной комнаты. Она была меньше первой, но также довольно просторная. Высокий, почти до потолка, трёхстворчатый деревянный шкаф, тёмный комод и огромная, почти на всю комнату, кровать. В углу висело овальное зеркало, под ним лёгкий ажурный столик с небольшой мягкой табуреткой.

Но самым загадочным помещением оказалось скрытое за второй дверью... Небольшое, но просторней прихожей, пространство скрывало огромное белое и глубокое корыто, рядом с ним – высокая чугунная башня с маленькой топкой внизу, а рядом, почти в самом углу, такой же белый большой чугунок... Но – дырявый!.. Заглянув в него, Сашка получил по лбу тяжелой маленькой гирькой, висящей на тонкой металлической цепочке и закреплённой на верхней части непонятного серого чугунка под потолком...

– Так, всё, хватит, мать, нарежь хлеба детям и открой банку тушёнки, а потом всем спать, остальное завтра, – распорядился отец. – Хрен их поймёшь, как они так живут. Сашка, в коридоре было ведро, поставь в комнате для нужды, а завтра придумаем и сварганим во дворе нужник, а то и отлить негде... Да, похоже, и колодец придётся рыть...

Шустрый Витька дотянулся до какой-то закорючки и провернул её, из крана хлестнула холодная вода, сильно ударила в дно раковины, обдав крупными брызгами мальчишку... Сашка сообразил, в чём дело, закрыл кран и демонстративно всем мелким показал кулак... Замечательное открытие: рыть колодец не придётся, уже хорошо...

Наскоро погрызли уже очерствевшего хлеба, по очереди очистили банки с мясными консервами, запили водой из крана, скинули обувь и упали все вместе на огромную мягкую кровать... Прямо в одежде... Долгая дорога, прохлада в комнате и усталость всех свалила с ног.

## ОСВОЕНИЕ ДОМА

Раннее утро назвать добрым было нельзя. Сашка открыл глаза. Голова, туловище и руки сильно болели, повернул взгляд на окно – там рассветная серость с тяжёлыми тучами... И непонятно, где проснулся...

Постепенно начало доходить – это его новый дом.

Крестьянская семья, привыкшая вставать с рассветом (работы по дому всегда было много) за последние недели была выбита из сил сборами, оформлением бумаг и тяжёлой дорогой. Наконец-то все смогли спокойно выдохнуть... Даже Олимпиада Ивановна, всегда поднимающаяся раньше всей семьи, мирно сопела на кровати, продолжая сжимать на груди руки, словно охраняя ценности за пазухой.

Сашка осторожно привстал, бережно отодвинул прильнувших к нему братьев, соскользнул с огромной кровати. Нашёл в куче обуви свои сапоги, наскоро натянул их и, стараясь не издавать никакого шума, вышел из спальни. Закрываясь, высокая дверь слегка скрипнула, но встала плотно.

Сашка приоткрыл кран, тонкая струйка холодной воды освежила его лицо. Выпрямившись, парень оглядел комнату... Было непонятно, что это за помещение, но наличие печки, буфета с посудой и стола убедило его, что это кухня, скорее всего. Всё это он уже видел вчера, единственное, что было непонятно – в комнате, у стены, стояла какая-то крашенная высокая железяка с множеством рёбер. Её назначение оставалось загадкой.

Сон в одежде и утренняя прохлада в помещении заставили его передёрнуться. Появилось желание растопить печь, но рядом с ней дров не увидел. Стараясь не стучать сапогами, осторожно вышел в коридор.

Входная дверь оказалась на довольно тугой пружине. Замешкавшийся в проёме Сашка получил от неё довольно приличный удар по заднице и чуть не вылетел с крыльца. Едва удержавшись, стал осматриваться.

Двор был просторным, в правую сторону уходила мощённая камнем тропинка на улицу через калитку, а к левой, прямо к дому, примыкал сарай. Как и дом, дорожка была из красновато-жёлтого

кирпича. Вход в сарай защищали огромные ворота из потемневшего дерева. Тяжёлые, окованные стальными лентами. На стенке, по обе стороны от них, довольно высоко от земли, два окна, высокие и узкие, как средневековые бойницы... А перед домом росли густые кусты сирени вперемешку с липами. Деревья были огромные, старые, их кроны почти полностью закрывали соседнее серое здание с высокой крышей и шпилем. В кроне лип расположилась большая стая чёрных ворон, притаившихся и почти неподвижных. Появление мальчишки не произвело на них никакого впечатления...

Сашка осторожно спустился с крыльца, ступени которого были сложены из такого же кирпича, как и дом, отличаясь только кладкой «на ребро». В ту же минуту ближайшая низкая туча зацепилась за деревья, и начался мелкий дождь...

Парень прошёл к сараю, скинул стальной навес и приоткрыл одну створку. Света она пропускала мало, поэтому пришлось её распахнуть полностью. Полумрак сарая немного рассеялся, и Сашка стал различать предметы внутри него. Какая-то машинка на больших стальных колёсах, вся утыканная кривыми толстыми проволоками, стояла в середине сарая. Назначение аппарата было для парня тайной, но сейчас не вызывало у него интереса. Он с удивлением увидел, что множество инструментов для огорода и сада не стояли в углу кучей, а были аккуратно развешены на стенах. Тут же обнаружилась конская упряжь, свёрнутые в бухты верёвки, разные по объёму и толщине, а под самой крышей на высоких балках лежали сухие доски. Сашка внимательно всё осмотрел, но главного – дров – он не обнаружил. Разочарованный, вышел из сарая и закрыл ворота так же, как до его вторжения, на стальной навес.

Парень осмотрелся во дворе и заметил за сараем какой-то ещё домик, скромнее размерами и сбитый из досок. Крыша была покрыта знакомой дранкой, потемневшей от времени и дождей.

Дверь была дощатой и лёгкой. В надежде найти дрова, Сашка зашёл и туда. Да и в этом сарае висел упорядоченный по размерам мелкий инструмент, ящики с разнокалиберными гвоздями, подковами, кусками железа, и, наконец, в углу он увидел искомое – дрова, наколотые и аккуратно сложенные вдоль длинной стены. Набрав полные руки колотых дров, ногой закрыв дверь, Сашка направился к дому.

На кухне уже суежилась мамка, осваиваясь с новой обстановкой. Остальные ещё отсыпались. Открыв буфет, она внимательно и осторожно изучала доставшуюся ей посуду. Стекло и фарфор были непривычными, но очень красивыми. Бережно крутила в руках и рассматривала кофейную ажурную чашку, когда в дом зашёл сын с дровами.

– Не греми... – зашипела мать. – Пусть поспят! А-а-а... дрова нашёл, молодец, сейчас печку растопим, будет тепло, и еду приготовлю...

– Слышь, мам, ты топи, а я пойду ещё гляну, что у нас тут, хорошо?

Олимпиада Ивановна кивнула в ответ, осторожно возвратила кружку в буфет и занялась печкой.

Сашка снова убежал во двор. За деревянным сараем уже заканчивался их участок, стоял забор, но уже не чугунный, литой, а плетёный из стальной проволоки. За ним простиралось длинное поле, обрамлённое лесом. На опушке – высокие ели, иногда сосны, но в основном лиственные деревья. Хотелось выйти на улицу и осмотреться, но внимание мальчишки привлекли странные, небольшие, окованные жёстью двери около фундамента дома, странно, но они почти лежали на земле. Сашка открыл правую створку. Совсем непонятно, от низа ворот, в глубину, лежал лист жести, и его нижний конец уходил в тёмное широкое окно в фундаменте дома. Сашка наступил на наклонную жёсть...

Неимоверный грохот от падения парня в подвал разбудил стаю ворон, они встрепенулись, громко и недовольно заорали, а самые нетерпеливые сорвались с веток, взбудоражив всю стаю... С неистовыми воплями чёрная туча сделала круг над домом и унеслась в сторону леса, но Сашка этого уже не видел...

Он сидел на полу, в облаке чёрной пыли, соображая, что с ним произошло. Наконец, отплевавшись от плотной пыли, при скудном освещении из открытой двери он начал разбирать окружающее... В медленно оседавшей пыли проступили очертания стен и большой кучи угля, на которую Сашка и приземлился. На заднице съехал с кучи и встал на ноги. Разгребая руками облака угольной пыли, всматривался в сумерки подвала, постепенно глаза привыкли к малому свету, и в торце помещения показалась чёрная дверь. Подошёл к ней и заглянул, но кроме темноты ничего не увидел. Пошарил рукой за стенкой в поисках выключателя, но не нашёл. Надежда на дальнейшее изучение подвала растаяла. Оставив свои намерения, решил выбираться через угольное окно.

Стая ворон, сделав несколько кругов над полем и деревней, вернулась на липы. Их крики стали спокойнее и деловитее.

Неловкие попытки парня выбраться по скользкой наклонной жести наружу и его регулярные падения обратно в подвал снова взбудоражили ворон, казалось, их громкое карканье сменило деловитый тон на ехидный...

С большими усилиями удалось вернуться во двор. Осмотрев себя и осознав, что в таком виде его в дом мать не пустит, пришлось раздеться и, под обидные вороньи вопли, в одних трусах, вытряхивать одежду от накопившейся угольной пыли...

На кухне Сашка обнаружил всех членов семьи уже проснувшимися, печка монотонно гудела, малышня за столом догрызала хлеб с тушёнкой, а отец прихрамывал вокруг печки и ворчал.

– Что тут сделали? Что за печка? Ни лежанки в ней, ни тепла...

– Батя, что ещё надо? Я тут в сараях был, там полно всякого, надо тебе посмотреть... И в подвале был...

Про способ своего проникновения в подвал он умолчал.

– Покеда ничего, – ответил отец. – Ты сядь, перекуси, потом осмотримся. Надо досок найти, яму выкопать и сортир сделать, негоже дома на ведро ходить...

– Доски есть, в сарае, наверху... И гвозди есть... И инструмент всякий...

– Вот это хорошо, поешь и займёмся...

Пока Сашка уминал остатки тушёнки, малышня разбрелась по дому. Мать занялась приготовлением каши, а отец подошёл к буфету и начал осматривать сквозь стеклянные дверцы добро...

Утреннее спокойствие неожиданно нарушил металлический лязг и громкий шум падающей воды в соседней малой комнате...

Старший, бросив еду, кинулся на этот звук. Распахнув дверь, Сашка увидел трясущегося Витьку, который стоял и неотрывно смотрел, как появившаяся из трубы вода с шумом падает в белый чугунок и исчезает в его отверстии...

– Саш, я только за гузик потянул... А тут... – залепетал мелкий. – Я сломал?

Изначально вознамерившийся вклеить оплеуху шкодливому брату Сашка неожиданно замер... Кто-то в деревне ему рассказывал, что у городских нет уличных сортиров, они ходят в комнаты, а там отходы сливают водой из трубы... Так может, об этом и речь была? В дверях появились родители, мать тут же вытащила среднего и прижала к себе, подальше от отца и старшего брата... На всякий случай...

– Чаво тут? – нахмурился отец.

– Батя, да всё в порядке, я сейчас осмотрюсь, кажись, и сортир рыть не придётся...

– Да ну? Хорошо бы... ну смотри... Может, чаво путного и высмотришь... Мать, не мешай, пушай смотрит.

– Только большое корыто не трогай, оно мне пригодится капусту квасить, – быстро вставила мамка. – А так, смотри, может, действительно чаво высмотришь...

Пока Сашка по-деловому осматривал инженерное сооружение, периодически подёргивая гирьку, пуская и останавливая воду, наблюдая, как та, разливаясь по стенкам чугунного унитаза, исчезала в нижнем отверстии, отец с матерью тихонько спорили на кухне...

– Толковый парень растёт, – гордился отец. – Коль так и дале пойдёт, то на землемера выучится... Уважаемым человеком станет...

– А пошто землемером? – не соглашалась мать. – Кузнецом лучше, вот он всем и всегда нужен, а землемер, дорого... Так ты его часто приглашаешь? Нет...

– Правильно, дорого, так он по всей волости ездит, много кому нужен: и там померить, и тут проверить, каждый к нему с подношением... Уважаемый человек... И в городе учился бы...

– Дался этот город, – не согласилась мать и вздохнула. – Пропадёт в этом городе...

– Сашка не пропадёт, учиться ему надо, а то в нашей деревне хвосты коровам только крутить...

Мать обиженно поджала губы. Очень не хотелось расставаться со старшим сыном, а город... Он пугал и не внушал доверия.

– Батя, сортир на улице делать не будем, – вышел довольный Сашка. – Он у нас в доме, как у городских, тёплый... Я опробовал, работает.

– Да ну! Прямо как в городе?

– Ну да, как в городе, пошли, всё покажу...

Гордый Сашка нырнул в туалетную комнату и оставил распахнутой дверь. В проёме сгрудилась вся семья, внимательно слушая старшего... Каждый, по очереди, дёргал за грузик и пускал сливную воду, а она сама снова набиралась в верхний чугунок, – здорово!..

– А тут, – Сашка указал на деревянный ящичек на стенке с нарезанной небольшими кусками немецкой газетой, – бумага, сделал дело – и задницу бумажкой вытер, а бумажку в ведро...

Все дружно согласились.

– Так, ты, Сашка, доешь и дальше осматривайся пока, потом вместе пройдемся, пойду и сам, ещё сельсовет отыскать надо...

– Так а чаво его искать? Выдь на улицу, посмотри флаг красный, туда и иди... – подсказала мать и развернула узелок с документами. Бумаги и ордера отделила, а деньги снова завязала в узелок и схоронила на груди.

Сашка, гордый и довольный своей смекалкой, подгрыз хлеб, остатки тушёнки с горбушкой подсунил младшенькой Люське. Отец похромал искать сельсовет, мать продолжила варить кашу на плите. Спустя пару минут Сашка чуть не поперхнулся водой, когда услышал новый грохот из коридора...

Выбежав, увидел сидящего в распахнутой боковой двери Витьку. Тот сидел на полу и потирал ушибленную задницу... За ним, а точнее за дверью, крутая деревянная лестница, винтом уходящая куда-то вверх...

– Живой?

– Да, я только хотел посмотреть, что там... Наверху... Поскользнулся и съехал...

– Так, чтобы без меня больше никуда не лез, – строго сказал старший. – Иди к мамке...

Сашка и сам собирался осмотреть дом, но раз так получилось – начал изучение отсюда... Вверх так вверх...

Лестница оказалась довольно узкой и крутой, винтом уходящая на второй этаж. Выходила она на небольшую площадку с двумя дверями. Сашка открыл первую и оказался в небольшой комнате со скошенным потолком. Кровать, шкаф, стол и стул. Обстановку завершал небольшой комод, стоявший рядом с дверью.

Вторая комната оказалась немного больше первой, и там уже расположились две кровати. Кровати панцирные, с матрасами, заправленные чистым бельём и большими подушками. Содержимое же шкафа несколько удивило: там висели платья, серое пальто, а на полках было уложено постельное бельё и нижняя одежда. Всё аккуратно сложено... Прошлые хозяева ничего толком и не забрали... Сашка вернулся в первую комнату, открыл там шкаф – почти так же, только одежда мужская...

Осторожно спустившись по непривычной лестнице, Сашка, уже в коридоре, открыл ещё одну дверь. Такая же лестница, только ведущая вниз... Темно... За косяком двери увидел выключатель... Повернул... Загорелась внизу лампочка и осветила лестницу.

Просторный высокий подвал внизу, перегороденный толстой кирпичной стенкой пополам, и снова дверь. Особо Сашку привлек потолок, он такого никогда не видел... Потолок был из кирпича, его своды начинались от стен и по дуге уходили вверх, а в середине помещения они встречались в одной точке... Красиво... Подвал был полон, на высоких стеллажах хранились домашние заготовки, на некоторых выставлены пустые банки. Огромные бутылки были оплетены лозой и стояли в ряд у стены. Через маленькие узкие окна виднелась улица, попадал свет, и это позволяло без электричества не набить шишек в подвале... За последней дверью Саша нашёл уже знакомую до боли угольную кучу.

В углу напротив кучи важно восседала чугунная печь. Створка печи была довольно большая, да и сама печь немного странная: из железа, с какими-то трубами, выступающими из печи и исчезающими в потолке подвала... Но внутри ничего интересного, обычная зола...

До парня начало доходить, что это не обычная деревенская знакомая печка, а что-то другое, но если её затопить, должно быть тепло... Но к этому можно вернуться позднее, а сейчас...

Сашка прихватил с собой пару полных банок консервации и понёс матери, на кухню.

Тем временем Витька, которому разрешили гулять во дворе, в густых кустах, под липами, нашёл воронёнка. Маленький чёрный комочек истошно пищал, пытаясь вырваться из рук мальчишки, на крик прилетели его родители и, с громким карканьем, пытались освободить своё дитя из чужих рук. Витька, с перепугу от пронсящих над его головой ворон, отпустил воронёнка на землю. Но чем они могли помочь своему птенцу? Освободившийся Сашка вышел на улицу и увидел сидящего на

земле младшего брата. Пришедшая на помощь сородичам стая ворон продолжала кружить над ним. Парень осмотрел дерево и спросил младшего:

– Ты где его взял? Давно?

– Нет, только что нашёл, он так пищит сильно, наверное, испугался меня, а нашёл вот тут, – и указал на край кустов.

Сашка ещё раз внимательно осмотрел место находки, взглянув вверх, увидел гнездо, которое было свито на тонких ветвях липы, довольно высоко, и понял, что вернуть воронёнка в гнездо не получится. Бережно взял птенца в руки и осмотрел.

– Ну что, братишка, выскочил, а как обратно? И чем же тебе помочь? Совсем маленький, и если оставлю тебя здесь, то тебя коты порвут, и всё, конец твоей вороньей жизни...

– А давай оставим себе, а вырастет, к своим воронам вернётся, а, Сашка?

– Ну что ж, похоже, другого выхода у нас нет. Тогда запомни: каждый день ты должен копать жменю червячков, и будем выкармливать, может, и вырастет, а дальше видно будет.

Радостный Витька тут же полетел копать червячков в уверенности, что чем больше червячков накопает, тем быстрее вырастет ворон.

Сашка был доволен результатами обследования дома. Он никогда ещё не видел жилья в два этажа, да и мамка сказала, что на втором этаже у него будет комната с Витькой. Пока всех не позвали к столу, он мог осмотреться и с улицы. Подобное предстало впервые в его жизни, было очень интересно...

С улицы дом оказался больше, чем чудилось вчера. Крыша большая, из красной черепицы. Правда, кое-где черепица потемнела и покрылась мхом, но это даже казалось неким её украшением. Со стороны улицы чётко виднелась нарисованная цифра двенадцать, а на самом верху фронтона, в середине, почти под крышей, Сашка рассмотрел и год – 1860. Что означали эти цифры, он толком не понял, что-то похожее на год, но неужели так давно построили этот дом?

– Ну чё? Привет, я – Юрка, – раздался звонкий голос с улицы.

– Привет, а я – Сашка, – обернулся Саша. – Я тут живу, а ты где?

– А вон, через два дома. Мы тут уже давно живём, третий месяц пошёл... А эти дома стояли пустыми, значит, вам дали... Меня погулять отпустили, хочешь, то вместе пойдём, я и деревню показать могу...

– Да, было бы здорово... Но батя сейчас вернётся, спросить надо, может, я понадобится ему, а нет – то отпустит. А ты чё за забором стоишь? Проходи...

Худошавый мальчишка, похоже, Сашкин погодок, открыл калитку и зашёл. Он оказался даже выше Сашки, но голос был довольно тонкий, девчачий...

– Ну чё, освоился? Тут здорово, и туалет в доме, и ванная, да и печку топить не нужно. Вечером, если прохладно, несколько лопат угля кинешь – и всё, тепло и сухо...

– Лопат? Чего и куда? А ванная, это что?

– Ну-у, темнота... Ты откуда приехал? – у Юрки появились снисходительные нотки. – Ты чё, ванную никогда не видел? Так она рядом с унитазом стоит, ещё и свой котёл к ней приставлен, воду в колонку закачал, внизу пару-тройку жменей веток сжёт – горячая вода, хошь – мойся, хошь – стирай... Хорошо... И в баню можно не бегать...

– Понятно... А чаво за котёл для тепла в хате? Это тот, что в подвале? И тепло дома откуда, если топишь в подвале?

– Да-а... Понял... А где вы жили раньше, откуда приехали?

– С Горьковской области, село Княже-Поле, далече отсюда... – Сашка насупился и стал прикидывать, с какой стороны сподручней вцепить этому Юрке леща... Чтоб не задавался...

– Оно и видно, ладно, не обижайся, я раньше тоже ничего этого не знал... Ты уже видел этот котёл в подвале, он в каждом доме стоит, так вот, растапливаешь этот котёл, он горит и внутри греет воду, а горячая вода бежит по трубам в батареи, они по всем комнатам понатыканы. Вот они и греют дом, а печка, так печка только для приготовления еды предназначена... Мой батя первые дни собирался её развалить и с лежанкой сделать, председатель еле отговорил... А сейчас ничего, привыкли, удобно...

– Действительно здорово, сейчас попробую. Ты, Юрка, иди, гуляй, а я завтра отпрошусь и вместе посмотрим деревню, а сейчас батю дождусь. И хочу мамке про ванну сказать, да и попробую воду тёплую сделать, вот ей будет здорово... А то она собралась капусту там квасить...

Юрка звонко рассмеялся:

– Так твоя только собиралась, а моя уже квасила! Когда узнали, что и почём, вот смеху было, потом полдня капусту в бочку перекладывали и в подвал переносили... Ладно, пока, будем друзьями, если что, забегай. Пойду я...

Сашка усиленно соображал и усваивал новую информацию. Хотелось быстрее всё опробовать, так ли устроено, как говорил Юрка.

## НОВАЯ ЖИЗНЬ

Всё новое: новое жильё, деревня, птицы, деревья и люди. Всё хочется как можно быстрее узнать и осмотреть, но времени не так много... Отец всё время заставляет Сашку что-то перебирать, переносить...

Василию Ивановичу доставляло огромное удовольствие копаться в появившихся у него хозяйственных запасах, особенно ему нравился садовый инвентарь – таких добротных лопат и граблей у него с роду не водилось, а сколько разной полезной мелочи в ящиках! От этого он приходил в детский восторг. Сашке также нравилось копаться в хозяйственных отсеках, но назначение многих мелочей он не знал и не понимал и обнаруженное «что-то» откладывал отдельно, «до выяснения»...

Юрка, новый друг, часто забегал к Сашке, помогал разобраться со знакомой уже ему хозяйственной мелочью, но и его иногда ставили в тупик некоторые детали. Конечно, было много проще человеку, уже четвёртый месяц проживающему в этой деревне и заставшего соседей – немцев, которые смогли показать любопытному парню особенности хозяйственной утвари. И Юрка с удовольствием прибегал на помощь и с видом знатока пояснял назначения знакомых предметов... Порой его и сам Василий Иванович выслушивал... Для Юрки эти моменты были особенно приятны.

В благодарность, Василий Иванович не особенно противился, если Юрка просил отпустить Сашку с ним побегать...

В таких случаях самой главной проблемой было отвязаться от навязчивых младших братьев, ну куда пролезешь с мелюзгой?

Тем более что Юрка обещал показать лесное озеро, а там столько всего скрыто... Правда, отец предупреждал, чтобы в лес не совались, да и председатель запретил – там много мин и снарядов осталось после войны, а у властей руки не доходили прочистить там всё, проще запретить...

Весна уже была в разгаре, с каждым днём становилось всё теплее, деревья оделись в молодую листву, а луга залились зелёной травой. А летом так и совсем выжить будет проще. Пайка, что приносил отец, еле хватало на большую семью, впрочем, как всё как у всех, жили впроголодь... Молодой щавель уже принёс в семью приятное дополнение, младшие собирали его в саду, а мать варила каждый день из него суп, правда, без мяса. Всё равно лучше, чем ничего... В пайке переселенцев свежее мясо не значилось, только тушёнка и крупы, иногда селёдка...

Со временем Сашка приоровился ловить куропаток на лугу. Он собирал малышей, те ложились в траву, старший уходил в поле подальше, и, когда всё успокаивалось, Сашка вставал с растянутой на руках простынёй, а малышня с воплями и криками бежала по полю к нему. Куропатки взлетали, стелились над лугом и – прямо в развёрнутую простыню. Многим удавалось убежать, но одна-две птицы попадались, и тогда в семье наступал пир.

Основным местом сбора деревенской молодёжи стала заброшенная кирха, напротив дома Сашки. Там обещали сделать сельский клуб, но от обещаний до реальности всегда большое время пробегает... Некогда красивое здание пришло в упадок, штукатурка во многих местах отвалилась, обнажая ровные кирпичные ряды, окон нет, выбиты, осколки валялись вперемешку с лавками по всему простору помещения...

Как правило, Сашке за эти посиделки с костром доставалось больше всех, эта же кирха была соседним зданием с его домом. Василий Иванович несколько раз пытался наводить порядок вожжами и ремнём, но вертлявые юнцы успевали разбежаться ещё до его прихода... В итоге взрослым это надоело, и они перестали обращать внимание на сходки молодёжи... В один из таких вечеров Юрка отвёл Сашку в сторону:

– Сашка, а у вас толстая проволока есть?

– Не знаю, а зачем тебе?

– Надо, – нахмурился Юрка. – У себя уже всё облазил, и куска нет. Если найдёшь, расскажу тайну, но чтоб об этом никому...

– Посмотрю, может, и есть. – Сашка перешёл на шёпот: – А что за тайна? Мы ж друзья... Или только из-за проволоки дружишь?

– Да нет, ты чё. Конечно, не из-за проволоки... Короче, я знаю место в озере, куда военные трофейное оружие скидывали, целых пять полных лодок утопили, а из проволоки сделаем кошку, ею и достанем оружие. Вот бы пистолет выловить...

– Да-а, – мечтательно согласился Сашка. – Иметь пистолет – это здорово, только ты уверен, что выловим? Но на озеро нам через лес идти, а туда запрещено, мины могут быть...

– А то как же, конечно, выловим, может, с пистолетом не повезёт, но винтарь или шмайсер точно выловим... А тропинку я знаю, я туда не один раз ходил рыбу ловить, а то б сдохли с голоду в первое время... Там мин нет...

– Тоже хорошо, завтра я посмотрю проволоку и верёвку притяну, у нас там, в сарае, разные бухты висят, посмотрю, где больше, и принесу, но это с возвратом. А то батя шкуру снимет... А куски проволоки я, кажись, видел...

На том и порешили. Для маскировки своего похода решили, что будут ловить рыбу для еды, иначе могут не разрешить идти через лес, тем более что до озера почти десяток километров и придётся уходить на пару дней. Основная задача была в том, чтобы найти маленькие гвозди, из них можно сделать хорошие рыболовные крючки, но, как назло, ни у кого их в доме не было. Выход нашёл пронырливый Юрка, он надёргал тонких гвоздей из старых оконных рам в кирхе, часть их всё равно из окон вывалилась, и стёкла разбились, а вот деревянные тонкие рейки, которые держали стёкла, как раз крепились нужными мелкими гвоздями...

Мальчишки молотком отбили себе все пальцы, пока гнули и расклёпывали мелкие гвоздики, но добились результата. В их хозяйстве появился не один десяток крючков. Следующей задачей стало найти тонкую и прочную нитку.

Этим же вечером, когда почти вся молодёжь собралась в кирхе, Сашка набрался храбрости и пошёл к Анне. Она сидела с девочками напротив, всего в метрах трёх-четырёх, и Сашка, сделав несколько шагов к ней, не понимая почему, вдруг развернулся и отошёл к другим парням, которые готовили ветки для костра... Юрка округлил глаза и подсел к ним.

– Ты чего? – зашипел на Сашку. – Иди давай, а то без рыбы останемся, и сам знаешь чего... Иди...

– Сейчас, только хворосту наломаю...

– Какой хворост? Я тут и без тебя наломаю, иди...

– Так она не одна сидит, – мямлил Сашка. – Девчонки услышат...

В этот момент Анна сама встала и подошла к двери кирхи, встала в проёме и, крутя пальцами травинку, задумчиво смотрела на собравшихся со стороны... Сашка засмотрелся на неё, но удар Юркиного сапога по заднице придал решимости. Парень встал и размеренно обошёл сидящих ребят по направлению к выходу.

– Привет, – голос Сашки как-то охрип, и в горле сразу пересохло. – Привет, говорю... Ты это... Что делаешь?

– Привет, не поняла, – Анна подняла глаза, в них появилась хитринка. – Что значит, делаешь? А что мы тут все делаем?

– Ну, я не то хотел сказать, – парень совсем растерялся. – У меня есть дело к тебе, вот.

– Дело? Хорошо... – Губы Анны растянулись в улыбке. – Какое дело? Серьёзное? Очень серьёзное?

– Да, серьёзное. – Сашка старался не смотреть на Анну, так было ему легче говорить с ней. – Нам это... Нужна крепкая нитка, может, у вас найдётся?

– Что, штаны порвал? – тихо рассмеялась девчонка. – Тогда зайди к нам, мама поправит... Да и я могу шить, мама научила...

– Да нет, не штаны... Нам нужна прочная нитка, для рыбалки, уже крючки сделали, удилище в лесу вырежем, а вот нитка... Нет ни у кого... Может, у тебя найдётся?

– Для рыбалки? Здорово! Мы с папой раньше часто на рыбалку ходили, мне нравилось... Только это же через лес надо идти... А нам разрешат? А воронёнок твой? Разрешешь погладить?

– Что значит нам? – опешил Сашка. – Нам – это не пойдёт так, мы с Юриком вдвоём идём, там девчонкам делать нечего... А воронёнок ничейный, хочешь, то сама гладь, если поймаешь...

– Значит так? Тогда сам ищи нитку, – надулась Анна, отвернулась... Резко развернулась и нырнула в темноту...

Сашка остолбенел. Вынырнул Юрик.

– Ну что? Будет нитка?

– Не знаю... Кажись, что нет... Она с нами хочет идти... А как мы её возьмём?

– Нет, брать нельзя... Так будет нитка или нет? Что сказала?

– Ничего, убежала...

Парни застыли у входа, все планы рушились прямо на глазах... Пока они рассеянно пытались сообразить, как поступить дальше, из темноты вынырнули довольное лицо Анны и протянутая рука с мотком белоснежной нити.

– Так... – удовлетворённо осмотрелся Юрка. – Почти закончили, шалаш готов, вон берёза стоит, давай ещё наберём бересты для распалки и костёр разведём, а то уже жрать охота, я у бати кусок сала умыкнул, вот и поджарим, вкуснотища-а-а...

– Давай, – согласился Сашка и ломанулся к берёзе, Юрка за ним. Отбежали метров пятьдесят от лагеря, как вдруг...

– Стой! Стой!!! – заорал Юрка и сам остановился. – Замри и не шевелись...

Испугавшись Юркиного вопля, Сашка остановился как вкопанный и почти не дышал. Юра медленно подошёл к товарищу сзади.

– Не шевелись... Я сейчас тебя обойду и посмотрю, где граната, вон, под ногами проволока блестит, видишь? Растяжка, я такие уже встречал. Не шевелись... Терпи...

Юра осторожно ступал по высокой траве вдоль еле заметной проволоки в сторону густого куста, росшего неподалёку, присел под ним и начал там неторопливо копошиться. Наконец распрявился и поднял руку. Держа в вытянутой руке немецкую гранату на длинной деревянной ручке, крикнул Сашке:

– Ну, всё... Хорошо... Отомри и скрути проволоку, такая тонкая и нам пригодится в хозяйстве, вот наш первый трофей...

Сашка, увидев гранату, только сейчас осознал, что могло произойти, от волнения и страха весь взмок...

Бересты надрали вдоволь, а пока драли, рассуждали о гранате, решили, что она очень нужная в хозяйстве вещь, особенно на рыбалке...

Сказать, что семья Сашки была счастлива от добычи, это ничего не сказать... Единственное, что мешало громко выражать радость, это беда у соседа, его сын погиб от взрыва. Мать очень быстро распотрошила десяток рыбин и кинула на сковороду... Малышня сгрудилась вокруг мешка, разглядывая и ощупывая серебристую рыбу... Как же её было много! Пока мать готовила праздничный ужин, довольный отец брал по одной рыбине, потрошил и солил её, приглаживая рыбки от счастья рукой, вешал их на длинную нить для сушки. Закончив чистить рыбу, отец сгрёб половину в таз.

– Сашка, отнеси соседям, беда у них, хоть что-то хорошее для них сделаем...

Разговаривали мало, на всех давила печальная новость о гибели мальчишки. Такие трагедии в округе, к сожалению, не были чем-то неординарным: то в одной деревне кого-то покалечило, то в другой кого-то убило неразорвавшимся снарядом или миной. Дети калечились из шалости, а взрослые по неосторожности...

А утром вся деревня хоронила погибшего мальчишку, первая могила на новом деревенском погосте...

Из кирпичи, силами деревенской молодёжи, сделали клуб. Весь оставшийся день Анна с матерью дошивали праздничное платье из парашютного шёлка. Пушистое, белоснежное платье, искусно сшитое матерью из парашютного шёлка, прямо как из сказочной книжки, Анна была счастлива, наконец-то она оденет его и покажется друзьям...

Юрка стоял на одной здоровой ноге. Вторая нога была в гипсе после его неудачного танца на лесах при ремонте клуба. Наполнив чугунный утюг из печи раскалёнными углями, на кухонном столе старательно разглаживал свои новые штаны... Закончив работу, аккуратно их сложил и решил, для большего праздника, раскрасить свои костыли разными цветами, к чему и приступил незамедлительно...

Сашке повезло меньше. Он вернулся домой в приподнятом настроении и, устроившись за столом и хлебая горячий чай, начал свой рассказ родителям о приходе капитана в клуб и его обещании подарить сельскому клубу трофейный патефон с пластинками... Однако его повествование было прервано громким визгом и рёвом мальчишки за окном... Во двор выбежали Сашка с матерью, и отец, спотыкаясь на пороге, хромал за ними.

По просторному двору, кругами, с диким визгом носился подросший поросёнок, любимец и гордость матери, а посреди двора, во вчерашней подсохшей грязной луже, лежал и, с воплями, пытался подняться Витька. Общую суматоху добавлял воронёнок Гришка, который постоянно кружил над двором и громко орал. Мальчишка плакал, утираясь грязью с рукавов, подвывая от прошедшего испуга и ожидания грядущего наказания... Пока отец с матерью пытались поймать носящегося по двору и визжащего поросёнка, Сашка поднял на ноги грязного младшего брата и присел, пытаясь оттереть его лицо от грязи.

– Ты чего орёшь? Что случилось? Почему поросёнок во дворе?

В ответ сопливые всхлипы Витьки стали только громче...

– Говори, а то по шее дам! – угрожающе зашипел старший и на всякий случай оглянулся на мать. – Что случилось тут?

– Я, это... Поросёнок... Я хотел... Он сам... – испуганно гундосил младший братец. – Я только сел... Пашка хвастался, что на своём поросёнке катается... А он... Меня... Сбросил, и прямо в лужу...

– Ну, и далеко уехал? – язвительно спросил Сашка. – Пару шагов?

– Не-а, он меня почти сразу скинул... Я только садиться начал, а он сразу в лужу прыгнул и упал... И я вместе с ним...

– А как ты его из загона вывел?

– За уши вытащил... Пашка своего за уши вытаскивает, садится и едет, он сам в загон бежит, а он едет... А у меня не получилось... Сволочь...

– Ясно, утирай сопли, – старший отряхнул измазанную одежду младшего. – Пошли, поросёнка ловить надо, а то мать не поймает.

Но поймать вертлявого поросёнка в просторном дворе оказалось не так просто. Пока мать, растопырив руки, шла на него, а отец с другого боку пытался загнать его в угол, Сашка с Витькой героически падали, цеплялись за его шкуру, но он ускользал, выделявая замысловатые петли по всему двору и, с громким визгом, не давался хозяевам в руки... Собравшиеся на заборе соседи смеялись, выкрикивали советы для лучшей поимки беглеца. Наконец-то визжащее создание, общими усилиями и под смех соседей, было поймано и отбуксировано за уши в стойло. Злой, уставший и перемазанный землёй Сашка, сняв грязную одежду, и свою, и младшего брата, пошёл греть воду для стирки одежды, сегодня отдохнуть не получится... Стирка.

Вечером следующего дня вся деревня, в праздничной чистой одежде, собралась в новом клубе. Взрослые с удивлением рассматривали новое просторное и украшенное помещение клуба, а их дети с гордостью наперебой рассказывали им, кто и что тут сделал.

Ребята притащили стол, поставили на него подарок военных – патефон, уложили стопку пластинок в бумажных упаковках. Достали первую, установили, до конца накрутили пружину... Незнакомая, но приятная весёлая музыка заполнила клуб...

Музыка продолжала играть, а центр зала оставался пустым. Молодёжь тискалась по углам и стеснялась танцевать на виду всей деревни, но все дружно, в такт музыке, кивали головой или притоптывали ногами.

– Ты чё стоишь? – Юрка подпрыгнул к Сашке. – Иди давай к Анне, пригласи на танец...

– Не пойду, – последовал тихий ответ. – А как я танцевать буду, если не умею? Срамоты не оберёшься... А она вишь, какая...

– Иди, там разберёшься, слушай музыку. Если бы не моя нога... Я бы точно пошёл и пригласил...

– Не, боязно... Надо хоть посмотреть, как танцуют, но стоят все по сторонам, и смотреть не на кого...

Взрослые пытались приободрить детей, но те упрямо стояли по углам, первая композиция уже отыграла, раздался громкий треск пластинки патефона – и началась следующая порция музыки... Старшие, подавая пример, закружились в танце...

Между тем Анна решительно вышла из своего угла и, протискиваясь между танцующих пар, направилась прямо к Сашке. Это окончательно его смутило, но бежать было некуда...

– Я хочу пригласить тебя на танец, – тихо сказала Анна и слегка присела. – Пойдём, такая хорошая музыка, под неё легко танцевать, пойдём, я помогу...

С этими словами она взяла Сашу за руку и вывела на танцевальную площадку, положила его правую руку на свою талию, а левую в сторону и начала, в такт музыке, круговое движение... Сашка, полностью подчинился ей, и, на своё удивление, у него что-то начало получаться, его растерянность и страх растворились, и он даже начал получать удовольствие от танца.

Но радость Сашки длилась недолго, при очередном развороте он наступил Анне на туфлю и, в ужасе от случившегося, остановился... замер остолбенев. Анна освободила свою туфлю и звонко засмеялась, её смех помог парню выйти из шокового состояния, он засмеялся в ответ, и пара продолжила танцевать.

Наверное, это случилось впервые за долгие годы, когда люди просто остановились, отошли и даже на время забыли свои переживания, страхи и тяготы, они просто наслаждались музыкой и своими танцующими детьми. Танцы продолжались до позднего вечера, но люди не торопились расходиться и возвращаться в свои дома. Было так здорово, интересно и весело проводить время в новом клубе всем вместе...

...Утром Сашка не смог сразу сбежать к Анне, мать заставила его навести порядок в подвале. Уставший и надышавшийся пылью, Сашка поднялся из подвала. Его внимание привлёк замерший у калитки Витька, заглядывающий на соседский двор. Сашка, стараясь не шуметь, подкрался к нему.

– Ты чего тут замёрз? – шёпотом спросил Витьку.

Тот повернул голову к брату, поднёс палец к губам, потом указал на сидевшего на заборе Гришку. Сашка сразу понял, что выросший ворон занят излюбленной игрой – издеваться над соседским котом. Несчастный кот уже столько раз попадался на его уловки и старался уже не обращать на него никакого внимания. Но в планы Гришки полное игнорирование котом его желаний не входило.

Котик, делая вид, что не замечает крутящегося рядом ворона, растянулся на траве и блаженно закрыл глаза... А зря... Увидев такое пренебрежение, Гришка, хитро прищурившись, двумя скачками приблизился к кошачьему хвосту и с размаху клонул. Несчастный кот, взвывая от боли, кинулся на обидчика, но ворон был готов к такому развороту событий и, резко взмахнув крыльями, взлетел на забор. Кот не отстал, хорошенько разогнавшись, взлетел на забор и ударил когтистой лапой. Ворон отпрыгнул в сторону, удар пришёлся в пустоту, а наглый Гришка опять долбанул клювом кошачью лапу. Кот, жалобно замыкал, спрыгнул с забора и нырнул под крыльцо своего дома. Гришка, с видом победителя, начал расхаживать по забору вперёд и назад, изредка косясь на крыльцо врага. Несмотря на свою явную победу, Гришка ещё не закончил развлечения. Воронья душа требовала продолжения. Он сел посреди пустого двора и, издав громкий хрип, упал на спину... Впрочем, его прищуренные глаза зорко наблюдали за окружающей обстановкой. Увидев поверженного и обессиленного врага, кот, вознамерившийся отомстить за свои унижения, на мягких лапах выбрался из своего укрытия и стал подбираться к птице. Но завершить победный прыжок у него не получилось, в последний момент ворон ловко подпрыгнул на спине и взлетел. Обескураженный кот остался стоять посреди двора. Гришка, сделав пару кругов, прицелился и спикировал на кота, в последний момент, прямо как авиабомбу, прицельно выпустив кучу помета. Она попала точно в середину кошачьего лба и разлетелась свежими брызгами по шкуре... Ворон с триумфальным воплем сделал завершающий круг по двору, сел на забор, поближе к хозяину, и громко каркнул.

– Гришка, имей совесть, замучил уже бедного кота, – воззвал птицу к совести Сашка. – Он скоро от твоих проделок лапы протянет. Оставь его в покое.

Гришка минуту внимательно смотрел на хозяина, потом сделал вид, что ничего не понял и, взлетев, победоносно удалился по своим вороньим делам.

– Как пить дать, хвастаться полетел... – резюмировал Витька.

А на следующее утро пришла неприятная новость в семью Сашки. Пришла почтальонша Фрося и, стараясь не смотреть в глаза парню, протянула ему серый конверт с фиолетовым штампом. Повестька – призыв на службу, и осталась до армии всего одна неделя. Призвали раньше, чем думалось и надеялось, уже ни в какое училище ему ехать не придётся... Но сегодняшние неприятности не окончились – семью Анны, как немцев, по решению советского правительства в ближайшее время депортируют в Восточную Германию...

Последняя неделя прошла совсем грустно, Сашка с Анной старались как можно больше проводить время вместе. Поблизости грустно сидел и ворон. Анна часто тихо плакала, прижимаясь к любимому, Саша старался губами стереть её слёзы со щёк. Они договорились, что как только станут известны

их адреса, то будут как можно чаще писать друг другу письма. Сашка, прижимая к себе Анну, горячо заверял: как только он отслужит, сразу же найдёт её, и будут они всегда вместе...

Ворон ещё долго потом кружил над опустевшим любимым местом влюблённых...

## ЭПИЛОГ

Балтика... Поздней осенью всегда шквальные ветра на стально-сером море. На пирсе прибытия паромов, сопротивляясь ветру, широко расставив ноги, стоял высокий, плотный мужчина, опирающийся на палку.

Ветер пытался порвать его пальто, бился о поднятый воротник и старался скинуть серую кепку, но ничего не получалось. Ему оставалось только перебирать короткие седые волосы на затылке мужчины. Стоял молча. Иногда поднимал голову и внимательно смотрел на бешеных чаек, которые, ловя ветер, носились по порту. Рядом, крепко вцепившись когтями в поручень ограждения, сидел большой чёрный ворон. Ветер развлекался с его перьями, а он сидел как каменный, только изредка бросая презрительный взгляд на проносащихся мимо орущих чаек. Низкие тяжёлые тучи цеплялись за волны и уносились дальше на берег, забирая с собой морскую пыль.

На пустом пирсе он был не один. Рядом с ним стоял в оранжевой штормовке с накинутым капюшоном молодой парень, к которому прижался мальчишка лет шести. Парень пытался укрыть малыша от ветра, но резкие порывы вырывали его расстёгнутый борт куртки и снова били по лицу мальчишку. Парень насупился, прикрыл глаза, пытаясь укрыться, но терпел.

– Отец, ещё полтора часа до прихода парома, – перекрикивая ветер, обратился к отцу молодой парень. – Ещё и нет никого из встречающих, давай найдём в здание вокзала. А то дадим тут дуба... Да и Сашку застудим, вроде ещё не холодно, но ветер бешеный... Шторм...

Седой мужчина очнулся от своих мыслей и кивнул головой. Он поднял руку и увидел, что от букета гвоздик практически ничего не осталось... Только стебли, зажатые в его ладони и остатки сломанных ветром цветочных головок... Молча выкинул остатки букета в урну, повернулся и, обняв парня за плечи, повёл в здание вокзала. Когда ветер бьёт в спину, намного легче идти.

Александр Васильевич, очнувшись от своих воспоминаний, расстегнул пальто и полностью укрыл внука от пронизывающего ветра, повернулся к ворону.

– Гриша, ты с нами? – обратился он к птице, но та посмотрела на него, хрипло и коротко каркнула и осталась сидеть на перилах.

– Ну жди, давно ждёшь... Скоро уже увидишь...

Троица, подгоняемая ветром, зашла в здание вокзала.

Юра, сын Александра Васильевича, усадил всех за столик кафе, сходил к бармену, заказал горячий чай и пошёл искать новый букет. Старший скептически посмотрел на дымящуюся чашку чая и попросил рюмку коньяку.

– Деда, а тётя, которую мы ждём, издалека приедет?

– Издалека, из Германии, она там живёт, а к нам в гости. Долго, очень долго мы её ждём, почти всю жизнь...

– Какую жизнь? – не унимался Сашка. – Всю мою жизнь ждём? Долго...

– Не только твою, малыш, но и мою жизнь, ты прав, очень долго ждём...

– А Гриша почему дома не остался? И охота ему было в такую погоду лететь так далеко...

– Он не может не встретить её, он так же долго, как и мы, ждал эту тётю...

– И Гриша знает её?

– И знает, и любит, так же, как и тебя... Поэтому он и не мог остаться дома, ему надо быть с нами...

Юра вернулся с пышным букетом роз, бережно поправил прозрачную упаковку и попросил вазу с водой.

– Она любит гвоздики, – осмотрел букет Александр Васильевич. – Их не было?

Юра отрицательно помахал головой.

– Знаю, пап, но нет гвоздик, только розы... А совсем без цветов женщину не встречают... Тебе нравится букет?

– Конечно! – за деда ответил внук. – Вон какой большой букет. Разве он может не понравиться?

В ответ взрослые улыбнулись и оглянулись на большие вокзальные часы, впереди ещё час ожидания.

– А почему мы Гришу не взяли с собой? Ему же там холодно... Может, позовём?

– Нет, Саша, он не пойдёт. Я звал. Он не может пропустить встречу, он останется ждать, а ветер ему не помеха...

– Для храбрости? – сын кивнул на рюмку коньяка.

– Ну да, типа того... Ветер...

От мощного сигнала задрожали витринные стёкла, это паром приветствовал берег. Большое белое судно бережно причалило к пирсу, молодые парни в штормовках, уклоняясь от ветра, ловко растянули мощные канаты и увязали ими паром к пирсу.

– Ну вот и дождались... Пора.

Встречающие пассажиров парома люди вереницей потянулись на выход. А вместе с ними и наши герои.

Гриша, сопротивляясь ветру, насторожился, вытянул свой большой клюв в сторону парома и прищурился. Он всматривался в большую толпу пассажиров, скопившихся на нижней палубе, ожидающих разрешения сойти на берег.

Александр Васильевич также пытался разглядеть в толпе родное лицо, а не обнаружив, расстроился. Он был уверен, что сразу увидит Анну, свою Аннушку... А тут нет, просто разноцветная масса людей... Остаётся снова ждать, пока пассажиры по узкому помосту начнут выходить с парома.

Гриша неожиданно расправил на ветру крылья и, уносимый им вверх, взлетел. Он сделал круг над паромом, второй... И, неожиданно для толпы пассажиров, спикировал в неё и исчез в разноцветной толпе.

– Деда, смотри, Гриша! – маленький Сашка первым увидел ворона, который сидел на плече высокой стройной женщины в бежевом пальто, она спокойно выходила на трап, держа за руку маленькую девочку. Ворон крепко сидел на её хрупком плече, лишь старался ближе прижаться к шляпе незнакомки.

Александр Васильевич напряг зрение и узнал в незнакомке, чьё лицо было почти скрыто большими очками, Анну. Да, это она! Да и Гриша точно не мог ошибиться!

Пассажиры, немного сторонясь симпатичной женщины с чемоданом и вороном на плече, устремились на пирс. Гриша был счастлив, закатив глаза, он тёрся головой о поля шляпы своей подруги.

Александр Васильевич, немного дождавшись, когда основные пассажиры разбрелись по пирсу, устремился к Анне. Встретившись через столько лет, они остановились друг против друга и просто молча смотрели в глаза. Наконец обнялись...

– Анна, а это вам, – Юрий протянул забытый отцом букет. – Я Юра, сын Александра Васильевича, а это Сашка, уже мой сын.

Анна перевела взгляд на Сашку и потрепала его по чубу.

– А это, – Анна указала на девочку, – наша маленькая Анна... Ну, здравствуй, Александр Юрьевич, наконец-то мы познакомились...

– Здравствуйте, тетя... Бабушка Анна, – смутился Сашка. – Мне дед много рассказывал о вас, даже бабушка злилась...

Анна улыбнулась и погладила друга по щеке.

– Разрешите взять ваши вещи, идёмте в машину, она тут, неподалёку. Юра подхватил чемодан у женщины и сумочку у девочки, указал дорогу. Гриша, словно опомнившись, вспорхнул с плеча и, наворачивая низкие круги, также указывал дорогу, стараясь не потерять всех из виду.

Немного отдохнув от встречной суеты, оставили праздничный стол, вышли во двор Сашкиного дома. Всё то же – забор, липы, кирха-клуб, ставшая церковью, мощённая булыжником улица...

Не торопясь, держась за руки и тихо разговаривая, прогулялись к бывшему дому Анны, посмотрели на него через забор, вышли на околицу деревни. Прижавшись друг к другу, сели на придорожную скамейку и, продолжая держать свои руки вместе, тихо говорили... Им было о чём поговорить... А рядом, в придорожном песке бывшей прусской деревни, играли маленькие дети – Сашка и Анна.

Даже порой надоедливый старый чёрный ворон держался в сторонке. Сев на ближайшее дерево, следил за детьми и внимательно высматривал, чтобы никто не помешал его любимым людям быть вместе...

# Берега Янтарного края

К 80-летию Калининградской области

## Ирина Мишина



*Ирина Григорьевна Мишина – родилась в 1957 году в Калининграде. В 1978 году окончила педагогическое училище, в 2004 году – Московский открытый социальный университет по специальности «Психолог. Преподаватель психологии». С 1980 года живёт в Балтийске, одна из организаторов и ведущая фестиваля авторской песни «Балтийская Ухана». Работала воспитателем, инструктором по физической культуре, педагогом дополнительного образования, учителем, психологом в образовательных организациях Калининградской области. С 2019 года методист Центра сопровождения системы духовно-нравственного воспитания в Калининградской области. Печаталась в поэтических сборниках и литературных журналах: «Берега», «Запад России», «Хозяйка жизни».*

### ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

*Калининград. 1946-й и далее...*

*Монологи от первого лица, услышанные дома, на улице, в соседней квартире, всплывают в памяти, выстраиваются в образ детства калининградца 50-х, 60-х 20-го века.*

*Мой детский мир, обрамлённый рядом вишнёвых деревьев и «золотых шаров», стоящих на страже границ двора возле крайнего дома на улице Каменный Вал (позже ул. Генерала Галицкого), а также имеющий запретную территорию – «развалки за сараями», и торжественно-праздничное пространство мемориального памятника 1200 гвардейцам – этот мир всегда со мной. Как и те, чьи голоса так явственно проступают сквозь десятилетия.*

Край – окраина, граница,  
Мама – Родина, земля.  
Не принять, не откреститься...  
Пусть не полюбить, а вжиться  
В эти чуждые края.

Край, горелая краюшка,  
горек хлеб... ну, уезжай...  
Дверь закрою, хлопнет вьюшка...  
Нет! Надежда мне подружка  
на мой новый урожай!



*Моя бабушка Евдокия Константиновна Романенко (Овчарова) в эвакуации под Курском в 1944 году получила сообщение о том, что её муж, Иван Яковлевич Романенко, пропал без вести. В Москву на Красную Пресню, где жили семьёй до войны, не вернулась. В 1946 году вышла второй раз замуж за фронтовика Давыда Васильевича Гордеева и с 12-летней дочерью Полиной (моей мамой) приехала в Калининград.*

Стонут рельсы, стучат колёса,  
А в вагоне у нас тишина.  
Перелистываю вопросы, перечитываю имена.  
Мой помянник записан сердцем,  
бабым воем он в память вбит,

Незакрытая в вечность дверца:  
Мой безвестный, ты не забыт!  
Не могу в нашем доме старом,  
Строить заново эту жизнь,  
Сквозь руины и сквозь пожары,  
Мой безвестный, и ты держись.  
Год прошёл с самой главной даты,  
С расставания – все пять лет,  
В монументах стоят солдаты,  
Мир хранят. И им смены нет!

\* \* \*

На перроне толчея и гомон,  
За вокзальной этой суетой  
Взгляд девчонки, что тревоги полон,  
Крик зависший: «Я хочу домоооой!!!»  
Только как ей скажешь: «Дома неетууу!»  
Что осталось, сохранит альбом.  
Эта улица, усыпанная пеплом,  
И твоё сердечко – вот наш дом.  
Тяжелы мне готики приметы,  
Слишком ранят каждым остриём,  
И опять вопросы без ответа,  
Мы ещё найдём ответ. Потом.

\* \* \*

Приходили немецкие бабы,  
И ребята. Хлеба просили.  
Говорю на немецком слабо,  
Но про хлеб и без слов осилю.  
Наши стали ругать: – Богачка!  
Что им скажешь? Молчу в ответ.  
Как же сердце в надрыве плачет,  
Очерствели совсем от бед!  
И кого тут винить? Горемыки...  
Каждой пройден свой путь потерь.

*Мальчишки, «не успевшие на войну», тяготились тем, что не воевали, но раним взрослением платили за это «опоздание». И в нашем доме такие были.*

Я не воевал, мой год не вышел,  
Отчего же чувствую вину,  
Хоть я знаю и не понаслышке...  
Детством расплатился за войну.  
Мама тихо умерла, замёрзла,  
А братишку я искал в золе,  
И собаки скалились так грозно...  
А теперь вот я на их земле.  
Не сломаюсь, гады, не дождётесь,  
Перестал смеяться и реветь,

Безутешны, бездомны, безлики,  
Шли колоннами, верь не верь.  
Сколько их по дорогам пыльным,  
по завьюженным тропам войны...  
Называли нас, баб, двужильными,  
И вот дожили мы до весны!  
До цветущей, священной самой,  
Самой жданной из вёсен прежних.  
Обещавшей мне: будешь мамой,  
Самой радостной, как надежда.  
Не забудется всё, что больно,  
И сквозь слёзные волны рек  
Буду помнить, как горе солоно,  
Но вот мстить не стану вовек.

\* \* \*

Что это туманным утром сонным?  
Даже крови замирает ток...  
Рёв утробный или глас бездонный?  
– Что ж, забыла? Это наш гудок!  
Заводской и мирный совершенно,  
Снова в проходной столпимся тесно...  
И приснится, как в другой вселенной  
С мужем под гудок по Красной Пресне.  
Вечером с Ваганьковской направо,  
Там по Черногрязской по прямой,  
У ворот соседка тётя Клава...  
Нет её, как и пути домой.  
Муж на братском похоронен будет,  
Под Новороссийском... Всё. Потом.  
Не поверил бы ты мне, расскажут люди,  
Как я в одиночку строю дом.  
Новый дом, где вся земля – чужбина.  
Только надо снова выживать,  
И в порыве, как привык, едином,  
Весь народ, кому Россия – мать.

*Запретная территория развалин, которые начинались неподалёку от нашего дома, всегда манила. Наши игры на улицах города, где каждую стройку предваряли работы по разминированию, иногда завершались бедой.*



Подорвался восьмилетний Сашка,  
На костре патроны жёг и порох.  
Мать не плачет, но глядит так страшно,  
Что немеют и врачи со скорой.  
Сколько этих отголосков жутких  
Нам ещё с тобой придётся слышать?  
Сколько матерей лишит рассудка,  
Сколько их без крова и без крыши?  
Вот не надо говорить, что мир жесток,  
Даже думать не посмею: «здесь не ждали!»  
Вы зачем ходили на восток?  
Ваши груди не прожгли медали?  
Я свою одну надел на праздник,  
Ту, что всех дороже – «За отвагу»,  
И гордится брат мой второклассник,  
И в игре кричит: «Назад ни шагу!»

*В нашем доме было много семей тех, кто выбрал профессию, связанную с морем. Среди них был и мой папа, отслуживший на Балтийском флоте пять лет и решивший остаться в Калининграде.*

Где тут записаться мне в матросы?  
Или как точнее – в моряки?  
У матросов вроде нет вопросов?  
А у вас? Да, разберёмся, земляки!

Земляки? А ты откуда, парень?  
Встретить земляка любой был рад.  
– Ну, садись поближе, погугарим.  
Порт приписки мой – Калининград!

*Послевоенные платья были незатейливы, а потом, очень хотелось праздника, и новое платье создавало это ощущение. На моё рождение папа подарил маме отрез крепдешина, выменяв его на рынке. И сегодня ярко-бирюзовые лоскуты этого платья бережно храню.*

Воскресенье, праздники, базар,  
и кричу в ряду полупустом:  
– Обменяю сапоги на платье!!!  
(А куда его мне надевать-то?)  
Это я соображу потом!

По шифону поля голубого  
ландыши, лиловая фиалка...  
Не носила никогда такого.  
Ах, какое, не помять бы, жалко...

*Мой родной дедушка погиб в июле 1943-го, но бабушка получила известие о том, что муж пропал без вести в 1944-м. Сведения о гибели я разыскала в архивах (только в 2013 году сняли гриф секретности). Самым добрым и самым любимым дедушкой был мамин отчим-фронтовик, всегда чем-то занятый, скромный, стесняющийся получать награды. Простой курский мужик, который умел мастерить мебель, играть на гармошке, шить галифе и тачать сапоги, чем и помогал выжить семье.*

Я сапожник, сапоги латаю,  
А могу и новые пошить.  
«Матерьялу» нет, я понимаю.  
Вот чуток поправим, будем жить.  
Ваши б туфли прошивать не дратвой,  
Надо б шёлком, да где ж его взять.  
Не переживай, всё будет толком,  
Вальс-бостон в них будешь танцевать.

\* \* \*

Что за толчея? Опять поймали?  
Только посмотри! пацан совсем.  
Говорят, родители сбежали.  
Что молчишь? Так он же глух и нем!  
Да... Война, кругом ещё сироты.  
И развалины, а надо жизнь рожать!  
Здесь моих лежат почти полроты...



Но за мир и я готов лежать!  
Этим небом серым, мирным небом,  
Буду укрываться от дождя.  
Будут улицы просторны, вдоволь хлеба.  
Ты пойми, нам отступить нельзя!  
Так и было. Нет, не отступили!  
А сомненья были, как не быть.  
Мой Калининград, моя Россия –  
Наши внуки будут говорить.

*Праздники в нашем дворе, как и во многих  
других, отмечали всем миром.*

Ой, столы во двор несут и лавки!  
Стелют скатерти (не замарать бы),  
Из второй квартиры едет Славка,  
Отслужил, сегодня будет свадьба.  
Даааа... Война свела его с невестой,  
Ездили к родным, благословили,  
За столом не всем досталось место,  
В тесноте, да лишь бы мирно жили.

\* \* \*

Двор наш был для ребятни вселенной,  
Окаймлённою булыжной мостовой,  
Четырёхэтажный, довоенный, толстостенный  
Дом, – ты для меня живой.  
Гомонящих вечно коммуналок  
Так потом стремились избежать,  
Их уют, что скромен, даже жалок,  
Мы с любовью станем вспоминать.  
Да и как иначе, это детство  
Мы переживали с детством края,  
Как и приграничное соседство.  
Всё писалось заново. Не знаю,  
Может, достояние чужое  
Сохранить не очень-то хотели.

Но судить не торопись, не стоит,  
Ведь тогда на всё из бед смотрели.  
Из судьбы страны и из Победы,  
Из желанья «чтобы лучше нас  
жили наши внуки». Жалко деда,  
спас страну, а вот себя не спас.

В выходные в Балтийске были  
У сестры погибшего деда,  
Они с мужем вместе служили,  
И вдвоём дошли до Победы.  
От расстрела спаслась она чудом  
И под Курском сбежала на фронт  
О военном пути многотрудном  
Мы узнали случайно потом.  
Как в армейском вагоне в семнадцать  
Ты с мужчинами наравне  
Умудрялась в беде не склоняться,  
Не озлобиться на войне.

\* \* \*

Дед в медалях, и цветы, и марши,  
И конечно, праздничный салют!  
Ребятня и те, кто много старше,  
Про землянку под окном поют.  
Я о китель жёсткий трусь щекою,  
И, фуражку натянув до глаз,  
В тот момент до слёз горжусь тобою,  
И со всеми слушаю рассказ.  
Про невзгоды и про отступление,  
Про гармошку – боевой запал,  
Как Давыдом бывший от рожденья  
За игру на ней ты Васей стал.  
И звенящей самой жгучей нотой,  
С этим не сравниться ничего,  
Мамино отчима забота,  
Дорогого деда моего.

\* \* \*

А вчера к нам приезжал в повозке  
барахольщик сторбленный – меняла,  
Бабушка снесла ему обноски,  
А в обмен – на кресло покрывало.  
Так хотелось шарик на резинке,  
Радужный, крутящийся, весёлый,  
Но достался этот шар Маринке,  
Ну а мне сказали: скоро в школу!

Все ходили в школу ту, что ближе.  
Да и я совсем не вижу разницы,  
Речь была, конечно, не в престиже.  
А вот мама после оккупации...  
Как жила? О том молчит предание.  
Но она уж очень не хотела,  
Чтоб училась я в немецком здании.  
Память... И у боли нет предела.  
Так пошла я в новенькую школу,  
Светлую и пахнущую краской,  
С выгоревшим полем для футбола,  
Вдоль него я часто шла с опаской.  
Шла тропинкой, где гранит и даты,  
Кладбище здесь было городское,  
Дальше мостик, памятник солдатам,  
Я б цветочек сорвала... «Не стоит, –  
Бабушка сказала, – тоже души,  
Полегли, когда кому назначит...  
Пусть все говорят! А ты не слушай,  
И о них, наверно, кто-то плачет».

Ничего не понимая толком,  
С бабушкой делюсь я каждый раз,  
Торопливо, в красках, без умолку,  
Искренне, наивно, без прикрас.  
Бабушка задумалась немного...  
Не помеха внучки болтовня,  
Детский щебет погасил тревогу,  
В нём приметы нынешнего дня.

«Бабушка, мальчишек в классе столько,  
Не запомнить мне их всех никак:  
Джапаридзе и Бердыев Колька,  
Лейномьяэ, Териянц, Буряк.  
Октябрятами мы очень скоро будем,  
Под знамёна встанем...» Площадь Ленина.  
Встреченные улыбнутся люди:  
– Невоенное идёт поколение.

\* \* \*

Мне казалась высокой ограда  
В нашем солнечном старом дворе,  
Сновиденьем цветение сада  
И картиной мороз на окне.

Точно знаю, оконные рамы  
Помнят жгучие слёзы мои:  
Задержалась с покупками мама –  
Затянулись с сестрёнкой бои.

На переднике беленьком клякса,  
Ну и как же тут не зареветь!  
На стене во весь рост «Ирка – плакса!»  
Так и не удалось мне стереть.

\* \* \*

Усыпанная золотым и ржавым  
Дорога, предвещающая зиму,  
В границах временных меня держала,  
Но жизнь неслась опять, как будто мимо.  
Девчонка с голубым велосипедом  
Стояла возле речки под мостом.  
Вдруг вспомнилось, как я училась с дедом  
На двухколёсном, точно на таком  
Неслась по мостовой, ещё булыжной,  
Рискуя на обочину свалиться.  
И помню, был на мне костюмчик «лыжный»...  
И глазу взглядом дорогие лица.  
Там молоды ещё отец и мама,  
И мне едва ли больше десяти.

Кручу педали, тороплюсь упрямо,  
Мой транспорт личный, кажется, летит.  
Летящее, счастливейшее время,  
И моего не требует внимания,  
И как же велики ещё деревья,  
Открылся космос, дальше – мироздание.  
Кружатся листья клёнов, оседая,  
И шелестят берёзовые косы,  
И я тогда совсем не понимаю,  
Что так непросто становится взрослой.  
Усыпанная золотым и ржавым  
Дорога, предвещающая зиму,  
В границах временных меня держала,  
Давно забытых, но таких любимых.



### «НЕЧУЖИЕ» ВОСПОМИНАНИЯ

Ненароком заблудилась в тайнах памяти чужой...  
После всех за стол садилась рядом с мачехой худой.  
Помню: замуж выходила на семнадцатом году,  
А в голодный год варила с огорода лебеду.  
Год 38-й – в столице! Есть работа, есть жильё.  
Может, здесь и состоится бабье счастьешко моё?  
Муж любил меня за песни, сам горазд был запевать.  
Да ушёл он с Красной Пресни в 41-м воевать.  
Мне сказал: «Езжай к золовке, на земле-то проживут».  
...На трамвайной остановке лошади каурой труп.  
А в деревне под Корочей: и своим – ни сесть, ни лечь.  
Да «москалькой» дразнят дочку,  
слишком грамотная речь.  
И придумал ей же кто-то: коль ресничку  
в узел свяжешь  
Да положишь под ворота – всё исполнится,  
что скажешь!  
А Поинка – простовата, хоть уже девятый год!  
Снова дразнятся ребята, без ресниц сидит, ревёт.  
И на всех одно желанье, всех детей со всей страны,  
Как молитва-заклинанье: что б отец пришёл с войны.  
Всё глядела на иконку, да напрасно свечи жгла,  
Не твоё письмо, «казёнку» с глаз подальше убрала.  
Ничего не понимаю, где ты без вестей, мой друг?  
Без тебя салют венчает праздничный весёлый круг.  
Уж прости мой путь греховный, да из этих бабьих слёз  
Гармонист немногословный на «неметчину» завёз.  
Старый город – город чуждый на развалинах судьбы,  
Город сделать нашим нужно, насадить свои сады.  
Жизнь промчалась каруселью...  
А уж вот он, близок край...  
Как же это? Как же это?..  
Бабушка, не умирай...

\* \* \*

Я не люблю календари,  
Они мне время отмеряют...  
Там дни живут и умирают,  
А что-то ж было там, внутри.  
Поди узнай, что там внутри.  
Седым зачинщиком январь  
Смолистой колетса иголкой,  
Где я подглядываю в щёлку,  
Смотри же, дверью не ударь.  
Я там, за дверью, не ударь!  
За дверью папа с бородой  
И мама шьёт Снегурке платье.  
Ей дня совсем чуть-чуть не хватит  
На этот кантик золотой.  
В ночи шьёт кантик золотой.  
С сестрой как по команде: «старт!»  
Наряды делим торопливо,  
А календарь, смеясь глумливо,  
Нам снегом мокрым сыплет. Март.  
Откуда ж выпал этот март?!  
Там одуванчиков букет  
Летит над жёлтою поляной,  
Я вам показывать не стану  
Под битым стёклышком секрет.  
Давно запрятанный секрет.  
Я не люблю календари,  
Они мне время отмеряют...  
Там дни живут и умирают,  
А что-то ж было там, внутри.  
Поди узнай, что там внутри?



# Берега искусства и культуры

---

---

**Мария Афицинская-Львова** – независимый исследователь.

**Ирина Дин (Хохолева)** – независимый исследователь, журналист, переводчик, директор европейского бюро журнала «Мир Музея».

## «НЕНУЖНАЯ» КОЛЛЕКЦИЯ

В музее Виктории и Альберта в Лондоне хранится примечательная коллекция русских плакатов 1920-х годов. Её продал туда коллекционер, меценат и историк искусства Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский. О том, как это было и почему коллекционер расстался с ней, выясняли Ирина Дин (Хохолева) и Мария Афицинская-Львова. В этом разговоре – о конструктивистах, о советской таможене, случайностях и людях – не просто история коллекции, но и метафора времени.

**Ирина Дин:** *Никита Дмитриевич, почему у Вас появился интерес к русскому послереволюционному плакату?*

**Никита Лобанов-Ростовский:** Потому что именно русский революционный плакат стал ведущим направлением в Европе 1920-х годов. Как за полвека до того Тулуз-Лотрек во Франции ввёл новую концепцию плаката – лаконичную, выразительную форму, – так и Эль Лисицкий с конструктивистами освободили плакат, сделали его предельно ясным и функциональным. Их цель была проста: чтобы пролетариат мог чётко понять новую идеологию. Плакаты 1920-х годов – это значительная страница истории русского искусства.

Мало кто знает, что в Лондоне, в музее Виктории и Альберта, хранится обширная коллекция подобных плакатов. И среди них есть, безусловно, всемирно известные – например, «Клином красным бей белых» Лисицкого. История того, как эти плакаты попали в музей, сама по себе показательна.

**Ирина Дин:** *Расскажите, как Вы приобрели эту коллекцию? Это была разовая покупка или многолетнее собирательство?*

**Никита Лобанов-Ростовский:** В поисках театральных эскизов я по наводке американского искусствоведа Джона Болта познакомился с русским еврейским интеллигентом Виктором Холодковым. Он был математиком, но подрабатывал, продавая книги, картины и плакаты. У него было две квартиры в Москве: в одной он жил, а другая была буквально забита разными вещами. Он и рассказал мне о своих плакатах. Из 500 экземпляров мне показались интересными, может быть, 20. Но продавать их по отдельности он категорически отказывался, поэтому мне пришлось купить все.

500 плакатов – это огромное количество. Некоторые из них были размером в половину этого стола (*показывает на стол длиной около двух с половиной метров*). Это было в 1989 году. Представьте себе, как в советское время можно было вывезти 500 плакатов из СССР!

**Ирина Дин:** *И как же удалось их вывезти? Они же уже считались культурной ценностью.*

**Никита Лобанов-Ростовский:** Холодков, эмигрируя в США по еврейской линии, вывез эти плакаты и множество книг. Как он это сделал? Очень просто. Он нашёл транспортную компанию, возившую контейнеры между Советским Союзом и Италией. Часто машины возвращались пустыми. Он договорился с водителями, всей семьёй по всей Москве скупал чемоданы, заполнял их книгами и плакатами, выставлял на тротуар и отходил в сторону. Грузовик подъезжал, забирал и увозил в Милан. Вот и всё.

Это был мелкий, не очень честный бизнес водителей грузовиков, были и подкупленные таможенники. У них был негласный договор: разрешение на провоз товаров выдавали за взятки, которые тогда были настолько малы, что поговаривали, будто при таком уровне можно было вывезти даже слона – если знать нужных водителей и таможенников. Так что всё прошло гладко, я сразу получил всю партию. В Советском Союзе таможенные документы до недавних пор не описывали содержание вывозимого товара.

Запрет на вывоз почти всего – типичный подход всех неразвитых стран, где таможня является одним из главных источников дохода страны. Это наследие сохранилось и после распада Союза. Например, если вы приезжаете на Украину с чем-либо старше 50 лет, это изымается.

**Ирина Дин:** Почему вас заинтересовали именно эти 20 плакатов?

**Никита Лобанов-Ростовский:** Потому что они – мирового уровня. Я уже упоминал Лисицкого с его «Клином красным бей белых». Подлинных экземпляров этого плаката чрезвычайно мало, фальшивых – множество. В Ленинской библиотеке, например, мне за последние 50 лет отказывали даже в возможности сфотографировать оригинал – под предлогом вечной «реставрации». Дело в том, что на подлинниках, как в Ленинке, так и в музее Виктории и Альберта, есть типографские знаки, которые подделыватели не воспроизводят. По ним и можно отличить дешёвую копию от настоящего шедевра.

Когда я получил эти плакаты, они мне были не особо нужны, но стоимость тех 20, что меня интересовали, перекрывала цену всех остальных. По счастливой случайности я был знаком с хранительницей плакатного архива музея Виктории и Альберта. Они в четыре или пять этапов купили у меня всю партию. Даже письмо сохранилось, где они удивлялись: «Почему вы так дешево продаёте и так легко расстаётесь с плакатами?» Я бы их и просто так отдал музею, но по опыту знаю, что к дарам часто относятся небрежно. А когда за них заплатили, спрос с хранителей более строгий.

Некоторое количество особенно ценных плакатов я продал крупнейшему коллекционеру в мире – американцу Меррелу Эрдману. Он был брокером, торговал свиными потрохами на Чикагской бирже, и собрал самое обширное собрание плакатов в мире. Так, собственно, и объясняется, каким образом эти советские плакаты оказались в Лондоне, а часть – в Чикаго. Я до сих пор храню папку с подтверждениями передачи плакатов музею.

**Мария Афицинская-Львова:** Вы обычно передавали свои коллекции российским музеям. Почему это собрание революционных плакатов решили оставить в Европе, именно в музее Виктории и Альберта?

**Никита Лобанов-Ростовский:** Просто так сложилось. Потому что эти плакаты никогда не входили в круг моих интересов. Они достались мне почти даром и, по сути, были случайной покупкой. И, откровенно говоря, я хотел поскорее избавиться от ненужного, пристроив коллекцию в надёжные руки. Не везти же всё обратно? А в музее Виктории и Альберта в то время уже была значительная коллекция плакатов, и у меня там были знакомства.

**Ирина Дин:** Какие плакаты вы всё же оставили себе?

**Никита Лобанов-Ростовский:** Оставил театральные – они соответствовали тематике моего коллекционирования. Их стоимость, как я уже говорил, перекрывала цену всех остальных 500. Так что я расстался с остальными без сожаления. Театральные же вошли в мою коллекцию.



# Берега искусства и культуры

## Светлана Савицкая



*Светлана Савицкая – прозаик, доктор философии. Автор не только научных энциклопедий символов и серьёзных исторических романов, изданных в разных странах и переведённых на 30 языков мира, но и книг для детей, юношества. Награждена Союзом писателей Евразии, Союзом писателей переводчиков, МГО СП России орденом В. В. Маяковского «За глубокое психологическое исследование, смелую творческую новизну и литературные находки романа «Назови имя Бога». Роман получил Диплом и почётную медаль «Достояние Отечества» как победитель областного фестиваля полезной деятельности в РФ «Мир глазами молодёжи» (Озёрск Челябинской области). Роман был полностью опубликован в 3-м номере литературного журнала «Метаморфозы» (Гомель, Беларусь). Произведения переведены на турецкий, английский, немецкий, вьетнамский, хинди, китайский языки.*

## ТЕМА МИФОЛОГИИ В МУЗЕЕ КОНЕВОДСТВА

Событием июня 2026 года стали широкие презентации новых книг, стихов и песен в музее коневодства Тимирязевской академии, приуроченные ко дню рождения великого учёного наших дней Юлии Кузнецовой, заместителя директора музея.

Юлия Николаевна – ведущий специалист музея коневодства. Ночью разбуди – она расскажет, какой племенной жеребец от кого родился и кто был в родословной до 10 колена. Будучи главным редактором-составителем, фотохудожником и фрилансером великолепного альманаха «Ахал-Теке информ» по теме ахалтекинской породы, Юлия Николаевна объездила всю Центральную Азию с научными докладами о разведении ахалтекинцев.

На этот раз музей пополнился новыми экспонатами – куклами конских химер авторского исполнения. Гипокампус – конь-змея упряжки Посейдона. Кентавр. Пегас. Икона Святого Христофора, человека с головой лошади. Доклады об этих фантастических существах гостями тоже были подготовлены заранее.

Как горячие пирожки разобрали роман Светланы Савицкой «Назови имя Бога», выпущенный недавно ИД Академии им. Н. Е. Жуковского в 4-х частях. Кстати, именно 4-я часть наиболее полно раскрывала тему так называемых химер, зверолодей разных мифологий планеты землян. Тысячи богов Древней Греции, Древней Индии, Древнего Китая, Египта, Мексики живо представлены в романе во всём взаимодействии.

Впереди ждал бал. И дамы сшили для него специальные бальные платья!



Тут особым открытием торжественной встречи стали сведения о Китоврасе. Казалось, все о нём всё знали.

Всё, да не всё!

\* \* \*

Китоврас (др.-рус. китѡврасъ, от греч. κένταυρος – «кентавр», и от латинского kitaurus) – мифическое существо, упоминаемое в русских апокрифах с XIV века. Таким образом, все три окончания – РАС-РОС-РУС – определяются не случайно, а с указанием на определенную расу людей.

Апокрифическое сказание о царе Соломоне и Китоврасе: в сказании XV века «Палеи» Китоврас рассказывает о строительстве храма, в котором должен храниться «ковчег завета». Соломон его похищает, и Китоврас, показав мудрость, глотает перстень Соломона, посрамляет Соломона, закинув его далеко от храма Иерусалима.

В других славянских мифах Китоврас строит летучий корабль. И т. д.

Китоврас обладает свойством знать, как птица Гамаюн, прошлое и будущее. Изображение странного существа с торсом коня, телом человека, крыльями сокола, хвостом змеи, завязанным специальным наузом-узлом, и львиными лапами, украшает старинные храмы практически всей Евразии. Естественно, Древнего Золотого кольца Руси – в Юрьеве-Польском, Покрове на Нерли, на Кавказе, в Индии и даже на Чукотке!

Им украшен рельеф Магдебургских врат Софийского собора в Новгороде (сер. XII века).

Барельеф Георгиевского собора в Юрьеве-Польском (1230–1234).

Васильевские врата Софийского собора в Новгороде (1336) – Китоврас представлен в образе крылатого получеловека с короной на голове, торс которого вырастает из шеи горделивого коня, размахивает схваченной за ноги фигурой царя Соломона. И т. д.

Много изображений находим мы и на фресках, и на иконах.

Опираясь на эти сведения, и была создана песня о кентавре, покровителе воинов и поэтов, под которую народ дружно пускается в пляс.

## КИТОВРАС

*Автор слов и музыка С. В. Савицкая*

### I

Синим бархатом ночь закрывала полог.  
Мы на землю упали сражённые.  
Тут увидели вдруг – то ли конь, то ли бог  
Показался над тьмой раскалённой.  
Золотая корона на русых кудрях.  
Очи синие! Плечи – крылатые!  
Хвост змеиный завязан в наузах-узлах.  
А в руках – свиток тайн неразгаданных.

*Пропев:*

Китоврас! Гой Еси! От беды нас спаси!  
Заслони соколиными крыльями!  
Китоврус! Китоврос! Помоги нам всерьёз!  
Чтоб вернулись к своим из могилы мы!

### II

Тут кентавр крылатый, врагам на беду,  
Манускрипты открыл многослойные.  
И сказал, что написано нам на роду  
Не убитыми быть, а героями!  
Говорил он, что камни пора собирать,  
Что разбросаны во поле ветряном.  
И врагов побеждать. И детей защищать.  
До ума доводить землю светлую.



*Пронев:*

Китоврас! От боёв мы изранены в кровь!  
Не бросай в обгоревших развалинах!  
Китоврос! Китоврус! Тут ведь каждый – не трус!  
Но от битвы смертельно устали мы!

### III

Тут он львиною лапой ударил о грунт –  
И забился родник звонкой песнею.  
– Рано вам помирать! – засмеялся он вдруг  
И долой ускакал в ночь чудесную.  
Так нас спас Китоврас! Мы напильсь тотчас,  
И к своим добрались незаметно мы.  
Чтоб врагов побеждать. Чтобы жён обнимать.  
Доводить до ума землю светлую.

*Пронев:*

Китоврос! Китоврус! Силы с волей – Союз!  
Покровитель поэтов и воинов!  
Китоврас! Китоврас! Появись ещё раз!  
Чтобы были сердца успокоены!

Таким образом, в храме науки – музее коневодства Тимирязевский академии – появились новые экспонаты, рассказывающие о мифах и легендах наших предков.

Молодые люди, слушающие лекцию, взяли на заметку, что любопытный и необычный образ Китовраса в славянской культуре прославлен мудростью. Смекалкой. Символ божества наши предки частенько использовали с целью отпугивания злых духов, врагов, для защиты воинов и летописцев и даже для исцеления.

Китоврас, по некоторым представлениям, способен победить тьму и изгнать зло из мира.

Так далёкий образ напоминает людям, что лишь в единстве с природой можно обрести баланс и равновесие, чувствуя дыхание земли, воды, огня и воздуха.

*Июнь 2026 г.*

# Берега Индии

## Дипти Гупта

Доктор Дипти Гупта – известная писательница, бывший профессор и советник по вопросам образования в Министерстве развития человеческих ресурсов, лауреат премии «Выдающаяся женщина мира» 2021 года (за поэзию и прозу). Её рассказы и стихи были включены в учебные программы университетов и школ в 25 штатах Индии, а также за пределами Индии – в Дубае, Шардже, Милане и Абу-Даби. Её стихи были опубликованы в национальных и международных антологиях, и западный поэт Хуан Техас, обладатель 18 престижных национальных и 4 международных наград, автор 25 книг, был очарован её замечательным стихотворением «Женщина и ива» и прочитал его на поэтическом мероприятии, состоявшемся в Испании в декабре 2019 года. В 1989 году президент Индии направил её на должность советника по вопросам образования в Департамент образования Министерства развития человеческих ресурсов в Нью-Дели на три года. Она верит в то, что позитивные изменения в глобальном обществе должны происходить с любовью и гармонией, а не путём принуждения или оказания давления на людей. Внесение позитивных изменений в отношение и мышление людей – лучший способ распространить позитив вокруг. Таким образом, она известна своими ценностями, скромностью, простотой и достойным литературным творчеством.



В Индии все знают древний эпос Рамаяна, Бхагавад Гита. Тысячи богов до сих пор входят органично в быт и, как бы ни странно это казалось – в современную науку археологию, что является к тому же антропологией. В Индии всё напоминает о том, что древние энергии не умерли. Ими дышат, с ними рождаются и умирают. Всего об этом феномене знать невозможно. И мы предлагаем ознакомиться с фрагментом практически параллельного мира. И почти фантастического бытия Индии.

*Светлана Савицкая*



*The painting is by the established Artist  
“Swati Gupta”*

*Свати Гупта*

## ИЗГНАНИЕ СИТЫ

### Между Радждхармой и человеческой дхармой

Эпизод, в котором Лакшман, действуя по указанию Рама, оставляет Ситу в лесу неподалёку от ашрама мудреца Валмики, является одним из самых тревожных, обсуждаемых и сложных с философской точки зрения моментов в «Рамаяне». Он не поддаётся простым моральным выводам. Вот стоит Рама – Марьяда Пурушоттам, поборник дхармы, – полностью осознающий чистоту Ситы, но согласившийся на её изгнание. А вот и Сита – несомненно, целомудренная, исполненная глубокого достоинства – несёт наказание не за своё преступление. Между ними находится общество: подозрительное, патриархальное и жестоко осуждающее.

Этот эпизод заставляет нас задуматься над вопросом, который остаётся болезненно актуальным даже сегодня: когда общественная мораль вступает в противоречие с личной правдой, кто расплавляется за это?

### Социальный аспект: тирания общества над правдой

Причиной того, что Ситу бросили, стали не сомнения в сердце Рама, а подозрения общества. Прачка – символически незначительный, но влиятельный в обществе человек – высказывает то, о чём многие молча думают. Его слова выдают не разум, а страх: страх перед женщиной, которая жила вне патриархального контроля, страх перед женской автономией, страх перед чистотой, которая отказывается соответствовать узким определениям.

Ситу похитили, а не соблазнили. Она жила в Ашока-Ватике, а не в постели Раваны. Её целомудрие было публично подтверждено посредством Агни Парикши – испытания, которому ни один мужчина в эпосе никогда не подвергался. И всё же общество требовало большего. Это требовало не доказательств, а соответствия.

Вот жестокая правда, которую раскрывает эпизод: общество часто не доверяет женщинам не потому, что они нечисты на руку, а потому, что они независимы от мужского надзора.

Подозрительность прачки – это не индивидуальный порок, это коллективное мышление. Рама понимает это. Став королём, он осознаёт, что неконтролируемая подозрительность разрушает общественный порядок. Но, к сожалению, вместо того чтобы исправлять общество, он приносит в жертву человека – свою жену.

### Радждхарма против личной дхармы. Моральный конфликт Рама

Решение Рама часто обосновывается принципом Праджа Ранджан – долгом короля обеспечивать довольство своих подданных. В классической индийской политической философии король – не частное лицо, а общественный институт. Его личная жизнь приобретает символическое значение. Любое предполагаемое моральное нарушение угрожает этической легитимности управления.

И всё же это оправдание вызывает глубокую тревогу.

Рама знает, что Сита чиста. Он не сомневается в ней ни на мгновение. Следовательно, его поступок вызван не недоверием, а подчинением общественному давлению, политическим взглядам, страху, что общественное сомнение может дестабилизировать моральные устои Айодхьи.

В этом и заключается философская трагедия: Рама поддерживает Радждхарму, нарушая человеческую дхарму.

Истинная дхарма – это не просто порядок; это справедливость, приправленная состраданием. Царь, который не может защитить невинных в своём собственном доме, поднимает неприятные вопросы о пределах своей власти и ответственности.

### Молчание Ситы: сила внутреннего суверенитета

Пожалуй, самым эмоционально разрушительным аспектом этого эпизода является реакция Ситы или отсутствие протеста. Беременная, покинутая без объяснения причин, она не проклинает Рама и не умоляет его. Её молчание – это не подчинение, это моральный суверенитет.

Сита не нуждается в одобрении со стороны общества или даже своего мужа. Она несёт в себе уверенность, которую не может поколебать никакое внешнее осуждение. В ашраме Валмики она превращает изгнание в убежище, боль – в созидание, одиночество – в материнство. Там она рождает Лаву и Кушу – не просто детей, но и носителей истины.

Её жизнь становится тихим упрёком обществу: женщина не становится нечистой, если с ней поступают несправедливо; она становится светлой, если стойко переносит все невзгоды.

С философской точки зрения, Сита олицетворяет Сатью – истину, с которой не поспоришь. Рама олицетворяет Дхарму – порядок, который иногда нарушается. Когда Сатья и Дхарма расходятся, страдает цивилизация.

### **Лакшман: молчаливый свидетель**

Роль Лакшмана часто недооценивают, но она имеет решающее значение. Он повинуетя Раме, но его сердце разрывается. Он не может встретиться взглядом с Ситой. Его послушание отражает другую трагедию: боль тех, кто участвует в несправедливости, не одобряя её.

Лакшман символизирует институциональное соучастие – хорошего человека, попавшего в ловушку несовершенной системы. Его молчание отражает молчание многих людей, которые знают, что что-то не так, но им не хватает смелости противостоять властям.

### **Философский вывод**

Этот эпизод не предназначен для прославления решения Рамы; он призван спровоцировать моральный самоанализ. Валмики не представляет Раму безупречным – он представляет его как человека, скованного этическими противоречиями и трагически ограниченного.

«Изгнание Ситы» задаёт непреходящие вопросы:

Может ли социальная гармония быть построена на личной несправедливости?

Является ли общественная мораль более ценной, чем личная правда?

Должны ли женщины нести бремя поддержания общественной «чести»?

Рамааяна не даёт упрощённого ответа на эти вопросы. Напротив, в ней жизнь Ситы и её окончательный уход на землю рассматриваются как окончательный приговор. Общество теряет её. Рама теряет её. Дхарма теряет равновесие.

### **Заключение: Зеркало цивилизации**

Уход Ситы – это не просто древний эпизод; это зеркало для каждого общества, которое ценит репутацию превыше праведности, молчание превыше справедливости и порядок превыше сострадания.

Правление Рамы, возможно, и было идеальным, но этот момент напоминает нам о том, что даже величайшие системы терпят крах, когда игнорируют голос невинных.

А Сита – уходящая в лес, беременная, исполненная достоинства, непокорённая – остаётся одной из самых сильных моральных фигур в мировой литературе. Не потому, что она страдала, а потому, что не позволяла страданиям определять её ценность.

### **Мораль эпизода (в нескольких строках)**

Этот эпизод учит, что правда не всегда торжествует с помощью силы и что социальные предрассудки могут взять верх над личной честностью.

Это напоминает нам о том, что дхарма без сострадания превращается в несправедливость и что, когда общество предпочитает подозрение доверию, страдают невинные.

«Изгнание Ситы» является вечным предупреждением: о цивилизации судят не по тому, как она вознаграждает добродетель, а по тому, как она обращается с добродетельными, когда они наиболее уязвимы.

*Пуна, Индия*



# Берега Туркменистана

## Современные поэты Туркменистана в переводе Андрея Новикова



*Андрей Вячеславович Новиков, г. Липецк. Окончил Литературный институт им. М. А. Горького. Автор девяти книг стихов и прозы. Лауреат православной Филофеевской литературной премии, VI открытой Международной Южно-Уральской литературной премии, Липецкой областной премии им. И. А. Бунина, Международной литературной премии «Форпост» им. Сергея Короткова, Всероссийской литературной премии им. Александра Маздорфа, премии «Золотое перо Руси».*

### Сулейман Иламанов



*Сулейман Иламанов – родился в 1954 году в ауле Ламма Карабекаульского этрапа Лебапского веляята. После окончания школы поступил на факультет филологии Туркменского государственного университета имени М. Горького. Работал в литературных изданиях Туркменистана. С 1995 года заведующий отделом политики и общественной жизни газеты «Эдебият ве сунгат». Поэт, переводчик классиков мировой литературы. Несколько раз был победителем творческого конкурса президента Туркменистана «Золотой век туркмен». Награждён медалью «Гайрат». Заслуженный журналист Туркменистана.*

#### РОЗЫ ВЕСНЫ

Любовным шумом горные ручьи  
весной полны, бурны и мелодичны.  
Из тысяч роз – они ещё ничьи,  
я утопаю в грёзах поэтичных.  
Вы покорили чувства, не тая,  
влюблённых страстно Кайса<sup>1</sup> и Тахира<sup>2</sup>.  
Скажите, роза где живёт моя?  
Ответа жду от бытия и мира.

#### МЕЛОДИЯ СЕРДЦА

Слушаю разные песни, мелодии разные,  
Фортепяно, дутара, гыджака...  
На протяжении жизни, разнообразные,  
Утром и вечером разновеликие.

И в этот раз сердце бережно слушаю,  
Песни другие, мелодии близкие  
Тело тревожат, ранимую душу,  
В мире, всегда озабоченном рисками.

Песнями жизни, желаньем доверчивым,  
Необходимостью или ранимостью.  
День, каждый миг непременно изменчивый,  
Трудности счастья не объяснимые.

В песнях есть радость и есть уважение  
Тех, кто внимательно музыку слушает.  
Это широкой души отражение,  
Строгой гармонии и ненарушенной.

Птиц щебетанье, ручья откровение,  
Близость небес сумасшедшей наградой.  
Слушай, лови потихоньку мгновения,  
Перерожденья приходит отрада.

<sup>1</sup> Кайс – настоящее имя Меджнуна, героя дестана «Лейли-Межнун».

<sup>2</sup> Тахир – герой дестана «Зохра-Тахир».

Томное сердце и утром и вечером,  
В этом опора существования.  
Каждым мгновеньем вниманье отмечено.  
Миром владей, не желая признания!

#### ДОЖДЬ ИГРАЕТ МУЗЫКУ

Играет дождь то на дутаре<sup>1</sup>, то гыджаке<sup>2</sup>,  
Порой играет на кобызе<sup>3</sup> и туйдуке<sup>4</sup>.  
Не важен инструмент, всё дело в знаке,  
Касается он жизни в каждом звуке.

Любовь рождает новые мелодии,  
Дойдёт до сердца музыка мгновенно.  
Ох! Посвятить такие чувства вроде бы  
Без грусти и печали откровенной.

Льёт дождь, но разве он дутар?  
Или скорее нежный звук гыджака?  
И капли ныне, как в груди удар.  
Смотри! Объятья этим не избыты.

Ох! Захватила и всего меня  
Небес разверстых ныне оркестровка.  
Чуть слышная, но скажем не тая,  
Что иногда захватывает ловко.

Не знаю, чья играет здесь рука,  
Взрастает музыка, как непокорный стебель.  
А тучи переходят в облака,  
Мир хорошеет и бахшы<sup>5</sup> на небе!

#### ЦВЕТЫ КАРАКУМОВ

Влюблённо весною раскрылись  
бутоны цветов в Каракумах.  
И мир в этот миг окрылился –  
Роскошны цветы Каракумов.

Царит красота неизменно  
небес синевы и пурпура.  
Подобно Лейли<sup>6</sup> и Шасенема<sup>7</sup>,  
Роскошны цветы Каракумов.

Здесь вышивки тонкой сюита,  
Небес высота, и подумай,  
Как строчки Маммеда Сеида<sup>8</sup> –  
Роскошны цветы Каракумов.

Букетами радости к жизни,  
Орнамент наводит на думы.  
Ковры возлежат живописно –  
Роскошны цветы Каракумов.

Земли благодать на закате  
пьянеет от птичьего шума.  
Сильней раскрывают объятья –  
Роскошны цветы Каракумов.

В походе тюльпаны и розы.  
Так мир красотой задуман.  
Счастливые дни подытожим –  
Роскошны цветы Каракумов.

<sup>1</sup> Дутар – национальный двухструнный музыкальный инструмент, похож на казахскую домбыру.

<sup>2</sup> Гыджак – национальный музыкальный инструмент, тонкий звучанием.

<sup>3</sup> Кобыз – старинный струнный смычковый инструмент тюркских народов.

<sup>4</sup> Туйдук – традиционный туркменский духовой инструмент в виде продольной открытой флейты.

<sup>5</sup> Бахшы – исполнитель песен на дутаре.

<sup>6</sup> Лейли – главная героиня дестана «Лейли-Меджнун».

<sup>7</sup> Шасенем – главная героиня дестана «Шасенем-Гариб».

<sup>8</sup> Маммет Саид – современный туркменский поэт, посвятивший много стихов весне.

# Берега Туркменистана

## Айгуль Гараева



*Айгуль Гараева – одна из талантливых молодых поэтесс современного Туркменистана, известна как автор лирических стихотворений. Поклонница русской классической и современной литературы. Лауреат творческого конкурса президента Туркменистана «Золотой век туркмен», лауреат молодежной премии Союза молодежи Туркменистана имени Махтумкули. Сотрудница газеты «Эсгер».*

– Почему я прихожу? – повторил Вронский, посмотрев прямо в её глаза.  
– Я прихожу побывать там, где вы бываете. Я не могу иначе...

*Лев Толстой. Анна Каренина*

### НЕ СПРАШИВАЙ

Зачем ты спросила об этом?!  
И хочешь услышать ответ.  
Живёшь осуждаема светом.  
О Анна! На чувства – запрет.

В рассеянье и откровенье  
Спешешь, загудел паровоз.  
Жар слов и твоё нетерпенье,  
Раскаянье в радуге слёз.

Снег сходит, искрящийся сухо,  
Шаги этой драмы слышны.  
И рельсы, стучащие глухо,  
Мгновением страшным больны.

Как тайный мираж предо мною  
Возникла внезапно, и что ж!  
С поникшей идёшь головою,  
Со странной улыбкой идёшь.

И шепчешь... Глядят пассажиры,  
Не могут принять и понять.  
Картиною трепетной живы,  
Не в силах судьбу поменять.

Вот поезд приблизился шумно,  
Трагична судьба у любви.  
Волнуюсь, а смерть не разумна  
И с привкусом страшным крови.

В руках у судьбы героиня,  
Но что может сделать Толстой?  
А память тревожит донныне  
Поступок её непростой.

### БУДЕМ ЖИТЬ ТАК...

Не кончаются наши с тобой разговоры,  
Тяжелы иногда, но и также легки.  
Днём смеюсь и танцую задорно,  
А ночами пишу дорогие стихи.

Я придумала мир и тебя поселила,  
Ну а, может, и мир поселился в тебе.  
О Отчизна моя! О тебе не забыла.  
Обращаюсь с любовью к тебе и судьбе.

Если счастлива ты, то я счастлива тоже,  
С упоеньем встречаю светила восход.  
Принимаю свой путь каждый день непреложно,  
Даже если пора наступает невзгод.

Это правда, моё ты запомнила имя,  
В сердце трепет живёт до сих пор.  
Так всегда торжествуй, вышней силой  
хранима,  
Никогда не окончится наш разговор!

### НАПИШИТЕ ВЕСНОЮ СТИХИ

Напишите весною стихи,  
В это время у нас чувства чистые.  
Посмотри, как они глубоки,  
Сердцу робкому очень близкие.

Напишите весною стихи,  
Принимая её у порога.  
В эту пору восходы легки  
И чиста горизонта дорога.

Вечной темой приходит она,  
Пеньем птиц пробуждает пространство.  
И не властны над ней времена,  
Потому и сильна постоянством.  
В ней вершина погодных стихий,  
Оркестровка внезапного скерцо.  
Напишите весною стихи!  
Мой совет вам от чистого сердца.

# Берега Туркменистана

## Шагельди Салыхов

*Шагельди Салыхов – молодой поэт, родился в городе Мургап Марыйской области Туркменистана. В 2024 году поступил на факультет драматургии Государственного института культуры Туркменистана. Победитель творческого конкурса президента Туркменистана «Золотой век туркмен» и обладатель премии Союза молодёжи Туркменистана имени Махтумкули «Молодой учёный».*



### ПЕРВЫЙ ДОЖДЬ ОСЕНИ

Первый осенний дождь  
Каплями серебра.  
Радость мою умножь,  
Царственная пора.

Светлой чредой картин  
Осень пришла опять.  
Есть целый ряд причин  
Жизнь в этот раз поменять.

Этот душевный план  
Очень хорош порой.  
Свой испытай талант  
И вдохновенье открой.

Золото в облаках,  
Капает дождь без конца.  
Будущее в руках,  
Слушай в себе мудреца.

Так принимай, не пасуй,  
Пой же о ней от души!  
Образ её рисуй  
И восхваляй, как бахшы.

Преобразится вдруг,  
Станет теплее свет.  
Если и дождик вокруг,  
Каждый немного поэт.

### УЛЫБНИТЕСЬ, ДАРИТЕ ДРУГ ДРУГУ ЦВЕТЫ

Дышит ещё душа, и в жизни надежда,  
Улыбнитесь, дарите друг другу цветы.  
Время прощенья обид, недоступное прежде,  
Улыбнитесь, дарите друг другу цветы.

Вы простили, и враг вдруг становится другом,  
Дайте счастье тому, кто желает любви и мечты.  
Отгоните печаль, ту, что ходит по кругу,  
Улыбнитесь, дарите друг другу цветы.

Понимая, что жизнь неизбежно конечна,  
Посмотри на поступки, дела с высоты.  
Пусть букет долгожданный напомнит о вечном.  
Улыбнитесь, дарите друг другу цветы.

Расцветают сады, и округа оттаёт.  
Подарите улыбку, наведите мосты.  
Наступает весна, и душа отпускает.  
Улыбнитесь, дарите друг другу цветы.

### ЗВЁЗДНЫЕ НОЧИ

Покорит красота и обрадует душу,  
Поднимаю глаза и гляжу в небеса.  
Эти звёздные ночи покой не нарушат,  
Ночь такая тиха, да ещё хороша.

Тьму вечернюю следует выпить,  
Написать эти строчки, никуда не спеша.  
Возвести это небо в высокую степень.  
Ночь такая тиха, да ещё хороша.

Океаном вселенной пленён и охвачен,  
Преклоняюсь перед чудом, ничем не греша.  
Это так, и отныне не будет иначе,  
Ночь такая тиха, да ещё хороша.

Плен бессонницы дивен, мучительно сладок,  
Хрупкость мира, с величием его не смешав.  
Понимаю сложившийся в жизни порядок,  
Ночь такая тиха, да ещё хороша.

Точку ныне не ставлю, строку продолжая,  
Вот закат догорел и ушёл не спеша.  
И опять торжество бытия утверждает,  
Ночь такая тиха, да ещё хороша.

# Берега Туркменистана

## Гочмырат Оразбердиев



*Гочмырат Оразбердиев – молодой поэт. В своих стихах уделяет особое место теме любви, человеческих отношений, всегда востребован среди читателей и часто публикуется в местных газетах и журналах. Сотрудник отдела литературы и поэзии государственной газеты «Эдебият ве сунгат» («Литература и искусство»).*

### НА ОСТАНОВКЕ

На остановке, шею обернув лучами,  
Встречаю солнце, позабыв заботы.  
Среди людей, не знающих печали,  
Как я, с утра спешащих на работу.  
Здесь воробьи уселись на деревья,  
И птиц язык загадочен, приятен.  
Знакомых мест маршрут давно проверен,  
Для глаз спокоен и давно понятен.  
Природа поэтична, музыкальна,  
Не беспокоят небольшие тучи.  
Жизнь счастье обещает и сакрально  
Свободой небеса тотчас озвучит.  
Сейчас подобны золотым чернилам  
Для моего пера лучи от солнца.  
Почувствовал, как время изменилось,  
Я остаюсь в улыбках незнакомцев.  
Шаги прохожих тихи и легки,  
А я на остановке в нетерпенье.  
На облаках хочу писать стихи,  
Восторг переполняет вдохновенье.

### АВТОБИОГРАФИЯ

Жизнь длится вместе с автобиографией,  
Какие бы не написались строчки.  
Множатся фотографии, копятся фотографии,  
Множатся долгие дни и ночи.  
Знаю, добавить к этому нечего,  
Жизнь вмещает цепи событий.  
Так приближаемся к вечности,  
Совершая немало открытий.  
Тело таскаю, словно носильщик,  
Не собираю себя в одно целое.  
Изменить планиду я бессилён,  
Попытки не часты и неумелы.  
Принимаю печальное состояние,  
Вычеркну неудачи из имени.  
Всё бы начать с новых параграфов.  
Но и таким прими меня,  
Не изменить автобиографию.

### МОРЕ

Качается вода на блюде мира,  
Приснилось море облакам.  
Неспешно дуновение эфира,  
Картина не подвластная векам.  
Идёт круговорот воды в природе,  
И капля превратилась в пар опять.  
От взора море снова не уходит,  
И время повернуть не в силах вспять.

### ГРУСТНОЙ ДЕВУШКЕ

Глядишься в зеркало, сестричка,  
Но в нём не видно красоты души.  
Есть время погрузиться о личном,  
И огорчаться больше не спеши.  
Пусть родинки чело твоё украсят,  
Бровей не хмурь, о гордости забудь.  
Тревоги отпусти, они не властны,  
Господь всегда укажет верный путь!  
Ударь безмолвным зеркалом о землю  
И собирать осколки не спеши.  
Единственное зеркало приемлю,  
В котором отражение души.  
Оно твой образ правильно покажет,  
Откроет к счастью долгожданный путь.  
На трепетное сердце тихо ляжет,  
Пойми и оцени когда-нибудь.

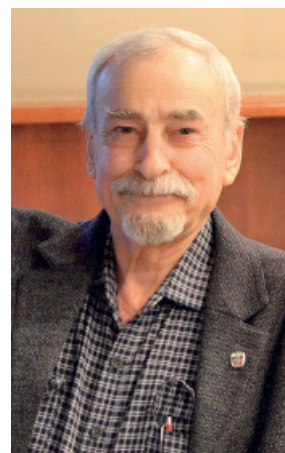
### ТЕЛЕФОН

Подними глаза, послушай,  
Оглянись и взгляд не прячь.  
Телефон тревожит душу,  
Расстоянье обозначь.  
Он за нас, наверно, скажет,  
Если чувства – через край.  
Вездесущий чёрный гаджет,  
Взгляд с него не убирай.  
Я звоню тебе с работы,  
Понимая, что нельзя.  
Я тебе отправил фото,  
Загляни в мои глаза!

# Берега прочтения

## Геннадий Сазонов

Геннадий Алексеевич Сазонов – поэт, прозаик, публицист. В настоящее время издано 35 книг поэзии, прозы, публицистики. Публиковался в журналах: «Берега», «Север», «Москва», «ЛАД вологодский», «День и ночь», «ДОН новый», «Врата Сибири», «Пятницкий бульвар» и других. Лауреат ряда литературных премий и конкурсов, в том числе: журнала «Берега» за 2022 год (номинация проза), Международной литературной премии главы Республики Карелия «Во славу Отечества» им. Г. Р. Державина за 2022 год (номинация литературоведение), Филофеевской литературной премии за 2022 год за книгу прозы «Яблоки небесные» (Архиерейская грамота митрополита Тобольского и Тюменского Дмитрия, медаль Святого Филофея). С 1987 года живёт и работает в Вологде.



## ВЕЧЕРОМ ЗИМНИМ В ЯСНОЙ ПОЛЯНЕ

### 1

В полдень в прорехи низких облаков выглянуло солнышко – заспанное, ленивое. Будто извиняясь за долгое отсутствие, оно брызнуло лучами по аллеям парка, осветило заснеженные липы, тополя, зеленеющие ели. И тут же торопливо, будто боясь опоздать куда-то, закурилось в облачной дымке, потонуло в сизой небесной мгле.

– Пожалуй, быть метели, – вздохнул хозяин усадьбы, отходя от окна, у которого любовался солнечной игрой. – Занесёт дороги, подъезды к дому... А если какой-нибудь гость захочет навестись ко мне?

Рассуждая так, знаменитый писатель Лев Николаевич Толстой подошёл к своему рабочему столу, сел в кресло. Да, уже давно его знали и любили во всей России, а в Европе неизменно именовали – «великий прозаик». Да, ему шёл уже 82-й год. Но едва ли не всякий день посвящал он хотя бы час-два любимому занятию. Писать – для Толстого было душевной потребностью, такой же, как дышать свежим воздухом. Ни слава, ни деньги его не волновали, а притягивала таинственная сила Слова.

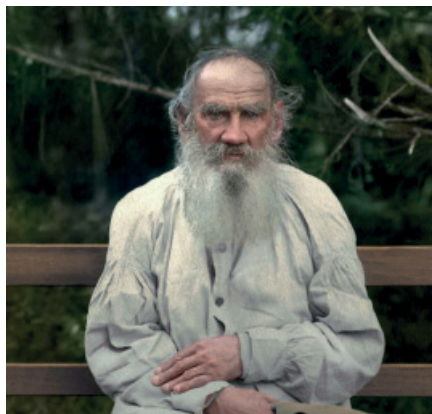
Может, именно по этой причине великий бытописатель земли русской не пожелал заграничных почестей. Дело в том, что в 1906 году Академия наук Российской империи в очередной раз выдвинула Толстого на соискание Нобелевской премии по литературе. Шансы получить награду были почти сто процентов. Но Лев Николаевич через знакомого переводчика в Финляндии попросил снять свою кандидатуру с конкурса, поскольку... «не нуждается в деньгах». Его просьбу исполнили.

...К моменту, когда мы застали писателя в рабочем кабинете, Ясная Поляна представляла собой комплекс архитектурных и ландшафтных объектов, заложенных ещё дедом по материнской линии – князем Николаем Волконским – в начале XIX века. Теперь усадьба не принадлежала Льву Николаевичу. Восемь лет назад, в 1892 году, он отказался от собственности и разделил её между наследниками. Жене Софье Андреевне и младшему сыну Ванечке как раз и досталась Ясная Поляна.

Напомню, Лев Николаевич родился в отчей усадьбе 9 сентября 1828 года, прожил в ней практически полвека, написал самые знаменитые свои произведения – романы «Война и мир», «Анна Каренина», «Воскресение», много рассказов, повестей, публицистику. «Без Ясной Поляны, – признался однажды Лев Николаевич, – я с трудом могу себе представить Россию и моё отношение к ней...»

...Метель всё же разгулялась к началу сумерек. Завертелась вихрем и причудливыми кольцами вокруг флигеля, сыпанула снежный заряд в окно кабинета. Сквозь её шум писатель уловил звоны колокольчиков под дугой лошадиной повозки.

– Никак гости! – воскликнул писатель. – В такую непогоду? Откуда?



*Лев Толстой*

Через несколько минут слуга доложил, что пожаловал господин Наживин. Хозяин весьма удивился, поскольку знал, что господин этот, его сподвижник «по улучшению русской жизни», пребывал в Брюсселе, вдали от России. И вдруг – в Ясной Поляне?!

– Приси! – кивнул он слуге.

Гость вошёл.

В воротнике его шубы запутались метельные снежинки, гость излучал искреннюю радость.

– Каким ветром занесло, Иван Фёдорович? – спросил хозяин. – Да ещё в буйную метель?

– Попутным ветром, попутным прибило к вам, – отвечал гость, улыбаясь. – Давно мечтал об этой встрече.

– Хорошо! И я рад видеть вас! – признался хозяин. – Устраивайтесь на ночлег в гостиной, а завтра поговорим обо всём.

## 2

С чем сравнить Ясную Поляну зимы 1910 года? Да, именно саму усадьбу, когда до ухода её знаменитого обитателя в мир иной оставалось всего девять месяцев?

Пожалуй, подойдёт слово – Мекка. Известно, что этот город расположен в Саудовской Аравии и символизирует вселенский Центр мусульманства.

Точно такой же своего рода Меккой стала и Ясная Поляна. Причины две: мировая известность прозаика и его учение об отношении к окружающей жизни, получившее наименование «толстовство». Чтобы посетить Льва Николаевича, побеседовать с ним, приезжали авторы не только со всей России, но даже из-за границы, не говоря уже о тех, кто считал себя «толстовцем». На встречи хозяин усадьбы приглашал журналистов из Москвы, Петербурга, Тулы. Поэтому содержание бесед часто становилось достоянием всей читающей России.

Можно утверждать, что впервые в истории русской литературы место пребывания писателя стало в определённой мере сакральным, действующим «субъектом», как и его творчество. Опыт Толстого позже повторил Михаил Александрович Шолохов, когда родная станица Вешенская превратилась в маршрут литературного паломничества.

В разные годы в Ясной Поляне побывали Владимир Короленко, Антон Чехов, Всеволод Гаршин, Афанасий Фет, Алексей Горький, Михаил Пришвин, Иван Тургенев и ещё целый ряд авторов. В одну из поездок Иван Сергеевич Тургенев привёз Льву Николаевичу в подарок сборник прозы начинающего французского писателя Ги де Мопассана. Прочитав книгу, Толстой написал замечательную рецензию, которая не потеряла актуальности и сегодня.

В Мекку русской культуры приезжали иностранцы: Уильм Стед, прозаик и редактор журнала из Англии, писательница Шарлотта Мендельсон из Оксфорда, поэт Оуэн Ширс из Уэльса и другие. О романах Толстого высоко отзывался известный американский прозаик Уильям Фолкнер.

Теперь несколько слов об очередном госте, что пожаловал в усадьбу вместе с метелью.

Высокий, широкий в плечах, Иван Наживин был уроженцем Владимирской губернии и часто говорил: «Я сын мужика, выросшего среди народа». Действительно, отец его состоял государственным крестьянином, а мать – крепостная. Ещё в молодости Иван пробовал силы в литературе. Его рассказы, очерки стали выходить в журналах «Природа и охота», «Журнале для всех», в изданиях «Русская мысль» и «Русское богатство». Тема – состояние русской деревни в начале XX века.

Видя пристрастие сына, отец, немного разбогатевший, отправил его учиться за границу, где тот пробыл около семи лет. В 1901 году Иван Фёдорович во время приезда в Россию побывал в Ясной Поляне, познакомился с Львом Николаевичем. Они долго беседовали о жизни, о литературе, завязалось знакомство, переписка. Перебравшись на родину, Наживин под влиянием Толстого стал изучать различные религиозные течения, в итоге написал книгу «Голоса народов». Её положительно оценил Лев Толстой, как и роман Наживина о событиях революции 1905 года в Москве. Главный мотив романа – «началось великое нравственное падение русского народа».

И, понятное дело, Наживин не мог остаться в стороне от «толстовства» – религиозно-этического и нравственного учения Льва Николаевича. Наиболее полно писатель изложил учение в своих произведениях «Исповедь», «В чём моя вера», «О жизни», «Христианское учение» и ещё некоторых. Здесь уместно напомнить отдельные принципы учения:

- *всепрощение; непротивление злу насилем; любовь к ближнему;*
- *отказ от вражды с любым народом («любите врагов ваших»);*
- *нравственное самоусовершенствование;*
- *духовные ценности важнее материальных;*
- *отказ от несения военной службы и хранения оружия;*
- *«опрощение» (непрятие благ цивилизации и общественных устоев);*
- *запрет на употребление алкоголя, мяса, табака...*

В своём дневнике, выражая, очевидно, конкретное содержание «опрощения», Лев Николаевич записал: *«Жизнь, пища, одежда – всё самое простое. Всё лишнее: фортепьяно, мебель, экипажи – продать, раздать...»*

Нетрудно заметить, что мотивы учения Лев Николаевич взял из Нагорной проповеди Иисуса Христа – Спасителя душ наших. В то же время он частично переосмыслил их и в чём-то дополнил. *«Первая заповедь говорит: будь в мире со всеми, не позволяй себе считать другого человека ничтожным или безумным. Если нарушен мир, то все силы употребляй на то, чтобы восстановить его. Служение Богу есть уничтожение вражды»,* – писал он в книге «В чём моя вера?».

В России и в ряде стран за рубежом (в частности, в Индии, Японии, Вьетнаме) «толстовство» нашло сотни и тысячи последователей. Возникли даже «толстовские коммуны», «Московское вегетарианское общество», издательство «Посредник», созданное Толстым, и ещё ряд организаций. Хотя Всероссийский миссионерский съезд Русской православной церкви, проходивший в Казани в 1897 году, определил учение Толстого как «религиозно-социальную секту», но это не смутило устойчивых его последователей.

К ним принадлежал Иван Наживин.

### 3

За обед в Ясной Поляне садились обычно во второй половине дня. За столом пребывали иногда по несколько часов. Хозяин и гость беседовали о разных предметах и новостях. Наверное, Наживин поведал о своей семье – жене Анне Зусман и маленькой дочери Мариам. С ними он проживал уже не за границей, а в России. Не исключено также, что он упомянул о серьёзном успехе – подготовке собрания своих сочинений. Первый том был уже в работе, и в следующем году его планировали издать.

Лев Николаевич порадовался за гостя.

Речь перешла на литературу. Желая развлечь хозяина, Иван Фёдорович достал из портфеля тощую брошюрку – современные стихи. Это была маленькая по объёму поэтическая книжечка молодого поэта Игоря Северянина под названием «Интуитивные краски», изданная в 1909 году. Имя автора ничего не значило для Толстого, так же – и для Наживина. Тем не менее Иван Фёдорович с чувством, с толком, с расстановкой принялся декламировать незнакомого автора.

«Много смеялся он (Толстой) в этот вечер, – вспоминал позже гость, – слушая чтение какой-то декадентской книжки – не то “Интуитивные звуки”, не то “Интуитивные краски”, где, разумеется, и “вечер, сидящий на сене”, и необыкновенная любовь какая-то, и всевозможные выкрутасы. Особенно всем понравилось стихотворение, которое начиналось так:

Вонзите штопор в упругость пробки,  
И взоры женщин не будут робки!..



*Лев Толстой с женой Софьей Андреевной*

Но вскоре Лев Николаевич омрачился.

– Чем занимаются!.. Чем занимаются!.. – вздохнул он. – Это литература! Вокруг – виселицы, полчища безработных, убийства, невероятное пьянство, а у них – упругость пробки!»

То есть вначале этим стихам все внимали с удовольствием, как некоей забаве. Но, отсмеявшись и выслушав гневную отповедь Толстого, присутствующие в Ясной Поляне журналисты мгновенно разнесли отрицательный отзыв Толстого по всей России.

Благодаря отзыву Льва Толстого, молодой поэт проснулся пусть и поругиваемой, но знаменитостью. Как писал Оскар Уайльд, обожаемый поэтом: лучше всего, если тебя обругает классик...» (В. Бондаренко, статья «Обруганный классиком», газета «День литературы», Москва, 20.08. 2015).

Прежде чем поразмышлять о подробностях того, что произошло в тот вечер в Ясной Поляне, обратимся к одному редкому документу – речи Л. Н. Толстого в «Обществе любителей российской словесности», которую он произнёс 4 февраля 1859 года – более полувека тому назад, то есть задолго до встречи с Наживиным.

*«Милостивые государи. Избрание меня в члены Общества польстило моему самолюбию и искренне обрадовало меня. Лестное избрание это я отношу не столько к моим слабым попыткам в литературе, сколько к выразившемуся этим избранием сочувствия к той области литературы, в которой были сделаны эти попытки.*

*В последние два года политическая и, в особенности, избличительная литература, заимствовав в своих целях средства искусства и найдя замечательно умных, честных и талантливых представителей, горячо и решительно отвечавших на каждый вопрос минуты, на каждую временную рану общества, казалось, поглотила всё внимание публики и лишила художественную литературу всего её значения. Большинство публики начало думать, что задача всей литературы состоит только в обличении зла, в обсуждении и исправлении его, одним словом, в развитии гражданского чувства в обществе. В последние два года мне случалось читать и слышать суждения о том, что времена побасёнок и стишков прошли безвозвратно, что проходит время, когда Пушкин забудется и не будет более перечитываться, что чистое искусство невозможно, что литература есть только орудие гражданского развития общества и т. п.*

*Правда, слышались в это время заглушённые политическим шумом голоса Фета, Тургенева, Островского, слышались возобновлённые в критике, чуждые нам толки об искусстве для искусства, но общество знало, что оно делало, продолжало сочувствовать одной политической литературе и считать её одну – литературой. Увлечение это было благородно, необходимо и даже временно справедливо. Для того чтобы иметь силы сделать те огромные шаги вперёд, которые сделало наше общество в последнее время, оно должно быть односторонним, оно должно было увлекаться дальние цели, чтобы достигнуть её, должно было одну эту цель видеть перед собой...*

*...Но как ни благородно, ни благотворно было это одностороннее увлечение, оно не могло продолжаться, как всякое увлечение.*

***Литература народа есть полное, всестороннее сознание его, в котором одинаково должны отразиться как народная любовь к добру и правде, так и народное созерцание красоты в известную эпоху развития*** (выделено – Г. С.).

*...Есть другая литература, отражающая в себе вечные, общечеловеческие интересы, самые дорогие, душевные сознания народа, литература, доступная человеку всякого народа и всякого времени, и литература, без которой не развивался ни один народ, имеющий силу и сочность...»*

Это было первое публичное выступление Льва Николаевича. Нам важно помнить о литературных размышлениях великого классика. Кстати, членом Общества Толстого избрали одновременно с И. С. Тургеневым по предложению Константина Сергеевича Аксакова. Общество же, организованное при Московском университете в 1811 году, одно время бездействовало. Возобновило оно свою работу как раз в 1859 году.

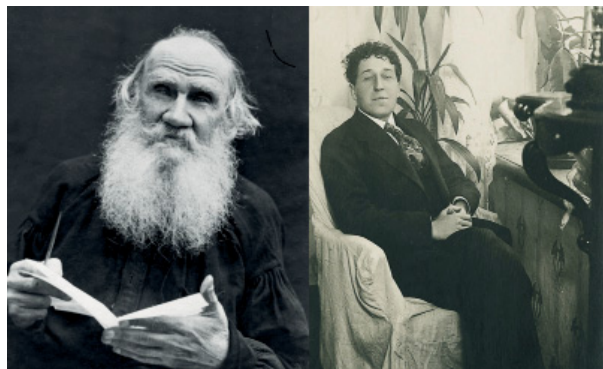
Любопытно, что в книге Игоря Северянина «Интуитивные краски», кроме «Хабанеры II», были стихи патриотические, о недавней русско-японской войне, о красотах русской природы и ещё на разные темы. Но почему-то Наживин и остальные гости говорили только об этом произведении. Может, из-за пристрастия самого Ивана Фёдоровича?

Во всяком случае, имеет смысл привести стихотворение:

## ХАБАНЕРА II

*Синьорине За*

Вонзите штопор в упругость пробки,  
И взоры женщин не будут робки!..  
Да, взоры женщин не будут робки,  
И к знойной страсти завьются тропки...  
Плесните в чаши янтарь муската  
И созерцайте цвета заката.  
Раскрасьте мысли в цвета заката.  
И ждите, ждите любви раската!..  
Ловите женщин, теряйте мысли...  
Счёт поцелуям – поди, исчисли!  
И к поцелуям финал причисли,  
И будет счастье в удобном смысле!



*Толстой и Северянин (коллаж)*

Принадлежа к «племеню поэтов», я никакого «криминала» в приведённых строках не нашёл. У Северянина есть ещё и сонет «ХАБАНЕРА I», передающий любовные страсти, но и там не обнаружил чего-то недозволенного (опубликован в сборнике «Златолира» в 1914 году).

Ну, прежде всего, что такое хабанера?

Это название кубинского танца, по ритму похожего на танго. Термином «хабанера» обозначали также арию из оперы. В данном случае автор представил любовь как блаженство, а детали природы служат фоном для выражения переживаемых чувств.

Удивительно, что Толстой и Наживин, другие участники вечера не заметили тонкой иронии автора. Вероятно, это позволило упомянутому мною критику утверждать: «Что уж там говорить, отношение к поэзии у Льва Николаевича было своеобразным, стихи читать он не очень любил, разве что почитывал самых знаменитых поэтов для общего развития, чтобы видеть, куда катится русская поэзия. Честно сказать, он и Пушкина невысоко ценил, наравне с Шекспиром. Естественно, поэзия Игоря Северянина была ему чужда...»

Очень странное мнение!

Известно, что Лев Николаевич знал многих современных ему поэтов, а с Афанасием Фетом дружил и переписывался. В частности, когда хозяин Ясной Поляны получил по почте новое стихотворение Афанасия Афанасьевича «ALTER EGO», то сразу ответил ему: «...Оно прекрасно! В нём есть тот особенный характер, который есть в ваших последних – столь редких стихотворениях. Очень они компактны и сияние от них очень далёкое. Видно, на них тратится ужасно много поэтического запаса. Долго накапливается, пока кристаллизуется...» (27 января 1878 года). (Афанасий Фет. На заре ты её не буди. М.: Эксмо, 2002).

Так что в стихах классик разбирался, и неплохо!

В первом публичном воспоминании Наживина мы также не найдём, чтобы Толстой «ругал» Северянина.

Как вспоминал сам поэт, Лев Толстой «разразился потоком возмущения по поводу явно иронической “Хабанеры”, об этом мгновенно всех оповестили московские газетчики во главе с Сергеем Яблонским (псевдоним театрального критика Сергея Потресова (1870–1953)), после чего всероссийская пресса подняла вой и дикое улюлюканье, чем и сделал меня известным на всю страну!.. С тех пор каждая моя новая брошюра тщательно комментировалась критикой на все лады, и с лёгкой руки Толстого, хвалившего Ратгауза в эпоху Фофанова, меня стали бранить все, кому не лень...»

Поэт даже написал эпиграмму:

Моя вторая «Хабанера»  
Взорвалась точно динамит.  
Мне отдалась сама Венера,  
И я всемирно знаменит!..



*Лев Толстой в своём рабочем кабинете*



*М. Горький и Л. Толстой*

Примечательно: через год после смерти Толстого Наживин выпустил книгу воспоминаний о нём, где уже по-другому рассказывал об атмосфере зимнего вечера в Ясной Поляне: «Услышав подобное, великий старец пришёл в ярость: какая глупость! Какая пошлость! Какая гадость! И такую гнусность смеют считать за стихи! До какого падения дошла русская поэзия!»

Когда же верить автору: в первом воспоминании или во втором?

С его же слов, он всё рассказал в редакции газеты «Биржевые ведомости», полагая, что Толстой «раздавил» Северянина, как клопа.

А на самом деле он «подарил» ему славу.

Замечу, кстати, что Иван Фёдорович имел высокое мнение о себе. О других русских писателях он отзывался довольно оскорбительно: Бунин – «коронованный уездный моншер», который водит за нос тысячи дураков, злейший черносотенник и тупица»; Куприн «смердит не меньше»; «Шмелёв уцелел как художник, но и это мракобес...»

Ну что тут скажешь!? Остаётся лишь развести руками. Единственное оправдание в том, что он жил уже в «долгой загранице», когда человек ожесточается, теряет себя, обвиняет других и весь мир в своём неблагоприятном положении.

Когда Игорь издал свою «Хабанеру II», ему было 22 года, а Льву Толстому, когда он её услышал, шёл уже 82 год.

Почувствуйте разницу в годах! А также – разницу в восприятии окружающего мира.

Лев Толстой, по воспоминаниям друзей, в молодости совсем не чурался любовных приключений – «был неутомим».

Заканчивая этюд, предлагаю вспомнить строки Александра Сергеевича Пушкина из романа в стихах «Евгений Онегин» (глава восьмая), которые начинаются с явления юному поэту его Музы:

И свет её с улыбкой встретил;  
Успех нас первый окрылил;  
Старик Державин нас заметил  
И, в гроб сходя, благословил.

Вполне уместна аналогия между Толстым и Северяниным. Вышло так, что Лев Николаевич незадолго до кончины оригинально «благословил» Игоря Васильевича на литературную стезю. Молодой автор всегда помнил об этом, стремясь достичь вершин русской Поэзии.

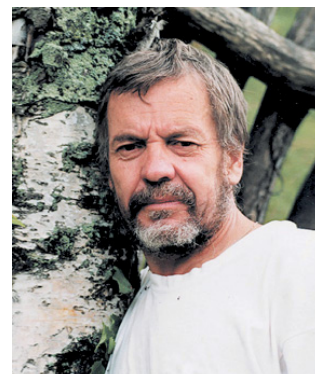
Истины ради скажем, что этот путь начался для него задолго до вечера зимнего в Ясной Поляне.

*Отрывок из будущей книги «РОСА ОРАНЖЕВОГО ЧАСА»  
ВОЛОГДА, 2026*

## Берега прочтения

### Анатолий Байбородин

Анатолий Григорьевич Байбородин – родился в 1950 году в забайкальском селе Сосново-Озёрск. Окончил Иркутский государственный университет, работал журналистом. Преподавал стилистику русского языка; работал директором издательства «Иркутский писатель», исполнителем редактором альманаха «Иркутский Кремль»; с 2017 по 2022 год – главный редактор журнала «Сибирь».



Автор книг: *Поздний сын. Повесть. Москва, 1988; Яко богиню землю нареки. Очерки. Москва, 1991; Боже мой... Роман. (Предисловие: В. Распутин). Москва, 1996; Не родит сокола сова. Роман, повесть. Москва: Вече, 2011, 2018; Озёрное чудо. Повести, рассказы. Москва: Вече, 2013, 2019; Деревенский бунт. Повести и рассказы. Москва: Вече, 2017, 2019; Сокровища Сибири. Очерки и статьи. Москва: Вече, 2018; Слово о роде и народе. Очерки и статьи. Москва: Вече, 2020; Боже мой. Роман. Москва: Вече, 2021. Составитель книг: *Русский месяцеслов. Обычаи, обряды, поверия, приметы русского народа. Иркутск, 1998, 2020; Думы о русском с древнейших до нынешних времён. Иркутск, 2020.**

Лауреат Всероссийских премий: Большой литературной премии России за лучшее произведение 2006 года (книга «Утоли мои печали», 2007); премии «Литературной газеты» «Золотой Дельвиг» за книгу «Озёрное чудо» (2016); премии имени П. Еришова за книгу «Небесная тропа. Сибирские сказы» (2017); премии имени Н. Лескова «Очарованный странник» за книгу «Боже мой» (2022); национальной премии имени В. Распутина I степени за книгу «Деревенский бунт» (2018); Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия за значительный вклад в развитие русской литературы (2025).

## ВОЕВОДА ЗЕМЛИ РУССКОЙ

Памяти преподобного Илии Муромца, Киево-Печерского чудотворца

Отрывок из очерка-исследования

Посвящаю храбрым русским воинам...



Под славным городом под Киевом,  
На тех на степях на Цигарских,  
Стояла застава богатырская.  
На заставе атаман был Илья Муромец,  
Под-атаманье был Добрыня Никитич маад,  
Есаул — Алёша поповский сын...

Если требует чести – отдай, если ищет золота – отдай;  
но за веру православную и Христову Церковь нам по-  
добает и кровь свою пролити и живот свой положить...

Преподобный Сергей Радонежский  
великому князю Дмитрию Донскому

Воеводе сил земли Русския, воину Царя Христа  
и заступнику Руси Святой, славному во бранех  
и неодолимому в ратех, дивному богатырю Илии Муромцу  
песнь хвалебную воспоем, да заступит и ныне нас, зовущих:  
Радуйся, преподобне отче Илие,  
земли Русския славный заступниче.

Акафист святому преподобному Илии Муромцу,  
Киево-Печерскому чудотворцу, кондак I

Я за веру стоял да Христовую,  
Я за церкви стоял да за соборные.

Былина о святорусском богатыре Илье Муромце

*Пролог: Земли Русския славный заступниче. Былина. Русские богатыри. Карачарово и Муром. Исцеление убогого Ильи. Деревенщина. Илья Муромец и князь Владимир Мономах. Ссоры Ильи Муромца с князем Владимиром. Битвы Ильи Муромца. Илья Муромец – воин Христов. Илия Муромец, чудотворец Печерский. Почитание святого и былинного богатыря. Эпизод: Святость против святотатства.*

## Земли Русския славный заступниче

### Пролог



Молитвами, иже во святых, отца нашего преподобного Илии Муромца, Господи Иисусе Христе Сыне Божий, Благослови!  
*Во имя Отца и Сына и Святого Духа!*

Уж вы, гой еси, люди добрые,  
Старина новизне низко кланяется,  
Собирайтесь-ко вы, люди добрые,  
Не в дорожку-путинку ближнюю,  
А в далёкое да путешествие,  
Не обычное, непривычное,  
Ой, да не за сотни вёрст,  
Не за тыщу вёрст,  
А за тыщу лет против времени.

*Былина об Илье Муромце*

**Илья Муромец – крестьянин, воин и монах.** В героическом эпосе Илья Муромец – обобщённый образ русского народа: пахотный крестьянин по роду-племени и духу, казак-шлемоносец по ратной службе, оборонитель Святой Руси, защитник вдов и сирот, а на склоне жизни – покаянный инок, замаливающий смертные грехи, скопленные в казачьей вольнице, и в упокоении – преподобный Илия Муромец, Печерский чудотворец, в Земле Российской просиявший, чьи нетленные мощи в Дальних пещерах Киево-Печерской обители. Сей святой запечатлён в творениях вдохновенных богомазов, покровительный лик его на русских воинских знамёнах и в крестьянской устной поэзии, бескрайней и таинственной, яко Божий Мир.

«Велик и разнообразен почтенный сонм витязей, собравшихся вокруг великого князя Киевского Владимира, все они выражают многие стороны русского духа. Но могущественнее их всех избранник народа русского Илия Муромец...»<sup>1</sup>.

Илья Муромец – русское простолудье, что крестьянствует, обороняет Русь, покаянно, яко мытарь, молится Всевышнему: «Боже, милостив буди мне грешному!» Не княжич Добрыня, не попович Алёша и даже не великий князь Владимир Мономах, а Илья – крестьянский сын, богатырь и святой старец – былинное воплощение и образ русского народа.

Покинув родное село Карачарово, потомственный пахотный мужик на богатырской заставе обратился в казачьего атамана, и богатыри величали Илью *старый казак*, а Господь и ссудил-то святорусскому богатырю лишь сорок пять лет, из коих тридцать «сиднем сидел», а пятнадцать сражался против супостатов за сирот и вдов, за веру христианскую. Впрочем, по иному суждению, преподобный Илия Печерский, он же Илья Муромец, прожил долгий век и почил древним старцем.

Старый казак Илья Муромец, воин Христов, защищал от басурман и нахвальщиков не князя Владимира Мономаха, но русское простолудье; оборонял Святую Русь под Покровом Царицы Небесной и под крылом Михаила Архангела – Ангела Земли Русской. Даже тридцатилетняя хворь была дарована Свыше – страдание во очищение души, во обретение святости, а исцеление и обретение силы богатырской – Промысел Божий о народе русском.

<sup>1</sup> Константин Аксаков: <https://nic-pnb.ru/istoriya-otechestva/ilya-muromecz-russkij-bogatyir-sily-i-duha/>

Русь избрала путь Христа – путь Любви, и воин Христов Илья Муромец хранил верность Православию, ибо Спаситель рече: «Будь верен до смерти и дам тебе венец жизни» (*Откр. 2, 10*).

В Святом Благовествовании Иисус Христос, молвя притчами, ведал: «не возжигают светильника и поставляют его под спудом, но на свещнице, и светит всем, иже в храмине» (*Мф. 5:15*). Посему доброе знамение о грядущей судьбе России, отрада русским сердцам, коль по городам и весям страдающего Отечества возродились народные торжества в честь православных святынь и святых, ибо чествования святости ярко, аки солнце после морока, освещают величавое прошлое святорусской земли, вселяют в души надежду на грядущую славу Руси, будят в русских соборный, братчинный дух, увы, при затишьи впадающий в суету сует и унынье.

Митрополит Иоанн (Снычев), русский духовный вождь, утверждал на мрачном перевале веков: «У нас есть единственный путь спасения – путь объединения вокруг наших вековых святынь, путь возрождения русской соборности и державности, путь духовного прозрения и очищения. Сумеет пробиться к Богу сквозь толщу лжи и клеветы, нагромождённую христоненавистниками, значит сумеет возродить и Святую Русь. Отступимся – Россия погибнет»<sup>1</sup>.

Покаянное поклонение национальным святыням для русских – братины святой воды, кою по велению православных старцев, калик перехожих, испил былинный Илья Муромец, – испил и почуял не токмо силу телесную, а и духовную – необоримое желание постоять «за веру... да Христовую... за церкви да за соборные» и за братьев и сестёр во Христе, поскольку «больше сия любви никтоже иметь, да кто душу свою положит за други своя...» (*Ин. 15:13*).

Русский народ на адском закате прошлого века обмер над пропастью национального вырождения, но сквозь истошный визг и вой нежити, царящей на Руси<sup>2</sup>, Божиим чудом народ услышал глас преподобного Илии Муромца, Печерского чудотворца: русичи, возлюбите Бога, ибо заповедано Христом: «...возлюбиши Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душой твоею, и всею мыслью твоею» (*Мк. 12:30*); затем возлюбите всепрощающей любовью брата и сестру во Христе, ибо рече Господь: «возлюбиши искреннего твоего яко сам себя» (*Мф. 22:39*); а, возлюбив ближнего Христа ради, возгоритесь ненавистью ко врагам Христовым, потаённо полонившим Землю Русскую, дабы в православной братчине сгнули междоусобные распри, свекорыстные помыслы, развеялся мрак лихолетья и, словно Царица Небесная, засияла над миром Святая Русь.

Русскому народу после великих искушений и грехопадений потребны идеалы, образцы для подражания, и не белыми нитками сшитые из вековой кровавой и мрачной истории, а идеалы – народно-православные, вынесенные из древней и средневековой Руси. Подобно святым князьям Дмитрию Донскому и Александру Невскому, преподобный Илья Муромец, крестьянин, воин, святой старец, – воистину народный идеал, что с величавой и грозной силой зазвучал в русском народе, когда на землю отичей и дедичей пришёл с мечом западный зверь.

«Да будут чресла ваши препоясаны и светильники горящи» (*Лк. 12:35*), ибо вновь – брань ожесточённая, откровенная и потаённая, и богатырь Илья Муромец взывает к русским ратникам, воинам Христовым:

Уж вы ой еси, русские богатыри!  
Надо нам идти во Божью церковь,  
В Божью церковь Богу молиться,  
Помолитися Спасу-Вседержителю,  
А затем пресвятой матерь-Богородице,  
А затем и Миколе-то святителю,  
Ой, помолитися, благословитися,  
Да на битву супротив силы вражьей,  
Постоим за веру да Христовую,  
Ой, да за церкви-то соборные!  
Да за вдов-то и сирот малых...

<sup>1</sup> Пестова Н. Е. Владыка. <https://www.livelib.ru/book/42051/readpart-sovremennaya-praktika-pravoslavnogo-bлагочестиya-komplekt-iz-2-knig-nikolaj-pestov>.

<sup>2</sup> Изначальный вариант очерка – конец восьмидесятых, начало девяностых, когда враги внешние и здешние ухитили власть в России, что о ту пору величалась Советский Союз; и приступили, супостаты, к яростному, изошрённому духовно-нравственному и хозяйственному разрушению Великой Российской Империи.

Илия Муромец, святой насельник Киево-Печерской лавры, почитается в лоне Русской православной церкви, и боголюбивые богомольцы молятся Печерскому чудотворцу о Земле Русской:

«О святой отче Илие, воине и монаше, богатырю духовный и телесный, ратниче на враги видимыя и невидимыя, защити ныне Отечество наше – Русь Святую, еже есть подножие Престолу Господню, и Церковь Русскую Православную заступи, да поют людие память твою, и Господу, даровавшему Руси заступника сицеваго, славословие приносят песнию: Аллилуиа» (*Акафист, кондак 13*).

А былинный Илья Муромец воспевается в былинах, сказках, мифах и легендах; к сему народная любовь к святोरусскому богатырю воплотилась и в русском искусстве, в кораблях и самолётах, в бронепоездах и бронетракторах, в православных гимназиях и юношеских клубах.

## Битвы Ильи Муромца

**Собака Калин-царь и Батый Батыевич.** Былины славословят Илью Муромца, одолевшего уйму супостатов, и среди сих ворогов случались сильные вои, одолеть коих у прочих богатырей не хватало силушки, не хватало моченьки. Илья Муромец бил Соловья-разбойника, бил полчища Калина-царя, бил Мамаю и Батюга-царя, бил своеручно Идолища Поганого, Сокольника и Жидовина. О сей великой эпохе есть летописное сведенье, где упоминается и фамилия моего далеко-далёкого пращура:

«Город ли Кидиши, что во дни стародавние от “погани рати” спасён был Ильёй Муромцем, славный ли город Покидыши, куда ездил богатый Суroveň-Суздаец гостить-пировать у ласково князя Михаила Ефиментьевича, не отсюда ли ветлужский князь Никита Байборода чинил набеги на земли московские, пробираясь лесами до Соли Галицкой...»<sup>1</sup>.

Битва святорусских богатырей с поганим Калином-царём случилась, по преданию, в Каменном Вражке – овраг среди болот и лесов в Чёрной Рамени у реки Линды. Под водительством казачьего атамана Ильи Муромца одолели богатыри собаку Калина-царя, побили войско, но иные богатыри, сражённые басурманами, окаменели, обратились в гранитные валуны, и поныне лежащие в поминальном, печальном овражке – в Каменном Вражке.

Лишь одыбали русичи после собаки Калина-царя, а ныне орда хана Батюга грянула на Русь.

«И бысть попущением Божиим, грех ради наших, прииде нечестивый и безбожный царь Батый на Русь воевать; грады и веси разоряше, огнем их пожигаше, людие мечу предаваше, младенцев ножом закалаше, и бысть плач великий!..»<sup>2</sup>.

Великий плач и в запеве былины «Илья Муромец и Батый Батыевич»:

Из-за моря, моря синего,  
Из-за синего моря, из-за Чёрного,  
Подымался Батый-царь сын Батыевич,  
Со своим сыном, с Таракáшком,  
Со любимым зятем, со Ульюшком.  
Собрал собака силы трёх годов,  
Силы трёх годов и трёх месяцев...  
Просит Батый... трёх сильных могучих богатырей:  
Богатыря – старого казака Илейку Муромца,  
Другого богатыря – Добрыню Никитича,  
Третьего богатыря – Алёшу Поповича.  
Похваляется: «Дашь – не дашь, за боём возьму,  
Сильных богатырей под меч склоню,  
Князя со княгинею в полон возьму,  
Божьи церкви на дым спущу,  
Чудны иконы по плавь реки,  
Добрых мóлодцев полоню станицами,  
Красных девушек пленницами,  
Добрых коней табúнами».

<sup>1</sup> <https://rogersforum.borda.ru/?1-14-0-00000126-000-0-0>.

<sup>2</sup> Из книги Павла Мельникова-Печерского «В лесах». URL: <https://azbyka.ru/fiction/v-1-esah/>

Жалует царь, да не жалует псарь... Жаловал князь святорусских богатырей, любил, яко братьев во Христе, да по наветам княжеских псарей остыл, удалил дружину из града Киева.

Говорит стар казак Илья Муромец:  
«Уж давно нам от Киева отказано,  
Отказано от Киева двенадцать лет».

Но во всякую лихую годину шёл стольнокиевский князь на поклон к деревенщине Илье и, падши ниц, молил о спасении, улещал, уговаривал:

Бил челом Владимир до сырой земли:  
«Уж ты здравствуй, стар казак Илья Муромец!  
Постарайся за веру христианскую  
Не для меня, князя Владимира,  
Не для-ради княгини Апра́ксии,  
Не для церквей и мона́стырей,  
А для бедных вдов и малых детей!»

После сих слов дрогнуло сердце стар-казака, улетучилась былая обида, праведный гнев полыхнул в богатырской груди, и созвал Илья Муромец крестовых братьев, богатырей святорусских, на битву страшную, битву смертельную, но по промыслу Божию не быть Илье убиту в сечи, не одолеть ворогам русских воев.

\* \* \*

**Битва Ильи Муромца с Жидовином.** Увы, далеко не случайна былина о земле Жидовской и богатыре Жидовине, ибо три века Святая Русь оборонялась от могучего Хазарского каганата, чьи земли от Чёрного моря до Хвалынского, в чьей власти великие торговые пути: Волжский – «Из Варяг в греки» и «Великий шёлковый» – из Азии в Европу. Ближе к середине VIII века в Хазарию нагрянули рассеянные по миру, богатые иудеи, искусили хазарскую верхушку, коя, обрезавшись, облеклась во иудаизм.

А к сему вероисповеданию у православных христиан изрядная досада: пращуров хазарских иудеев распяли Иисуса Христа на Кресте, ибо ждали от Иисуса Назарея земных благ и мирового господства, а дождались лишь проповеди любви ко Всевышнему, ближнему и грядущего рая либо ада. Разочаровавшись во Иисусе, вопили Понтию Пилату:

«Распни, распни Его!..» (Лк. 23:21); «...кровь его на нас и на чадех наших!» (Мф. 27:25).

Об иудеях и о Христовом Кресте в церковном песнопении, посвящённом святым царю Константину и царской матери Елене:

Константин днесь, с материю Еленою,  
крест являют, всечестное древо,  
всех убо иудеев посрамление суще,  
оружие же на противныя верных людей:  
нас бо ради явися знамение велие  
и во бранех грозное.

(Кондак равноапостольных Константина и Елены, глас 3)

По преданию, вельможный иудей Булан вовлёл хазарскую знать в иудейскую веру, а его потомок, богатый и знатный иудей Обадий, захватил царскую власть, обратив кагана в послушного исполнителя иудейской воли. Пришельцы удерживали власть и богатством, и лукавой мудростью, и даже тем, что отдавали хазарским вельможам в жёны свои дочерей, а коль у евреев родословная ветвь по женской линии, то вельможные чада подобных браков взращивались по-иудейски.

Хазары промышляли работорговлей и три века, нападая на Русь, угоняли в полон и рабство молодых русичей, и лишь через три века летом 964 года от Рождества Христова князь Святослав Игоревич, полководческим величием равный Александру Македонскому, разгромил Хазарию; и верховенство над кочевыми народами Причерноморья и Прикаспия от хазарского кагана перешло к русскому князю.

А Илья Муромец сражался с хазарским богатырём, когда киевский князь Святослав уже полвека назад сокрушил Хазарию, когда радостно вздохнула Русь, настрадавшись от хазарских набегов. Но,

как поминалось ранее, вещи бояны в старинах вольно сплетали времена, совмещая князя Владимира Мономаха с равноапостольным князем Владимиром, величая обоих Красно Солнышко.

В сплетении времён родилась на свет и былина о матёром воине Жидовине, коего Добрыня Никитич узрел и поведал о сём богатырям на заставе.

Да как нонечесь-то ездил я ко синю морю,  
Ко синю морю ездил за охотою,  
За той ли за охотой за молодецкою,  
На охоте стрелять гусей, лебедей,  
А как ехал в обороть из чиста поля,  
В чистом поле увидал ископытъ великую,  
Ископытъ велика – полпечи,  
Учал я ископытъ досматривать:  
Ещё что же то за богатырь ехал?  
Из этой земли из Жидовския  
Проехал Жидовин могуч богатырь  
На эти степи на Цицарския!

Согласно былине, на заставе собрался казачий круг, и казаки думу думали, гадали, кого послать супротив могучего Жидовина; и оказалось, послать-то и некого: у Васьки в бою ноги заплетаются, Гришка – из бояр, а «боярские роды хвастливые; / На бою-драке призахвастается; / Погибнет Гришка понапрасному»; Алёшенька же – из поповского сословия, а «поповские глаза завидущие, поповские руки загребущие»:

Увидит Алёша на нахвальщике  
Много злата, серебра,  
Злату Алёша позавидует;  
Погибнет Алёша понапрасному.

Атаман казачий Илья Муромец послал податаманье Добрыню Никитича против хазарского богатыря; и узрел Добрыня: «вор, собака, Жидовин-нахвальщина» проскакал на добром коне – «сыра мать-земля всколыбалася, из озёр вода выливалася»; глянул Добрыня на эдакое чудо-юдо и с перепуга Господу Богу взмолился: «Унеси меня, Господи, от нахвальщика!»

Смекнул Илья: «больше некому заместиться, видно, ехать атаману самому»; и, осиянный святым духом Михаила-архангела, вдохновлённый праведным гневом, вздымается Илья Муромец на защиту Церкви, ибо поётся в старине: испокон-то русского веку грозились поганые порушить веру православную. Вот и Жидовин, что явился из Хазарии, зло сулится:

Я соборны больши церкви на огонь сожгу,  
Я печатны больши книги во грязи стопчу;  
Чудны образы-иконы на поплав воды...

Пыль из-под копыт застила небо, яко тучи грозовые; звенят мечи, яко гром гремит, искры летят от мечей, яко молнии сверкают... В диком поле сошлись богатыри, русский с хазарским, и жестокая брань разгорелась: бьются день, бьются ночь, и вновь – день и ночь; а когда сломались сабли, копьё, булавы, сразились богатыри в рукопашную. Подвернулась левая нога, пал Илья на землю, и Жидовин тут же сел на богатыря и, злорадно хохоча, достал «чинжаліщѣ булатное.

Хочет вспороть груди белыя,  
Хочет закрыть очи ясныя,  
По плеч отсечь буйну голову...»

И решил нахвальщина поизмываться над поверженным: мол, старый и дряхлый пень, не ездил бы во чисто поле, не вынимал сабли острой, а поставил бы келейку придорожную и жил бы мило-стынькой. А Илья взмолился, глядя в небеса:

Ой ты ой еси, Пресвята Мать Богородица!  
Ты почто это меня нынче повывдала?  
Я за веру стоял да Христовую,

Я за церкви стоял да за соборные!  
 Ай ли ладно у святых отцёв написано,  
 Ай ли ладно у апостолов удумано,  
 Написано было у святых отцёв,  
 Удумано было у апостолов:  
 «Не бывать Илье в чистом поле убитому...»

И узрел Илья в небесах сияние, услышал колокольный благовест, втрое силы прибыло, и смахнул богатырь нахвальщину с груди.

Вышибал выше дерева жарового,  
 Пал нахвальщина на сырú землю,  
 А и дух испустил...

Удумал Жидовин покорить Святую Русь, и покорил бы – Добрынюшку бы честолюбием искусил, Алёшу Поповича золотом-серебром соблазнил, – и владеть бы Жидовину Землёй Русской, да святорусский богатырь Илия Муромец выехал во поле дикое, оборонил веру христианскую, постоял за вдов и сиротушек малых. И Бог Илие в помощь, и Покров Богородицы, и молитвы святых, и одолел Жидовина крестьянский сын, атаман казачий, яко святой Егорий Храбрый поразил копием змея озёрного, пожиравшего народ близ Ливанских гор. Воспоём же славу великому русскому воину:

«Радуйся, врагов веры христианския истребляя... радуйся, русским духом иноплеменники изгонявый... радуйся, преподобне отче Илие, земли Русския славный заступниче!» (*Акафист.*)

\* \* \*

**Сражение с родным сыном Сокольников.** Царь Иудейский, псалмопевец Давид, искусив чужую жену, сгубив её мужа, блудно согрешал и – кара Господня: потерял сына; а великий еврейский воин Самсон... в былинах святорусский богатырь Самсон Самойлович либо Самсон Сильный... в блуде с роскошной, но коварной филистимлянкой Далилой, утратил данную свыше богатырскую силу и был ослеплён. Поминая Самсона, богословы рассуждали о дьявольской силе блудной страсти, коя, случалось, побеждала даже великих воинов. Феодорит Кирский в «Толкование на книгу Судей» упреждал сластолюбивых мужей:

«Столько-то борьба с похотью труднее подвига в воинских рядах! Того, кто так доблестно был мужествен и прославился чудными подвигами, соделало пленником сластолюбие. Оно лишило его и Божественной благодати»<sup>1</sup>.

И святой Иоанн Златоуст толкует о дьявольской силе чаровниц:

«Издревле в раю диавол уязвил Адама женщиною, женщиною кротчайшего Давида склонил к обманному убийству Урии, женщиною склонил к преступлению мудрейшего Соломона, женщиною мужественнейшего Самсона ослепил, по вине женщины умертвил сыновей священника Илии, по вине женщины заключил в окопах в темницу благороднейшего Иосифа, по вине женщины предал на усечение Иоанна, – светильника всего мира»<sup>2</sup>.

Един Спас без греха... Покаялся Самсон и воскрес из греха, покаялся царь Давид и в боговдохновении создал «Псалтирь», настольную книгу христианина; эдак и богатырь Илья Муромец, проживший в миру не без греха, плакал, таясь в пещерной келейке, слёзно каялся в любо-страстных грехах, увы, сопутствующих казачьей жизни – кочевой и хмельной. Николай Гоголь в гениальной повести «Тарас Бульба» запечатлел безумное пьянство запорожских казаков после победоносного сражения с ляхами; но ведомо, упоение вином распаляет блудные и прелюбодейные страсти.

А Илья Муромец не во хмелю согрешил; бился с богатыркой-поляницей, и уж сразил и вонзил бы «чинжалище» в белую грудь, но, победив богатырку в битве, покорился девьей красе; а плод блудной страсти – могучий воин Сокольник.

<sup>1</sup> Феодорит Кирский, Толкование на книгу Судей. URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Feodorit\\_Kirskij/](https://azbyka.ru/otechnik/Feodorit_Kirskij/)

<sup>2</sup> Слово святого Иоанна Златоуста на день усекновения главы святого Предтечи Господня Иоанна. Святитель Димитрий Ростовский (Туптало) «Жития святых». URL: [https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij\\_Rostovskij/zhitija-svjatykh/717](https://azbyka.ru/otechnik/Dmitrij_Rostovskij/zhitija-svjatykh/717).

Поляницей в русской древности величали деву-воительницу, что *поляковала* – ездила в поле и, будучи наёмницей западных королевств и умелой наездницей, храбро сражалась с киевскими богатырями. По преданию, лишь одолев поляницу в честном сражении, богатырь мог взять деву в жёны; эдак в сражении и казачий атаман Илья обзавёлся женой, пусть и без Божиего венца. По некой былине, оказалась та поляница не простой бабой Латынгоркой либо Златынгоркой, но королевой Латынгоркой, похоже, *латынского*, католического происхождения.

Согласно былинам, мощная поляница проскакала на богатырском коне, и...

Мать сыра земля... всколыбаласе,  
А и тёмны лесики, леса же всё шаталисе,  
А и как Пучай-река... взволноваласе,  
А и... морьской волной... разливаласе...

Трижды окликнул Илья поляницу – не отзывалась, в сердцах трижды стрелял из лука, попадая в деву-богатырку; и лишь после третьей стрелы королева Латынгорка...

Оглянуласе, рассмехнуласе:  
– Я ведь думала, что летние комарики покусывают,  
так же русьские богатыри постреливают!

Завязалась битва беспощадная; трижды бились от зари до зари, изломали мечи, копьё и палицы, сцепились в рукопашную; и, увы, сразила бы поляница Илью, но взмолился Богу святорусский богатырь, помянул, что «святые ангелы говорили, а светлы архангелы-ти... проповедовали: «А и шшо в чистом поли, сказали, смерть не писана!» После молитвы и одолел Илья бабу Латынгорку; занёс «чинжалище» вспороть белы груди, да взмолилась поляница: поклялась, не зорить Святую Русь и стольный Киев-град, посулила «выкуп дорогой, красно золото, чисто серебро», а ещё и – завести «знакомствицу».

Посреди степи раскинули белый шатёр, постелили скатерть-самобранку...

И пировали-столовали трои суточки...  
И завелась у их любовь, любовь великая...

А после посетил Илья королевство Латынгорки, пожил месяца три, и зачала королева; умолял Илья Муромец Латынгорку ехать под венец в Киев-град, либо в Муром-град, либо в село Карачарово, но, увы, не поехала поляница, а в свою очередь умоляла возлюбленного кочевать в её королевство.

– Я йиду да за тибя иду в замужесью,  
Ты садись, садись ко мне за короля царить!  
Мне наскучило сидеть жить королевой.

Отмахнулся Илья от королевской чести, ибо ратный долг повлёт святорусского богатыря на пограничную заставу, и, погостив у королевы Латынгорки, оставив возлюбленной изрядно «золотой казны», отошёл на Русь.

Латынгорка тогда-то всё с Ильей же приразъехалась,  
Во слезах-то она же с ним расставаласе.  
С того времени королева вот Латынгорка  
Понесла она в утробы чадо милого,  
Ишше имя его было младой [Сокольник]...

А через год, истомившись в разлуке, Илья посетил возлюбленную, коя уже одарила богатыря малым чадом, в честь Архистратига именованного Михаилом. Вероятно, и в будущем посещал Илья Латынгорку, родившую Илье и дочь, но, похоже, воинские походы в дальние земли, сражения, ранения, излечения со временем затмили жену, увы, так и не обрётшую венца Божия.

Муромские предания жену Ильи Муромца величают: князь-барыня Енгальчева, атаманша разбойничей шайки; но в преданиях да в былинах вольно смещаются, смешиваются века, и жена Ильи уже – Мария Енгальчева, о которой речено в географической книге:

«...Энергичная и отважная княгиня Мария Алексеевна Енгальчева, прославившаяся в 1740-х годах своими разбоями. Она со своими дворовыми была смертным боем и грабила не только соседних крестьян, но и помещиков»<sup>1</sup>.

Но поведём далее речь о Латыногрке, былинной жене Ильи, одарившей богатыря сыном по прозвищу Сокольник, или Сбут Борис королевич, и дочкой; но горечью степной полыни овевяны их отрочества, ибо – внебрачные, крапивные чада, коих злоязыкие дразнили ублюдками (от слова *блуд*), звали сколотами, байстрюками, вырожденками. По былинам, возмужавшие сын и дочь со Златых гор, либо со Святых гор, порешили отомстить отцу за брошенную мать; но битва с дочерью, богатыркой-поляницей, редко поминается в старинах, а вот сражению отца с сыном Сокольником посвящены былины.

Явился Сокольник во Святую Русь и, проезжая мимо богатырской заставы, грозно посулился:

Да и еду я нонь да в стольный Киев-град,  
Я грометь-шурмовать да в стольно Киев-град,  
Я соборны больши церкви на дым спущу,  
Я царевы больши покои на огонь сожгу,  
Я печатны больши книги во грязи стопчу,  
Чудны образы-иконы на поплаву воды,  
Самого я князя да в котле сварю,  
Саму я княгиню да за себя возьму...

Равно и перед битвой с Жидовином казачий атаман Илья Муромец думал думу: пошлю Алёшу Поповича против Сокольника, а у того глаза завидуши, искусит Сокольник златом-серебром, сгинет Алёша понапрасну. Послал Илья Добрыню Никитича, податаманье, да вот беда-бединушка: выбил чужеземный богатырь Добрыню из седла, а потом «...дал он раз да по отяпышу, да прибавил он ещё по алябышу»<sup>2</sup>, и горемычный Добрыня едва ноги унёс. Доспел Илья: лишь ему, старому казаку, по-сильно сразить чужеземца; и поскакал во чисто поле, где узрел Сокольника и коня, яко чудище:

Во чистом то поле видно – кулева стоит,  
У коня из ушей да дым столбом валит,  
Да из глаз у коня искры сыплются,  
Из ноздрей у коня пламя мечется,  
Да и сива де грива да расстилается,  
Да и хвост то трубой да завивается.

Битва Ильи с богатырём Сокольником подобна битве с Жидовином: сошлись две горы, бились при яром солнце, бились при стылой луне; сломали копья, сабли, раскалили палицы добела и сцепились в рукопашную; и вновь, яко в битве с Жидовином, левая нога у Ильи поскользнулась, правая подломилась, и пал богатырь на землю. Вскочил Сокольник на «белы груди» Ильи, выхватил «чинжалище», но взмолился святорусский витязь Царю Небесному и Царице Небесной – силы втрое прибыло. Свалил Сокольника Илья, сел на «черны груди», занёс было кинжал, но вдруг рука в плече занемела: и решил старый казак проведать, «какой земли, какой вотчины» добрый молодец, какого роду и племени да как звать по имени, отчеству. Зло усмеялся Сокольник: мол, будь я сверху, не стал бы выпытывать род и племя, а вспорол бы груди твои белые. Но коль русский воитель настаивал, Сокольник и поведал: вотчина – камешек от Латыря (Златые горы), а мать – Златыгорка (Латиногорка), «поляница да преудалая». Илья в ответ и покаялся:

Уж ты, чадо ли, чадо да моё милое,  
Ты дитя ли моё, дитя сердечное!  
Да съезжались с твоей мы ведь матерью  
Да на том же мы на чистом поле,  
Да и сила на силу прилучилась,  
Да не ранились мы, не кровавились,  
Сотворили мы с ней любовь телесную,  
Да телесную любовь да мы сердечную,

<sup>1</sup> Россия. Полное географическое описание нашего Отечества / под ред. Вениамина Семенова-Тян-Шанского. Т. 6, 1906.

<sup>2</sup> Отяпыш, олябыш – удары, шлепки.

Да и тут мы ведь, чадо, тебя прижили.  
Да поедь ты нынь к своей матери,  
Привези ты ее в стольно-Киев-град,  
Да и будешь у меня ты первый богатырь,  
Да не будет тебе у нас поединщиков.

Ухватил Илья Сокольника, «целует-то в уста сахарны, да ведёт его в тонкий бел шатёр во полотняный», где отец и сын пируют. Но... ели, пили, веселились, а на рассвете прослезились... Вернувшись в родные земли, Сокольник приехал к «маменьке родимой», «и слова со матерью не молвил... взял же копейцё да всё булатное, он сколол же маменьку родимую» да порешил сколоть и отца – «собаку ярыжливу»<sup>1</sup>. Едучи на Русь, Сокольник люто размышлял:

Хоть и съездил я на славну на Святую Русь,  
Так я нажил-то себе посмех великий:  
Этот славный богатырь святорусьский,  
Ай назвал тую мою матку блядкою,  
Меня назвал блядкиным сыном.  
Да убил я теперя да родну матушку,  
Убью я теперя да стара казака,  
Он спит нынь с устатку да с великого.

Вошёл Сокольник в белый шатёр, где однажды с отцом пировал, подкрался к спящему Илье, ткнул копьём бурзамецким в богатырскую грудь, да угодил в «золот чуден крест» с распятым Христом, а посему «копейцо извихнулося», и старый казак пробудился от сна.

«Я тебя породил, я тебя и убью...» – спустя века скорбно молвил казачий атаман Тарас Бульба сыну Андрию, что переметнулся к ляхам, что за красивую полячку предал Землю Русскую. А казачий атаман Илья Муромец ныне расправился с коварным сыном; а потом глянул на сражённого Сокольника, пал на колени и, целуя в стылый лоб, запричитал со слезами:

Уж ты, чадо ли, чадо да моё милое,  
Ты дитя ли моё, дитя сердечное!  
Я сгубил тебя, добра молодца,  
А и грех такой как замаливать...

Но коль «добрый молодец» угрожал Руси: мол, «...соборны больши церкви на дым спущу, чудны образы-иконы на поплав воды», то и не во грех Илье Муромцу содеянное, ибо храбро стоял за православное Отечество. Посему и поётся в Акафисте преподобному Илие Муромцу:

«Всякое естество человеков и Ангелов дивишася зело, егда ты сына единароднаго, Отечеству Русскому изменившаго, пощады не дая, копием заклал еси, да не чинит зла людем православным...» (*Акафист, кондак 9*).

Отряхнувшая прах языческого идолопоклонства, Русь облеклась во Христа, и богатырь Илья Муромец с отрочества – православный христианин, потомственный боголюбец и богомолец. Вспомним ангельское исцеление:

«Разумев Илие, яко исцеле внезапно от недуга своего, первее крест по писаному на себе положи...» (*Акафист, икос 2*).

В христолюбии жили родители Илейки Иван Тимофеевич и Епистимья Олександровна<sup>2</sup>; жили, не тужили, поскольку блюли заповеди Божии:

«Яко во дни, благообразно да ходим, не козлогласований и пианства, не любоддеяний и студоддеяний, не рвеный и зависти. Но облечытесе Господом нашим Иисусом Христом, и плоти угожда не творите похоти». (*Римл. 13–13, 14.*)

От родителей, благочестивых карачаровских крестьян, Илья унаследовал набожность, а посему деяния святорусского богатыря исполнены христианского духа.

---

<sup>1</sup> Ярыжливу – от бранного слова ярыжка, означающее: беспутный человек, пьяница, развратник, голь кабацкая.

<sup>2</sup> В иных былинах – Ефросинья Яковлевна.

# Берега прочтения

## Елена Крюкова

Елена Крюкова – поэт, прозаик, культуролог, литературный критик. Окончила Московскую государственную консерваторию (фортепиано, орган) и Литературный институт им. М. А. Горького. Член Союза писателей России, Творческого Союза художников России, Издательского совета Русской Православной Церкви. Автор книг стихов и прозы. Лауреат премий: им. М. И. Цветаевой (2010), журнала «Нева» (2012), Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2014, 2016, 2019, 2021, 2022, 2023), им. И. А. Гончарова (2015), им. А. И. Куприна (2016), им. Э. Хемингуэя (2017, Канада), Южно-Уральской премии (2017), им. С. Т. Аксакова (2019), им. Ф. И. Тютчева (2020), журнала «Север» (2020), им. Н. Н. Благова (2021), журнала «Берега» (2021), им. С. Сергеева-Ценского (2021), «Молитва» (2021), им. Б. Корнилова (2022), «Есть только музыка одна» (2021, 2022), «Слово и музыка» (2023), им. Н. С. Лескова (2024) и др. Публикуется в литературных журналах России и стран мира (Франция, Германия, Болгария, США, Канада). Создатель авторского «Театра Елены Крюковой». Живёт в Нижнем Новгороде.



## ...ДУШУ СВОЮ ЗА ДРУГИ СВОЯ

Об очерке Анатолия Байбородина «ИЛЬЯ МУРОМЕЦ»



Слава, слава родной Руси!  
Не бывать врагам на нашей земле,  
Не топтать им конями землю Русскую,  
Не затмить им наше солнце красное!

Былина об Илье Муромце и Калин-царе

Писатель Земли Русской Анатолий Байборodin смело обратился в раздумьях своих, в устремлениях к великой нравственной глубине и к великой ратной славе Отчизны, к нетленному, золотом светящему нам в веках образу богатыря Русского Ильи Муромца.

И то сказать, легендарна личность Ильи! Анатолий Григорьевич упоминает с гордостью: «Илья Муромец – крестьянин, воин и монах». Что означают три эти священные ипостаси бытия? Человек – оратай, землепашец: труд на земле и во имя земли, во имя семей, детей и потомков. Человек – ратник: страшный, тяжелейший труд на земле, и опять же во имя жизни на земле – вспахивать поля сражений пиками, копьями и стрелами, поливать земелюшку родимую своею кровью. Человек – аскет и затворник: возносит он в затворе своём молитву Господу, и тем самым молится за всех, кто жив и кто отошёл ко Господу.

И за всех, кто ещё только должен родиться.

Люди на родной земле – зёрна Божии, посеянные глубоко, всходящие во Времени, и ростки начелены в вечность, и листва шумит нынешняя, напитывая воздух целебностью, радостью, чистотой. Вот и Илию Муромца послал Господь на землю, чтобы в его лице увидела Русь высокий пример СЛУЖЕНИЯ.

Служение! Рождённый пахать и сеять крестьянин становится бойцом, богатырём, защитником. Защита – она как молитва: чем горячее и сердечнее, тем яростнее гнев, на врага обращённый, и тем победительнее само тяжкое ратное дело. Тот, кто служит, не помышляет о себе и своём личном успехе; сие есть гордыня, а её одинаково чурается и землепашец, и воин, и инок. Божие, монастырское

служение ждало богатыря Илию Муромца на склоне лет; это предначертанный, традиционный путь русского воина – от звона сабель к звону колоколов, от страшными потоками льющейся людской крови – ко крови Христовой, к потиру со Святыми Дарами: *«Пийте от нея вси, Сия есть Кровь Моя Новаго Завета, яже за вы и за мнози изливаемая во оставление греховъ»*.

О чём говорит любому русскому человеку эта триединая ипостась, это триединое существование Илии Муромца – наследственное, житейское, житийное? О том, что именно в нём, в крестьянине и казаке Илье, а позднее в иноке Илие, воплотился наиболее полный, полноценный и полновесный лик русского человека. Анатолий Байбородин находит для подтверждения этому точнейшие слова:

*«Крестьянин, воин, монах Илья Муромец – русский люд, который крестьянствует, обороняет Русь, усердно молится Христу Богу за спасение родного народа. Не княжич Добрыня, не попович Алёша и даже не князь Владимир Красно Солнышко, а Илья – крестьянский сын, богатырь, святой инок – былинное воплощение и образ русского народа»*.

*Покинув родное село Карачарово, потомственный пахотный мужик на богатырской заставе обратился в казачьего атамана, оборонителя русских земель, защитника вдов и сирот, а на уклоне века Илья – покаянный инок, замаливающий смертные грехи, скопленные в казачьей вольнице. В старости же Илья – святой, в Земле Российской просиявший, чьи нетленные мощи покоятся в Антоничевой пещере Киево-Печерской обители»*.

*Киевские богатыри величали Илью старый казак, а Господь и ссудил-то святорусскому богатырю сорок пять лет, из коих тридцать “сиднем сидел”, а пятнадцать сражался против супостатов за сирот и вдов, за веру христианскую. Впрочем, по иному суждению, преподобный Илья Печерский, он же Илья Муромец, прожил долгий век и почил святым старцем...»*

Недаром Илья Муромец носит имя брата всем грозам и громам небесным – Ильи Пророка; Ветхий Завет неоспоримо предъявляет нам образ Илии Пророка, катящегося по небу в ослепительной огненной колеснице, а колесница та – символ-знак и Божиего наказания за грехи твои, и обличье небесного Огня, из коего всё родилось, всё начало быть (огнь есть Свет!), и намёк на стрелы огненные, что летят, поражая любого врага, любого супостата. Илья Пророк – живой символ грядущего прихода Бога Единого, и недаром его Огонь, его Свет – это природа звёзд, испускающих вечные лучи.

Таков и Илья Муромец: он защищал родимую землю от врага, внутри себя опираясь на силы Небесные. Анатолий Байбородин так говорит о Силах Бесплотных, предводителем коих является архистратиг Михаил:

*«В поэтическом воображении русского крестьянина (а Россия держава крестьянская...) былинный богатырь Илья Муромец причудливо сближался и с Илией, ветхозаветным пророком, поскольку оба воителя сражались с холопами князя тьмы. Илья Муромец и похож на Илью Громовержца: “На огненной колеснице могучий седой с грозными очами разъезжает из конца в конце по беспредельным небесным полям, и карающая рука его сыплет с надзвёздной высоты огненные каменные стрелы, поражая испуганные сонмы бесов и преступивших Закон Божий сынов человеческих” (С. Максимов)»*.

*Старый казак Илья Муромец, воин Христов, защищал от супостатов и нахвальщиков не князя Владимира Мономаха, но русское простолюдые; оборонял Святую Русь под Покровом Царицы Небесной и под крылом Михаила Архангела – Ангела Земли Русской...»*

Вернейшее упоминание звучит в тексте Анатолия Григорьевича – о соборности!

Что есть соборность для русского православного человека? Православие о соборности неустанно говорит. Соборность, единство под куполом веры и любви – это лишь Православию истинному при-суще. И это великое чувство единения, общей молитвы наделяет нас недожинной силой. Той силой, что необходима воину, вставшему на защиту родной земли; той силой, что потребна монаху, ежечасно молящемуся за мир, процветание и спасение от супостата возлюбленного Отечества. И эта же сила ожидаема крестьянином в разгар страды – посевной, жатвы, сбора урожая.

Общая молитва! Соборно, небесно звучит она. В соборности не только сила единства, связь крови и Духа. В соборности ещё и нежность. Забота. Благодать и благодать. Любовь. *«Больше сия любви никтоже имать, аще кто положит душу свою за други своя»* (Евангелие от Иоанна, глава 15, стих 13). И как всеголосая, всесердечная молитва под расписанным звёздами небесными огромным куполом храма, пред очами Христа Пантократора, звучит голос писателя Земли Русской, говорящего нам всем о том, что забывать нельзя, что возлюбить надобно всем сердцем своим и всей жизнью своею:

*«Покаянное поклонение национальным святыням для русских – братины святой воды, кою по велению православных старцев, калик переходжих, испил былинный Илья Муромец, – испил и почуял не токмо силу телесную, а и духовную – неборимое желание постоять “за веру... да Христовую... за церкви да за соборные” и за братьев и сестёр во Христе...»*

Святое слово, обращённое всей народной жизнью к облику Ильи Муромца, – **богатырь**.

В памяти народной Илья был и остался богатырём.

Что есть богатырь на Руси, для Руси? В первую очередь это тот воин, что хранит границы. Род, племя, народ, княжество, царство, земля, что кормит и поит людей – всё это безмерно любимо, и всё это надо беречь, охранять. *«Кто с мечом к нам войдёт, от меча и погибнет»* (легендарные слова князя Александра Невского). На знаменитом полотне Виктора Васнецова «Три богатыря» наш взор надолго останавливается на могучей фигуре чернобородого казака – Ильи Муромца, сидящего в центре композиции на сильном красивом вороном коне. Конь здесь – тоже весьма мощен, и да, сей конь под богатырём – неоспоримый знак непобедимой воинской мощи. Доколе ТАКИЕ воины встают грудью на защиту Родины – она неодолима. Не разобьёт её никакой коварный враг.

Могучий конь, могучий казак... А что главное? Что главенствует и царит над внешним ярчайшим выражением силы?

Дух. Духовная сила – высочайшая сила. Работа сильного чистого Духа – высшей золотой пробы работа. Таков был дух Ильи Муромца, и именно он направлял его в битве, именно он ковал его внешний облик и внутренний портрет, и русский богатырь, в лице Ильи Муромца, на глазах современников становился легендой – легендой силы жизни, обращённой в силу сердца. Вот где секрет бытия Православного богатырского духа! И Анатолий Байбородин находит единственно верные, ярко, нетленно горящие слова для обозначения этого поля духа, пространства духа, сравнимого с бескрайней русской равниной, с безбрежными степями, с бездонным, огромным куполом русского неба, воздымающегося над родною землёй:

*«Православный богатырский дух. Един Бог без греха, и русские богатыри, даже согрешая и каясь, – истинные христиане, одолевающие врагов не столь богатырской силушкой, сколь православным духом. Воистину, не в силе Бог, но в правде, а правда за святорусскими богатырями, ибо не разоряли чужеземье ради из беснования и ради наживы, но сокрушали басурманов, обороняя земли русские от вражеских набегов.»*

*Осадил Киев Батый-царь сын Батыевич с несметным полчищем, грянул поганый хан Мамай, помрачилась Русь печалью, и, яко перед всякой сечей, святорусский богатырь Илья Муромец призвал крестовых братьев под колокольный звон:*

*Уж вы ой еси, русские богатыри!  
Надо нам идти во Божью церковь,  
В Божью церковь Богу молитися,  
Помолитися Спасу-Вседержителю,  
А затем пресвятой матери-Богородице,  
А затем и Миколе-то святителю,  
Ой, помолитися, благословитися...»*

Анатолий Григорьевич касается, внутри раздумий своих, и образа былинного Ильи Муромца, и, наверное, былинный герой отличается от исторического. Чем славна былина? Былина – это ведь песня, легенда. А былль об Илии Муромце прекрасней любой легенды. Однако народу дорога легенда. Она, песенным широким складом своим, разливом вольного, неугасимого стиха своего рисует нам ту картину, что остаётся в памяти заоблачной высотой, мощным полётом облаков, грозовых туч в зените, размахом ржаного поля в синих искрах васильков; легенда – жизнь небес, плоть и кровь – жизнь земли, а между ними – молнии великих сражений летают, ударяют. Огонь землю и небо крепко связывает. И песня былинная, бывает, тоже пламенно звучит.

А ведь былина обращена к незапамятной старине. К баснословной древности. Прарусские корни в былине видны. Прапамять во стихах былинных оживает. И пока звучит, внятная нам через столько сотен лет, эта древняя музыка, мы можем понять, почувствовать, как же важно было в те времена русскому человеку осознавать себя, через песню, частью сказания. Предания. Легенды. Мифа. Архетипа.

Глубинно размышляет Анатолий Байбородин над феноменом русской былины, давая нам понять, как смешивались в былинных распевах язычество и христианство, как изо всех сил русский человек сохранял поклонение Матери-сырой-земле, а наряду с ней целовал свой нательный крест перед смертным боем... Высота былинной песни! Высота былинной битвы! Что из них есть реальность? Что кануло во тьму времён? Для нас они живы. Торжество Христа несомненно и утвердительно: над русским воинством, идущим на вражину-супостата, колышутся, полощутся на пронизывающем ветру знамёна, хоругви с ликом Спаса Нерукотворного, с ликом Пресвятой Богородицы, «тёплой Заступницы мира холодного» (М. Ю. Лермонтов):

*«...может, под крестом святого апостола Андрея Первозванного... в отпахнутом белом шатре восседали за братчинным столом князь Владимир и богатырская дружина, вздымая кубки хмельного мёда, поминая былые битвы. А гуслиар под серебряный звон гуслей пел старины о великом полководце, князе Святославе Игоревиче, о святом Владимире, крестившем Русь, о Владимире Мономахе и киевских богатырях.*

*Но жаль, не дожили до нынешних времён первозданные былины, что рождались в душе, воображении и на устах вещего бояна. Увы, ведомы лишь былины, от сказителей записанные народами в позапрошлом веке да на рассвете прошлого; и русское мировоззрение сих веков, похоже, отразилось на слове и духе былин.*

*Мировоззрение былинного Ильи, увы, могло и не совпадать с мировоззрением преподобного Илии Печерского, карачаровского мужика, казачьего атамана и Киево-Печерского монаха, поскольку образ былинного Ильи зависел от духовных воззрений сказителей, кои либо обладали ясным православным духом, либо смешивали веру с языческими суевериями, либо вовсе жили без Бога и царя в голове...»*

А ведь в былинах – именно в них! – даются ответы на многие вопросы даже самого хода жизни, или, как бы нынче сказали, биографии Илии Муромца: вот Илья испрашивает благословения у родителей, и мы, внутри песни, можем наблюдать почти воочию эту проникающую в самое сердце сцену, когда набожный родитель, Иван Тимофеевич, благословляет сына на ратные подвиги и наставляет его, раскрывая ему своё любящее сердце, а матушка, Евфросинья Яковлевна, тоже вносит свою благословляющую лепту, призывая сына к милосердию, к духу помощи, к благородству воинскому. Это есть сохранённая в былинах летопись ДОБРА; над этим явлением стоит призадуматься – русский воин всегда был, есть и будет не носителем зла и ненависти, а носителем доброты и защитником справедливости в бурном людском море:

*«– Ох ты, гой еси, родимый, милый батюшка!  
Дай ты мне своё благословеньице,  
Я поеду во славный, стольный Киев-град,  
Помолиться чудотворцам киевским,  
Заложиться за князя Владимира,  
Послужить ему верой-правдою,  
Постоять за веру христианскую».*  
*Отвечает старый крестьянин,  
Иван Тимофеевич:  
– Я на добрые дела тебе благословенье дам,  
А на худые дела благословенья нет.  
Поедешь ты путём-дорогою,  
Ни помысли злом на татарина,  
Ни убей в чистом поле христианина.*

*<...> – А уж поедешь ты ли, чадо наше милое,  
А ты во славный да ли во Киев-град,  
А не кровавь сабли востроей,  
А не сироти-ко ты да малых детушек,  
А не бесчести-ко ты да молодых жон».*

Теснейшая связь Ильи Муромца со Господом, со светом чистой и сильной веры Христовой не раз ясно и ярко звучит в былинах, и Анатолий Григорьевич вспоминает эти единственные слова, давая нам понять самое главное: наш знаменитый богатырь встал грудью за Православную Русь, а значит, за Бога Христа Самого. Вот что важно. Бесценно. Анатолий Байбородин благоговейно берёт в руки, сложенные в горсть, как в чашу, святой огонь, горящий в веках, и, вспоминая бессмертные слова былины, передаёт, протягивает этот негасимый огонь – нам:

*«Я за веру стоял да Христовую,  
Я за церкви стоял да за соборные...  
Я за землю стоял святорусскую,  
Да за бедных вдов, за сирот малых...»*

*А супостаты, искушаемые дьяволом, с древних лет ненавидели Русь, яко ненавидели иудейские книжники, фарисеи и первосвященники Христа Бога, и христиан, исповедующих Сына Божия, и лелеяли дьявольскую мечту сокрушить Православную Русь...»*

Иной раз битва ведь и смертная бывает. Не из всякой битвы богатырь живым возвращается. Писатель напоминает нам, что *«...дважды Илья Муромец падал сражённный – в битве с Жидовином и Сокольниковом, и дважды по молитве Господь добавлял Илье богатырской силы, и русский воин сокрушал врага.*

*Говорит Илья таковы слова:  
“Написано было у святых отцов,  
Удумано было у апостолов:  
Не бывать Илье в чистом поле убитому;  
А теперь Илья под богатырем!”  
Лежучи у Ильи втрое силы прибыло...»*

\* \* \*

Сила духа. Сила тела. Как они воссоединяются? Конечно же, Дух изначален. Дух веет, где хочет. И воин, что грандиозен и несокрушим в бою, обладает важнейшими христианскими добродетелями – смирением и терпением, а ещё, понятно, стоящею рядом с ними кротостью (*«Блажени кротцыи, яко тии наследят землю...»* – Евангелие от Матфея, глава 5, стих 5).

И былины, и народные песни, и сказания, дошедшие из мглы веков до нас, повествуют о том, что Илья Муромец был не только смелым, храбрым бойцом, но и милосердным человеком. Милосердие! Через громадную чистую, речную линзу жизни Ильи Муромца мы видим милосердие, наряду с храбростью, как незыблемую внутреннюю установку русского воина. Милосердие – ещё одна добродетель, исток этой широкой реки идёт от Христа Бога, и во фрагменте своих раздумий о легендарном богатыре Анатолий Байбородин упоминает об этой черте характера богатыря радостно и назидательно: помните, люди, рядом с войной и страдальной кровью её, слишком рядом, близко, лежит светлый упованный Мир!

*«В дружине князя Владимира Илья Муромец – мужище-деревеничина, а мудрее и храбрее прочих витязей, да и по-христиански милосерднее. Дабы поладить миром, обойтись без кровопролития, миротворец Илья вёл переговоры с Калин-царём ...очевидно, половцем... и просил того не осаждать Киев.*

*И поверженных святорусский богатырь жалел да, бывало, и отпускал с Богом. Помнится, в Диком поле Збута Борис-королевич, родич «короля Задонского», пришпорив коня, коршуном бросился на Илью Муромца: стрельнул в грудь из тугого лука, а богатырю, словно укус комара. Иной витязь трижды бы кинул врага в небеса и дважды поймал либо вонзил кинжалище в чёрные груди, но благодушный Илья пожалел королевича:*

*Не бьёт палицей тяжкою,  
Не вымает из налушна тугой лук,  
Из колчана колону стрелу,  
Не стреляет он Збута Бориса-королевича...»*

Сопоставим это с бессмертными стихами Александра Сергеевича Пушкина:

*...что в мой жестокий век восславил я свободу  
И милость к падшим призывал...*

«Милости хочу, а не жертвы!» (книга пророка Осии, глава 6, стих 6) – эта Ветхозаветная максима как нельзя более подходит ко всем ратным деяниям Илии Муромца. Да, он сражается! Но и милует. Он разит, защищая! Но не убивает напрасно, из злобы или военного безумия, опьянения схваткой.

И ещё Илья Муромец щедр. Он собирает завоёванное добро, золото и драгоценности, и отдаёт его нищим людям («...И собирал тут добрый молодец всё злато это серебро / И раздавал это злато-серебро по нищей по братии; / И раздал он злато-серебро по сиротам да бесприютным...»). Разве это не величие мощного духа?! Разве это не безоглядная щедрость любящей души, сердца, чуткого к чужой беде, ежеминутно готового помочь, обогреть, напитать, поддержать?!

В этом – весь русский человек. Весь его характер. То, что ему от века врождено. Заповедано. Его отличительная святая черта. В этом – движение русского воина, одарённого милостью и чувством взаимопомощи, ко Священному Писанию, ко Святому Благовествованию; и даже то богатство, которое старый Илья находит на дороге, где «богату быть» (именно по этой дороженьке поехал старый воин на коне своём от судьбинного Алатырь-камня...), он обращает во храм, зачиная строительство храма Божиего как достойное завершение собственного жизненного пути. Какие же пронзительные, торжественные и горящие солнечной любовью строки былины, звуки нашей древней песни, звенят над нами в родном пространстве-времени!..

Вслушаемся – именно её приводит нам в своих писаниях Анатолий Григорьевич Байбородин...

*«Едет старик по чисту полю,  
Заехал ли стар во темны леса.  
Стоит тут погреб золотой казны:  
Повыкатил казну да Илья Муромец,  
Нанял хитромудрых плотников,  
Построил он церковь соборную  
Святителю Николе Можайскому  
Во славном во городе во Киеве.  
Сам заехал во пещеры во глубокие,  
Тут Илья уж преставился,  
Поньне его мощи нетленные!  
Да к тому-то стиху и славу поют!»*

...Славу поёт и наш писатель Анатолий Байбородин святому иноку нашему, русскому богатырю Илии Муромцу. Недаром эпитафией к своему исследованию он берёт слова из древнейшей былины об Илии: «Я за веру стоял да Христовую, / Я за церкви стоял да за соборные». Дай-то бог, чтобы не истаяла в грядущих веках наша любовь к св. Илии. Дай, Господи, чтобы жизнь наша освещена и освящена этим солнцем была: солнцем воинским, солнцем крестьянским (= христианским!..), солнцем иноческим, монашеским.

Слава в веках Илии Муромцу.

Слава писателю, прошедшему стезёй творчества и добра.

Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и ныне, и присно, и во веки веков. Аминь.



# Берега прочтения

## Наталья Дутко

*Наталья Петровна Дутко – учёный-педагог, литературовед и публицист, кандидат психологических наук, доцент кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета (МПГУ). Член Союза писателей России (с 2013 года) и Российского общества преподавателей русского языка и литературы (РОПРЯЛ). Автор учебных пособий по русскому языку и литературе. Её научные статьи регулярно публикуются в научных журналах.*

*Сфера научных и творческих интересов охватывает актуальные процессы литературы XXI века. Она является автором литературоведческих статей, посвящённых творчеству писателей, чьи произведения отражают духовные искания и традиции русской словесности (В. А. Иванов-Тоганский, Е. В. Чебакин и др.).*

*Как публицист Наталья Петровна выступает с острыми статьями на темы духовно-нравственного воспитания, сохранения национальной идентичности и русских корней в современной литературе, поднимая вопросы преемственности культурных традиций. Её перу принадлежат материалы, исследующие феномен «литературы как учительства» и роль писателя в формировании мировоззрения молодого поколения.*

*Многогранная деятельность Н. П. Дутко, отмеченная ведомственными наградами («Отличник народного просвещения», «Почётный работник общего образования РФ»), служит интеграции науки, образования и живой литературы для духовного возрождения и укрепления гражданского общества в России.*



## РОМАНС РАДИ ЖИЗНИ – ФОРМУЛА ВЫЖИВАНИЯ

*(по роману В. А. Иванова-Тоганского «Романс олигарха»)*

В. А. Иванов-Тоганский – это современный прозаик, пишущий на стыке психологической глубины и социальной остроты. Он не просто рассказывает истории, он продолжает дело классиков, перенося их извечные вопросы (совесть, долг, любовь, смысл бытия) в декорации сегодняшнего дня: олигархические особняки, геополитические кризисы и публичные скандалы.

Его можно назвать бесстрашным диагностом эпохи. Он не боится заглядывать туда, где личная трагедия переплетается с грохотом новостных лент, а семейная ссора оборачивается корпоративным аудитом. Иванов-Тоганский не пишет абстрактных притч, он вскрывает реальные механизмы: как работает власть, как деньги влияют на человеческие связи, как в мире, где всё продаётся, всё равно остаётся место для подлинной боли и любви.

Особый интерес писателя – психология сильных мира сего. Он показывает элиту не с парадного фасада, а через чёрный ход, их страхи, унижения, бездетность, предательства. При этом он не упрощает реальность до чёрно-белой схемы «злые богатые / бедные хорошие». Напротив, его герои – живые, мятущиеся, способные и на подлость, и на прощение.

Стиль Иванова-Тоганского – это точность хирурга. Каждая деталь (марка ружья, название фирмы, политическая реплика) выверена и работает на общий замысел. Но за этой фактурой всегда стоит человек, растерянный, виноватый, пытающийся спасти хотя бы видимость семьи.

В. А. Иванов-Тоганский – писатель, для которого литература – не развлечение, а способ понять время через судьбу одного человека, российского миллиардера Бориса Заварюгина.

Автор начинает вторую часть романа с сообщения о самоубийстве Романа Мамонта.

Писателю нужен был катализатор, чтобы вытащить наружу всю эту психологическую накипь и обозначить рубеж, после которого герои не могут вернуться к прежней жизни. До выстрела всё было поправимо: Заварюгин мог развестись; Алиса могла простить или отомстить иначе; Настя могла уйти от Романа. Но после выстрела обратного пути нет: Заварюгин теперь навсегда связан с Настей чувством вины и долгом перед покойным; Алиса из обманутой жены превращается в потенциальную мстительницу; Настя становится вдовой – новая социальная роль, новые обязанности. Начиная с этого эпизода, автор говорит читателю: «Всё, что было раньше, – это прелюдия. Настоящая игра начинается сейчас».

Иванову-Таганскому нужно было, чтобы читатель с первых строк второй части потерял равновесие. Шок персонажей он передаёт читателю.

Этот приём находит отражение и в хронотопе, который построен по принципу сужения, от открытого моря (яхта в Гётеборге) к закрытым пространствам, где разыгрываются главные драмы.

Давайте рассмотрим эти пространства. Яхта «Берта» – пространство-ловушка, символ мнимой свободы. Именно здесь происходит самоубийство Мамонта, разоблачения и рождение мести. Кабинет Заварюгина на Рублёвке – сакральное место власти. Алиса превращает его в будуар и штаб мести; сцена с кедами Абалкина и карабином превращает кабинет в поле битвы. Больница Бартлетта (Аляска) – лиминальное пространство, пограничье между жизнью и смертью. Кома Заварюгина длится ровно столько, сколько нужно, чтобы все связи перепутались: Настя уходит, Алиса рождает его детей. Здесь время останавливается, чтобы потом дать шанс на новое время.

Новое время начинается со снежной Москвы, которая напоминает чеховский зимний пейзаж, это демонстрация автором очищения. Снег идёт, когда Заварюгин едет встречать жену с двойней – это образ покрова, дающего шанс на новую жизнь.

Борис Заварюгин – архетип «русского европейца», который через физическую травму (шрамы от медведя) обретает нравственное зрение. Он меняет весь гардероб в Джуно, покупает серые очки, бейсболку с сеткой, буквально скрывает прежнего себя. После комы он не мстит, не требует, а идёт к Алисе с крестиками для детей. Это путь от «акулы капитализма» к «человеку, который прилепится к жене».

Алиса Заварюгина – самый сложный персонаж. В ней уживаются истеричность Настасьи Филипповны, гордость толстовской Анны и живучесть чеховской Раневской. Ее рыжие волосы (рецессивный ген, «две копии») подчёркивают её инаковость в семье. Сцена у бассейна – голая, пьяная, беспомощная – это момент тотального падения, после которого она и решается на месть. Но ДНК-тест превращает её из мстительницы в жену. Финальная деталь – она дрожит при виде шрамов мужа, это не брезгливость, а узнавание *общей боли*.

Настя Мамонт, или Анти-Алиса. Мягкая, талантливая, несамостоятельная. Она оставляет золотую карту Заварюгина на крышке пианино – это символический жест: «Я не твоя вещь». Но её жизнь с Сэмом после аборта показана пунктиром – автор явно её осуждает. Она не злодейка, но «женщина, которая не выдержала испытания любовью».

Композиция 2-й части романа циклическая: от скандала на яхте к скандалу на Рублёвке, от комы на Аляске к выписке из роддома. Автор использует приём ретардации (замедления), между катастрофой (самоубийство) и развязкой (рождение детей) проходят месяцы, наполненные аудитами, стройками бункеров, турнирами, охотой и комой. Текст буквально соткан из культурных кодов: прямые цитаты – А. С. Пушкин («презирать отечество»), библейское «прилепится к жене» в финале, слова Высоцкого, перефразированные Заварюгиным («я вернулся к друзьям и мечтам»). Скрытые аллюзии – эпизод с медведем на Аляске отсылает к охоте в «Анне Карениной» (Левин) и одновременно к мифу о «русском медведе», которого пытаются убить, но он выживает. Памятник Гедде (реальная фигура), опера «Волшебная флейта» в финале – всё это работает на создание ауры *большого стиля*, в котором живут герои, даже когда падают на дно. Романс «Женщина в окне», который звучит в начале и в финале (в исполнении самого Заварюгина), становится *лейтмотивом* всей дилогии. Он обрамляет историю, придавая ей законченность.

Да, безусловно, тема семейная является здесь не просто одной из многих, а стержневой, системообразующей. Всё многослойное повествование – бизнес, политика, светские скандалы, охота на Аляске, кома – вращается вокруг семьи, её крушения и попытки возрождения. В русской классике

(особенно у Толстого и Достоевского) семья редко бывает тихой гаванью. Чаще это арена, где сталкиваются эго, амбиции и оскорблённые чувства. Здесь то же самое.

Брак Заварюгина и Алисы – это не союз, а многолетняя осада. Главный конфликт не в измене, а в бездетности как приговоре. Десятилетия репродуктологов, унижительные походы по врачам, взаимные обвинения – это семейная драма высшего порядка.

«Клан Комисаровых» – это «большая семья» как машина давления. Бабушка не просто свекровь, а хранительница родового достоинства. Её фраза *«имя Емельяна Николаевича Комисарова я вам компрометировать не дам»* – это голос семейной чести, для которой личное счастье членов семьи вторично. Классическая семейная тема – столкновение долга и чувства. Заварюгин – Настя – Алиса. Это зеркальный вариант толстовского треугольника. Но автор переворачивает привычный сюжет: именно «незаконная» беременность Насти оказывается той правдой, которая взрывает мёртвый брак. Алиса – Заварюгин – Абалкин. Мечь Алисы через связь с охранником – это её семейный бунт. Интересно, что даже здесь семейная тема доминирует: Алиса, забеременев от Абалкина (как она думает поначалу), немедленно встраивает эту беременность в семейную войну, а не в новую любовь.

Вся первая часть конфликта (бесплодие Алисы) и вторая (беременность Насти) – это поиск ребёнка как смысла существования семьи. Заварюгин, узнав о беременности Насти, восклицает: *«Наконец, у меня будет ребёнок, полное доказательство моей полноценности!»* Это крик человека, для которого семья без детей – пустая форма.

Финал с двойней и ДНК-тестом – апофеоз семейной темы. Чудо (беременность Алисы от мужа) разрешает все конфликты. Не адвокаты, не бизнес, а рождение сына Бориса и дочери Вики склеивает разбитую семью. Крестики, которые Заварюгин вешает на кровати, это не религиозный жест, а семейное таинство. Это, пожалуй, главный признак «семейной мысли» в толстовском ключе. У Толстого рождение детей – высшее оправдание брака и единственное, что примиряет героев с жизнью (Левин и Кити).

В романе есть прямые отсылки к хрестоматийным семейным сценам классики. Сцена в кабинете Заварюгина (Алиса при Абалкине переодевается перед мужем) напоминает кошмарные семейные «надрывы» Достоевского. Разговор Заварюгина с бабушкой о разводе – это почти чеховская сцена, где «семья рушится, а все пьют чай». Финал, где Заварюгин поёт романс «Женщина в окне» и идёт навстречу Алисе, – это прямая иллюстрация к библейскому *«оставит человек отца своего и мать... и будут двое одна плоть»*. Семья здесь предстаёт как судьба, от которой не уйти даже олигарху.

Слово «романс» как песня о главном, ради жизни, которую герои едва не потеряли среди денег, интриг и мнимой свободы. В финале дилогии романс «Женщина в окне» звучит уже не как знак разлуки, а как гимн преодолению, Заварюгин поёт его сам, возвращаясь к Алисе и детям. Так автор переплавляет жанр светского романса в философию спасения: через боль, падение и кому, к простому «прилепится к жене».

В. А. Иванов-Тоганский предстаёт как глубокий, мыслящий автор, который использует жанр современного романа для того, чтобы задать вечные вопросы. Он берёт классическую русскую литературную традицию, исследование «души» героя, и применяет её к самому, казалось бы, недушевному персонажу – российскому капиталисту начала XXI века. Это и есть его главный замысел: доказать, что даже за бронёй «гранд-мерседеса» бьётся сердце, способное страдать, любить и каяться. А «романс ради жизни» становится не просто названием – формулой выживания в эпоху, когда цена любви измеряется уже не деньгами, а готовностью начать всё с чистого листа.



# Берега прочтения

**Лидия Довыденко**

*Главный редактор журнала «Берега»*

## **ДУХОВНЫЕ ИНТОНАЦИИ ЖУРНАЛА. ПРЕЗЕНТАЦИЯ № 1 (71)-2026**

25 апреля 2026 года библиотека имени космонавта А. А. Леонова в Калининграде заполнилась читателями и авторами свежего номера журнала «Берега», чтобы мысленным взором и чуткой душой охватить смыслы, противостоящие какой-то отчаянной бессмыслице и пустоте в мире, чтобы в небольшом временном пространстве за каких-то 1,5 часа сердцем ощутить единство собравшихся вокруг идей нового журнала об Отечестве и человечестве.

Безбрежная благодарность литературно-музыкальной студии Александра Николаевича Васина-Макарова из Москвы за чудесное видеоприветствие, исполнение гимна «Подыдемся наверх!», за четырёхтомник «Онтология русского лиризма», за стихи Александра Васина-Макарова, опубликованные в рубрике «Берега памяти».

Также мы говорили на презентации о статье Нины Волченковой, опубликованной в память о поэте Сэде Вермишевой, духовная интонация которой звучит в её стихотворении «Раньше было не так», положенном на музыку и исполненном Александром Романовым. Такой проникновенный путь из Брянска до Калининграда.

Благодарим поэта Владимира Фадеева, приславшего видеоприветствие с добрыми словами о редакции журнала, наполнившего чуткой тишиной зал презентации стихами «Берега, берега, берега».

Большое благодарное слово прислала нам Наталья Петровна Дутко, учёный-педагог, литературовед и публицист, кандидат психологических наук, доцент кафедры методики преподавания литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета (МПГУ), автор критических статей о романе Валерия Иванова-Таганского «Романс олигарха», а также о мощной книге прозаика Евгения Чебакина из Саратова «Ковчег для Третьей мировой». Два прозаика, каждый по-своему с позиций русского писателя говорят о мире, войне, об отдельном человеке и его противостоянии или беспомощном согласии перед надвинувшейся над человечеством угрозой цифрового рабства.

### **Дутко Наталья Петровна:**

Пишу Вам не как просто читатель, а как человек, для которого Ваш журнал стал настоящей отдушиной и путеводной звездой. В наш стремительный, хаотичный век, когда поток информации часто напоминает мутную реку, Ваш журнал для меня – словно глоток кристально чистой родниковой воды.

Хочется сказать Вам огромное спасибо за своевременность. Удивительно, но каждый раз, когда я открываю новый номер, нахожу в нём именно те слова, которые мне необходимо было услышать именно сейчас. Статьи на злобу дня при этом лишены сиюминутной суеты, они наполнены глубоким пониманием происходящего.

Но главное богатство Вашего журнала – это, конечно, его духовный стержень. В нём нет пустых советов или поверхностных лозунгов. Каждая публикация, от интервью до поэтической подборки, пронизана теплотой, мудростью и уважением к личности. Читая его, словно становишься лучше, чище, учишься видеть прекрасное в простых вещах и находить опору внутри себя.

Спасибо вам за то, что, несмотря на все трудности издательского дела, Вы сохраняете это удивительное качество – умение говорить о важном без пафоса, а о вечном – современным языком. Желаете Вашему журналу долгой жизни, благодарных читателей и неиссякаемого вдохновения! Вы делаете мир добрее.

*С искренней признательностью и теплом, Наталья Дутко*

Жителям Калининградской области важно не пройти мимо юбилейной даты – 80-летия её образования. Мы уже в текущем году провели литературно-музыкальные встречи, посвящённые драматическому театру и актрисе Кире Николаевне Ивановой-Головко. Состоялась встреча с четырёхжды чемпионкой мира по бегу на дальние и сверхдальние дистанции Ириной Реутович; моя лекция к 140-летию поэта Николая Гумилёва, воевавшего в Первую мировую войну на территории нашего края. И не случайно так пристально внимание к повести Олега Опекунова «Переселенцы», где речь идёт о его родителях и других родственниках, прибывших в Калининградскую область после окончания Великой Отечественной войны, поднимавших край на своих плечах, восстанавливая сельское хозяйство и промышленность.

Информационная насыщенность привлекает всегда читателей в произведениях капитана 1 ранга в отставке Михаила Демьяновича Поленка, автора десятков книг, посвящённых освобождению территории Восточной Пруссии, разведывательным операциям в военное время и операциям спецназа после окончания войны.

Знают в Янтарном крае талантливого поэта и исполнителя, барда Вадима Новожилова, стихи которого украсили новый номер журнала «Берега», а на презентации он спел под гитару песни, посвящённые 80-летию Калининградского зоопарка, в котором после войны выжило только четыре животных, и какие добрые слова нашёл Вадим для раненого в 1945 году и вылеченного русским солдатом бегемота Ганса.

Завершило нашу встречу выступление духовно одарённого писателя и музыканта Льва Вылегжанина, композитора и исполнителя прозвучавшей песни «Калининградский вальс» и автора лирического эссе «Мандариновый закат» о море и о любви, о светлых чувствах в день Христова Воскресенья. Профессиональное чтение, красивый тембр голоса очаровали всех нас, и как неожиданно, но так необходимо прозвучало из уст Льва в эти пасхальные дни: «Христос воскрес!» И мы дружно ответили: «Воистину воскрес!»

Благодарю за выступления Александра Герасимова, Анатолия Мартынова, Александра Винокурова, Ованеса Манасяна, Наталью Квеселевич, Владимира Сорокина, а также коллектив библиотеки под руководством Ларисы Пшеницыной – за помощь и гостеприимство.

Наша признательность за фото – Елене Чепинога, за видео – Виталию Приходько.

Журнал на сайте: <https://dovydenko.ru/>

Видео: [https://vk.com/ldovydenko?z=video147443141\\_456239187%2F99ce041877738e1971](https://vk.com/ldovydenko?z=video147443141_456239187%2F99ce041877738e1971)



*Общее фото презентации*

## Наши друзья

---

---

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>  
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>  
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>  
Союз писателей Беларуси: [www.oo-spb.by/](http://www.oo-spb.by/)  
Литературный журнал «Наш современник»: [nash-sovremennik.ru](http://nash-sovremennik.ru)  
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>  
Журнал «Воин России»: [voin-rossii.ru](http://voin-rossii.ru)  
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)  
Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>  
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>  
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»  
Журнал «Сибирь», Иркутск  
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>  
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк  
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов  
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно  
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>  
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин  
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>  
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига  
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс  
Журнал «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага  
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздня, Вильнюс  
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас  
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет  
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень  
Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан  
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>  
Литературный журнал «Жемчужина», гл. ред. Тамара Малеевская, Австралия: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>  
Электронный журнал «ЛИТЕРА», гл. ред. Владимир Фёдоров  
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: [izdat.su](http://izdat.su)  
Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной  
Журнал «Невечерний свет», гл. ред. Владимир Хохлев: [vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html](http://vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html)  
Альманах «Под часами», Смоленск  
Журнал «Клазура», гл. ред. Д. Г. Плынов

### О приобретении журнала

Поддержка и приобретение журнала «Берега»  
осуществляется перечислением на карту Сбербанка по номеру телефона 89118630467.